

СТИВЕН КИНГ

Пост сдал

Annotation

В больничной палате номер 217 пробудилось нечто ужасное. Нечто, скрывающееся внутри Брейди Хартсфилда, одержимого маньяка по прозвищу Мистер Мерседес. Хотя он по-прежнему не в состоянии говорить и двигаться, его сознание бодрствует.

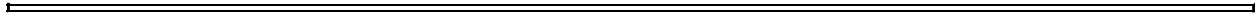
Но кто способен даже на мгновение предположить, что за потрясшей город серией таинственных смертей стоит беспомощный теперь преступник? Разве что коп в отставке Билл Ходжес, которому дважды доводилось иметь дело с Мистером Мерседесом. Наступает момент, когда он понимает: Зло, таящееся в глубинах сознания этого монстра, приняло совершенно особую форму.

Как же остановить убийцу, вышедшего за грани возможного для обычного человека?..

- [Стивен Кинг](#)
 -
 -
 - [10 апреля 2009 г.](#)
 - [Буква «ЗЕТ»](#)
 -
 - [Брейди](#)
 - [Черноватая](#)
 -
 - [Библиотечный Эл](#)
 - [Badconcert.com](#)
 -
 - [Князь самоубийств](#)
 - [«Рога и шкуры»](#)
 -
 - [Позже](#)
 - [От автора](#)
 - [От переводчика](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

Стивен Кинг

Пост сдал. Мистер Мерседес-3

Stephen King
END OF WATCH

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King, 2016

© Перевод. В. А. Вебер, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Посвящается Томасу Харрису

*Найду пистолет,
В комнату с ним вернусь.
Пойду найду пистолет —
Или ружьем обойдусь.
Ты знаешь, лучше уж сдохнуть,
Чем петь этот суицид-блюз!^[1]*

«Cross Canadian Ragweed»^[2]

10 апреля 2009 г.

Мартина Стоувер

Предрассветный час – самый темный.

Это замшелое высказывание пришло на ум Робу Мартину, когда «скорая», за рулем которой он сидел, катила по Аппер-Мальборо-стрит в сторону подстанции, расположенной в Пожарном депо номер 3. Он решил, что тот, кого мысль эта осенила первым, соображал, что к чему, поскольку темнее не могло быть и в заднице лесного сурка, хотя до зари оставалось всего ничего.

Впрочем, и заря, занявшись, едва ли смогла бы принести много пользы: считай, заря с похмелья. Густой туман пованивал расположенным по соседству не таким уж великим Великим озером. Чтобы мало не показалось, зарядил холодный мелкий дождь. Роб перевел дворники с прерывистого режима на медленный постоянный. Впереди появились две безошибочно узнаваемые желтые арки.

– Золоченые сиськи Америки! – воскликнул Джейсон Рэпсис, сидевший рядом. За пятнадцать лет работы в службе экстренной медицинской помощи Роб сталкивался со множеством фельдшеров, и Джейсона Рэпсиса считал едва ли не лучшим: бесшабашным весельчаком, если ничего не происходило, и хладнокровным и целеустремленным, когда наваливалось все и сразу. – Нас накормят! Боже, благослови капитализм! Сворачивай! Сворачивай!

– Ты уверен? – спросил Роб. – После наглядного урока, который мы получили? Охота оказаться в таком же дерьме?

Они возвращались с вызова в один из новых «замков» в Шугар-Хайтс, из которого некий Харви Гейлен позвонил в службу «911» с жалобами на жуткие боли в груди. Мужчина лежал на диване в «зале», как эту большую гостиную, несомненно, называли богачи. По виду – выброшенный на берег кит в синей шелковой пижаме. Жена суежилась вокруг в полной уверенности, что он откинется с секунды на секунду.

– Мак-дак, Мак-дак! – распевал Джейсон, подпрыгивая на сиденье. Собранный и компетентный профессионал, осматривавший мистера Гейлена (Роб стоял рядом, держа чемоданчик первой помощи с кислородным оборудованием и кардиологическими препаратами), исчез. С падающими на глаза светлыми волосами Джейсон выглядел

четырнадцатилетним переростком. – Сворачивай, я сказал!

Роб свернул. Он и сам не отказался бы от мясного пирога и, может, одного-двух хашбраунов, которые напоминали запеченный язык буйвола.

К «МакАвто» стояла короткая очередь. Роб пристроился в хвост.

– И потом, у парня ничего и близко к инфаркту не было, – добавил Джейсон. – Обожрался мексиканской пищи. Даже в больницу ехать отказался, так?

Действительно, отказался. Несколько раз громко рыгнув и выдав длинную трель с другой стороны, после которой его жена, «ходячая рентгенограмма»^[3], ретировалась на кухню, мистер Гейлен сел и сказал, что чувствует себя гораздо лучше и необходимость ехать в Мемориальную больницу Кайнера отпала. Роб и Джейсон с ним согласились, особенно после того, как выслушали подробный отчет о том, что Гейлен съел и выпил в «Розе Тихуаны» прошлым вечером. Пульс ровный, давление чуть повышенное, но скорее всего не первый год, состояние стабильное. Автоматический наружный дефибриллятор так и остался в брезентовом чехле.

– Мне два яичных макмаффина и два хашбрауна, – объявил Джейсон. – Черный кофе. Нет, пожалуй, три хашбрауна.

Роб все еще думал о Гейлене.

– На этот раз несварение, но вскоре сердце не выдержит. Инфаркта не избежать. Сколько он весит? Триста фунтов? Триста пятьдесят?

– Триста двадцать пять, не меньше, – ответил Джейсон. – И перестань портить мне завтрак.

Роб указал на Золоченые арки, светившиеся в приозерном тумане.

– Это место и подобные ему скопища жира – причина половины всех бед Америки. Я уверен, ты как врач прекрасно это знаешь. Что ты сейчас заказал? Это минимум девятьсот калорий, брат. Добавь сосиску к яичной макжирдрану и получишь тысячу триста.

– А что выберешь ты, доктор Будьздоров?

– Мясной пирог. Может, два куска.

Джейсон хлопнул его по плечу:

– Наш человек!

Очередь продвигалась. От окна заказов их отделяли два автомобиля, когда ожило радио под встроенным в приборный щиток компьютером. Голос диспетчера, обычно хладнокровный, спокойный, сдержанный, на этот раз напоминал голос шокджея^[4], перебравшего «Ред-булла».

– Всем «скорым» и пожарным, у нас МЧЖ! Я повторяю, МЧЖ!

Первоочередной вызов всем «скорым» и пожарным!

МЧЖ – массовые человеческие жертвы. Роб и Джейсон переглянулись. Авиакатастрофа, крушение поезда, взрыв, террористический акт. Почти наверняка что-то такое.

– Место – Городской центр на Мальборо-стрит, повторяю, Городской центр на Мальборо-стрит. Высокая вероятность массовых жертв. Соблюдайте осторожность.

У Роба Мартина скрутило желудок. Никто не предлагал ему соблюдать осторожность, если они выезжали на место автомобильной аварии или взрыва газа. Значит, террористический акт, и, возможно, террористов еще не обезвредили.

Диспетчер заголосила вновь. Джейсон включил мигалки и сирену, а Роб вывернул руль, и «фрейтлайнер»^[5] выехал на дорогу, огибавшую «Макдоналдс», зацепив бампер стоявшего впереди автомобиля. Они находились в девяти кварталах от Городского центра, и если «Аль-Каида» поливала Центр свинцом из «калашей», отстреливаться им предстояло только из верного наружного дефибриллятора.

Джейсон схватил микрофон:

– Диспетчер, это машина двадцать три с подстанции Пожарное депо – три. РВП^[6] примерно шесть минут.

Они слышали и другие сирены, но, судя по громкости, Роб предположил, что их «скорая» находится ближе всего к эпицентру событий. Отливавший чугуном свет начал просачиваться в воздух, и когда, объехав «Макдоналдс», они выехали на Аппер-Мальборо-стрит, из серого тумана материализовался серый автомобиль, большой седан с помятым капотом и проржавевшей радиаторной решеткой. С мгновение яркие лучи фар били прямо в «скорую». Роб яростно нажал клаксон и свернул к обочине. Автомобиль – вроде бы «мерседес» – вернулся на свою полосу, и через несколько секунд о нем напоминали только меркнущие в тумане задние огни.

– Господи Иисусе, едва увернулись, – выдохнул Джейсон. – Полагаю, номер ты не запомнил?

– Нет, – ответил Роб. Сердце стучало так сильно, что сдавило горло. – Увлечен спасением наших жизней. Послушай, откуда взяться массовым человеческим жертвам в Городском центре? Он наверняка закрыт. Даже Бог еще не проснулся.

– Может, автобусная авария.

– Даю тебе вторую попытку. Автобусы начинают ходить с шести.

Сирены. Везде сирены. Они сближались, как отметки целей на экране радара. Патрульный автомобиль проскочил мимо, но, насколько мог судить Роб, они опережали остальные «скорые» и пожарных.

«То есть у нас шанс первыми угодить под выстрелы или разрыв гранаты, брошенной безумным арабом, вопящим: «Аллах акбар», – подумал Роб. – Как мило».

Но работа оставалась работой, поэтому он свернул на дорогу, круто поднимавшуюся к комплексу главных административных зданий города и уродливому конференц-залу, где Роб голосовал, пока не переехал в пригород.

– *Тормози!* – закричал Джейсон. – *Господи, Робби, ТОРМОЗИ!*

Десятки людей надвигались на них из тумана, несколько человек бежали – спуск не давал остановиться. Кто-то орал. Один парень упал, покатился, вскочил и побежал дальше, из-под его пиджака выбивалась рубашка. Роб увидел женщину с разбитым носом, окровавленными голенями и в одной туфле. Он резко вдавил в пол педаль тормоза, передний бампер чуть не клюнул асфальт, в кузове с полок полетело все, что плохо лежало. Незакрепленные – прямое нарушение инструкций – коробки с лекарствами, бутылки для внутривенных вливаний, упаковки со шприцами превратились в снаряды. Носилки, на которые им не пришлось укладывать мистера Гейлена, опрокинулись, ударившись о стенку кузова. Стетоскоп врезался в ветровое стекло и упал на центральную консоль.

– Ползи вперед, – простонал Джейсон. – Просто ползи, хорошо? Чтобы обошлось без новых жертв.

Роб придавил педаль газа, и машина продолжила подъем, теперь со скоростью пешехода. Люди все шли, сотни людей, некоторые в крови, большинство без видимых повреждений, но все охваченные ужасом. Джейсон опустил стекло со своей стороны и высунулся из кабины:

– *Что происходит? Кто-нибудь скажет мне, что происходит?*

Подошел мужчина, покрасневшийся, тяжело дышавший.

– Автомобиль. Проехался по толпе, словно косилка по лужайке. Гребаный маньяк едва не задел меня. Не знаю, сколько попало под колеса. Мы стояли, как свиньи в загоне. Все эти ленты и стойки, они нас рядами выстроили. В очередь. Он сделал это сознательно, и люди падали, как... как куклы, наполненные кровью. Я видел минимум четырех мертвых. Но их наверняка больше.

Мужчина двинулся дальше, волоча ноги: действие адреналина кончалось. Джейсон отцепил ремень безопасности и высунулся из окна, чтобы крикнуть вслед:

– Вы видели, какого он был цвета? Автомобиль, въехавший в толпу?

Мужчина обернулся, теперь бледный и понурый.

– Серого. Большой серый автомобиль.

Джейсон откинулся на спинку сиденья и посмотрел на Роба. Свою мысль ни один не озвучил: тот самый автомобиль, с которым они едва не столкнулись, отъезжая от «Макдоналдса». И радиаторную решетку покрывала совсем не ржавчина.

– Поезжай, Робби. С погромом в кузове разберемся позже. Сейчас доставь нас на место и постарайся никого не задавить, хорошо?

– Хорошо.

К тому времени, когда Роб прибыл к автомобильной стоянке, паника улеглась. Кто-то уходил, кто-то пытался помочь угодившим под серый автомобиль. Отдельные личности – полные говнюки – фотографировали или снимали видео на мобильники. Надеются прославиться на «Ю-тьюбе», предположил Роб. Хромированные стойки валялись на асфальте. К ним крепились желтые ленты с надписью «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ».

Патрульный автомобиль, который их обогнал, стоял около здания рядом со спальным мешком, из которого торчала хрупкая белая рука. Мужчина лежал поперек спальника, который занимал самую середину увеличивавшейся лужи крови. Коп знаком подозвал «скорую», и в синем свете мигалки на крыше патрульного автомобиля рука эта ходила ходуном.

Роб схватил портативную станцию связи, а Джейсон подбежал к задним дверцам «скорой» и распахнул их. Из кузова он выскочил уже с чемоданчиком первой помощи и дефибриллятором. Стало заметно светлее, и Роб прочитал надписи на транспаранте, растянутом над дверьми в большой зал: «1000 РАБОЧИХ МЕСТ ГАРАНТИРОВАНА! Мы поддерживаем жителей нашего города! МЭР РАЛЬФ КИНСЛЕР».

Что ж, стало понятно, почему здесь собралась толпа, да еще в столь ранний час. Ярмарка вакансий. Годом раньше, после того как экономику свалил инфаркт, трудные времена настали везде, но особенно сильно удар почувствовал именно этот приозерный город, где число рабочих мест начало уменьшаться еще с приходом нового столетия.

Роб и Джейсон направились к спальному мешку, но коп покачал головой. Его лицо обрело землистый оттенок.

– Этому парню и двоим в мешке не поможешь. Его жена и ребенок, полагаю. Наверное, пытался их прикрыть. – В горле у копа булькнуло, он прижал руку ко рту, потом убрал и указал на лежавшую на асфальте женщину. – Она, возможно, еще с нами.

Женщина лежала на спине, ее ноги были вывернуты под

неестественным углом, что свидетельствовало о серьезных травмах. Промежность строгих бежевых брюк потемнела от мочи. Ее лицо – то, что от него осталось – запачкалось маслом. Часть носа и верхняя губа исчезли. Безупречные зубы обнажились в жутком оскале. Пальто и верхнюю половину свитера под горло тоже сорвало. Огромные синяки расцветили шею и плечо.

Гребаный автомобиль переехал ее, подумал Роб. *Раздавил, как бурундука*. Они с Джейсоном опустили на колени, натянули синие перчатки. Сумка женщины лежала рядом, с четким отпечатком протектора. Роб поднял ее и бросил в салон «скорой», подумав, что отпечаток может послужить уликой или чем-то таким. Кроме того, сумка могла понадобиться женщине.

Если та выживет.

– Она не дышит, но пульс я нащупал, – сообщил Джейсон. – Слабый, нитевидный. Стяни вниз этот свитер.

Роб стянул, и половина бюстгалтера с оторванными бретельками последовала за свитером. Роб полностью освободил грудь и приступил к закрытому массажу сердца, а Джейсон занялся искусственным дыханием.

– Она выживет? – спросил коп.

– Не знаю, – ответил Роб. – Мы делаем все возможное. А у вас другие проблемы. Если и остальным «скорым» придется проезжать сквозь толпу, кого-то наверняка задавят.

– Здесь и без того полно жертв. Словно поле боя.

– Вот и помогите тем, кому сможете.

– Она снова дышит, – пресек их разговор Джейсон. – Не отвлекайся, Робби, давай спасем эту жизнь. Включай пэ-эс-эс и передай в Кайнер, что у нас перелом основания черепа, спинальная травма, повреждения внутренних органов, лица и еще бог знает что. Состояние критическое. Я продиктую тебе основные показатели.

Роб позвонил по портативной станции связи, а Джейсон продолжал сжимать грушу дыхательного реанимационного мешка. Оператор отделения экстренной помощи Мемориальной больницы Кайнера ответил сразу. Голос звучал уверенно и спокойно. Больница была травматическим центром высшего уровня, который иногда называли Президентским, и находилась в постоянной готовности к подобным происшествиям. В Кайнере пять раз в год проводились специальные учения.

Закончив разговор и доложив об уровне кислорода (предсказуемо низком), Роб вытащил жесткий шейный воротник и оранжевый спинодержатель. Прибывали все новые «скорые», туман постепенно

рассеивался, открывая полные масштабы катастрофы.

И это сотворил один автомобиль, подумал Роб. Да кто поверит?

– Ладно, каким бы ни было ее состояние, больше мы ничего сделать не можем. Загружаем.

Стараясь сохранять спинодержатель в строго горизонтальном положении, они подняли женщину, положили на носилки, закрепили в «скорой». С бледным, обезображенным лицом, обрамленным шейным воротником, она напоминала жертву ритуала из фильма ужасов... только создатели таких лент отдавали предпочтение молодым женщинам с пышными формами, а эта выглядела лет на пятьдесят. Казалось бы, старовата для поиска работы, но Робу хватило одного взгляда, чтобы понять: больше она работу искать не будет. Как и ходить. При фантастической удаче ей, возможно, удастся избежать паралича рук и ног – если выживет, – но Роб не сомневался, что ниже пояса ее тело точно останется обездвиженным.

Джейсон опустил на колени, накрыл прозрачной пластиковой маской рот и нос женщины, подключил подачу кислорода из баллона, закрепленного в изголовье носилок. Маска запотела – хороший знак.

– Что теперь? – спросил Роб, подразумевая: чем еще я могу помочь?

– Найди ампулу эпинефрина в этой грудке мусора или достань одну из моего чемоданчика. Пульс было восстановился, но теперь снова стал нитевидным. А потом заводи мотор. Просто удивительно, что с такими травмами она еще жива.

Роб нашел ампулу эпинефрина под коробкой с бинтами и протянул Джейсону. Потом захлопнул задние дверцы, сел за руль и погнал. Прибытие первым на место происшествия с МЧЖ обычно означало и прибытие первым в больницу. Это могло повысить шансы женщины на выживание, хотя не намного. Он ожидал, что она умрет за те пятнадцать минут, которые требовались, чтобы по практически пустым улицам домчаться до Мемориальной больницы Ральфа М. Кайнера. С учетом полученных травм такой исход, возможно, был бы для нее наилучшим.

Но она не умерла.

В три часа дня – их смена давно закончилась, но они слишком устали, чтобы даже думать о поездке домой – Роб и Джейсон сидели в помещении для дежурных бригад в Пожарном депо номер 3 и, выключив звук, смотрели спортивный канал И-эс-пи-эн. Они сделали восемь рейсов к Городскому центру, но самые тяжелые травмы получила женщина, которую они привезли первой.

– Мартина Стоувер, так ее зовут, – прервал молчание Джейсон. – Она все еще в операционной. Я позвонил, пока ты ходил в сортир.

– Как думаешь, какие у нее шансы?

– Понятия не имею, но раз с ней по-прежнему возятся, значит, надежда есть. Наверняка она рассчитывала получить место личного секретаря. Я залез в ее сумочку в поисках каких-нибудь документов, переписал группу крови с водительского удостоверения и нашел целую пачку рекомендательных писем. Похоже, в своем деле она знала толк. Последнее место работы – «Бэнк оф Америка». Попала под сокращение.

– А если она выживет? Как думаешь? Только ноги?

Джейсон смотрел на экран, где баскетболисты носились по площадке, и не отвечал.

– Если она выживет, то будет полностью парализована.

– Уверен?

– На девяносто пять процентов.

Пошла реклама пива. Молодежь лихо отплясывала в баре. Все прекрасно проводили время. Для Мартины Стоувер развлечения закончились. Роб попытался представить, что ее ждет, если она выживет. Моторизованное кресло, которым она будет управлять, дыша в трубку. Протертая еда или внутривенное питание. Дыхание с респиратором. Испражнение в пакет. Жизнь в медицинской сумеречной зоне.

– У Кристофера Рива получалось неплохо, – продолжил Джейсон, словно прочитав мысли Роба. – Позитивный настрой. Хороший пример для подражания. Не вешал нос. Кажется, даже фильм поставил.

– Конечно, он не вешал нос, – кивнул Роб. – Об этом позаботился шейный воротник, который он никогда не снимал. И он уже умер.

– Она надела все самое лучшее, – вздохнул Джейсон. – Хорошие слаксы, дорогой свитер, красивое пальто. Пыталась вновь встать на ноги. И тут появляется какой-то ублюдок и отнимает у нее все.

– Его поймали?

– Насколько я слышал, нет. Когда поймают, надеюсь, вздернут за яйца.

Следующим вечером, привезя в Мемориальную больницу Кайнера мужчину с инсультом, они узнали, как обстоят дела у Мартины Стоувер. Ее перевели в палату интенсивной терапии, и нарастающая активность мозга указывала, что она в самом скором времени придет в сознание. А после того как она откроет глаза, кому-то предстояло сообщить плохие новости: ее парализовало от плеч и ниже.

Роба Мартина радовало, что этим кем-то будет не он.

А человека, которого пресса окрестила Мерседесом-убийцей, еще не поймали.

Буква «ЗЕТ»

Январь 2016 г.

1

Оконное стекло разбивается в кармане брюк Ходжеса. За звоном следует хор радостных мальчишеских голосов: «*КРУГОВАЯ ПРОБЕЖКА!*»

Ходжес подскакивает на стуле и морщится. В понедельник утром в приемной свободных стульев раз-два и обчелся: здесь пациенты четырех врачей, не только доктора Стамоса, к которому записан Ходжес. Все, кажется, смотрят на него. Ходжес чувствует, как к лицу приливает кровь.

– Извините, – говорит он всем и никому конкретно. – Пришла эсэмэска.

– У вас очень громкий сигнал, – сообщает старушка с седыми волосами и дряблым вторым подбородком. Под ее осуждающим взглядом Ходжес чувствует себя нашкодившим мальчишкой, а ведь ему под семьдесят. – Вам следует уменьшать громкость в публичных местах вроде этого, а то и вообще отключать звук.

– Абсолютно верно, абсолютно.

Старушка возвращается к книге в мягкой обложке (это «Пятьдесят оттенков серого», и, судя по степени обтрепанности, читает она ее не в первый раз). Ходжес достает из кармана айфон. Эсэмэска от Пита Хантли, его напарника по тем временам, когда Ходжес служил в полиции. Теперь и Пит вот-вот выйдет на пенсию. Трудно поверить, но это правда. «Пост сдал» – так они это называют, но Ходжес давно понял, что сидеть сложа руки просто невозможно. Теперь он руководит маленькой фирмой из двух человек «Найдем и сохраним». Он называет себя специалистом по розыску сбежавших должников и похищенного имущества, потому что несколькими годами раньше у него возникли проблемы с законом, и шансов получить лицензию частного детектива нет. Но, по существу, он самый настоящий частный детектив, во всяком случае, в то время, которое отдает работе.

«Кермит, срочно позвони мне. Это важно».

Кермит – первое имя Ходжеса, но он предпочитает представляться вторым, чтобы свести лягушачьи шутки к минимуму. Однако Пит настойчиво называет Ходжеса Кермитом. Его это, видите ли, веселит.

Ходжес подумывает о том, чтобы просто сунуть айфон в карман (предварительно выключив звук, если удастся найти режим «Не беспокоить»). Его должны вызвать к доктору Стамосу с минуты на минуту, и он хочет как можно быстрее закончить их свидание. Как и все знакомые Ходжесу пожилые люди, он не любит врачебные кабинеты. Постоянно боится, как бы доктора не нашли, что с ним что-то не так, причем *серьезно* не так. Увидев имя Пита на экране, он вполне может предположить, о чем хочет поговорить с ним бывший напарник: о вечеринке по поводу его проводов на пенсию, которая должна состояться в следующем месяце в «Рейнтри инн», таверне рядом с аэропортом. Там же провожали на пенсию и самого Ходжеса, но на этот раз он собирается выпить намного меньше. Может, вообще ни капли. Во время службы в полиции у него возникли серьезные проблемы с алкоголем, злоупотребление спиртным стало одной из причин распада семьи, однако теперь он, похоже, потерял тягу к алкоголю. И это радовало. Однажды он прочитал научно-фантастический роман «Луна – суровая хозяйка». Он не знал, как на Луне, но готов был заявить под присягой, что выпивка – действительно суровая хозяйка, причем прямо здесь, на Земле.

Он обдумывает варианты, собирается послать эсэмэску, однако отказывается от этой идеи и встает. Старые привычки слишком сильны.

Молодую женщину за столиком регистрации зовут Марли, это написано на ее бейдже. Выглядит она лет на семнадцать и одаривает Ходжеса ослепительной улыбкой школьного чирлидера.

– Он скоро примет вас, мистер Ходжес, я обещаю. Мы просто самую малость отстаем от графика. Вы записаны на этот понедельник.

– Понедельник, понедельник, не доверяю я этому дню, – отвечает Ходжес.

Марли с недоумением смотрит на него.

– Я на минутку выйду. Должен позвонить.

– Конечно, – кивает Марли. – Только встаньте напротив двери. Я помашу рукой, если доктор вас вызовет, пока вы будете разговаривать.

– Дельная мысль. – По пути к двери Ходжес останавливается рядом со старушкой. – Хорошая книга?

Она поднимает голову.

– Нет, но энергией заряжает.

– Мне так и говорили. Фильм видели?

Старушка смотрит на него, удивленно и с интересом:

– Есть такой фильм?

– Да. Вам стоит его посмотреть.

Ходжес фильм не видел, хотя Холли Гибни – прежде помощница, теперь деловая партнерша и ярая фанатка кино со времен тяжелого детства – пыталась его затащить. Дважды. Именно стараниями Холли айфон Ходжеса сообщал о поступлении эсмэски звонком бьющегося стекла и радостными криками о круговой пробежке. Ей это показалось прикольным. Ходжесу тоже... поначалу. Теперь этот рингтон превратился в настоящий геморрой. Ходжес обещает себе отыскать в Сети способ его изменить. В Сети можно найти что угодно, это он уже знает. Что-то полезное. Что-то интересное. Что-то забавное.

И что-то ужасное.

2

После двух гудков звучит голос давнего напарника Ходжеса:

– Хантли.

– Слушай меня внимательно, – говорит Ходжес, – потому что тебе, возможно, придется давать показания по этому поводу. Да, я буду на твоей вечеринке. Да, я скажу что-нибудь веселенькое и не скабрезное после того, как мы поедим. Да, я произнесу первый тост. Да, я понимаю, что и твоя бывшая, и теперешняя жены там будут, но, насколько мне известно, стриптизершу еще никто не заказал. Если кто и закажет, так это Хол Корли, полный идиот, и тебе придется лично попросить его...

– Билл, остановись. Речь не о вечеринке.

Ходжес тут же замолкает. И не только потому, что из трубки доносятся приглушенные голоса – звуковой фон, – голоса копов, он это знает, пусть и не может разобрать ни слова. Ходжеса останавливает другое: Пит назвал его Биллом, а это означает, что дело действительно серьезное. На ум Ходжесу сразу приходит Коринн, его бывшая, потом дочь Элисон, которая живет в Сан-Франциско, и, наконец, Холли. Господи, если что-то случилось с Холли...

– Тогда о чем, Пит?

– Я на месте преступления. Вроде бы убийство и самоубийство. Я хочу, чтобы ты приехал и взглянул. Привези свою подругу, если она свободна и согласится. Мне неприятно это говорить, но она, возможно, чуточку умнее тебя.

С его близкими все в порядке. Мышцы живота Ходжеса, напрягшиеся, чтобы держать удар, расслабляются. Хотя тупая боль, которая привела его к Стамосу, остается.

– Конечно, умнее. Потому что моложе. После шестидесяти человек начинает терять клетки мозга миллионами, этот феномен ты испытаешь на себе через каких-нибудь пару лет. Так почему на месте убийства тебе понадобилась старая ломовая лошадь?

– Потому что это, возможно, мое последнее расследование, потому что оно будет широко освещаться в прессе и потому что, только не лопни от гордости, я ценю твои советы. И Гибни тоже. Как ни странно, вы оба связаны с этим делом. Возможно, это совпадение, но полной уверенности у меня нет.

– Как связаны?

– Имя Мартины Стоувер ничего тебе не говорит?

Поначалу нет, но потом в голове Ходжеса щелкает. Одним туманным утром 2009 года маньяк по имени Брейди Хартсфилд направил украденный «мерседес-бенц» в толпу жаждущих получить работу, которая собралась у Городского центра. Убил восьмерых и покалечил пятнадцать человек. По ходу расследования детективы К. Уильям Ходжес и Питер Хантли допросили многих и многих свидетелей преступления, включая всех выживших раненых. Допрос Мартины Стоувер дался им сложнее всего, и не только потому, что из-за жуткой травмы лица и губ понять Мартину могла исключительно ее мать. Позже Хартсфилд написал Ходжесу анонимное письмо, в котором назвал Мартину «головой на палке». Изощренная жестокость этого сравнения состояла в том, что он написал чистую правду.

– Я не могу представить себе убийцей человека с четырьмя парализованными конечностями, Пит... Разве что в сериале «Мыслить как преступник». Поэтому я...

– Да, преступник – мать. Сначала убила Стоувер, потом покончила с собой. Едешь?

Ходжес не раздумывает.

– Да. По пути захвачу Холли. Диктуй адрес.

– Дом шестнадцать ноль один, Хиллтоп-Корт. Это в Ридждейле.

Ридждейл, северный пригород, уступает Шугар-Хайтс, но котируется достаточно высоко.

– Я подъеду через сорок минут, если Холли на работе.

Но он не сомневается, что увидит ее там. Холли всегда сидит за своим столом с восьми утра, иногда и с семи, и не уходит, пока Ходжес буквально не заставляет ее уйти. Дома съедает что-нибудь на ужин и смотрит фильмы онлайн. Именно благодаря Холли «Найдем и сохраним» приносит прибыль. Она гений и по части организации работы, и по компьютерам, да и вообще,

работа – ее жизнь. Еще ее жизнь – это Ходжес и Робинсоны, особенно Джером и Барбара. Однажды, когда Джером и мать Барби объявили, что Холли – почетный член их семьи, она засияла, как солнце в летний полдень. Холли теперь улыбается гораздо чаще, чем прежде, что очень радует Ходжеса.

– Отлично, Керм. Спасибо.

– Тела уже увезли?

– Везут в морг, но Иззи все сфотографировала на свой айпад. – Он имеет в виду Изабель Джейнс, ставшую его напарницей после ухода Ходжеса на пенсию.

– Ладно. Я привезу тебе эклер.

– Здесь уже целая кондитерская. Кстати, ты где?

– Не важно. Постараюсь приехать как можно быстрее.

Ходжес кладет мобильник в карман и спешит по коридору к лифту.

3

Пациент, записанный к доктору Стамосу на восемь сорок пять, наконец-то выходит из кабинета. Мистеру Ходжесу назначено на девять, но на часах уже половина десятого. Бедолаге, наверное, не терпится закончить здесь все дела и заняться другими. Марли выглядывает в коридор и видит, что Ходжес говорит по мобильнику.

Она встает и заходит в кабинет доктора. Тот сидит за столом, перед ним – раскрытая история болезни, на обложке имя: «КЕРМИТ УИЛЬЯМ ХОДЖЕС». Доктор что-то читает и потирает висок, словно у него болит голова.

– Доктор Стамос, можно приглашать мистера Ходжеса?

Он удивленно смотрит на нее, потом на настольные часы.

– Господи, да. От понедельников тошнит, верно?

– Не доверяю я этому дню, – говорит Марли и поворачивается, чтобы уйти.

– Я люблю свою работу, но терпеть не могу эту ее часть, – слышит она. Теперь ее черед удивляться. Марли смотрит на доктора. – Не обращайтесь внимания. Это я сам с собой. Приглашайте его. Надо побыстрее с этим покончить.

Выйдя в коридор, Марли успевает увидеть в дальнем конце закрывающиеся двери лифта.

Ходжес звонит Холли с многоэтажной автостоянки, примыкающей к медицинскому центру, и когда подъезжает к Тернер-билдинг на Лоуэр-Мальборо-стрит – в этом здании находится их офис, – она стоит на тротуаре, с портфелем между ногами в удобных туфлях на невысоком каблуке. Холли Гибни под пятьдесят, она высокая и стройная, каштановые волосы собраны в пучок. Сегодня она в мешковатой аляске от «Норт фейс», капюшон поднят и обрамляет маленькое лицо. «Лицо простушки, – думает Ходжес, – пока не увидишь ее глаза, прекрасные и светящиеся умом». Но увидеть эти глаза непросто, потому что Холли, как правило, не встречается с людьми взглядом.

Ходжес плавно останавливает «приус», Холли запрыгивает в кабину, снимает перчатки и подставляет руки под струю теплого воздуха из вентиляционной решетки обогревателя.

– Долго же ты добирался.

– Пятнадцать минут. Я был на другом конце города. И ко всем светофорам подъезжал на красный.

– *Восемнадцать* минут, – уточняет Холли, когда «приус» возвращается в транспортный поток. – Потому что ты гнал, а это контрпродуктивно. Если бы придерживался двадцати миль в час, большинство светофоров проехал бы на зеленый. Они синхронизированы. Я тебе объясняла несколько раз. А теперь говори, что сказал доктор. Анализы хорошие?

Ходжес рассматривает варианты ответа, которых всего два: сказать правду или увильнуть. Холли заставила его пойти к врачу после того, как появились жалобы: сначала какие-то неприятные ощущения в животе, потом боль. У Холли, возможно, проблемы с головой, но пилить она умеет. Вцепляется, как собака в кость, иногда думает Ходжес.

– Результаты обследования еще нет. – «Это не совсем ложь, – убеждает он себя, – потому что у *меня* их действительно нет».

Холли с сомнением смотрит на него, а он выруливает на Центральную магистраль. Ходжес терпеть не может, когда она так на него смотрит.

– Я буду держать все под контролем, – говорит он. – Поверь.

– Верю, – отвечает она. – Верю, Билл.

Эти ее слова только усиливают чувство вины.

Холли нагибается, открывает портфель, достает айпад.

– Я кое-что нашла, пока дожидалась тебя. Хочешь услышать?

– Будь уверена.

– Мартине Стоувер было пятьдесят, когда Брейди Хартсфилд покалечил ее, то есть сейчас ей пятьдесят шесть. Возможно, пятьдесят семь, но пока только январь, так что, думаю, это маловероятно. Ты согласен?

– Целиком и полностью.

– Когда произошла катастрофа, она жила с матерью в доме на Сикомор-стрит. Неподалеку от Брейди Хартсфилда и его матери. В каком-то смысле ирония судьбы, да?

А также недалеко от Тома Зауберса и его семьи, думает Ходжес. Они с Холли недавно занимались делом, связанным с Зауберсами, и оно тоже имело отношение к происшествию, которое одна из городских газет назвала «Мерседесовой бойней». Таких связей вообще хватало, а самая странная, если подумать, заключалась в том, что автомобиль, который Хартсфилд использовал как орудие убийства, принадлежал кухне Холли Гибни.

– Каким образом пожилая женщина и ее полностью парализованная дочь смогли перебраться с Сикомор-стрит в Ридждейл?

– Страховка. У Мартины Стоувер была не одна и не две больших страховки, а целых три. Страховой бзик, иначе не скажешь. – Ходжес отмечает, что только Холли может произнести такое с одобрительными нотками. – Потом о ней опубликовали несколько статей, потому что из всех выживших она получила самые тяжелые увечья. По ее словам, она знала, что ей придется начинать обналичивать страховые премии, если не удастся получить работу в Городском центре. Ведь она была одинокой женщиной с овдовевшей безработной матерью на руках.

– И той в итоге пришлось о ней заботиться.

Холли кивает:

– Очень странно и очень грустно. Но по крайней мере у нее была финансовая подушка безопасности, роль которой и призвана выполнять страховка. Они даже поднялись по социальной лестнице.

– Да, – соглашается Ходжес, – а теперь свалились с нее.

На это Холли не отвечает. Впереди съезд в Ридждейл. Ходжес сворачивает с магистрали.

Пит Хантли прибавил в весе, живот нависает над пряжкой ремня, зато Изабель Джейнс – красotka, как и прежде, в обтягивающих линиях

джинсах и синем блейзере. Взгляд ее глаз цвета серого тумана смещается с Ходжеса на Холли, вновь возвращается к Ходжесу.

– Ты похудел, – говорит она. Непонятно, то ли это комплимент, то ли обвинение.

– У него какие-то проблемы с животом, поэтому он проходил обследование, – вставляет Холли. – Результаты должны были прийти сегодня, но...

– Давай не вдаваться в подробности, Холс, – перебивает ее Ходжес. – Это не медицинская консультация.

– Вы двое с каждым днем все больше напоминаете семейную пару со стажем, – замечает Иззи.

– Брак испортит наши деловые отношения, – будничным тоном отвечает Холли.

Пит смеется, Холли бросает на него недоуменный взгляд, и они заходят в дом.

Это симпатичный коттедж в кейп-кодском стиле. День ветреный, дом стоит на вершине холма, но внутри очень тепло. В прихожей все надевают резиновые перчатки и бахилы. «Как быстро возвращаются старые привычки, – думает Ходжес. – Я словно и не уходил».

В гостиной на одной стене картина с большеглазыми беспризорниками, на другой – огромный телевизор. Перед телевизором – кресло и кофейный столик. На столике журналы о знаменитостях, вроде «ОК!», и скандальные таблоиды, такие как «Инсайд вью»^[7]. По центру комнаты в ковре – две глубокие колеи. Ходжес понимает, что здесь мать и дочь сидели и смотрели телевизор по вечерам. А может, и целыми днями. Мать – в кресле, Мартина – в инвалидной коляске, которая, судя по колеям, весила не меньше тонны.

– Как звали ее мать? – спрашивает Ходжес.

– Джейнис Эллертон. Ее муж Джеймс умер двадцать лет назад, по словам... – Пит, как и Ходжес, представитель старой школы, поэтому носит с собой не айпад, а блокнот, и теперь заглядывает в него. – По словам Ивонн Карстейс. Она и другая приходящая работница, Джорджина Росс, нашли тела, когда пришли этим утром, около шести. Им доплачивали за раннее начало рабочего дня. Росс ничем особо не помогла...

– Лепетала что-то непонятное, – поясняет Иззи. – А вот Карстейс держалась хорошо. Не поддавалась панике. Сразу вызвала полицию, и мы приехали к шести сорока.

– Сколько лет было матери? – спрашивает Ходжес.

– Пока не установили, – отвечает Пит. – Но определенно не девочка.

– Семьдесят девять, – говорит Холли. – В одной из новостных статей, которые я просмотрела, дожидаясь, пока Билл меня заберет, написали, что ей было семьдесят три на момент Бойни у Городского центра.

– Чертовски стара для того, чтобы ухаживать за полным паралитиком, – замечает Ходжес.

– Она была крепкой старушкой, – сообщает Изабель, – если верить Карстейс. Сильной. И ей помогали. Денег хватало благодаря...

– Благодаря страховке, – завершает Ходжес. – Холли ввела меня в курс дела, пока мы ехали сюда.

Иззи бросает на Холли холодный взгляд. Холли не замечает. Оглядывает комнату. Оценивает обстановку. Принюхивается. Проводит рукой по спинке кресла матери. У Холли психологические проблемы, она невероятно педантична, но по части проницательности даст фору многим.

– Две помощницы приходили рано утром, – добавляет Пит. – Две в полдень, две вечером. Семь дней в неделю. Из частной компании... – он смотрит в блокнот, – «Помощь на дому». Всю тяжелую работу выполняли они. Есть еще и домработница, Нэнси Олдерсон, но она, очевидно, в отъезде. На календаре в кухне записано: «Нэнси в Шагрин-Фоллс». И вычеркнуты три дня: сегодня, вторник и среда.

Двое мужчин, тоже в перчатках и бахилах, идут по коридору. Как догадывается Ходжес, из той части дома, в которой жила Мартина Стоувер. Оба несут чемоданчики, в какие обычно складывают вещественные доказательства.

– В спальне и ванной комнате мы закончили, – говорит один.

– Есть что-нибудь? – спрашивает Иззи.

– Ничего неожиданного, – отвечает другой. – Из ванной вытащили довольно много седых волос. Это неудивительно, с учетом того, что именно там старушка и скончалась. Есть еще экскременты, но самая малость. Тоже неудивительно. – Заметив вопросительный взгляд Ходжеса, медэксперт добавляет: – Она была в трусах-памперсах. Женщина знала, что к чему.

– О-о-ох, – вырывается у Холли.

– Там есть стул для душа, – говорит первый эксперт, – но он стоит в углу, и на нем стопка полотенец. Похоже, его не использовали.

– Ее могли обтирать губкой, – вставляет Холли.

Она все еще шокирована упоминанием то ли трусов-памперсов, то ли дерьма в ванне, но ее глаза не замирают ни на секунду, оглядывают все и вся. Она может задать вопрос-другой, вернуть реплику, однако по большей части молчит, потому что люди пугают ее, особенно когда они так близко. Но Ходжес хорошо знает Холли – насколько это возможно – и видит, что

она впитывает и анализирует информацию.

Позже она заговорит, и Ходжес будет внимательно слушать. Годом раньше, в деле Зауберса, он уяснил для себя, что слушать Холли – всегда в плюс. Она думает не как все, мышление нестандартное, а интуиция иной раз сверхъестественная. И хотя Холли пуглива – Бог свидетель, на то есть причины, – иной раз может проявить храбрость. Именно благодаря ей Брейди Хартсфилд – он же Мистер Мерседес – сейчас находится в Клинике травматических повреждений головного мозга Озерного региона, относящейся к Мемориальной больнице Кайнера. Холли огрела Хартсфилда по голове носком, наполненным металлическими шариками, прежде чем тот успел устроить новую бойню, с куда большим количеством жертв, чем у Городского центра. Теперь Хартсфилд пребывает в сумеречной зоне, как говорит главный невролог Клиники травматических повреждений головного мозга – в «постоянном вегетативном состоянии».

– Люди со всеми парализованными конечностями могут принимать душ, – поясняет Холли, – но им это трудно из-за аппаратуры жизнеобеспечения, которой они обвешаны. Поэтому чаще всего их обтирают губкой.

– Пойдемте на кухню, там окна на солнечную сторону, не так мрачно, – предлагает Пит, и они идут туда.

Прежде всего Ходжес обращает внимание на сушку. На ней одна-единственная тарелка. Миссис Эллертон последний раз в жизни воспользовалась этой тарелкой, потом вымыла и поставила сушиться. Столешницы сверкают, пол выглядит настолько чистым, что с него можно есть. Ходжес предполагает, что и ее кровать наверху идеально заправлена. Возможно, она сама пылесосила ковры. И не забудьте про трусы-памперсы. Женщина поддерживала порядок там, где могла. Как человек, который сам всерьез подумывал о самоубийстве, Ходжес может поставить себя на ее место.

Пит, Иззи и Ходжес сидят за кухонным столом. Холли кружит по кухне, иногда останавливается и через плечо Иззи смотрит на подборку фотографий на ее айпаде, озаглавленную «ЭЛЛЕРТОН/СТОУВЕР», время от времени роется на полках и в ящиках, ее затянутые в перчатки пальчики порхают как мотыльки.

Иззи по очереди выводит фотографии на экран, комментирует каждую.

На первой – две женщины средних лет. Обе крепкие, широкоплечие, в красной нейлоновой униформе «Помощи на дому», но одна – Джорджина Росс, предполагает Ходжес – плачет, судорожно обхватив себя за плечи. Другая, Ивонн Карстейс, не такая впечатлительная.

– Они пришли в пять сорок пять, – говорит Иззи. – У них есть ключ, поэтому они не стучали и не звонили. По словам Карстейс, Мартина иногда спала до половины седьмого. Миссис Эллертон всегда их встречала, поднималась около пяти и первым делом варила себе кофе. Только в это утро она не поднялась, и аромата кофе в доме не было. Они подумали, что старушка первый раз проспала, и даже порадовались за нее. По коридору осторожно прошли в спальню Мартины Стоувер, чтобы посмотреть, не проснулась ли та. И вот что они увидели.

Иззи показывает следующую фотографию. Ходжес ожидает очередного «о-о-ох» от Холли, но та молчит и пристально всматривается в фотографию. Стоувер в кровати, одеяло сдвинуто к коленям. Пластику ей так и не сделали, однако лицо кажется умиротворенным. Глаза закрыты, скрюченные запястья сцеплены. Питательная трубка торчит из худого живота. Инвалидное кресло – Ходжесу оно напоминает капсулу астронавта – стоит у кровати.

– В спальне Стоувер чувствовался запах. Только не кофе, а водки.

Следующая фотография. Прикроватный столик Стоувер крупным планом. Аккуратные ряды пузырьков с лекарствами. Измельчитель для таблеток, чтобы Стоувер могла их проглотить. Среди пузырьков – совершенно неуместная бутылка водки «Смирнов – тройная дистилляция» и пластиковый шприц. Бутылка пуста.

– Дама действовала наверняка, – вставляет Пит. – С этой водкой результат гарантирован.

– Как я понимаю, она желала своей дочери максимально быстрой смерти, – замечает Холли.

– Удачная догадка, – ледяным тоном произносит Иззи. Она не любит Холли, а Холли не любит ее. Ходжес это понимает, но представить себе не может, в чем причина. С Иззи они видятся редко, а поинтересоваться об этом у Холли не сподобился.

– А есть измельчитель крупным планом? – спрашивает Холли.

– Конечно, – отвечает Иззи, выводит следующую фотографию, и на ней измельчитель для таблеток огромный, как летающая тарелка. Внутри остатки белого порошка. – Мы уточним позже, но думаем, что оксикодон. Пузырек от него пуст, как и бутылка водки, хотя, если судить по наклейке, лекарство выписали всего три недели назад. – Она возвращается к

Мартине, со сцепленными, будто для молитвы, руками. – Ее мать растолкла таблетки, высыпала порошок в водку, а потом влила водку в питательную трубку Мартины. Возможно, получилось даже эффективнее смертельной инъекции.

Иззи выводит на экран новые фотографии. На этот раз Холли издает: «О-о-ох», – но не отворачивается.

Первая – общий план ванной Мартины, со всеми необходимыми приспособлениями для обслуживания паралитика: очень низкая столешница с раковиной, очень низкие вешалки для полотенец и шкафчики, большая ванна, объединенная с душевой. Сдвижная стенка душевой закрыта, зато ванна на виду. А в ней Джейнис Эллертон, погруженная в воду по плечи, в розовой ночной рубашке. Ходжес думает, что рубашка надулась пузырем, когда Джейнис опускалась в воду, но на фотографии ткань прилипла к худому телу. На голове Джейнис полиэтиленовый пакет, завязанный на шее махровым поясом от банного халата. Из-под пакета выходит шланг, другой конец которого прикреплен к небольшому баллону, лежащему на кафельном полу. На баллоне – наклейка со смеющимися детьми.

– Комплект самоубийцы, – говорит Пит. – Наверное, прочитала о том, как его собрать, в Сети. Там достаточно сайтов, подробно объясняющих, что и как надо делать, еще и с картинками. К нашему приезду вода в ванне остыла, но наверняка была теплой, когда старушка залезала в нее.

– Теплая вода помогает расслабиться, – вставляет Иззи, и хотя не говорит «о-о-ох», на ее лице читается отвращение, когда она показывает следующее фото: лицо Джейнис Эллертон крупным планом. Полиэтилен затуманен конденсатом последних выдохов, но Ходжес видит, что ее глаза закрыты. Она тоже выглядит умиротворенной.

– В баллоне был гелий, – говорит Пит. – Такие можно купить в любом большом магазине-дискаунтере. Их используют для надувания шариков на день рождения ребенка, но они отлично подходят для самоубийства, если надеть на голову полиэтиленовый пакет. За головокружением следует дезориентация, и наступает момент, когда ты не можешь снять мешок с головы, даже если бы захотел. Потом – потеря сознания и смерть.

– Вернись к предпоследней, – просит Холли, – где показана вся ванная.

– Так-так, – говорит Пит. – Доктор Ватсон что-то заметил.

Иззи возвращает фотографию на экран. Ходжес наклоняется, щурится: зрение у него теперь не такое, как прежде. Видит то, что заметила Холли. Рядом с тонким серым проводом, который заканчивается штепселем, воткнутом в розетку, лежит «Волшебный маркер». Кто-то – Эллертон,

предполагает Ходжес, потому что заботами Хартсфилда ее дочь такой способности лишилась – написал на столешнице большую букву «зет».

– И что ты об этом думаешь? – спрашивает Пит.

Ходжес задумывается.

– Это ее предсмертная записка, – наконец говорит он. – «Зет» – последняя буква алфавита. Если бы она знала греческий, мы бы, возможно, увидели «омегу».

– И я того же мнения, – кивает Иззи. – Если подумать, изящно.

– «Зет» – также знак Зорро, – сообщает им Холли. – Благородного мексиканского разбойника в маске. О нем снято множество фильмов, один с Энтони Хопкинсом в роли дона Диего, но он получился не очень хорошим.

– Ты считаешь, это имеет какое-то отношение к делу? – спрашивает Иззи. На ее лице – вежливый интерес, но в голосе – издевка.

– Был еще телевизионный сериал, – продолжает Холли. Она смотрит на фотографию как загипнотизированная. – Его выпустил Уолт Дисней, в эпоху черно-белого кино. Миссис Эллертон могла смотреть его в детстве.

– Думаешь, она ушла в детские воспоминания, готовясь покончить с собой? – В голосе Пита слышится сомнение, и у Ходжеса такие же ощущения. – Наверное, такое возможно.

– Больше похоже на чушь. – Иззи закатывает глаза.

Холли ничего этого не замечает.

– Можно мне заглянуть в ванную? Трогать я ничего не буду. Даже в перчатках. – Она поднимает маленькие, затянутые в перчатки руки.

– Ради Бога, – без запинки отвечает Иззи.

Другими словами, думает Ходжес, отваливай и дай взрослым поговорить. Ему совершенно не нравится отношение Иззи к Холли, но поскольку Холли все это по барабану, нет повода поднимать этот вопрос. А кроме того, Холли сегодня действительно очень нервная, просто не находит себе места. Ходжес полагает, причина в фотографиях. Мертвее всего покойники выглядят именно на полицейских снимках.

Холли уходит в ванную, чтобы увидеть все собственными глазами. Ходжес откидывается на спинку стула, сцепляет пальцы на затылке, разводит локти. Доставлявший столько хлопот живот этим утром ведет себя смирно, может, потому, что Ходжес переключился с кофе на чай. Если так, ему придется запастись «Пи-джи типс»^[8]. Черт, купить сразу и побольше. Его достали постоянные боли в животе.

– Хочешь сказать мне, почему мы здесь, Пит?

Пит вскидывает брови и пытается изобразить невинность:

– И как тебя понимать, Кермит?

– Ты не ошибся, сказав, что эта история попадет в газеты. Люди обожают печальные «мыльные оперы», благодаря которым реальная жизнь кажется лучше...

– Цинично, но, вероятно, чистая правда, – со вздохом вставляет Иззи.

– ...однако любая связь с Бойней у Городского центра тут скорее случайна, чем неслучайна. – Ходжес не уверен, что сказал именно то, что хотел, но концовка фразы получилась красивая. – Мы имеем милосердное убийство, совершенное старушкой, которая больше не могла смотреть на муки дочери. Вероятно, перед тем как открыть вентиль на баллоне с гелием, Эллертон подумала: «Скоро мы увидимся, милая, и когда я окажусь на небесной улице, ты будешь шагать рядом со мной».

Иззи фыркает, но Пит выглядит бледным и задумчивым. Ходжес внезапно вспоминает, что давным-давно, может, лет тридцать назад, Пит и его жена потеряли своего первого ребенка, девочку: синдром внезапной детской смерти.

– Это грустно, и газеты будут день или два обсасывать подробности, но в мире такое случается ежедневно. Может, ежечасно. Поэтому скажите мне, в чем все-таки дело?

– Возможно, ни в чем. Иззи считает, что ни в чем.

– Иззи именно так и считает, – подтверждает она.

– Иззи скорее всего думает, что по мере приближения к финишной черте у меня становится плохо с головой.

– Иззи так не думает. Иззи просто полагает, что пора запретить пчеле, именуемой Брейди Хартсфилд, жужжать у тебя над ухом. – Она переводит взгляд серых глаз на Ходжеса. – Мисс Гибни, конечно, клубок нервных тиков и странных ассоциаций, но она очень вовремя остановила часы Хартсфилда, и за это я отдаю ей должное. Благодаря ей он сейчас в Клинике травматических повреждений головного мозга Кайнера, где, вероятно, и останется, пока не умрет от пневмонии или чего-то еще, сэкономив штату кучу денег. Ему никогда не предстать перед судом за содеянное, и мы все это знаем. Вы не поймали его после той истории у Городского центра, но годом позже Гибни не позволила ему взорвать аудиторию Минго с двумя тысячами подростков. Вы, парни, должны с этим смириться. Назвать себя победителями и двинуться дальше.

– Ух, – выдыхает Пит. – Долго готовилась?

Иззи пытается сдержать улыбку, но сдается. Пит улыбается в ответ, и Ходжес думает: «Такая же слаженная пара, как мы с Питом. Ну как можно ее разрывать? Форменное безобразие».

– Достаточно долго, – отвечает Иззи. – А теперь расскажи ему. – Она поворачивается к Ходжесу. – По крайней мере это не серые человечки из «Секретных материалов».

– А кто? – спрашивает Ходжес.

– Кит Фрайс и Криста Кантримен, – отвечает Пит. – Они были у Городского центра утром десятого апреля, когда Хартсфилд передавал людей. Фрайс, девятнадцати лет, отделался переломами голеней и бедра, четыремья сломанными ребрами и повреждениями внутренних органов. Плюс зрение правого глаза ухудшилось на семьдесят процентов. Для двадцатиоднолетней Кантримен все закончилось сломанными ребрами, сломанной рукой и травмами позвоночника, от последствий которых удалось избавиться такой болезненной терапией, что мне не хочется даже думать об этом.

Ходжесу тоже не хочется, но он много раз размышлял о жертвах Брейди Хартсфилда. По большей части о том, как злосчастные семьдесят секунд могут изменить жизни многих на долгие, долгие годы... или, в случае Мартины Стоувер, навсегда...

– Они встретились на еженедельных сессиях групповой психотерапии «Спасение – в тебе» и влюбились. Они поправлялись... пусть медленно... и собирались пожениться. Потом, в феврале прошлого года, покончили с собой. Вместе. Как поется в старой панковской песне, они выпили слишком много таблеток и умерли^[9].

Его слова заставляют Ходжеса подумать об измельчителе для таблеток на прикроватном столике у больничной кровати Стоувер. Об измельчителе с остатками окси. Мать растворила в водке весь окси, но на столе наверняка хватало и других наркотических препаратов. Почему она затеяла бодягу с мешком на голове и гелием, если могла просто закинуться викодином, догнаться валиумом и спокойно расстаться с этим миром?

– Самоубийство Фрайса и Кантримен вроде бы ничем не отличалось от других самоубийств молодых людей, которые совершаются сплошь и рядом, – подхватывает Иззи. – Родители сомневались насчет целесообразности их женитьбы. Хотели, чтобы они подождали. А сбежать вместе они не могли. Фрайс ходил с огромным трудом, и оба были без работы. Страховки хватало только на оплату еженедельных сессий групповой психотерапии и на покупку продуктов, о золотых горах, полученных Мартиной Стоувер, речь не шла. Если подвести итог, случается всякое. Это даже нельзя назвать совпадением. Люди с тяжелыми физическими травмами впадают в депрессию, а депрессивные люди иногда сводят счеты с жизнью.

– Где они это сделали?

– В спальне Фрайса, – отвечает Пит. – Когда его родители уехали на день в парк развлечений «Шесть флагов» с младшим братом Кита. Проглотили таблетки, улеглись в кровать и умерли, заключив друг друга в объятия, совсем как Ромео и Джульетта.

– Ромео и Джульетта умерли в могильном склепе, – говорит Холли, вернувшаяся на кухню. – В фильме Франко Дзеффирелли, который действительно...

– Да, все понятно, – кивает Пит. – Усыпальница, спальня, сходство налицо.

Холли держит в руке сложенный экземпляр «Инсайд вью», который лежал в гостиной на кофейном столике. Видна фотография Джонни Деппа, либо пьяного, либо обкурившегося, либо мертвого. Она все это время провела в гостиной, читая таблоид? Если так, она сегодня точно не в себе.

– «Мерседес» по-прежнему у тебя, Холли? – спрашивает Пит. – Тот самый, который Хартсфилд украл у твоей кухни Оливии?

– Нет. – Холли садится, кладет сложенный таблоид на плотно сдвинутые колени. – В прошлом ноябре я поменяла его на «приус», такой же как у Билла. «Мерседес» расходовал слишком много бензина и сильно загрязнял окружающую среду. Опять же я последовала рекомендации психоаналитика. Она сказала, что за полтора года я сумела полностью избавиться от влияния автомобиля, так что его терапевтическая ценность сошла на нет. Почему тебя это интересует?

Пит наклоняется вперед, сцепляет пальцы, опустив руки между колен.

– Хартсфилд залез в «мерседес», используя самодельный электронный прибор, чтобы открыть дверные замки. Запасной ключ лежал в бардачке. Возможно, ему это было известно, а может, ему просто повезло, и везение это обернулось Бойней у Городского центра. Наверняка мы этого никогда не узнаем.

«И Оливия Трелони, – думает Ходжес, – очень напоминала свою кухню Холли: нервная, скрытная, определенно не жаловавшая общение с людьми. Далеко не глупая, но не вызывавшая приязни. Мы не сомневались, что она не заперла «мерседес» и оставила ключ в замке зажигания, потому что такое объяснение представлялось нам наиболее простым. А кроме того, на каком-то примитивном уровне подсознания, где логическое мышление не работает, нам хотелось, чтобы это было правдой. Мы ее ненавидели. И ее неизменные утверждения, что такого быть не могло, считали наглým отказом взять на себя ответственность за собственное разгильдяйство. Ключ в сумочке, тот, что она показала нам? Мы решили, что это как раз и

был запасной ключ. Мы травили ее, а когда средства массовой информации прознали, кому принадлежал «мерседес», травить ее стали они. И в итоге она начала верить в то, в чем мы не сомневались с самого начала: она помогла монстру, замыслившему массовое убийство. Никому из нас и в голову не пришло, что компьютерный профи мог собрать прибор, открывающий автомобильные замки. В том числе и Оливии Трелони».

– Но не только мы травили ее.

Ходжес не осознает, что произнес эту фразу вслух, пока не замечает устремленных на него взглядов. Холли коротко кивает, словно следовала за его мыслями. И он такого не исключает.

– Это правда, мы ей не верили, – продолжает он, – сколько бы раз она ни говорила нам, что вытащила ключ из замка зажигания и закрыла автомобиль, поэтому отчасти мы несем ответственность за то, что она сделала, но главную роль сыграл Хартсфилд, замысливший довести ее до самоубийства. Ты к этому клонишь, да?

– Да, – кивает Пит. – Он не ограничился тем, что украл «мерседес» и превратил его в орудие убийства. Он забрался в ее голову, он установил в ее компьютер аудиопрограмму с криками и обвинениями. А потом нацелился на тебя, Кермит.

Да. Так и было.

Ходжес получил анонимное письмо – как позже выяснилось, от Хартсфилда, – когда морально опустился на самое дно, жил в пустом доме, плохо спал, не виделся ни с кем, кроме Джерома Робинсона, мальчишки, который косил лужайку и выполнял мелкий ремонт. Когда страдал от едва ли не самой распространенной болезни копов, отдавших службе всю жизнь: пенсионной депрессии.

«У вышедших на пенсию полицейских невероятно высокий процент самоубийств, – написал Брейди Хартсфилд. Это случилось до того, как они начали общаться посредством наиболее распространенного в двадцать первом веке способа – в Сети. – Я бы не хотел, чтобы Вы начали думать о Вашем табельном оружии. Но Вы думаете, ведь так?» Хартсфилд словно унюхал мысли Ходжеса о самоубийстве и пытался столкнуть его в пропасть. С Оливией Трелони у него получилось, и он решил одержать еще одну победу.

– Когда я начал работать с тобой, – продолжает Пит, – ты говорил мне, что рецидивисты похожи на турецкий ковер. Помнишь?

– Да. – Этой гипотезой Ходжес делился со многими копами. Редко кто слушал, и по скучающему выражению лица Изабель Джейнс он догадывается, что она относится к тем, кто пропускал его слова мимо

ушей. Но Пит слушал.

– Они создают тот же рисунок, снова и снова. Игнорируй мелкие отклонения, говорил ты, и ищи общее. Потому что даже у самых умных – вроде Дорожного Джо, который убивал женщин на площадках отдыха у автострад, – есть в голове какой-то переключатель, который залип на команде «Повторить». Брейди Хартсфилд был экспертом по самоубийствам...

– Он был *архитектором* самоубийств, – вставляет Холли. Она смотрит на сложенный таблоид, ее брови нахмурены, лицо бледнее обычного. Воспоминания о деле Хартсфилда даются Ходжесу тяжело (он наконец-то перестал навещать этого сукина сына, занимающего отдельную палату в Клинике травматических повреждений головного мозга), но для Холли они еще тяжелее. Он надеется, что она не даст задний ход, не начнет снова курить, однако не удивится, если такое произойдет.

– Называй это как хочешь, но рисунок тут есть. Ради Бога, он даже собственную мать довел до самоубийства.

Ходжес на это ничего не говорит, хотя всегда сомневался в убеждении Пита, будто Дебора Хартсфилд покончила с собой, узнав – возможно, случайно, – что ее сын Мерседес-убийца. Во-первых, они так и не нашли свидетельств того, что она это узнала. Во-вторых, смерть от яда для сусликов – жуткая штука. Да, не исключено, что Брейди убил свою мать, но в это Ходжес тоже не верил. Если Хартсфилд кого и любил, так это ее. Ходжес думает, что яд предназначался кому-то еще... возможно, не человеку. Вскрытие показало, что он был смешан с фаршем для гамбургеров, а шарик мясного фарша – лучшее собачье лакомство.

У Робинсонов была собака, отличный пес с болтающимися ушами. Брейди видел его много раз, потому что следил за домом Ходжеса, а Джером обычно приводил собаку с собой, когда косил лужайку. Яд для сусликов мог предназначаться Одиллу. Об этом Ходжес никогда не говорил никому из Робинсонов. И Холли, если на то пошло. Да, возможно, это полная ерунда, но она ближе к реальности, чем идея Пита о том, что мамаша Брейди покончила с собой.

Иzzi открывает рот, потом закрывает, поскольку Пит предупреждающе поднимает руку: он все-таки старший в их паре, и разница между ними приличная.

– Иззи собиралась сказать, что смерть Мартины Стоувер – убийство, а не самоубийство, но я думаю, велики шансы, что идею высказала сама Мартина, что они с матерью все обговорили и пришли к соглашению. И по моему мнению, мы имеем дело с двумя самоубийствами, хотя в

официальном рапорте будет записано иначе.

– Как я понимаю, ты проверял остальных выживших в Бойне у Городского центра? – спрашивает Ходжес.

– Все живы, за исключением Джеральда Стэнсбери, который умер вскоре после прошлого Дня благодарения, – отвечает Пит. – От инфаркта. Жена Стэнсбери сказала, что в его семье сердечные болезни – наследственные, но Джеральд прожил дольше отца и брата. Иззи права, возможно, это полная ерунда, но я подумал, что вы с Холли должны знать. – Он поочередно смотрит на них. – У вас не возникало мыслей добровольно покинуть этот мир?

– Нет, – отвечает Ходжес. – В последнее время – нет.

Холли качает головой, не отрывая глаз от таблоида.

– Как я понимаю, – говорит Ходжес, – в спальне юного мистера Фрайса, после того как он покончил с собой вместе с мисс Кантримен, загадочной буквы «зет» не нашли?

– Разумеется, нет, – отвечает Иззи.

– Насколько вам известно, – уточняет Ходжес. – Именно это ты имеешь в виду? Учитывая, что сегодня эту букву нашли?

– Я тебя умоляю! – восклицает Иззи. – Это глупо. – Она смотрит на часы и встает.

Пит следует ее примеру. Холли сидит, уставившись на экземпляр «Инсайд вью». Ходжес пока тоже не двигается с места.

– Вы просмотрите фотографии Фрайса – Кантримен, так, Пит? Проверите, чтобы убедиться, что никакой «зет» там нет?

– Да, – отвечает Пит. – Иззи, вероятно, права. Зря я вытащил вас сюда.

– Я рад, что вытащил.

– И... меня по-прежнему мучает совесть из-за того, как мы отнеслись к миссис Трелони. – Пит смотрит на Ходжеса, но тот не сомневается, что эти слова обращены к бледной худенькой женщине со сложенным таблоидом на коленях. – Тогда я несколько не сомневался, что она оставила ключ в замке зажигания. Все другие варианты отметал с ходу. И дал зарок больше никогда так не поступать.

– Понимаю, – кивает Ходжес.

– В одном, думаю, мы можем согласиться, – говорит Иззи. – Время, когда Хартсфилд мог давить людей, взрывать или побуждать к самоубийству, ушло. Поэтому, если только нас не занесло в фильм «Сын Брейди», я предлагаю покинуть дом покойной миссис Эллертон и вернуться в собственные жизни. Есть возражения?

Таковых не нашлось.

Прежде чем сесть в автомобиль, Ходжес и Холли какое-то время стоят на подъездной дорожке, обдуваемые холодным январским ветром. Он налетает с севера, из заснеженной Канады, и изгоняет привычный запах загрязненного озера, расположенного на востоке. Что приятно. В этой части Хиллтоп-Корт лишь несколько домов, и у ближайшего стоит большой щит с надписью «ПРОДАЕТСЯ». Ходжес замечает, что риелтора зовут Том Зауберс, и улыбается. Том тоже жестоко пострадал в той Бойне, но сумел выкарабкаться. Ходжеса всегда удивляла стойкость некоторых людей. Конечно, нельзя сказать, что они возвращали ему веру в светлое будущее человечества, но...

Если на то пошло, возвращали.

В автомобиле Холли кладет сложенный экземпляр «Инсайд вью» у ног, пристегивает ремень, поднимает таблоид. Ни Пит, ни Изабель не возражали, когда она попросила разрешения взять его с собой. Ходжес даже не знает, обратили они на это внимание или нет. Да и с чего? Для них дом Эллертон не место преступления, хотя и считается таковым по букве закона. У Пита еще какие-то сомнения остаются, но Ходжес думает, что они никак не связаны с полицейской интуицией и больше напоминают квазисуверенную реакцию.

«Жаль, что Хартсфилд не умер после того, как Холли огрела его моим Веселым ударником, – думает Ходжес. – Нам всем было бы гораздо проще».

– Пит вернется в участок и пересмотрит фотографии самоубийства Фрайса – Кантримен, – говорит он Холли. – С должным усердием. Но я сильно удивлюсь, если он обнаружит где-то нацарапанную букву «зет» – на плинтусе или на зеркале.

Холли не отвечает. Ее взгляд устремлен далеко-далеко.

– Холли? Ты меня слышишь?

Она чуть вздрагивает.

– Да. Просто обдумывала, как мне найти Нэнси Олдерсон в Шагрин-Фоллс. Это не должно занять много времени, поисковиков у меня предостаточно, но говорить с ней придется тебе. Теперь я могу звонить незнакомым людям в случае крайней необходимости, сам знаешь...

– Да, и у тебя хорошо получается. – Ходжес говорит правду, хотя перед таким звонком Холли всегда кладет рядом коробочку «Никоретте». Не говоря уж об упаковке пирожных «Твинкис» в ящике стола, для поддержки.

– Но я не смогу сообщить ей, что ее работодатели – возможно, ее *подруги* – мертвы. Это придется сделать тебе. Ты умеешь.

Ходжес думает, что такого не умеет никто, но озвучивать свою мысль не собирается.

– Почему? Эта Олдерсон уехала еще в пятницу.

– Она имеет право знать, – отвечает Холли. – Полиция свяжется с родственниками, это их обязанность, но они не позвонят домработнице. По крайней мере я так считаю.

Ходжес с ней согласен, и Холли права: Олдерсон имеет право знать, чтобы, приехав, не оказаться перед опечатанной полицией дверью. Но почему-то он думает, что это не единственная причина интереса Холли к Нэнси Олдерсон.

– Твой друг Пит и мисс Красотка Сероглазка ничего там не делали, – продолжает Холли. – Да, порошок для выявления отпечатков пальцев есть в спальне Мартины Стоувер, и на ее инвалидном кресле, и в ванной, где миссис Эллертон покончила с собой, но не наверху, где она спала. Они, наверное, поднимались наверх только затем, чтобы убедиться, что ни под кроватью, ни в стенном шкафу нет трупов, и на том закончили.

– Минуточку, Холли. Ты поднималась наверх?

– Конечно. Кто-то ведь должен был все досконально обследовать, а эти двое точно не собирались этого делать. Они уверены, что и так все знают. Пит позвонил тебе только потому, что струхнул.

Струхнул. Да, именно. То самое слово, которое он искал, но так и не сумел найти.

– Я тоже боюсь, – буднично признается Холли, – но это не означает, что я перестала соображать. Здесь все не так. Не так, не так, не так, и ты должен поговорить с домработницей. Я скажу тебе, какие задать вопросы, если ты сам еще не сформулировал.

– Насчет буквы «зет» на столешнице в ванной? Если ты знаешь что-то такое, чего не знаю я, просвети меня.

– Речь не о том, что я знаю, а о том, что вижу. Или ты не заметил, что находилось *рядом* с буквой «зет»?

– «Волшебный маркер»?

Она одаривает его взглядом: *Я ожидала от тебя большего.*

Ходжес прибегает к давнему полицейскому приему, который оказывался очень кстати, когда он давал свидетельские показания в суде: смотрит на фотографию снова, только на этот раз мысленно.

– Электрический провод со штепселем, вставленным в розетку рядом с раковиной.

– Да! Поначалу я подумала, что этот провод идет к читалке, и миссис Эллертон поставила ее на зарядку здесь, потому что проводила большую часть времени в этой части дома. И это удобное место для зарядки, поскольку розетки в спальне Мартины наверняка использовались для всех этих систем жизнеобеспечения. Или ты так не думаешь?

– Да, такое возможно.

– Только у меня есть и «Нук», и «Киндл»...

Разумеется, есть, думает Ходжес.

– ...и провода у них не такие. Они черные, а этот – серый.

– Может, она потеряла фирменную зарядку и купила другую в «Тех-Виллидж». – После банкротства «Дисконт электроникс», где в свое время работал Брейди Хартсфилд, в городе только этот магазин торговал электронными устройствами.

– Нет. Для читалок используют узкий штекер. А этот широкий, как для планшетов. Примерно как у моего айпада, но меньше. Это шнур от какого-то портативного устройства. И я пошла наверх, чтобы посмотреть на него.

– И там ты нашла...

– Только старый компьютер в спальне миссис Эллертон. На столе у окна. Действительно старый. С модемом.

– Господи, нет! – восклицает Ходжес. – Только не модем!

– Это не смешно, Билл. Женщины мертвы.

Ходжес умиротворяюще поднимает руку.

– Извини. Продолжай. Сейчас ты скажешь, что включила ее компьютер.

На лице Холли отражается легкое смущение.

– Да. Но только в целях расследования, которое полиция определенно проводить не собиралась. Я ничего не вынюхивала.

Ходжес может оспорить последнее утверждение, но предпочитает промолчать.

– Пароля на компьютере миссис Эллертон не оказалось, поэтому я посмотрела историю ее поисковых запросов. Она посещала немало сайтов розничных продаж, множество медицинских, насчет паралича. Очень интересовалась стволовыми клетками, что логично, учитывая состояние...

– Ты проделала все это за десять минут?

– Я читаю быстро. Но знаешь, чего я *не нашла*?

– Как я понимаю, чего-либо, связанного с самоубийством.

– Да. Тогда как она узнала о гелии? Или о том, что надо растворить эти таблетки в водке и влить в трубку, торчащую из живота ее дочери?

– Что ж, – отвечает Ходжес, – есть еще древний тайный ритуал,

именуемый чтением книг. Возможно, ты о нем слышала.

– Ты видел книги в гостиной?

Мысленно, как ранее с фотографией ванной Мартины Стоувер, он воспроизводит гостиную, осматривает ее – и Холли права. Полки с безделушками, картина с большеглазыми оборванцами, телевизор с огромным плоским экраном. Журналы на кофейном столике, но они скорее элемент декора, а не чтиво. Ни один не тянет на «Атлантик мансли».

– В гостиной книг нет, – отвечает он, – но я видел парочку на фотографии спальни Стоувер. Одна напоминала Библию. – Он бросает взгляд на сложенный таблоид «Инсайд вью», лежащий на коленях Холли. – Что у тебя там, Холли? Что ты в нем прячешь?

Когда Холли краснеет, это прямо-таки ДЕФКОН-1^[10]: кровь с такой силой приливает к ее лицу, что становится тревожно. Это происходит и сейчас.

– Это не кража, – говорит она. – Я *взяла на время*. Я никогда не краду, Билл. Никогда!

– Расслабься. Что это?

– Штуковина, к которой подходит электрический шнур в ванной. – Холли разворачивает таблоид, чтобы показать ярко-розовый гаджет с темным экраном. Он крупнее читалки, но меньше планшета. – Спустившись вниз, я на минуточку села в кресло миссис Эллертон, чтобы собраться с мыслями. Провела руками между подлокотниками и сиденьем. Ничего не искала. Просто провела.

Один из способов самоуспокоения, каких у Холли много, предполагает Ходжес. Он о них знает с тех пор, как впервые встретил Холли в компании страдающей гиперопекой матери и агрессивно-компанейского дядюшки. В компании? Нет, это неточность. Фраза предполагала равенство. Шарлотта Гибни и Генри Сируа относились к Холли как к психически ненормальному ребенку, отпущенному на день из закрытой клиники. Сейчас это совершенно другая женщина, но черты прежней Холли остались. Ходжес не возражает. В конце концов, все отбрасывают тень.

– Там эта штуковина и была. С правой стороны. Это «Заппит».

Название отзывается в глубинах памяти, хотя если дело касается компьютерных гаджетов, Ходжес отстал от жизни навсегда. Он постоянно не в ладах даже с собственным компьютером, и теперь, когда Джерома нет, Холли обычно приезжает в его дом на Харпер-роуд, чтобы привести компьютер в норму.

– Что?

– «Заппит командер». Я видела рекламу в Сети, хотя и достаточно

давно. В него загружена сотня с небольшим простых электронных игр вроде «Тетриса», «Саймона» и «Спеллтауэра». Ничего сравнимого с «Большой автокражей». Вот и скажи мне, что этот гаджет здесь делал? Откуда он в доме, где одной женщине под восемьдесят, а другая не может включить свет, не говоря уж о том, чтобы играть в видеоигры?

– Странно, конечно. Не то чтобы совсем невероятно, но странно, это точно.

– И шнур подключен рядом с этой буквой «зет», – добавляет она. – И «зет» эта – не конец, не предсмертная записка самоубийцы. Эта «зет» – от «Заппита». Во всяком случае, я так считаю.

Ходжес обдумывает ее версию.

– Возможно.

Он вновь задается вопросом, сталкивался ли с этим названием раньше, или это тот самый случай, который французы называют *faux souvenir* – ложная память? Ходжес готов поклясться, что все это как-то связано с Брейди Хартсфилдом, но не может доверять этой версии, потому что сегодня слишком много о нем думает.

Сколько времени прошло с тех пор, как он перестал ходить к Брейди? Шесть месяцев? Восемь? Нет, больше. И намного.

В последний раз он побывал в клинике вскоре после той истории с Питом Зауберсом и кладом украденных денег и записных книжек, который подросток нашел чуть ли не у себя во дворе. Тогда Ходжес увидел Брейди таким же, как и всегда – молодым человеком, находящимся под действием транквилизаторов, в клетчатой рубашке и джинсах, которые никогда не выглядели грязными. И сидел он на том же стуле, что и при прежних визитах Ходжеса в палату 217 Клиники травматических повреждений головного мозга, сидел, уставившись на многоэтажную автостоянку через дорогу.

Одно отличие в тот день все-таки было, но за стенами палаты 217. Бекки Хелмингтон, старшая медсестра, перевелась в хирургическое крыло Мемориальной больницы Кайнера, и Ходжес лишился источника информации, поставлявшего слухи о Брейди. Новую старшую медсестру отличали железные моральные принципы, а лицо ее напоминало крепко сжатый кулак. Рут Скапелли отказалась от предложенных Ходжесом пятидесяти долларов в месяц за информацию о Брейди и пригрозила сообщить о его поведении руководству, если он еще раз попытается разузнать что-либо о пациенте за деньги. «Вас даже нет в списке посетителей», – заявила она.

«Мне не нужна информация о нем лично, – возразил Ходжес. – Я знаю

все, и даже больше. Меня интересует другое: что говорят о нем сотрудники? Потому что, знаете ли, ходят слухи. В том числе невероятные».

Скапелли одарила его пренебрежительным взглядом.

«Такие слухи ходят в каждой больнице, мистер Ходжес, и всегда о пациентах, которые знамениты. Или печально знамениты, как мистер Хартсфилд. Вскоре после того, как медсестра Хелмингтон перешла из нашей клиники на новое место работы, я провела собрание персонала и ясно дала понять, что все разговоры о мистере Хартсфилде должны немедленно прекратиться, а если до меня дойдут какие-то слухи, я обязательно найду их источник, и этот человек или люди больше здесь работать не будут. Что же касается вас... – Она словно прибавила в росте и теперь смотрела на него сверху вниз, а ее лицо-кулак стало еще жестче. – Не могу поверить, что бывший полицейский, да еще отмеченный столькими наградами, может опуститься до взятки».

А вскоре после этого унижительного разговора Холли и Джером Робинсон загнали его в угол и надели с требованием прекратить визиты к Брейди. Джером в тот день был особенно серьезен и обошелся без привычных шуточек.

«Вы ничего не добьетесь в той палате, только навредите себе, – сказал тогда он. – Мы всегда знаем, когда вы с ним видите, потому что следующие два дня у вас над головой висит маленькая тучка».

«Больше недели, – уточнила Холли. Она не смотрела на него, но гнула пальцы, да так, что Ходжесу захотелось остановить ее, пока она что-нибудь себе не сломала. Ее голос, впрочем, звучал твердо и уверенно. – У него внутри ничего не осталось, Билл. Ты должен это принять. А если осталось, он радуется, когда ты приходишь к нему. Видит, что с тобой делает, и счастлив».

Они его убедили, потому что Ходжес знал: это правда. И больше он в клинике не появлялся. Чем-то это напоминало отказ от курения: поначалу трудно, со временем все легче. И теперь, случается, проходят целые недели без мыслей о Брейди и его ужасных преступлениях.

У него внутри ничего не осталось.

Ходжес напоминает себе об этом, возвращаясь в центр города, где Холли включит компьютер и начнет разыскивать Нэнси Олдерсон. Что бы ни происходило в доме, расположенном в самом конце Хиллтоп-Корт, мысли и разговоры, слезы и обещания – все закончилось залитой в питательную трубку водкой с перемолотыми таблетками и гелиевым баллоном со смеющимися детьми на картинке. Вполне вероятно, Брейди

Хартсфилд не имел к этому ни малейшего отношения, поскольку Холли в прямом смысле отшибла ему мозги. Если Ходжес в этом сомневается, то по одной причине: ему претит сама мысль о том, что Брейди сумел избежать наказания. В самом конце этот монстр ушел от него. Ходжес даже не смог врезать ему носком с железными шариками, который называет Веселым ударником, потому что его самого настиг инфаркт.

И все-таки память не дает покоя: «Заппит».

Он *знает*, что слышал это слово.

Желудок привлекает к себе внимание болью, и Ходжес вспоминает, что удрал из приемной. Понимает, что к врачу пойти придется, но завтра – слишком рано. Он подозревает, что доктор Стамос обнаружил у него язву, а такую новость можно узнать и позже.

8

Рядом с телефоном Холли лежит новая коробочка «Никоретте», но ей не приходится брать ни одной пластинки. Первая же Олдерсон оказывается невесткой домработницы и сразу интересуется, почему у кого-то из фирмы, именуемой «Найдем и сохраним», возникла необходимость пообщаться с Нэн.

– Речь о наследстве или как? – с надеждой спрашивает она.

– Минуточку, – отвечает Холли. – Подождите, пока я соединю вас с боссом. – Ходжес не ее босс, он сделал Холли полноправным партнером в прошлом году, после истории с Питом Зауберсом, но в стрессовом состоянии она частенько об этом забывает.

Ходжес, который сидит за своим компьютером, просматривая материалы на «Заппит гейм системс», берет трубку, а Холли переходит к его столу, жуя при этом воротник свитера. Ходжес нажимает клавишу перевода звонка, но лишь после того, как говорит Холли, что даже хорошо пережеванная шерсть не пойдет ей на пользу, да и свитер скорее всего придется выбросить. После чего начинает разговор с невесткой.

– Боюсь, у меня плохие новости для Нэнси. – Он быстро сообщает подробности.

– Господи, – выдыхает Линда Олдерсон (Холли уже записала ее имя в блокнот). – Нэнси будет в отчаянии, и не только потому, что потеряла работу. Эти женщины наняли ее в две тысячи двенадцатом, и она их действительно любит. В прошлом году обедала с ними на День благодарения. Вы из полиции?

– Я на пенсии, – отвечает Ходжес, – но работаю с командой, которая расследует это дело. Меня попросили связаться с миссис Олдерсон. – Он не думает, что совесть будет мучить его за эту ложь, поскольку Пит сделал первый шаг, пригласив его на место преступления. – Вы не подскажете мне, как с ней связаться?

– Я дам вам номер ее мобильного. Она поехала в Шагрин-Фоллс на день рождения брата, который отмечали в субботу. Ему исполнилось сорок, поэтому жена Гарри решила устроить праздник. Нэнси собиралась остаться там до среды или четверга. Так, во всяком случае, предполагалось. Но новость заставит ее вернуться, я уверена. Нэн живет одна после смерти Билла – брата моего мужа. Компанию ей составляет только кот. Миссис Эллертон и мисс Стоувер заменяли ей семью. Их смерть очень ее расстроит.

Ходжес записывает номер и тут же перезванивает. Нэнси Олдерсон отвечает после первого гудка. Ходжес представляется, потом сообщает новости.

Несколько секунд царит полная тишина, потом она говорит:

– Не может быть. Это какая-то ошибка, детектив Ходжес.

Он не поправляет ее, потому что удивлен реакцией.

– Почему вы так думаете?

– Потому что они были *счастливы*. Они прекрасно ладили, вместе смотрели телевизор: фильмы по DVD-плееру, кулинарные шоу, ток-шоу, на которых женщины рассказывают веселые истории в компании знаменитостей. Вы, возможно, не поверите, но в этом доме постоянно звучал смех. – Нэнси Олдерсон колеблется, потом все-таки говорит: – Вы уверены, что говорите о тех людях? О Джейн Эллертон и Марти Стоувер?

– К сожалению, да.

– Но... она сжилась со своим состоянием! В смысле Марти. Мартина. Привыкнуть к тому, что ты парализована, говорила она, легче, чем к тому, что ты – старая дева. Мы с ней постоянно обсуждали это. Наше одиночество. Потому что я потеряла мужа, знаете ли.

– То есть мистера Стоувера никогда не было?

– Нет, был. Муж Джейнис. Она прожила с ним недолго, но никогда об этом не сожалела, потому что у нее появилась Мартина. У Марти был бойфренд незадолго до того трагического инцидента, но он умер от инфаркта. Мгновенно. Марти говорила, что он держал себя в форме, три раза в неделю ходил в фитнес-клуб. Она считала, что именно это его и убило. Потому что сердце у него было сильное, но что-то в нем закупорилось, и оно просто взорвалось.

Ходжес, выживший после инфаркта, напоминает себе: никаких фитнес-клубов.

– Марти говорила, что остаться одной после смерти любимого – худшая форма паралича. Я не испытывала таких чувств по отношению к моему Биллу, но понимала, что она хотела этим сказать. Преподобный Хейрайд часто приходил к ней, Марти называла его своим духовным советником, но даже когда не приходил, они с Джейн каждый день читали Библию и молились. В полдень. Марти думала о том, чтобы записаться на бухгалтерские онлайн-курсы. У них есть специальные программы для паралитиков, вы это знали?

– Нет, – отвечает Ходжес, пишет в своем блокноте большими буквами: «СТОУВЕР СОБИРАЛАСЬ УЧИТЬСЯ НА БУХГАЛТЕРА ПО КОМПЬЮТЕРУ» – и показывает Холли. Та вскидывает брови.

– Разумеется, временами случались слезы и печаль, но по большей части они были *счастливы*. По крайней мере... ну, я не знаю...

– О чем вы сейчас подумали, Нэнси? – Он автоматически переключается на имя – еще один полицейский прием.

– Может, это и ерунда. *Марти* казалась счастливой, как и всегда, она просто источала любовь, находила светлую сторону во всем, но Джейн в последнее время держалась чуть отстраненно, словно что-то на нее давило. Я думала, это тревога из-за денег или послерождевенская хандра. Я и *представить* не могла... – Она всхлипывает. – Извините, мне надо высморкаться.

– Конечно.

Холли хватает блокнот. Пишет она маленькими буковками – Ходжес про себя часто называет их овечьими какашками, – и приходится поднести блокнот чуть ли не к самому носу, чтобы прочитать написанное: «Спроси ее насчет “Заппита”!»

В ухо ударяет трубный глас: Олдерсон шумно сморкается.

– Извините.

– Все нормально. Нэнси, вы, случайно, не в курсе, была ли у миссис Эллертон маленькая портативная игровая приставка? В розовом корпусе?

– Господи Иисусе, откуда вы это знаете?

– Я в действительности ничего не знаю, – честно отвечает Ходжес. – Я лишь детектив на пенсии, и у меня список вопросов, которые мне надо вам задать.

– Она говорила, что получила ее от какого-то мужчины. Тот сказал, что платить за этот игровой гаджет не надо, если она пообещает заполнить вопросник и отослать компании. Штуковина чуть больше книги карманного

формата. Какое-то время я видела ее в доме...

– Когда это произошло?

– Точно не помню, но до Рождества, я в этом уверена. Впервые я увидела ее на кофейном столике в гостиной. Она лежала рядом с вопросником и после Рождества... я это знаю, потому что маленькую елочку убрали... а потом я заметила приставку на кухонном столе. Джейн сказала, что включила гаджет, чтобы посмотреть, что он может, и нашла всякие игры, с десятков, а то и больше, вроде «Клондайка», «Картины» или «Пирамиды», те же пасьянсы. Потом, раз уж начала в них играть, Джейн заполнила вопросник и отправила по указанному адресу.

– Она заряжала гаджет в ванной Марти?

– Да, ведь это было самое удобное место. Вы понимаете, большую часть времени она проводила в той части дома.

– Да, да. Вы сказали, миссис Эллертон стала держаться отстраненно...

– Чуть отстраненно, – тут же поправляет его Олдерсон. – По большей части оставалась такой же, как и всегда. Лучилась любовью, как и Марти.

– Но что-то ее тяготило.

– Думаю, да.

– Давило на нее.

– Ну...

– И вы обратили на это внимание примерно в то время, когда у миссис Эллертон появилась эта портативная игровая приставка?

– Пожалуй, да, если подумать об этом, но почему раскладывание пасьянса на этой маленькой розовой штуковине вгоняло ее в депрессию?

– Я не знаю, – отвечает Ходжес и пишет в блокноте: «ДЕПРЕССИЯ». Думает, что это далеко не одно и то же, отстраненность и депрессия.

– Родственникам сообщили? – спрашивает Олдерсон. – В городе их нет, но есть какая-то родня в Огайо и, думаю, в Канзасе. А может, в Индиане. Имена должны быть в ее записной книжке.

– Пока мы разговариваем, полиция этим занимается, – отвечает Ходжес, хотя собирается позвонить Питу, чтобы убедиться, что так оно и есть. Прежний напарник, наверное, разозлится, но Ходжеса это не волнует. Печаль Нэнси Олдерсон сквозит в каждом слове, и ему хочется хоть как-то ее утешить. – Позвольте задать еще вопрос?

– Конечно.

– Вы не заметили, чтобы около дома болтался кто-то посторонний? Человек, у которого не было причины там появляться?

Холли энергично кивает.

– Почему вы спрашиваете? – В голосе Олдерсон звучит искреннее

изумление. – Вы же не думаете, что *посторонний*...

– Я ни о чем не думаю, – мягко отвечает Ходжес. – Я просто помогаю полиции, поскольку за последнее время многих сотрудников сократили. Урезание бюджетных расходов.

– Знаю, это ужасно.

– Поэтому мне дали список вопросов, и этот – последний.

– Никого не было. Я бы заметила благодаря крытому переходу между домом и гаражом. Гараж отапливается, в нем кладовка и прачечная. Я постоянно хожу по крытому переходу, а оттуда видна улица. В этот конец Хиллтоп-Корт редко кто заходит, потому что дом Джейн и Марти – последний. За ним находится разворот. Конечно, заглядывает почтальон, служба доставки – обычно «Ю-пи-эс», а иногда «ФедЭкс». Вот и все, разве что кто-то заблудится. Эта часть улицы всегда была в нашем полном распоряжении.

– То есть никто около дома не крутился.

– Совершенно верно, сэр.

– А тот мужчина, который дал миссис Эллертон портативную игровую приставку?

– Нет, он подошел к ней в «Риджлайн фудс». Это бакалейный магазин у подножия холма, где Сити-авеню пересекается с Хиллтоп-Корт. Примерно в миле есть «Крогер», в торговом центре «Сити-авеню-плаза», но Джейнис туда не ездит, хотя там все немного дешевле, говорит, покупать надо там, где живешь, если ты... ты... – Из ее груди вырывается громкое рыдание. – Но больше она вообще в магазин не пойдет, да? Господи, не могу в это поверить. Джейн никогда бы не причинила Марти вреда, никогда в жизни.

– Это очень печально, – говорит Ходжес.

– Я должна вернуться сегодня. – Олдерсон обращается скорее к себе, чем к Ходжесу. – Родственники приедут не сразу, и кто-то должен позаботиться о подготовке похорон.

Последняя обязанность домработницы, думает Ходжес и находит эту мысль трогательной и ужасающей.

– Я хочу поблагодарить вас за уделенное мне время, Нэнси. Я дам вам знать...

– Разумеется, был тот старик, – прерывает его Олдерсон.

– Какой старик?

– Я видела его несколько раз возле дома пятнадцать восемьдесят восемь. Он парковался около тротуара и просто стоял, глядя на дом. Тот, что на другой стороне улицы, чуть ниже по склону. Вы, возможно, не

обратили внимания, но он выставлен на продажу.

Ходжес внимание обратил, но не говорит этого. Не хочет прерывать.

– Однажды он пересек лужайку и заглянул в окно у двери. Это случилось перед последним сильным снегопадом. Я думаю, он просто хотел посмотреть, что внутри. – Она нервно смеется. – Хотя моя мама сказала бы, что он вздумал помечтать, поскольку не казался человеком, который может позволить себе такую покупку.

– Не казался?

– Да. Одежда рабочего, понимаете, плотные зеленые штаны вроде «Дикис», куртка с капюшоном и заплатой на рукаве из малярного скотча. И автомобиль совсем старый, с пятнами грунтовки. Мой муж называл такую лаком для бедных.

– Вы, случайно, не обратили внимания, что это был за автомобиль? – спрашивает Ходжес, а в блокноте пишет: «ВЫЯСНИ ДАТУ ПОСЛЕДНЕГО СИЛЬНОГО СНЕГОПАДА». Холли читает и кивает.

– Нет, извините, в автомобилях я не разбираюсь. Даже не помню цвет, только пятна грунтовки. Мистер Ходжес, вы точно уверены, что нет никакой ошибки? – В ее голосе мольба.

– Я бы с радостью признался в ошибке, Нэнси, но не могу. Вы нам очень помогли.

– Правда? – произносит она с сомнением.

Ходжес диктует ей свой номер, номер Холли и офиса. Просит позвонить, если она вспомнит что-то новое, упущенное ими. Напоминает ей, что этим делом может заинтересоваться пресса, потому что Мартину парализовало в Бойне у Городского центра в 2009 году, и подчеркивает, что она, Нэнси, не обязана говорить ни с репортерами, ни с телевизионщиками.

Нэнси Олдерсон плачет, когда он разрывает связь.

На ленч он ведет Холли в «Сад панды», ресторан, расположенный в квартале от их офиса. Еще рано, в обеденном зале кроме них почти никого нет. Холли мяса не ест и заказывает овощное рагу. Ходжес любит говяжью вырезку кусочками в остром соусе, но сейчас его желудок такого не позволяет, поэтому он останавливается на ягнятине. Оба едят палочками. Холли – потому что легко ими управляется, Ходжес – потому что с ними ест медленнее, и, возможно, пожар в животе будет не таким сильным.

– Последний большой снегопад прошел девятнадцатого декабря, –

говорит Холли. – Синоптики сообщили об одиннадцати дюймах снега на Гавенмент-сквер и о тринадцати в Брэнсон-Парк. Не такой уж сильный, но в эту зиму их было только два, и раньше насыпало каких-то четыре дюйма.

– За шесть дней до Рождества. Примерно в то время, когда, по словам Олдерсон, Джейнис Эллертон получила «Заппит».

– Думаешь, дом осматривал тот самый мужчина, который дал ей этот гаджет?

Ходжес цепляет кусочек брокколи. Вероятно, она полезна для здоровья, как и все овощи с отвратительным вкусом.

– Едва ли Эллертон взяла бы что-нибудь у человека в залатанной куртке. Я не исключаю такой возможности, но мне это представляется маловероятным.

– Ешь свой ленч, Билл. Если я еще сильнее обгоню тебя, это будет выглядеть совсем неприлично.

Ходжес ест, хотя аппетита у него в эти дни никакого, даже когда желудок не закатывает ему концерт. Если кусок застревает в горле, Ходжес запивает его чаем. Может, это хорошая идея, потому что чай определенно помогает. Он думает о результатах обследования, которые ему еще только предстоит увидеть. Вдруг приходит мысль, что его проблема может оказаться похуже язвы. Чего там, возможно, язва была бы наилучшим вариантом. От язвы хотя бы есть лекарства. А вот от другого...

Когда обнажается центр тарелки (но Господи, там еще так много еды), он откладывает палочки.

– Пока ты выходила на след Нэнси Олдерсон, я кое-что выяснил.

– Расскажи.

– Почитал об этих «Заппитах». Просто удивительно, как компьютерные компании появляются, а потом исчезают. Прямо-таки июньские одуванчики. «Коммандер» не покорила рынок. Слишком просто, слишком дорого, слишком сильная конкуренция. Акции «Заппит Инк.» пошли вниз, и их купила компания, которая называлась «Санрайз солюшнс». Два года назад эта компания подала заявление о банкротстве и канула в Лету. Выходит, фирмы, производившей эти гаджеты, на рынке давно нет, и раздававший «Коммандеры» мужчина прокручивал какую-то аферу.

Холли быстро соображает, что к чему.

– То есть вопросник служил одной цели: добавить правдоподобности всей истории. Но этот парень не пытался выкачать из нее деньги, так?

– Нет, во всяком случае, мы этого не знаем.

– Происходит что-то очень странное, Билл. Ты собираешься поставить

в известность детектива Хантли и мисс Красотку Сероглазку?

Ходжес как раз взял с тарелки крошечный кусочек ягнятины и мгновенно воспользовался предложением бросить его обратно.

– Почему ты не любишь ее, Холли?

– Потому что она считает меня чокнутой, – будничным тоном отвечает Холли. – Вот и все.

– Я уверен, она...

– Считает. И не сомневайся. Она, вероятно, думает, что я опасна для окружающих, из-за того что отделала Брейди Хартсфилда на концерте «Здесь и сейчас». Но мне без разницы. Я сделаю это снова. Тысячу раз!

Ходжес накрывает ее руку своей. Палочки, которые Холли сжимает в кулаке, вибрируют, как камертон.

– Я знаю, что сделаешь, и всякий раз будешь права. Ты спасла тысячу жизней, по самым скромным подсчетам.

Холли высвобождает руку, начинает подбирать зернышки риса.

– Пусть считает меня чокнутой, я это переживу. С такими людьми мне приходилось иметь дело всю жизнь, начиная с моих родителей. Но есть и кое-что еще. Изабель видит только то, что видит, и ей не нравятся люди, которые могут видеть больше или хотя бы ищут то, что не лежит на поверхности. Точно так же она относится и к тебе, Билл. Ревнует тебя. К Питу.

Ходжес молчит. Такое ему в голову не приходило.

Холли кладет палочки на стол.

– Ты не ответил на мой вопрос. Собираешься рассказать им о том, что мы выяснили?

– Пока нет. Сначала я хочу кое-что сделать, если ты побудешь в офисе во второй половине дня.

Холли улыбается, глядя на остатки овощного рагу.

– Я всегда так делаю.

Билл Ходжес не единственный, кому с первого взгляда не нравится новая старшая, пришедшая вместо Бекки Хелмингтон. Медсестры и санитары Клиники травматических повреждений головного мозга называют место своей работы Ведром, от «головного ведра»^[11], и очень скоро Рут Скапелли получает прозвище медсестра Гнусен^[12]. К окончанию

третьего месяца работы в клинике она наказала трех медсестер за различные мелкие провинности и уволила одного санитаря за курение в подсобке. Она также запретила ношение ярких униформ как «слишком отвлекающих» и «слишком вызывающих».

Врачей она при этом устраивает. Они находят ее энергичной и компетентной. С пациентами она тоже энергичная и компетентная, но еще и демонстрирует холодность, граничащую с пренебрежением. Она никому не позволяет называть даже самых безнадежных кретинами, придурками или овощами, во всяком случае, в своем присутствии, но ее *отношение* к ним чувствуется.

«Свое дело она знает, – сказала одна медсестра другой в комнате отдыха, вскоре после того как Скапелли приступила к исполнению своих обязанностей. – С этим не поспоришь, но чего-то в ней не хватает».

Вторая медсестра, отработавшая тридцать лет и повидавшая многое и многих, обдумала услышанное, а потом коротко ответила: «Le mot juste». Милосердия.

Скапелли никогда не демонстрирует холодность или пренебрежение, сопровождая Феликса Бэбино, главного невролога, во время обхода больных, да он бы, наверное, и не заметил. Некоторые врачи все-таки кое-что замечают, но редко обращают внимание: деяния низших существ, таких как медсестры, пусть даже старшие, никоим боком их не касаются.

Скапелли словно чувствует: какая бы беда ни обрушилась на пациентов Клиники травматических повреждений головного мозга, вина за нынешнее состояние отчасти лежит на них самих, и если бы они прилагали больше усилий, то, конечно, вернули бы часть утерянных способностей. Но при этом она выполняет свои обязанности, и выполняет хорошо, возможно, даже лучше Бекки Хелмингтон, которую все любили гораздо больше. Если бы Скапелли об этом сказали, она бы ответила, что находится здесь не для того, чтобы ее любили. Задача у нее одна – заботиться о пациентах, и ничего больше.

Впрочем, есть в клинике один пациент, которого она ненавидит. Это Брейди Хартсфилд. И не потому, что ее знакомого или родственника изувечили или убили у Городского центра. Причина в другом: она думает, что он симулирует. Скрывается от наказания, которого в полной мере заслуживает. По большей части она держится от него подальше и позволяет другим сотрудникам возиться с ним: один лишь его вид ввергает ее в дикую ярость. Она убеждена, что общество только выиграло бы, избавившись от этого злобного существа. Есть и другая причина, заставляющая ее избегать Брейди: она не ручается за себя, когда находится

в его палате. Дважды она кое-что сделала. Если бы это всплыло, ее могли бы уволить. Но в этот январский день, когда Ходжес и Холли заканчивают ленч, Скапелли словно на невидимом тросе что-то буквально тащит к палате 217. Утром она уже заходила сюда, поскольку доктор Бэбино настаивает на том, чтобы она сопровождала его при обходе, а Брейди – пациент-звезда. Доктор Бэбино восторгается его уникальными достижениями.

«Он вообще не должен был выйти из комы, – говорил ей Бэбино вскоре после того, как она появилась в Ведре. Обычно главный невролог – ни рыба ни мясо, но он очень оживляется, если разговор заходит о Брейди. – И посмотрите на него теперь! Он может проходить короткие расстояния, да, с чьей-то помощью, но все-таки может, он ест сам и отвечает, вербально или знаками, на простые вопросы».

Хартсфилд также едва не проткнул себе глаз вилкой, могла бы добавить Рут Скапелли (но не добавляет), и его вербальные ответы для нее звучат как «куд-кудах» и «гы-гы». А отходы жизнедеятельности! Надень на него подгузники «Депенс», и они останутся сухими. Сними их, и он дует в постель регулярно, как часы. Еще и испражняется, если есть такая возможность. Словно знает, когда это надо сделать. Она уверена: он *знает*.

Знает он и другое (в этом у нее нет ни малейших сомнений): Скапелли его не любит. Этим самым утром, когда осмотр закончился и доктор Бэбино мыл руки в примыкающей к палате ванной комнате, Брейди вскинул голову, чтобы взглянуть на нее, и поднял руку на уровень груди. Трясущиеся пальцы сжались в кулак. А потом средний палец медленно разогнулся.

Поначалу Скапелли едва осознавала, что видит: Брейди Хартсфилд посылает ее на три буквы. А потом, когда вода в ванной перестала течь, две пуговицы на ее униформе оторвались, обнажив середину широкого бюстгальтера «Плейтекс 18-ауэ комфорт стрэп». Она не верила слухам об этом выродке, *отказывалась* им верить, но теперь...

Он ей улыбался. Чего там, *ухмылялся*, глядя на нее.

И вот она подходит к палате 217 под успокаивающую музыку, которая льется из динамиков под потолком. На ней запасная униформа, розовая, которую она держит в шкафчике и не любит. Она смотрит по сторонам, желая убедиться, что никто не обращает на нее внимания, делает вид, что вглядывается в температурный лист, на случай если кого-то не заметила, и проскальзывает в палату. Брейди сидит на стуле у окна, как всегда. На нем одна из его четырех клетчатых рубашек и джинсы. Волосы причесаны, щеки гладкие, как у младенца. Значок-пуговица на нагрудном кармане извещает: «МЕНЯ ПОБРИЛА МЕДСЕСТРА БАРБАРА».

«Он живет, как Дональд Трамп, – думает Рут Скапелли. – Убил восемь человек, искалечил бог знает сколько, пытался взорвать тысячи девочек-подростков на поп-концерте, а теперь сидит здесь, еду ему приносят личная прислуга, одежду стирают и гладят, лицо бреют. Трижды в неделю ему делают массаж. Четыре раза в неделю он посещает *водолечебницу* и принимает *горячие ванны*.

Живет, как Дональд Трамп? Гм... Скорее как вождь какого-нибудь племени из пустыни одной из богатых нефтью стран Ближнего Востока».

А если бы она сообщила Бэбино, что он показал ей палец?

О нет, ответил бы Бэбино. Нет, медсестра Скапелли. Вы видели лишь непроизвольную мышечную судорогу. Его мозг еще не может выдать команду на такой жест. А если бы и мог, с чего ему показывать вам палец?

– С того, что ты меня не любишь, – говорит она, наклоняясь вперед и упираясь руками в прикрытые розовой юбкой колени. – Так, мистер Хартсфилд? И в этом мы квиты, потому что я не люблю тебя.

Он на нее не смотрит, не подает виду, что услышал. Не отрывает глаз от многоэтажной автостоянки на другой стороне дороги. Но он ее слышит, она в этом уверена, и полное отсутствие реакции злит еще больше. Когда она говорит, люди *должны* слушать.

– Мне что, поверить, будто ты оторвал пуговицы моей униформы силой мысли?

Никакой реакции.

– Я знаю, что это не так. Я давно собиралась заменить эту униформу. Она мне стала узка. Ты можешь дурить более доверчивых медсестер, но со мной этот номер не пройдет, мистер Хартсфилд. Все, на что ты способен, это сидеть на стуле. И гадить в постель всякий раз, когда у тебя появляется шанс.

Никакой реакции.

Скапелли бросает взгляд на дверь, желая убедиться, что она закрыта, потом отрывает левую руку от колена и протягивает к нему.

– Все эти люди, которых ты убил и покалечил... Некоторые мучаются до сих пор. Тебя это радует? Радует, так? А как это понравится *тебе*? Давай выясним?

Она находит его сосок, потом сжимает большим и указательным пальцами. Ногти у нее короткие, но она с силой вдавливают их в кожу. Поворачивает в одну сторону, потом в другую.

– Это боль, мистер Хартсфилд. Нравится?

Его лицо бесстрастно, как и всегда, и это приводит Скапелли в бешенство. Она склоняется ниже, их носы почти соприкасаются. Ее лицо

еще больше напоминает кулак. За очками выпучиваются синие глаза. В уголках губ блестят капельки слюны.

– Я могу проделать это и с твоими яйцами, – шепчет она. – И, пожалуй, проделаю.

Да. Она может. В конце концов, Бэбино он ничего не скажет. Его словарный запас – четыре десятка слов, и лишь несколько человек могут понять, что он говорит. «Я хочу еще каши» звучит как «я-оч-е-аш». Прямотаки разговор индейцев в каком-нибудь старом вестерне. На удивление чисто он произносит только одну фразу: «Позовите маму». И несколько раз Скапелли получала огромное удовольствие, ставя Брейди в известность, что его мать мертва.

– Ты думаешь, что доктор Бэбино пляшет под твою дудку, но на самом деле все наоборот. Это *ты* пляшешь под его дудку. Ты – его подопытная свинка. Он думает, что я не знаю об экспериментальных лекарствах, которые он тебе дает, но я знаю. Витамины, говорит он. Витамины, чтоб мне сдохнуть. Я знаю все, что здесь происходит. Он думает, что сможет полностью тебя вылечить, но этого никогда не случится. Потому что тебе вышибли мозги. А если и случится? Тогда ты пойдешь под суд. А потом в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. И в тюрьме Уэйнсвилл никаких горячих ванн тебе не пропишут.

Она сжимает сосок так сильно, что выступают сухожилия на запястье, но Брейди все равно не подает виду, будто что-то чувствует. Равнодушно смотрит на автостоянку. Если она продолжит, кто-нибудь из медсестер увидит посиневший, опухший сосок, и запись об этом появится в медицинской карте.

Скапелли разжимает пальцы, отступает на шаг, тяжело дыша, и жалюзи над окном резко звякают. Звук этот заставляет ее подпрыгнуть и оглянуться. А когда она вновь поворачивается к Хартсфилду, тот уже смотрит не в окно – на *нее*. И глаза у него ясные и осмысленные. Скапелли ощущает укол страха и отступает на шаг.

– Я могла бы донести на Бэбино, – говорит она, – но врачи умеют выкручиваться, особенно если это их слово против слова сестры, даже старшей. Да и зачем мне это надо? Пусть экспериментирует над тобой. Даже Уэйнсвилл слишком хорош для тебя, мистер Хартсфилд. Может, Бэбино даст тебе какое-нибудь снадобье, которое тебя убьет. Именно этого ты и заслуживаешь.

Тележка с едой грохочет в коридоре: кому-то везут поздний ленч. Рут Скапелли дергается, словно ее вырвали из глубокого сна, и пятится к двери, переводя взгляд с Хартсфилда на затихшие жалюзи и снова на Хартсфилда.

– Оставляю тебя наедине с твоими мыслями, но напоследок скажу вот что: если еще раз покажешь мне палец, достанется твоим яйцам.

Рука Брейди поднимается с колен к груди. Она трясется, но дело тут исключительно в регуляции моторики. Мышечный тонус вернулся не полностью, несмотря на физиотерапию и лечебную физкультуру, десять занятий в неделю.

Скапелли таращится, отказываясь верить своим глазам: средний палец распрямляется и предстает перед ней во всей красе.

А губы Брейди растягиваются в мерзкой ухмылке.

– Ты же ненормальный, – шепчет она. – Выродок.

Но не подходит к нему. Внезапный, иррациональный страх охватывает ее. Она не знает, чем это может кончиться.

11

Том Зауберс с радостью готов выполнить просьбу, с которой обратился к нему Ходжес, пусть ради этого и придется перенести пару встреч во второй половине дня. Его долг перед Ходжесом намного больше, чем поездка в пустующий дом в Ридждейле. Именно бывший коп с помощью своих друзей, Джерома и Холли, спас жизни сына и дочери Тома. Возможно, и жены тоже.

Он отключает охранную сигнализацию, нажимая цифры на пульте, – последовательность написана на листке, лежащем в папке, которую он принес с собой. Проводя Ходжеса по комнатам первого этажа под гулкое эхо шагов, Том начинает привычно расхваливать товар. Да, довольно далеко от центра города, с этим не поспоришь, зато все блага цивилизации – вода, канализация, вывоз мусора, школьные и муниципальные автобусы – достаются тебе без городского шума.

– И помимо наличия охранной сигнализации дом подключен к кабельным сетям, – заключает он.

– Это все здорово, но я не собираюсь его покупать.

Том с любопытством смотрит на него:

– Тогда зачем мы сюда приехали?

Ходжес не находит оснований скрывать истинную причину:

– Чтобы узнать, не использовал ли кто-нибудь это место для наблюдения за домом на другой стороне улицы, в котором в прошлые выходные произошли убийство и самоубийство.

– В доме шестнадцать ноль один? Господи, Билл, это ужасно.

«Точно, – думает Ходжес, – и я уверен, что ты уже прикидываешь, с кем поговорить, чтобы продажа дома шла через тебя».

Но он не собирался винить в этом человека, столько пережившего после Бойни у Городского центра. Это его работа.

– Вижу, вы уже обходитесь без трости, – подмечает он, когда они поднимаются на второй этаж.

– Обычно пользуюсь ею вечером, особенно в дождливую погоду, – отвечает Том. – Ученые говорят, что утверждения, будто в дождь суставы болят сильнее, – бред сивой кобылы, но я готов подтвердить, что это стопроцентная истина. Мы сейчас в главной спальне, она расположена так, чтобы видеть восход солнца. И ванная большая и удобная, в душевой есть пульсирующий режим, а дальше по коридору...

Да, хороший дом, Ходжес и не ожидал ничего другого от Ридждейла, но при этом никаких признаков, что здесь в последнее время кто-то побывал.

– Посмотрели все, что хотели? – спрашивает Том.

– Да, пожалуй. Вы не заметили ничего необычного?

– Нет. И охранный сигнализация здесь надежная. Если бы кто-то проник в дом...

– Да, – кивает Ходжес. – Извините, что вытащил вас в такой холодный день.

– Ерунда. Мне постоянно приходится куда-то ездить. И повидаться с вами мне в радость. – Они выходят из двери кухни, которую Том тут же запирает на замок. – А вы, по-моему, сильно похудели.

– Знаете, как говорится, нельзя быть слишком тощим или слишком богатым.

Том, который после полученных у Городского центра увечий, был слишком тощим и слишком бедным, натужно улыбается и направляется к передней части дома. Ходжес следует за ним, потом останавливается.

– Мы можем заглянуть в гараж?

– Конечно, но смотреть там нечего.

– И тем не менее.

– Не оставляете без внимания ни одну мелочь, так? Подождите, только отыщу нужный ключ.

Однако ключ искать не приходится, потому что дверь в гараж приоткрыта на пару дюймов. Оба мужчины молча смотрят на дверную раму, расщепленную у замка.

– И как это понимать? – наконец спрашивает Том.

– Охранный сигнализация есть только в доме, правильно?

– Да. В гараже охранять нечего.

Ходжес заходит в прямоугольное помещение с обшитыми деревом стенами и бетонным полом. На бетоне – следы обуви. Ходжес видит пар от собственного дыхания и кое-что еще. Перед левыми подъемными воротами – стул. Кто-то сидел здесь и, видимо, смотрел на улицу.

В левой половине живота Ходжеса усиливаются неприятные ощущения, тянутся щупальцами к пояснице, но эта боль ему давно знакома, и временно ее затмевает возбуждение.

«Кто-то сидел здесь и следил за домом шестнадцать ноль один, – думает он. – Я бы поставил на это собственную ферму, если бы она у меня была».

Ходжес идет к воротам и садится на стул, как, похоже, сидел наблюдатель. В центре ворот – три окна, расположенных в ряд, и с правого стерта пыль. Прямо перед ним – окно большой гостиной дома шестнадцать ноль один.

– Эй, Билл, – зовет Том. – Что-то лежит под стулом.

Ходжес нагибается, чтобы посмотреть, пусть от этого движения в животе снова вспыхивает боль. Он видит черный диск диаметром дюйма три. Поднимает его, держа за края. На диске золотом выгравировано одно слово: «ШТАЙНЕР».

– Это от фотоаппарата? – спрашивает Том.

– От бинокля. Богатые полицейские управления пользуются биноклями «Штайнер».

С хорошим биноклем «Штайнер» – а насколько известно Ходжесу, плохих эта фирма не делает – наблюдатель все видел так, будто находился в гостиной Эллертон – Стоувер, при условии, что жалюзи подняты... и они были подняты, когда Ходжес с Холли побывали в доме этим утром. Черт, если бы женщины сейчас смотрели канал Си-эн-эн, он мог бы прочитать новостную строку, бегущую у нижней границы экрана.

У Ходжеса нет полиэтиленового пакета для улики, но в кармане лежит упаковка бумажных салфеток. Он достает две, осторожно заворачивает в них крышку окуляра, убирает во внутренний карман пальто. Поднимается со стула (провоцируя еще один укол боли, и вообще во второй половине дня живот болит сильнее), когда замечает кое-что еще. Кто-то вырезал одну букву на деревянной перемычке между подъемными воротами, возможно, перочинным ножом.

Букву «зет».

Они уже подходят к подъездной дорожке, когда Ходжеса настигает новая беда: раскаленная стрела боли вонзается под левое колено. Ощущение как от удара ножом. Ходжес вскрикивает от боли и от неожиданности, наклоняется, начинает растирать ногу, стараясь избавиться от судороги. Или хотя бы уменьшить боль.

Том тоже наклоняется, поэтому ни он, ни Ходжес не видят старенький «шевроле», который медленно катит по Хиллтоп-Корт. На выцветшей синеве кузова выделяются пятна грунтовки. Старик за рулем притормаживает, чтобы получше разглядеть мужчин. Потом «шевроле» ускоряется, выплюнув облако сизого дыма, и проезжает мимо дома Эллертон – Стоувер, направляясь к развороту в конце улицы.

– Что такое? – озабоченно спрашивает Том. – Что случилось?

– Судорога, – цедит Ходжес, морщась от боли.

– Разотрите мышцу.

Ходжес бросает на него короткий взгляд:

– А что я, по-вашему, делаю?

– Позвольте мне.

Том Зауберс теперь специалист по лечебной физкультуре. И все благодаря посещению одной ярмарки вакансий шесть лет назад. Он отводит руку Ходжеса, снимает перчатку и вдавливая пальцы в мышцу. Сильно.

– Господи! Чертовски больно!

– Знаю, – говорит Том. – Ничего не поделаешь. Постарайтесь перенести вес на здоровую ногу.

«Малибу» в пятнах грунтовки вновь медленно проезжает мимо, на этот раз направляясь к подножию холма. Водитель еще раз окидывает мужчин долгим взглядом, потом давит на педаль газа.

– Отпускает, – говорит Ходжес. – Возблагодарим Господа за маленькие радости. – Но живот в огне, и поясница подает отчаянные сигналы.

Том с тревогой смотрит на него:

– Вы уверены, что с вами все в порядке?

– Да. Судорога, ничего больше.

– А может, тромбоз. Вы уже не мальчик. Вам надо показаться врачу. Если бы с вами что-то случилось, пока вы были со мной, Пит меня бы не простил. И его сестра тоже. Мы перед вами в огромном долгу.

– Об этом я уже позаботился. Мне назначено на завтра, – отвечает

Ходжес. – Уходим отсюда. Чертовски холодно.

Первые два или три шага он прихрамывает, но потом боль под коленом уходит полностью, и дальше он идет нормально. Нормальнее Тома. Встреча с Брейди Хартсфилдом в апреле 2009 года закончилась для Тома Зауберса неизлечимой хромотой.

Когда Ходжес приезжает домой, живот болит не сильно, но усталость валит с ног. Теперь он так легко устает. Он говорит себе, что причина в плохом аппетите или полном его отсутствии, но вновь задается вопросом, а в этом ли дело. По пути из Ридждейла Ходжес дважды слышал звон разбитого стекла и крики мальчишек, приветствующих круговую пробежку, но он никогда не достает мобильник, если ведет автомобиль, отчасти потому, что это опасно (и запрещено правилами дорожного движения штата), а по большей части потому, что отказывается становиться рабом мобильного.

Кроме того, не нужно быть телепатом, чтобы догадаться, от кого как минимум одна из полученных эсэмэсок. И он тянет время: сначала заходит в дом и вешает пальто в стенной шкаф в прихожей, предварительно коснувшись кармана, чтобы убедиться, что крышка от окуляра никуда не делась.

Первая эсэмэска от Холли: «Нам надо поговорить с Питом и Изабель, но сначала позвони мне. У меня В.».

Вторая не от нее. В ней написано: «Доктору Стамосу нужно срочно с вами поговорить. Вам назначено на 9 утра. Пожалуйста, приезжайте!»

Ходжес смотрит на часы и видит: еще только четверть пятого, хотя ему кажется, что этот день уже растянулся на месяц. Он звонит доктору Стамосу, и трубку берет Марли. Он узнает ее по жизнерадостному голосу школьного чирлидера. Но голос разом становится серьезным, едва он называет свою фамилию. Она не знает результатов обследования, но едва ли они хорошие. Как однажды сказал Боб Дилан, вам не нужен синоптик, чтобы понять, откуда дует ветер.

Он просит перенести randevu с девяти часов на девять тридцать, потому что сначала хочет провести совещание с Холли, Питом и Изабель. Ходжес не позволяет себе поверить, что после посещения кабинета доктора Стамоса последует госпитализация, но он реалист, и внезапная боль в ноге напугала его до смерти.

Марли переводит его в режим ожидания, и какое-то время Ходжес слушает «Young Rascals»^[13] (Теперь они вовсе не молодые, думает он), потом выходит на связь.

– Мы можем принять вас в половине десятого, мистер Ходжес, но доктор Стамос хочет, чтобы я подчеркнула: прийти вам надо обязательно.

– Все настолько плохо? – спрашивает он, не успевая сдержать себя.

– У меня нет никакой информации по вашему случаю, – говорит Марли. – Я только думаю, что лечение надо начинать сразу, как только выявлены какие-то отклонения от нормы. Вы со мной согласны?

– Конечно, – с тяжелым чувством отвечает Ходжес. – Я приду, можете не сомневаться. И спасибо вам.

Он дает отбой и смотрит на мобильник. На экране фотография его дочери, какой она была в семь лет, радостной и улыбающейся. Она сидит на качелях, которые он поставил во дворе, когда они жили на Фриборн-авеню. Тогда у него была семья. Теперь Элли тридцать шесть, разведена, ходит к психоаналитику и переживает расставание с мужчиной, который подцепил ее на старую как мир историю: *Я собираюсь уйти от нее, но сейчас самое неудачное время.*

Ходжес кладет мобильник и поднимает рубашку. Боль в левой половине живота поутихла, теперь он просто ноет, и это хорошо, но Ходжесу не нравится припухлость под грудиной. Можно подумать, он наелся до отвала, хотя на самом деле смог съесть только половину ленча, а позавтракал бубликом.

– И что с тобой происходит? – спрашивает он у раздутого живота. – Хотелось бы узнать, прежде чем я приду завтра к врачу.

Он понимает, что может много чего выяснить, включив компьютер и зайдя на сайт «Медицина-в-сети»^[14], но уже давно пришел к выводу, что пытаться самостоятельно поставить диагноз с помощью Интернета – занятие для идиотов. Вместо этого Ходжес звонит Холли. Она хочет знать, нашел ли он что-нибудь интересное в доме пятнадцать восемьдесят восемь.

– *Очень* интересное, как говаривал тот парень в «Поводе для смеха»^[15], но прежде чем я начну рассказывать, задай свой вопрос.

– Как по-твоему, Пит сможет выяснить, собиралась ли Мартина Стоувер купить компьютер? Проверить ее кредитные карточки и расходы. Потому что у ее матери компьютер был *древний*. Если собиралась, это означает, что она серьезно настроилась на онлайн-курсы. А если она настроилась серьезно, тогда...

– Тогда шансы, что она договорилась с матерью об убийстве и

самоубийстве, падают до нуля.

– Да.

– Но не исключается вероятность, что мать все решила сама. Она могла влить водку с растворенными таблетками в питательную трубку Стоувер, пока та спала, а потом лечь в ванну, чтобы довершить начатое.

– Но Нэнси Олдерсон сказала...

– ...что они были счастливы. Да, знаю. Просто указываю на такой вариант. Хотя и не верю в него.

– У тебя усталый голос.

– Обычный упадок сил в конце рабочего дня. Подзаряжусь после того, как поем. – Никогда в жизни он не испытывал такого отвращения к еде.

– Съешь побольше. Ты очень исхудал. Но прежде скажи, что ты нашел в пустом доме.

– Не в доме. В гараже.

Он ей рассказывает. Она не прерывает его. Ничего не говорит и после того, как он замолкает. Холли иногда забывает, что она на телефоне, поэтому Ходжес задает наводящий вопрос:

– И что ты думаешь?

– Не знаю. Я хочу сказать, действительно не знаю. Это просто... очень странно. Ты со мной согласен? Или нет? Потому что я могу реагировать слишком остро. Иногда со мной такое бывает.

«Мне можешь этого не говорить», – думает Ходжес, но на этот раз таких мыслей у него не возникает. И он от нее этого не скрывает.

– Ты говорил мне, что Джейнис Эллертон, по твоему мнению, ничего не взяла бы у мужчины в куртке с заплатой и рабочей одежде.

– Да, говорил.

– Тогда это означает...

Теперь его черед молчать, предоставляя ей возможность закончить мысль.

– Это означает, что двое мужчин действовали сообща. *Двое*. Один дал Джейнис Эллертон «Заппит» и фальшивый вопросник, подойдя к ней в магазине, тогда как другой наблюдал за ее домом из гаража на противоположной стороне улицы. И этот бинокль! *Дорогой бинокль!* Наверное, эти мужчины могли работать и порознь...

Ходжес ждет. Еле заметно улыбается. Когда у Холли процесс мышления включается на полную, он буквально слышит, как у нее в голове вращаются шестеренки.

– Билл?..

– Да, я жду, когда ты закончишь мысль.

– Знаешь, они точно работали вместе. Мне это понятно. И что-то сделали с этими женщинами. Ну, ты согласен?

– Да, Холли. Да. Завтра в девять тридцать мне надо быть у врача...

– Пришли результаты обследования?

– Да. С Питом и Изабель я хочу встретиться раньше. Половина девятого тебя устроит?

– Конечно.

– Мы им все изложим, расскажем об Олдерсон и портативной игровой приставке, которую ты обнаружила в доме шестнадцать ноль один. Посмотрим, что они думают. Ты согласна?

– Да, но *она* ни о чем не думает.

– Возможно, ты ошибаешься.

– Конечно, и небо мы завтра можем увидеть зеленым в красный горошек. А теперь поешь чего-нибудь.

Ходжес заверяет ее, что так и сделает, разогревает банку куриного бульона с вермишелью, смотрит ранний выпуск новостей. Съедает большую часть банки, не спеша, смакуя каждую ложку, уже поздравляет себя: «Ты можешь это сделать, можешь».

Он споласкивает тарелку, когда боль в левой половине живота возвращается, и ее щупальца тянутся к пояснице. Она словно пульсирует в такт ударам сердца. Желудок сжимается. Ходжес успевает подумать о том, что надо бежать в ванную, но поздно. Наклоняется над раковиной и блюет, плотно закрыв глаза. С закрытыми глазами нащупывает кран и открывает воду, чтобы все смыть. Он не хочет видеть, что в раковине, потому что во рту и в горле вкус крови.

«Ох, – думает он, – у меня проблемы».

Серьезные проблемы.

Восемь вечера.

Когда звонят в дверь, Рут Скапелли смотрит какое-то глупое реалити-шоу, основная цель которого показать полуголых молодых мужчин и женщин. Вместо того чтобы идти к двери, она, надев домашние шлепанцы, спешит на кухню и включает монитор камеры наблюдения, установленный на крыльце. Живет она в безопасном районе, но рисковать незачем. Как говаривала ее покойная мать, *дерьмо может всплыть везде*.

Она не просто удивлена, ей становится не по себе, когда она узнает

мужчину, стоящего у двери. Он в твидовом пальто, очевидно, дорогом, на голове мягкая фетровая шляпа с перышком. Из-под шляпы видны идеально подстриженные седые волосы, длинные у висков. В руке плоский портфель. Это доктор Феликс Бэбино, заведующий отделением неврологии Кайнера и главный невролог Клиники травматических повреждений головного мозга Озерного региона.

Вновь звонок, и она идет к двери, чтобы впустить его в дом, думая: «Он не может знать о том, что я сегодня сделала. Дверь была закрыта, и никто не видел, как я вошла в палату. Расслабься. Дело в другом. Может, что-то связанное с профсоюзом».

Но он никогда раньше не обсуждал с ней профсоюзную тематику, хотя последние пять лет она входила в руководство отделения профсоюза медицинских сестер всей больницы. Доктор Бэбино мог и не узнать ее, проходя мимо по улице, если бы она была без униформы медсестры. Мысль эта заставляет Рут вспомнить, в каком она сейчас виде: старый домашний халат и еще более старые шлепанцы с мордашками кроликов. Но с этим уже ничего не поделаешь. Слава Богу, что не накрутила волосы на бигуди.

«Ему следовало позвонить, – думает она, но следующая мысль крайне тревожна: – А если он *хотел* застать меня врасплох?»

– Добрый вечер, доктор Бэбино. Заходите в тепло. Извините, что встречаю вас в домашнем халате, но я никого сегодня не ждала.

Он заходит, но остается в прихожей. Рут вынуждена протискиваться мимо него, чтобы закрыть дверь. Видя его так близко вживую, а не на мониторе, она понимает, что и он не подготовился к встрече должным образом. Она в домашнем халате и шлепанцах, а у него щеки поблескивают седой щетиной. Доктор Бэбино (никому и в голову не придет назвать его доктор Феликс) не чужд тенденциям моды, у него на шее красиво повязанный кашемировый шарф, но ему следует побриться, и давно. К тому же под глазами у него лиловые мешки.

– Позвольте мне взять ваше пальто, – говорит она.

Доктор ставит портфель между ногами, расстегивает пуговицы, протягивает ей пальто вместе с дорогим шарфом. Он до сих пор не произнес ни слова. Лазанья, которую Рут съела на ужин, показавшаяся ей такой вкусной, теперь вдруг становится кирпичом, который разрывает желудок.

– Не хотите ли...

– Пройдем в гостиную. – Он проходит мимо нее, словно дом принадлежит ему. Рут Скапелли семенит следом.

Бэбино берет пульт дистанционного управления с подлокотника ее кресла, нацеливает на телевизор и убирает звук. Молодые мужчины и женщины продолжают бегать по экрану, но уже без дурацких комментариев ведущего. Скапелли сейчас не просто не по себе – она охвачена страхом. За работу, да, за должность, добиться которой ей стоило огромных усилий, но также за свою жизнь. Взгляд у него очень странный, в глазах пустота.

– Могу я вам что-нибудь принести? Газировки или чаш...

– Слушайте меня, медсестра Скапелли. И очень внимательно, если хотите сохранить свою должность.

– Я... я...

– И потерей работы дело не закончится. – Бэбино кладет портфель на кресло, берется за золоченые застёжки. Они громко щелкают, поднимаясь. – Сегодня вы напали на психически неполноценного пациента, и это нападение можно квалифицировать еще и как сексуальное домогательство, за которым последовало то, что закон называет криминальной угрозой.

– Я... я никогда...

Она едва себя слышит. Думает, что грохнется в обморок, если не сядет, но портфель Бэбино занимает ее любимое кресло. Она пересекает гостиную, направляясь к дивану, по пути ударяется голенью о кофейный столик, да так сильно, что едва не переворачивает его. Чувствует, как струйка крови течет к лодыжке, но не смотрит на нее. Если посмотрит, точно лишится чувств.

– Вы крутили сосок мистера Хартсфилда. Потом пригрозили проделать то же самое с его яичками.

– Он меня оскорбил! – взрывается Рут Скапелли. – Показал мне средний палец!

– Я прослежу, чтобы вас больше нигде не взяли на должность медсестры. – Бэбино всматривается в глубины портфеля, а Рут плюхается на диван. Его инициалы вытиснены на боку. Золотом, естественно. Он ездит на новом «БМВ», и его стрижка стоит никак не меньше пятидесяти долларов. Скорее больше. Он властный, не терпящий возражений босс, и теперь угрожает погубить ее жизнь из-за одной маленькой ошибки. Одной маленькой ошибки в оценке ситуации.

Она бы не возражала, если бы пол разверзся и проглотил ее, но видит все чрезвычайно отчетливо. Видит каждую бородку перышка, торчащего из-под ленты его шляпы, каждый алый сосуд его налитых кровью глаз, каждую отвратительную седую блеску щетины на его щеках и подбородке. Волосы у него были бы цвета крысиной шерсти, если бы он их не красил.

– Я... – Слезы текут из ее глаз, горячие слезы по холодным щекам. – Я... Пожалуйста, доктор Бэбино. – Она понятия не имеет, откуда он знает, но какая разница? Главное, он знает. – Я никогда больше такого не сделаю. Пожалуйста. Пожалуйста.

Доктор Бэбино не утруждает себя ответом.

Сельма Вальдес, одна из четырех медсестер вечерней – с трех до одиннадцати – смены в Ведре, небрежно стучится в дверь палаты 217 (небрежно, потому что пациент никогда не отвечает) и заходит. Брейди сидит на стуле у окна, глядя в темноту. Лампа на столике у кровати включена, ее свет золотит волосы Брейди. На груди все тот же значок-пуговица: «МЕНЯ ПОБРИЛА МЕДСЕСТРА БАРБАРА».

Она уже собирается спросить, готов ли Брейди к получению необходимой помощи перед отходом ко сну (он не может расстегнуть пуговицы на рубашке или штанах, однако вполне способен раздеться, если пуговицы расстегнуты), но вовремя отказывается от этой идеи. Доктор Бэбино добавил листок к медицинской карте Хартсфилда, на котором написал приказными красными чернилами: «Пациента нельзя беспокоить, когда он находится в полусознательном состоянии. В эти периоды его мозг на самом деле «перезаряжается», медленно, но верно. Возвращайтесь и проверяйте каждые полчаса. Не игнорируйте это указание».

Сельма не думает, что у Хартсфилда что-то перезаряжается, он давно и навечно в стране дебилов, но, как и все сестры, работающие в Ведре, она побаивается Бэбино и знает о его привычке заявляться в клинику в любое время, даже в предрассветные часы, а сейчас только начало девятого.

После того как Сельма заглядывала в палату в прошлый раз, Хартсфилд смог подняться и сделать три шага к прикроватному столику, где обычно лежит его портативная игровая приставка. Подвижности пальцев, необходимой, чтобы играть, у Хартсфилда, конечно, нет, но он может ее включать. Он обожает класть приставку на колени и смотреть демоверсии. Иногда сидит так по часу или больше, склонившись над экраном, словно человек, готовящийся к важному экзамену. Его любимая – демоверсия игры «Рыбалка», и сейчас он как раз на нее и смотрит. Звучит мелодия, которую она помнит с детства: «У моря, у моря, прекрасного моря...»^[16]

Сельма приближается, хочет сказать: «Тебе действительно это

нравится?» – но вспоминает подчеркнутое «Не игнорируйте это указание» и лишь смотрит на маленький – пять на три дюйма – экран. Она понимает, почему Хартсфилду нравится эта демоверсия. Прекрасные, приковывающие взгляд экзотические рыбы появляются, замирают, а потом исчезают, вильнув хвостом. Одни красные... другие синие... третьи желтые... о, какая красивая розовая...

– Перестань смотреть.

Голос Брейди скрипит, как петли редко открываемой двери, и хотя слова произнесены с заметной паузой, звучат они четко и ясно. Ничего похожего на привычный бубнеж, словно с набитым кашей ртом. Сельма подпрыгивает, будто он ущипнул ее за зад, а не просто заговорил. Экран «Заппита» вспыхивает синим, рыбы исчезают, но тут же возвращаются. Сельма смотрит на часы, надетые поверх рукава униформы. Они показывают восемь двадцать. Господи, она простояла здесь почти двадцать минут?

– Иди.

Брейди по-прежнему смотрит на экран, где плавают рыбы, туда-сюда, туда-сюда. Сельма отрывает от них взгляд, но с трудом.

– Вернешься позже. – Пауза. – Когда я закончу. – Пауза. – Смотреть.

Сельма делает все, что ей велят, и только вернувшись в коридор, чувствует себя более уверенно. Он с ней заговорил, и что с того? А если ему нравится смотреть демоверсию игры «Рыбалка», как некоторым парням нравится наблюдать за играющими в волейбол девушками, опять же что с того? Главный вопрос в том, почему *детям* разрешают играть в эти приставки? Они не могут принести пользу неокрепшей психике. С другой стороны, дети постоянно играют в компьютерные игры, так, может, у них иммунитет? Да и вообще у нее полно дел. Пусть Хартсфилд сидит на своем стуле и смотрит эту хрень.

В конце концов, он никому не причиняет вреда.

Феликс Бэбино неловко наклоняется, сгибаясь в талии, будто андроид из старого научно-фантастического фильма. Сует руку в портфель и достает плоский розовый гаджет, похожий на электронную читалку. Экран серый и пустой.

– В ней есть число, которое вы должны найти. Девятизначное число. Если сможете найти это число, медсестра Скапелли, сегодняшний

инцидент останется между нами.

Первое, что приходит ей на ум: «Вы сошли с ума», – но такое сказать нельзя, потому что ее жизнь в руках Бэбино.

– Как я его найду? Я ничего не знаю об этих электронных штуковинах. Едва управляюсь со своим мобильником!

– Ерунда. Вас высоко ценили как хирургическую сестру. Благодаря проворству пальцев.

Это правда, но прошло десять лет с тех пор, как она работала в операционных Кайнера, передавая хирургу ножницы, ранорасширители, губки. Ей предложили пройти шестинедельный курс микрохирургии – больница оплатила бы семьдесят процентов, – но ее это не заинтересовало. Так она говорила. На самом деле она боялась провалить экзамены. Однако он прав: в лучшие годы ее отличала быстрота реакции.

Бэбино нажимает кнопку в верхней части гаджета. Скапелли выгибает шею, чтобы лучше видеть. Экран освещается, появляется надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В “ЗАППИТ”». Потом экран заполняют разнообразные иконки. Игры, предполагает Скапелли. Бэбино пролистывает экран, раз, другой, потом велит ей встать рядом с ним. Скапелли колеблется, и он улыбается. Возможно, это обаятельная и приглашающая улыбка, но она пугает. Потому что в его глазах нет ничего человеческого.

– Подходите, медсестра. Я вас не укушу.

Разумеется, нет. А если да?

Тем не менее она подходит ближе, видит экран, по которому туда-сюда плавают экзотические рыбы. Когда они виляют хвостами, появляются пузырьки. Звучит мелодия, которую она уже где-то слышала.

– Видите игру? Она называется «Рыбалка».

– Д-да, – отвечает она, думая: «Он действительно спятил. Заработался».

– Если включить опцию в нижней части экрана, начнется игра, и музыка изменится, но я не хочу, чтобы вы это делали. Вам достаточно демоверсии. Ищите розовых рыб. Они появляются нечасто, очень быстрые, так что не отрывайте глаз от экрана.

– Доктор Бэбино, с вами все в порядке?

Это ее голос, но долетает он откуда-то издалека. Бэбино не отвечает, просто продолжает смотреть на экран. Она тоже смотрит. Рыбы такие занятные. И еще эта мелодия, словно какой-то гипноз. Экран вдруг полыхает синим. Скапелли моргает, а потом все рыбы возвращаются. Плавают туда-сюда. Виляют широкими хвостами и пускают облачка

пузырей.

– Всякий раз, увидев розовую рыбу, нажимайте на нее, и появится число. Девять розовых рыб – девять чисел. На этом вы закончите, и все останется в прошлом. Понятно?

Она думает, а не спросить ли, что ей делать – записывать цифры или запоминать, – но это требует слишком больших усилий, и она отвечает коротким «да».

– Хорошо. – Он протягивает ей гаджет. – Девять рыб – девять чисел. Но только розовых, помните.

Скапелли смотрит на экран, по которому плавают рыбы, красные и зеленые, зеленые и синие, синие и желтые. Они плывут от левого края маленького прямоугольного экрана к правому, а потом разворачиваются и плывут обратно. Они плывут от правого края экрана, а потом обратно.

Влево, вправо.

Вправо, влево.

Но где розовые? Ей нужно нажать на розовую, и когда она нажмет на девять таких, эта история уйдет в прошлое.

Краем глаза она видит, как Бэбино защелкивает портфель, берет его и направляется к двери. Он уходит. Но значения это не имеет. Она должна нажать на розовую рыбку, и тогда все станет прошлым. Вспышка синего света на экране, потом рыбы возвращаются. Плавают слева направо и справа налево. Звучит песня. *У моря, у моря, прекрасного моря, ты и я, я и ты, счастье ждет нас впереди.*

Розовая! Скапелли проводит по ней пальцем. Выскакивает число 11. Начало положено.

Она нажимает на вторую розовую рыбу, когда входная дверь тихо закрывается, и на третью, когда заводится двигатель автомобиля доктора Бэбино. Она стоит посреди гостиной, приоткрыв губы, словно для поцелуя, и смотрит на экран. Цвета меняются, и блики бегут по ее щекам и лбу. Глаза широко распахнуты и не моргают. Появляется четвертая розовая рыба, эта плывет медленно, словно приглашая палец стукнуть по ней, но Рут стоит не шевелясь.

– Привет, медсестра Скапелли.

Она поднимает голову и видит Брейди Хартсфилда, сидящего в ее кресле. Он немного мерцает по контуру, весь какой-то призрачный, но это он, точно. В той самой одежде, которая была на нем, когда она заходила в его палату во второй половине дня: в джинсах и клетчатой рубашке. На прежнем месте и значок-пуговица «МЕНЯ ПОБРИЛА МЕДСЕСТРА БАРБАРА». Но пустой взгляд, к которому в Ведре успели привыкнуть,

исчез. Брейди смотрит на нее с живым интересом. Она вспоминает, что именно так смотрел на муравейник ее брат, когда они были детьми в Херши, штат Пенсильвания.

Возможно, он призрак, потому что в его глазах плавают рыбы.

– Он все расскажет, – говорит Хартсфилд. – И это будет не его слово против твоего, не надейся. Он установил в моей палате видеоняню, чтобы наблюдать за мной. Изучать меня. У камеры широкоугольный объектив, так что он видит всю палату. У таких объективов и название специальное есть – «рыбий глаз».

Он улыбается, дабы подчеркнуть, что понимает юмор. Красная рыба плывет по его правому глазу, исчезает, появляется в левом. «Его мозг полон рыбы, – думает Скапелли. – Я вижу его мысли».

– Камера подсоединена к записывающему устройству. Он покажет совету директоров видеоэпизод с твоими противоправными действиями. На самом деле ничего страшного не произошло. Боль я чувствую не так, как раньше, но он назовет это пыткой. И пойдет дальше. Он выложит запись на «Ю-тьюб». Разместит в «Фейсбуке». На сайте «Скверная медицина»^[17]. Ролик просмотрят тысячи людей. Ты станешь знаменитой. Медсестра-садистка. И кто тебя защитит? Кто поддержит? Никто. Потому что тебя терпеть не могут. Все думают, что ты ужасная. А что думаешь *ты*? Ты ужасная?

И теперь, когда Скапелли все так подробно растолковали, она полагает, что да. Любой, кто угрожает выкрутить яйца человеку с травматическими повреждениями головного мозга, по определению должен быть плохим. О чем она думала?

– Скажи это. – Улыбаясь, он наклоняется вперед.

Рыбы плавают. Синий свет полыхает. Мелодия звучит.

– Скажи, ты, паршивая сука.

– Я ужасная, – говорит Рут Скапелли своей гостиной, в которой нет никого, кроме нее самой. И смотрит на экран «Заппит командер».

– А теперь скажи еще раз, полностью отдавая себе отчет, что это не просто слова.

– Я ужасная. Я ужасная паршивая сука.

– И что собирается сделать доктор Бэбино?

– Выложить это видео на «Ю-тьюб». Разместить в «Фейсбуке». Разместить на сайте «Скверная медицина». Рассказать всем.

– Тебя арестуют.

– Меня арестуют.

– Твое фото появится в газете.

- Конечно, появится.
- Ты сядешь в тюрьму.
- Я сяду в тюрьму.
- И кто защитит тебя?
- Никто.

17

Сидя в палате 217, Брейди смотрит на демоверсию «Рыбалки». Сна ни в одном глазу, лицо оживленное. Это лицо он прячет от всех, кроме Бэбино, а доктор Бэбино уже никто. Доктора Бэбино, считай, что нет. Теперь он по большей части доктор Зет.

– Медсестра Скапелли, – говорит Брейди. – Пойдем на кухню.
Она сопротивляется, но недолго.

18

Ходжес пытается держаться ниже уровня боли и продолжать спать, но боль тащит и тащит его наверх, пока он не выныривает на поверхность и не открывает глаза. Ищет часы на прикроватном столике и видит, что еще только два часа ночи. Неудачное время для пробуждения, может, самое неудачное. Страдая от бессонницы после выхода на пенсию, он называл два после полуночи часом самоубийц, и его мнение не изменилось. Вероятно, именно тогда миссис Эллертон сделала это. В два часа ночи. В два часа ночи кажется, что день никогда не наступит.

Он встает с кровати, медленно идет в ванную, достает из аптечного шкафчика огромную – экономичная упаковка – бутылку гелусила, старательно отводя взгляд от зеркала. Делает четыре больших глотка, потом наклоняется над унитазом, ожидая решения желудка: принять или нажать кнопку выброса, как случилось с куриным бульоном.

Гелусил остается в желудке, и боль начинает уходить. Иной раз лекарство помогает. Но не всегда.

Ходжес подумывает о возвращении в постель, но боится, что тупая дергающая боль начнет донимать его вновь, едва он примет горизонтальное положение. Поэтому, волоча ноги, он идет в кабинет и включает компьютер. Знает, это худшее время для поиска причин недомогания, но больше сопротивляться не может. Появляется заставка (еще одна детская

фотография Элли). Ходжес смещает курсор вниз, чтобы открыть «Файрфокс», и замирает. Потому что видит кое-что новое. На панели управления, между шариком (иконкой для текстовых сообщений) и видеокамерой (иконкой для «Фейстайм»). Это синий зонтик с красной единичкой над ним.

– Сообщение на сайте «Под синим зонтом Дебби», – говорит Ходжес. – Чтоб я сдох!

Юный Джером Робинсон шестью годами раньше зарегистрировал его на этом сайте. Брейди Хартсфилд, он же Мистер Мерседес, хотел пообщаться с копом, который не сумел его поймать, а Ходжес, пусть и вышедший на пенсию, тоже очень хотел поговорить. Потому что, начиная говорить, такие ублюдки, как Мистер Мерседес (слава Богу, насчитывалось их немного), оказывались в шаге или двух от поимки. Положение это подтверждалось прежде всего для самодовольных наглецов, а в наглости Хартсфилду не было равных.

У обоих имелись причины общаться на безопасном, вроде бы не позволяющем выйти на собеседника сайте-чате, серверы которого располагались в темных глубинах Восточной Европы. Ходжес рассчитывал, что сумеет заставить преступника, устроившего Бойню у Городского центра, допустить ошибку, по которой его и вычислят. Хартсфилд рассчитывал, что убедит Ходжеса покончить с собой. Как у него получилось с Оливией Трелони.

«Какая у Вас теперь жизнь, – писал он в первом послании к Ходжесу, том, что прибыло «улиточной почтой»^[18], – когда «азарт охоты» уже в прошлом?» А потом: «Хотите со мной связаться? Попробуйте сайт «Под синим зонтом Дебби». Я даже придумал Вам имя пользователя: “кермит_лягушонок-19”».

Благодаря существенной помощи Джерома Робинсона и Холли Гибни Ходжес выследил Брейди, а Холли его нейтрализовала. Джером и Холли получили бесплатный доступ к услугам всех городских служб на десять лет; Ходжес получил кардиостимулятор. О печалях и утрате тех дней Ходжес не хочет думать даже теперь, но надо признать: для города, особенно для его жителей, которые в тот вечер оказались на концерте в аудитории Минго, все закончилось хорошо.

Где-то между 2010 годом и настоящим временем синий зонтик исчез с панели в нижней части экрана. Если Ходжес и задавался вопросом, что случилось с иконкой (он не помнит, чтобы задавался), то предположил, что Джером или Холли сбросили ее в «корзину», когда приводили в рабочее состояние беззащитный перед агрессией «Макинтош». Но, как выясняется,

один из них просто переместил иконку в папку неиспользуемых ярлыков, где она благополучно пребывала все эти годы. Черт, может, он сам переместил ее и забыл. Память иной раз подводит после шестидесяти пяти лет, когда люди минуют третью базу и выходят на финишную прямую.

Он подводит курсор к синему зонтику, колеблется, потом кликает. Заставка на экране сменяется молодой парой на ковре-самолете. Они летят над бескрайним морем. Льет серебряный дождь, но под синим зонтом парочка не промокает, она в безопасности.

Ах, какие воспоминания приносит этот образ.

Он вводит «кермит_лягушонок-19» в строки и логина, и пароля. Ведь так он делал раньше, следуя инструкциям Хартсфилда? Он не помнит наверняка, но есть только один способ проверить. Ходжес нажимает клавишу «Ввод».

Машина задумывается на секунду-другую (кажется, дольше), а потом – гоп-ля! – он на сайте. Ходжес хмурится, глядя на экран. Брейди Хартсфилд использовал ник «мерсуби», сокращение от «мерседес-убийца» – Ходжес вспоминает это без труда, – но сейчас с ним хочет пообщаться кто-то еще. Это не должно удивлять, поскольку Холли превратила свернутые мозги Хартсфилда в овсяную кашу, но он все равно удивлен.

Зет-бой хочет с тобой поговорить!

Ты хочешь поговорить с Зет-боем?

ДА

НЕТ

Ходжес подводит курсор к «ДА» и кликает мышкой. Через мгновение появляется сообщение. Одно предложение, полдюжины слов, но Ходжес перечитывает их снова и снова, ощущая не страх, а волнение. На что-то он здесь напал. Не знает, что это, но чувствует: рыба крупная.

Зет-бой: Он с тобой еще не закончил.

Ходжес смотрит на сообщение, хмурится. Наконец наклоняется вперед и печатает:

Кермит_лягушонок-19: Кто со мной не закончил? Кто это?

Ответа он не получает.

Ходжес и Холли встречаются с Питом и Изабель в «Закусочной Дейва», дешевой забегаловке, расположенной в квартале от утреннего дурдома, именуемого «Старбакс». Час пик для раннего завтрака прошел, поэтому они могут выбрать себе место и садятся за столик в глубине зала. На кухне радио транслирует песню группы «Badfinger», официантки смеются.

– У нас полчаса, – предупреждает Ходжес. – Потом мне надо бежать к врачу.

Пит наклоняется вперед, на его лице тревога.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Нет. Я прекрасно себя чувствую. – Этим утром так и есть: ему вновь сорок пять. Сообщение на компьютере, короткое и зловещее, похоже, оказалось более эффективным лекарством, чем гелусил. – Давайте посмотрим, что мы нашли. Холли, им нужна вещественная улика Один и вещественная улика Два. Передай.

Холли принесла с собой небольшой клетчатый портфель. Из него она достает (явно с неохотой) «Заппит командер» и крышку окуляра, найденную в гараже дома 1588. И гаджет, и крышка в полиэтиленовых пакетах, хотя крышка по-прежнему завернута в салфетки.

– И что это вы замыслили? – спрашивает Пит. Он хочет, чтобы голос звучал весело, но Ходжес улавливает обвинительные нотки.

– Расследуем, – отвечает Холли и, хотя обычно избегает визуального контакта, бросает взгляд на Иззи Джейнс, как бы говоря: «Сечешь?»

– Объясни, – просит Иззи.

Объясняет Ходжес, а Холли сидит рядом, опустив глаза, ее чашка с кофе без кофеина – другого она не пьет – стоит нетронутая. Впрочем, челюсти Холли работают, и Ходжес знает, что она вернулась к «Никоретте».

– Невероятно, – говорит Иззи, когда Ходжес заканчивает. Указывает на прозрачный пакет с «Заппитом». – Ты просто это взяла? Завернула в газету, как селедку, купленную на рыбном рынке, и вынесла из дома?

Холли вся сжимается. Ее пальцы сцеплены так крепко, что костяшки побелели.

Ходжес обычно благоволит к Изабель, пусть однажды та едва не расколола его в комнате для допросов (во время истории с Мистером Мерседесом, когда он проводил незаконное расследование), но сейчас она ему совершенно не нравится. Ему не может нравиться человек, который

заставляет Холли так сжиматься.

– Будь благоразумна, Из. Если бы Холли не нашла эту штуковину – и лишь благодаря случаю, – гаджет бы там и лежал. Вы же не собирались обыскивать дом.

– Вы, наверное, и домработнице не позвонили бы. – Холли не поднимает голову, но в ее голосе слышится металл. Ходжес этому только рад.

– Со временем мы бы позвонили Олдерсон, – отвечает Иззи, но при этих словах взгляд глаз цвета серого тумана смещается влево. Это классический признак лживости, и Ходжес очевидно, что Иззи с Питом даже не обсуждали домработницу, хотя, вероятно, когда-нибудь и вышли бы на нее. Пит Хантли, возможно, и зануда, но зануды обычно не упускают мелочей, надо отдать им должное.

– Если на этом гаджете были отпечатки пальцев, – говорит Иззи, – их уже нет. Можно с ними попрощаться.

Холли что-то бормочет, возвращая Ходжеса к тому времени, когда он впервые ее встретил (и недооценил на все сто процентов). Тогда он и называл ее Холли-Бормотунья.

Иззи наклоняется вперед, теперь ее глаза цветом напоминают не туман, а металл.

– Что ты сказала?

– Она сказала, что это глупо, – отвечает Ходжес, прекрасно зная, что Холли произнесла слово «тупо». – Она права. Гаджет засунули между подлокотником и сиденьем кресла. Любые отпечатки размазались бы, и ты это знаешь. Кроме того, вы собирались обыскать дом?

– Могли бы и обыскать, – говорит Изабель обиженно. – В зависимости от того, какие результаты получили бы от экспертов.

Но эксперты побывали только в спальне и ванной Мартины. Все копы это знают, включая Иззи, и Ходжесу нет необходимости это подчеркивать.

– Расслабься, – говорит Пит Изабель. – Я приглашал Кермита и Холли, и ты согласилась.

– Это было до того, как я узнала, что они собираются вынести...

Она замолкает. Ходжес с интересом ждет продолжения. Она собирается сказать *вещественную улику*? Улику чего? Зависимости от компьютерного пасьянса, «Злых птиц» и «Лягушатника»?

– ...принадлежавшую миссис Эллертон вещь. – В голосе Иззи обреченность.

– Что ж, теперь она у вас, – говорит Ходжес. – Мы можем двигаться дальше? К примеру, обсудить человека, который отдал ей эту штуковину в

супермаркете, заявив, что компании интересно мнение пользователей о гаджете, который давно не производится?

– Или человека, следившего за женщинами, – добавляет Холли, не поднимая головы. – Человека, который, вооружившись биноклем, следил за ними с другой стороны улицы.

Давний напарник Ходжеса берет пакет с крышкой.

– Я отдам это в лабораторию, но особых надежд не питаю, Керм. Ты знаешь, как берут эти крышки.

– Да, – кивает Ходжес. – За ободок. И в гараже было холодно. Я видел идущий изо рта пар. Так что этот парень, возможно, сидел в перчатках.

– Мужчина в супермаркете наверняка прокручивал какую-то аферу, – говорит Иззи. – Я это чую. Может, он позвонил неделей позже, чтобы сказать, что, взяв этот вышедший из употребления гаджет, она обязана купить другой, гораздо дороже, и она его послала. А может, он хотел использовать данные вопросника, чтобы залезть в ее компьютер.

– Только не в ее компьютер, – возражает Холли. – Он древнее Земли.

– Все обследовала, да? – спрашивает Иззи. – В аптечные шкафчики тоже заглянула?

Тут Ходжес не выдерживает:

– Она делала то, что следовало сделать тебе, Изабель. И ты это знаешь. Кровь приливает к щекам Изабель.

– Мы позвали вас из вежливости, вот и все, и теперь я жалею, что мы это сделали. От вас двоих всегда одни неприятности.

– Прекрати, – вмешивается Пит.

Но Иззи наклоняется вперед, смотрит то на Ходжеса, то на макушку склоненной головы Холли.

– Эти ваши таинственные мужчины, если они, конечно, существуют, не имеют ничего общего со случившимся в том доме. Один, возможно, хотел срубить деньги по-быстрому, а второй просто подсматривал.

Ходжес знает, что должен оставаться невозмутимым и приветливым, работать на мир, а не на войну, но промолчать не может:

– Какой-то извращенец пускал слюни, наблюдая, как раздевается восьмидесятилетняя старуха или как полностью парализованную женщину обтирают губкой? Да, это логично.

– Слушай меня внимательно, – чеканит Иззи. – Мать убивает дочь, потом себя. Даже оставляет в каком-то смысле предсмертную записку – буква «зет», конец. Яснее быть не может.

«Зет-бой, – думает Ходжес. – Тот, кто прячется под синим зонтом Дебби, подписывается как Зет-бой».

Холли поднимает голову.

– Буква «зет» была и в гараже. Ее вырезали на деревянной перегородке между воротами. Билл ее видел. И «Заппит» начинается с «зет».

– Да, – голос Иззи сочится сарказмом, – а в фамилиях Кеннеди и Линкольн одинаковое количество букв, и это доказывает, что их убил один человек.

Ходжес бросает взгляд на часы и видит, что должен уходить в самом скором времени. Оно и к лучшему. Эта встреча не приносит ничего хорошего, только расстраивает Холли и злит Иззи. И не может принести, потому что он не собирается говорить Питу и Изабель об утренней находке в собственном компьютере. Эта информация раскрутила бы расследование, но он предпочитает, чтобы пока оно ползло, как сейчас. Сначала он сам должен кое-что выяснить. Ему не хочется думать, что Пит может наломать дров, но...

Но он может. Да, он дотошный, но толку от дотошности мало, если требуется широта мышления. А Иззи? У нее нет желания открывать ящик Пандоры, наполненный сошедшими со страниц бульварных романов зашифрованными письмами и таинственными незнакомцами. Особенно теперь, когда на первой полосе сегодняшней газеты появился репортаж о смертях в доме Эллертон вместе с подробным резюме, напоминающим, где, когда и как парализовало Мартину Стоувер. Особенно когда Иззи с нетерпением готовится занять более высокую ступеньку на иерархической лестнице полицейского управления, освобождающуюся после выхода на пенсию ее напарника.

– Итог: мы исходим из того, что это убийство и самоубийство, – говорит Пит, – и мы двигаемся дальше. Мы должны двигаться, Кермит, потому что я ухожу на пенсию. Иззи остается одна, с огромным ворохом незаконченных дел и на какое-то время без нового напарника, спасибо чертовым сокращениям бюджета. Все это, – он указывает на полиэтиленовые пакеты, – безусловно, интересно, но не меняет сути произошедшего. Если только ты не думаешь, что во всем виноват великий преступный ум, который ездит на старом автомобиле и чинит куртки малярным скотчем.

– Нет, я так не думаю. – Тут Ходжес вспоминает, как вчера Холли назвала Брейди Хартсфилда. *Архитектор*. – Я думаю, ты все понял правильно. Убийство и самоубийство. – Холли бросает на него короткий взгляд, в котором удивление смешивается с обидой, и снова опускает глаза. – Но ты сделаешь кое-что для меня?

– Если смогу, – отвечает Пит.

– Я пытался включить игровую приставку, но экран остался темным. Возможно, сдох аккумулятор. Я не хотел открывать отсек для батареек, поскольку на сдвижной панели как раз могли остаться отпечатки пальцев.

– Я попрошу этим заняться, но сомневаюсь...

– Да. Я тоже. Хочу, чтобы один из ваших кибергениев включил эту штуковину и проверил все игры. Посмотрел, нет ли в ней чего-нибудь необычного.

– Хорошо, – отвечает Пит и ерзает в кресле, когда Иззи закатывает глаза. Полной уверенности у Ходжеса нет, но он думает, что Питер ткнул ее в лодыжку.

– Я должен идти. – Ходжес встает, достает бумажник. – Вчера пропустил прием у врача. Сегодня не могу.

– Мы заплатим, – говорит Иззи. – После того как вы принесли нам столь ценные улики, это самое меньшее, что мы можем сделать.

Холли что-то тихо бормочет. На этот раз Ходжес ее бормотание расшифровать не может, хотя давно стал экспертом, но думает, что скорее всего это слово *сука*.

20

На тротуаре Холли натягивает на уши немодное, но очень милое охотничье клетчатое кепи и сует руки в рукава пальто. Она не смотрит на Ходжеса, просто направляется к офису, расположенному в квартале от «Закусочной Дейва». Автомобиль Ходжеса припаркован у забегаловки, но он спешит за Холли.

– Холли!

– Видишь, какая она. – По-прежнему не глядя на Ходжеса, Холли прибавляет шаг.

Боль в животе усиливается, дыхания не хватает.

– Холли, подожди. Мне за тобой не угнаться.

Она поворачивается к Ходжесу, и того охватывает тревога: ее глаза на мокром месте.

– Там есть много чего! Много, много, много! Но они собираются просто сунуть все под сукно. И даже не называют настоящей причины, которая состоит в том, чтобы прощальная вечеринка Пита не омрачалась висяком, точно так же, как дело Мерседеса-убийцы висело над тобой дамокловым мечом, когда ты уходил на пенсию. Но на этот раз газеты шумиху не поднимут, и ты знаешь, как и я, что тут надо копать и копать. И

я знаю, что ты должен получить результаты обследования, и я хочу, чтобы ты их получил, потому что я ужасно *волнуюсь*, но эти бедные женщины... Я просто думаю... Они не заслуживают того, чтобы... чтобы их *сунули под сукно!*

Она наконец-то останавливается, ее трясет. Слезы замерзают на щеках. Он приподнимает ей голову, чтобы она смотрела на него, хотя знает, что прикосновение заставляет ее съеживаться... да, даже если это Джером Робинсон, а она любит Джерома, возможно, с того дня, когда они двое нашли программу, которую Брейди подсадил в компьютер Оливии Трелони, ту самую, что стала последней каплей, заставившей Оливию покончить с собой.

– Холли, мы с этим еще не закончили. Собственно, я думаю, мы только начали.

Она смотрит ему прямо в глаза; он единственный человек, с которым она себе это позволяет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Появилось кое-что новенькое, но я не хотел рассказывать Питу и Иззи. Не знаю, как они отреагируют. И тебе сейчас рассказывать нет времени, но после возвращения от доктора я расскажу тебе все.

– Ладно, согласна. А теперь иди. И хотя в Бога я не верю, помолюсь за результаты твоих обследований. Ведь молитва повредить не может?

– Конечно, нет.

Он быстро обнимает ее – долгие объятия с Холли не срабатывают – и возвращается к своему автомобилю, вновь думая о вчерашних словах Холли: Брейди Хартсфилд – архитектор самоубийств. Изящная фраза женщины, которая пишет стихи в свободное время (Ходжес не видел ни одного стихотворения, и едва ли увидит), но Брейди, услышав ее, пренебрежительно фыркнул бы, решив, что это попадание в молоко. Брейди назвал бы себя *князем* самоубийств.

Ходжес садится в «приус», купить который уговорила его Холли, и едет к офису доктора Стамоса. Он тоже молится: «Пусть это будет язва. Даже кровоточащая, требующая хирургического вмешательства.

Пожалуйста, только язва.

Ничего хуже».

Сегодня ему не приходится ждать в приемной. Хотя он появляется на

пять минут раньше и народу не меньше, чем в понедельник, Марли, чирлидер-регистратор, отправляет его в кабинет, прежде чем он успевает сесть.

Белинда Дженсен, медсестра Стамоса, которая обычно приветствовала Ходжеса широкой улыбкой и веселой шуткой, когда он приходил на ежегодную диспансеризацию, не улыбается и не шутит, а вставая на весы, Ходжес вспоминает, что на диспансеризацию ему следовало прийти четырьмя месяцами раньше. Почти пятью.

Грузик на шкале старомодных весов останавливается на ста шестидесяти пяти фунтах. Уходя на пенсию в 2009-м, он весил двести тридцать фунтов при прощальном и весьма поверхностном медосмотре. Белинда измеряет артериальное давление, сует градусник в ухо, чтобы узнать температуру тела, потом ведет Ходжеса мимо смотровых прямо в кабинет доктора Стамоса в конце коридора. Стучит в дверь и, как только Стамос откликается: «Пожалуйста, заходите», – оставляет Ходжеса одного. Обычно болтливая, с множеством историй о капризных детях и надменном муже, сегодня она молчалива донельзя.

«Нехорошо, – думает Ходжес, – но, возможно, не так и плохо. Пожалуйста, Господи, пусть будет не так плохо. Еще десять лет жизни – не такая большая просьба, правда? А если Ты не можешь этого сделать, как насчет пяти?»

Уэнделлу Стамосу за пятьдесят. Он быстро лысеет, у него подтянутая фигура с широкими плечами и узкой талией, как у профессионального спортсмена, который поддерживает форму и после смены профессии. Он сосредоточенно смотрит на Ходжеса и предлагает тому сесть, что Ходжес и делает.

– Все плохо?

– Плохо, – соглашается Стамос, потом торопливо добавляет: – Но небезнадежно.

– Не ходите вокруг да около, просто скажите.

– Рак поджелудочной железы, и, боюсь, мы выявили его... скажем так, слишком поздно. Поражена печень.

Ходжес обнаруживает, что борется с сильным, пугающим желанием рассмеяться. Не просто рассмеяться, а откинуть голову назад и загоготать, как это проделывал гребаный дед Хайди^[19]. Он думает, что причина в последних словах Стамоса: *Плохо. Но небезнадежно*. Они напоминают ему давний анекдот. Доктор говорит пациенту, что есть две новости, хорошая и плохая. И какую пациент желает услышать первой? Начните с плохой, отвечает пациент. Что ж, говорит доктор, у вас неоперабельная опухоль

мозга. Пациент начинает плакать и спрашивает, откуда взяться хорошей новости после того, как он узнал такое. Доктор наклоняется к нему, заговорщически улыбается и говорит: «Я трахаю свою регистраторшу, и она *великолепна*».

– Я хочу, чтобы вы незамедлительно обратились к гастроэнтерологу. То есть сегодня. В этой части нашего штата лучший – Генри Йип, из Кайнера. Он направит вас к хорошему онкологу. Я думаю, вам назначат химио– и лучевую терапию. Конечно, это тяжелое испытание для пациента, но не сравнить с тем, что было даже пять лет назад...

– Достаточно. – Желание расхохотаться, к счастью, ушло. Стамос замолкает, смотрит на него, залитый светом январского солнца. «Если не случится чуда, – думает Ходжес, – возможно, это мой последний январь на земле. Надо же». – Каковы шансы? Пожалуйста, ничего не приукрашивайте. У меня возникло одно дело, весьма серьезное, и я должен знать правду.

Стамос вздыхает.

– Боюсь, минимальные. Рак поджелудочной железы практически неизлечим.

– Сколько у меня времени?

– С лечением? Возможно, год. Может, и два. И нельзя полностью исключить ремиссию...

– Мне надо об этом подумать, – говорит Ходжес.

– Я много раз это слышал после того, как озвучивал подобный диагноз, и всегда говорю пациентам то, что сейчас собираюсь сказать вам, Билл. Если вы стоите на крыше горящего небоскреба и подлетевший вертолет сбросил веревочную лестницу, вы будете раздумывать, прежде чем схватиться за нее?

Ходжес размышляет над его словами, и желание расхохотаться возвращается. С этим желанием он справляется, но не с улыбкой. Она широкая и обаятельная.

– Может, и буду, если в баке вышеозначенного вертолета осталось только два галлона топлива.

Когда Рут Скапелли было двадцать три и она еще не начала прятаться в жесткий панцирь, которым в последующие годы напрочь отгородилась от окружающего мира, у нее случился короткий и бурный роман с не очень

честным владельцем боулинга. Она забеременела и родила дочь, назвав ее Синтией. Это произошло в Давенпорте, штат Айова, ее родном городе, где она училась на медсестру в Университете Каплана. Она удивлялась, что стала матерью. И удивлялась еще больше, что отец ребенка – толстобрюхий сорокалетний мужчина с татуировкой «ЛЮБИ, ЧТОБЫ ЖИТЬ, ЖИВИ, ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ» на волосатой руке. Если бы он предложил выйти за него (он не предложил), она бы ему отказала, внутренне содрогнувшись. Воспитывать ребенка ей помогала тетя Ванда.

Синтия Скапелли Робинсон теперь живет в Сан-Франциско, где у нее чудесный муж (никаких татуировок) и двое детей, а ее первенец – круглый отличник в старшей школе. У Синтии гостеприимный, уютный дом. Она прилагает много усилий, чтобы сохранять домашнее тепло, потому что в доме тети Ванды, где она выросла (и где ее мать начала обзаводиться этим жутким панцирем), царил арктический холод, в котором слышались только упреки и понукания, обычно начинавшиеся со слов: *Ты забыла...* Эмоциональная температура, пожалуй, превышала точку замерзания воды, но редко поднималась выше семи градусов. В старших классах Синтия уже звала мать по имени. Рут Скапелли не возражала – скорее, испытывала облегчение. Она пропустила бракосочетание дочери (работа не позволила приехать), но послала свадебный подарок: радиоприемник с часами. Ныне Синтия и ее мать разговаривают по телефону пару раз в месяц и иногда обмениваются электронными письмами. На «У Джоша в школе все хорошо, играет в футбольной команде» следует короткий ответ: «Рада за него». Синтия не чувствует, что ей недостает матери, потому что теплых отношений у них никогда и не было.

Этим утром она встает в семь утра, готовит завтрак мужу и обоим сыновьям, отправляет Хэнка на работу, отправляет сыновей в школу, споласкивает тарелки, включает посудомоечную машину. Идет в комнату-прачечную, загружает стиральную машину, включает и ее. Это обычная утренняя работа, и она проделывает ее, ни разу не подумав: *Ты не должна забывать...* – вот только где-то внутри она так *думает*, и всегда будет. Семена, проросшие в детстве, пускают глубокие корни.

В половине десятого Синтия варит себе вторую чашку кофе, включает телевизор (она редко его смотрит, но все-таки это компания), включает ноутбук, чтобы посмотреть, нет ли каких-нибудь электронных писем, помимо рекламы и заманух с «Амазона» и «Городских поставщиков». Находит письмо от матери, отправленное в 22.44. Синтия хмурится, увидев в теме только одно слово: «Прости».

Открывает письмо. Читает, и сердце начинает колотиться сильнее.

«Я ужасная. Я ужасная, никчемная сука. Никто не защитит меня. Это то, что я должна сделать. Я тебя люблю».

Я тебя люблю. Когда мать говорила ей такое в последний раз? Синтия – которая говорит это своим мальчикам не меньше четырех раз в день – при всем желании вспомнить не может. Она хватается мобильник со столешницы, где он заряжался, звонит матери на сотовый номер, потом на городской. По обоим получает короткие, сухие фразы: «Оставьте сообщение. Я перезвоню, как только представится возможность». Синтия просит мать позвонить прямо сейчас, но ужасно боится, что Рут не сможет этого сделать. Ни прямо сейчас, ни позже, никогда.

Она дважды обходит залитую солнцем кухню, кусая губы, затем вновь берет мобильник и набирает номер Мемориальной больницы Кайнера. Кружит по кухне, ожидая, пока ее соединят с Клиникой травматических повреждений головного мозга. Наконец ей отвечает медбрат, который представляется как Стив Холперн. Говорит, что медсестра Скапелли не вышла на работу, чем всех крайне удивила. Ее смена начинается в восемь, а на Среднем Западе уже без двадцати час.

– Попробуйте позвонить ей домой, – советует он. – Она, вероятно, заболела, хотя не отзвонилась, а это совершенно на нее не похоже.

Если б ты только знал, насколько не похоже, думает Синтия. Хотя, возможно, в доме, где вырос Холперн, мантра *Ты забыла...* не повторялась сто раз на дню.

Она его благодарит (не может иначе, как бы ни тревожилась) и набирает номер полицейского управления, расположенного в двух тысячах миль. Представляется и, насколько ей удастся, спокойно излагает проблему:

– Моя мать живет в доме двести девяносто восемь по Танненбаум-стрит. Ее зовут Рут Скапелли. Она старшая медсестра Клиники травматических повреждений головного мозга в больнице Кайнера. Утром я получила от нее электронное письмо, которое дает мне основания думать...

Что она в глубокой депрессии? Нет. Этого недостаточно для выезда копов. И потом, Синтия думает совершенно другое. Она набирает полную грудь воздуха.

– Которое дает мне основания думать, что она могла покончить с собой.

Патрульный автомобиль номер 54 сворачивает на подъездную дорожку дома 298 по Танненбаум-стрит. Патрульные Амарилис Росарио и Джейсон Лаверти – их зовут не иначе как *Туди* и *Малдун*, в честь копов древнего комедийного сериала «Машина 54, где вы?» – выходят и направляются к двери. Росарио нажимает кнопку звонка. Ответа нет, поэтому Лаверти стучит, громко и сильно. Вновь никакого ответа. Он поворачивает ручку, на всякий случай, и дверь открывается. Они переглядываются. Это благополучный район, но находится он в городе, где большинство людей двери запирают.

Росарио заглядывает в прихожую.

– Мисс Скапелли? Это патрульная Росарио. Не желаете нам ответить?

Ответа нет.

Напарник присоединяется к ней.

– Патрульный Лаверти, мэ. Ваша дочь беспокоится, все ли у вас в порядке. Как вы?

Тишина. Лаверти пожимает плечами и указывает на открытую дверь:

– Дамы вперед.

Росарио заходит, машинально расстегивая кобуру. Лаверти следует за ней. Гостиная пуста, но телевизор беззвучно работает.

– Туди, Туди, мне это не нравится, – говорит Росарио. – Запах чувствуешь?

Лаверти чувствует. Запах крови. Источник они находят на кухне, где Рут Скапелли лежит на полу рядом с перевернутым стулом. Руки раскинуты, словно она пыталась смягчить падение. Копы видят длинные порезы на предплечьях, почти до локтей, короткие поперечные на запястьях. Кровь выплеснулась на плитки пола, но особенно много ее на столе, за которым женщина сидела, когда резала вены. Большой кухонный нож, взятый с подставки рядом с тостером, лежит на «Ленивой Сюзан»^[20], на удивление аккуратно устроившись между солонкой с перцем и керамической салфетницей. Кровь темная, свернувшаяся. Лаверти догадывается, что Рут Скапелли мертва как минимум двенадцать часов.

– Может, по телику не показывали ничего интересного.

Росарио бросает на него мрачный взгляд, опускается на колени рядом с телом, но не настолько близко, чтобы запачкать форму, только вчера полученную из химчистки.

– Она что-то написала перед тем, как потерять сознание. Видишь? На плитке у правой руки. Собственной кровью. Как думаешь, что это? Двойка?

Лаверти наклоняется, чтобы получше разглядеть, упирается руками в колени.

– Или двойка, или буква «зет».

Брейди

«Мой мальчик – гений, – любила говорить Дебора Хартсфилд своим подругам. И добавляла с ослепительной улыбкой: – Я не хвастаю, это правда».

Это было до того, как она начала сильно пить, когда у нее еще имелись подруги. В свое время у нее был и другой сын, Фрэнки, но Фрэнки на гения не тянул. Он был дебилом. Однажды вечером, в четыре года, он скатился по лестнице в подвал, сломал шею и умер. Такую историю, во всяком случае, рассказывали Дебора и Брейди. На самом деле все было не так. Гораздо сложнее.

Брейди любил изобретать и однажды сумел бы изобрести нечто такое, что озолотило бы их обоих, позволило перебраться на знаменитую улицу под названием Легкая жизнь. Дебора в этом не сомневалась, о чем постоянно твердила сыну. Брейди верил.

По большинству предметов он получал тройки и четверки, но по информатике и вычислительной технике – только пятерки. К окончанию им старшей школы Норт-Сайда дом Хартсфилдов заполняли всевозможные гаджеты, включая запрещенные законом, вроде синей коробки, которая позволяла смотреть кабельные каналы, не платя ни цента «Мидвест вижн». В подвале он оборудовал мастерскую, куда Дебора заходила крайне редко. Там и изобретал.

Мало-помалу возникло сомнение. И негодование, близнец сомнения. Какими бы оригинальными ни казались его творения, ни одно не могло принести больших денег. В Калифорнии жили парни – тот же Стив Джобс, – которые заработали несметные деньги и изменили мир, что-то такое собрав в обычных гаражах, но то, что предлагал Брейди, для продажи не годилось.

Взять хотя бы «Роллу». Управляемый компьютером пылесос передвигался сам, поворачивался на шарнирах и изменял направление движения при столкновении с препятствием. Идея обещала принести хорошие дивиденды, пока Брейди не обнаружил пылесос «Румба» в супердорогом магазине бытовой техники на Лэйсмейкер-лейн. Кто-то его опередил. Вспомнилась поговорка: *кто не успел, тот опоздал*. Он постарался ее забыть, но иной раз ночами, когда он не мог уснуть или его сваливал приступ мигрени, она возвращалась.

Однако при этом два его изобретения – мелкие, конечно – позволили

устроить Бойню у Городского центра. Оба представляли собой модифицированные телевизионные пульты дистанционного управления. Он назвал их Изделие-1 и Изделие-2. Изделие-1 могло менять сигналы светофора, зеленый на красный и наоборот. Изделие-2 было более сложным. Оно перехватывало и сохраняло в памяти сигналы, посылаемые с автомобильного брелока, позволяя Брейди открывать эти автомобили после ухода ничего не подозревающих владельцев. Поначалу он использовал Изделие-2 как воровской инструмент, обыскивал салон в поисках денег и ценных вещей. Потом, когда у него начала формироваться идея въехать на большом автомобиле в толпу людей (наряду с фантазиями об убийстве президента или какого-нибудь говняного популярного киноидола), он воспользовался Изделием-2, чтобы залезть в «мерседес» миссис Оливии Трелони, и обнаружил, что та хранит запасной ключ в бардачке.

Из автомобиля он ничего не взял, решив, что еще представится случай пустить в дело запасной ключ. И очень скоро, словно послание от темных сил, управляющих Вселенной, он прочитал в газете статью о ярмарке вакансий, которую собирались провести в Городском центре десятого апреля.

Ожидалось, что придут тысячи желающих.

Начав работать в киберпатруле «Дисконт электроникс» и получив возможность скупать за бесценок различную электронику, Брейди поставил в мастерской и соединил в общую сеть семь ноутбуков никому не ведомых производителей. Обычно он пользовался только одним, но ему нравилось, как с ними выглядел подвал: прямо-таки командный центр из какого-то научно-фантастического фильма или сериала «Звездный путь». Управлялась сеть голосом, причем за годы до того, как компания «Эппл» разработала голосовую программу «Сири».

Кто, получается, не успел и кто опоздал?

Опять он пролетел мимо нескольких миллиардов.

Понятно, что у человека, попавшего в такую ситуацию, возникает желание укокошить сотню себе подобных.

У Городского центра он записал на свой счет только восьмерых (не считая раненых, причем некоторых он покалечил по полной), но мог добавить *тысячи* на поп-концерте. Его бы помнили до скончания веков. Однако прежде чем он нажал кнопку, чтобы множество железных шариков разлетелось во все стороны с огромной скоростью, калеча и убивая сотни визжащих девочек-подростков (не говоря уж о разжиревших и чрезмерно заботливых мамашах), кто-то вырубил его, отправив в кромешную тьму.

Этот пласт воспоминаний, похоже, так и остался недоступным, но Брейди в нем и не нуждался. Это мог быть только один человек: Кермит Уильям Ходжес. По плану он должен был покончить с собой, как миссис Трелони, но каким-то образом не наложил на себя руки. Не оказалось его и в машине, когда взорвалась подложенная Брейди бомба. Старый, вышедший на пенсию детектив появился на концерте и разобрался с ним за секунды до того, как Брейди шагнул бы в бессмертие.

Ба-бах, ба-бах, и свет погас.

Ангел, ангел, вниз мы идем^[21].

Совпадения бывают разные, и так случилось, что Брейди привезла в Мемориальную больницу Кайнера «скорая-23» с подстанции Пожарное депо номер 3. Роб Мартин тогда не работал – в то самое время он был в турпоездке в Афганистан, полностью оплаченной правительством Соединенных Штатов, – но Джейсон Рэпсис находился на борту, прилагал все силы для того, чтобы поддержать в Брейди жизнь, пока «двадцать третья» мчалась в больницу. Если бы Рэпсису предложили сделать ставку, он поставил бы на «умрет». Молодой парень бился в яростных судорогах. Пульс составлял 175 ударов в минуту, артериальное давление то взлетало под небеса, то сильно падало. Тем не менее он находился в стране живых, когда «двадцать третья» доставила его в приемный покой.

Там его осмотрел доктор Эмори Винстон, ветеран резально-штопального крыла больницы, которую прозвали «Клубом ножа и пули субботнего вечера»^[22]. Винстон отловил студента-медика, который отирался в отделении экстренной помощи и любезничал с медсестрами, и предложил тому дать быструю предварительную оценку состояния пациента. Студент доложил об ослабленных рефлексах, расширенном и неподвижном левом зрачке и рефлексе Бабинского с правой стороны.

– И что сие означает? – спросил Винстон.

– Пациент получил необратимые повреждения головного мозга, – ответил студент. – Он дегенерат.

– Очень хорошо, мы, возможно, сделаем из тебя врача. Твой прогноз?

– Умрет к утру, – ответил студент.

– Ты, вероятно, прав, – кивнул Винстон. – Я на это надеюсь, потому что в сознание он не придет никогда. Но мы сделаем ему томограмму головного мозга.

– Зачем?

– Таков порядок, сынок. А кроме того, мне интересно узнать, каковы

повреждения, раз он еще жив.

Брейди не умер и семь часов спустя, когда доктор Анну Сингх – ему умело ассистировал доктор Феликс Бэбино – провел трепанацию черепа, чтобы удалить массивный кровяной сгусток, который образовался в мозгу и с каждой минутой увеличивал повреждения, миллионами раздавливая уникальные клетки. Когда операция закончилась, Бэбино повернулся к Сингху и протянул руку, затянутую в окровавленную перчатку.

– Это было потрясающе.

Сингх руку пожал, но с неодобрительной улыбкой.

– Обычное дело. Я сделал тысячу таких операций. Ну... пару сотен. Что потрясающе, так это здоровье пациента. Не могу поверить, что он пережил операцию. Полученные им повреждения... – Сингх покачал головой. – Ой-ой-ой.

– Вы знаете, что он собирался учинить?

– Да, мне сказали. Готовил крупнейший теракт. Какое-то время он проживет, но судить за это преступление его не будут, а от его ухода мир ничего не потеряет.

Помня об этом, доктор Бэбино начал давать Брейди – чей мозг умер, но не полностью – экспериментальный препарат, который он называл церебеллин (только условно, потому что технически названием препарату пока служил шестизначный номер), в дополнение к положенным в таких случаях диуретикам, противосудорожным препаратам, стероидам и препаратам, улучшающим снабжение головного мозга кислородом. Экспериментальный препарат 649558 показал многообещающие результаты при испытаниях на животных, но благодаря строгим нормам регулирующих органов до испытаний на людях оставались годы и годы. Препарат разработали в боливийской неврологической лаборатории, что добавляло сложностей. И к тому времени, когда начались бы испытания на людях (если бы начались), Бэбино, поддавшись на уговоры жены, уже жил бы в одном из флоридских поселков для пенсионеров, со всеми удобствами. Умирая от скуки.

А тут подвернулась возможность получить результаты в период его активного участия в неврологических исследованиях. Если бы он их получил, в будущем могла замаячить Нобелевская премия за достижения в области медицины. И никаких минусов при условии, что результаты он будет держать при себе до получения разрешения испытывать препарат на людях. Да и вообще, он имел дело с превращенным в дегенерата убийцей, который до конца дней останется умственно неполноценным. А если благодаря чуду он вдруг очнется, его сознание будет таким же смутным, как

у пациентов с прогрессирующей болезнью Альцгеймера. Однако и это стало бы выдающимся достижением.

«Вы, возможно, поможете тем, кто окажется на вашем месте в будущем, мистер Хартсфилд, – сказал он своему коматозному пациенту. – Сотворите капельку добра вместо ведра зла. А если результат будет обратным? Возможно, вы окончательно превратитесь в овощ (хотя сейчас вы не слишком далеки от него) или даже умрете, вместо того чтобы продемонстрировать улучшение мозговой деятельности. Невелика беда. Ни для вас, ни для вашей семьи, которой у вас нет. Ни для мира: мир только порадуется вашему уходу».

В компьютере доктор Бэбино завел специальный файл, озаглавленный «ХАРТСФИЛД – ИСПЫТАНИЯ ЦЕРЕБЕЛЛИНА». За четырнадцать месяцев в 2010–2011 гг. пациент прошел девять циклов приема препарата. Никаких изменений Бэбино не обнаружил. С тем же успехом он мог давать своей подопытной морской свинке дистиллированную воду.

И он сдался.

«Подопытная морская свинка» провела пятнадцать месяцев в темноте и только на шестнадцатом вспомнила свое имя – Брейди Уилсон Хартсфилд. И поначалу ничего больше. Ни прошлого, ни настоящего – он ничего о себе не знал, кроме семи слогов, из которых складывались имена и фамилия. Потом, когда он уже был готов сдаться и просто уплыть, из глубин сознания выплыло еще одно слово: *контроль*. Когда-то оно означало что-то важное, но он и представить не мог, что именно.

Он лежал на койке в больничной палате, и его смазанные глицерином губы шевелились: он вновь и вновь произносил это слово вслух. Он был один. Пройдет еще три недели, прежде чем медсестра заметит, что Брейди открыл глаза и зовет мать.

– Конт... роль.

Вспыхнул свет. Как вспыхивал в подвале-мастерской, переделанной на манер «Звездного пути». Когда он отдавал голосовую команду с верхней ступени лестницы на кухню.

Вот где он был: в своем подвале на Элм-стрит, который выглядел точно так же, как в день его ухода. Было еще одно слово, которое активировало другую функцию подвала, и теперь, находясь здесь, Брейди его тоже вспомнил. Потому что это было хорошее слово.

– Хаос!

В его разуме оно прогремело, словно глас Моисея на горе Синай. А вот с больничной койки раздался жалкий хрип. Но и этого хватило, потому что

ряд его ноутбуков ожил. На каждом экране появилось число 20... потом 19... 18...

И что это? Что это, во имя Господа, значило?

Его охватила паника: он не сможет вспомнить. Он знал только одно: это обратный отсчет, и как только на семи экранах появятся нули, заложенная в компьютерах информация сотрется. Он потеряет и ноутбуки, и мастерскую, и тот маленький проблеск сознания, на который сподобился. Его похоронят заживо во тьме собственного соз...

Вот же слово! То самое!

– Тьма!

Брейди выкрикнул его во всю мощь легких... во всяком случае, так ему казалось. Но на деле послышался такой же жалкий хрип. Да и на что еще были способны давно не использовавшиеся голосовые связи? Частота пульса, дыхания, артериальное давление начали повышаться. Скоро старшая медсестра Бекки Хелмингтон это заметит и направится в палату, чтобы проверить, как он, быстрым шагом, но не бегом.

В подвале-мастерской Брейди отсчет остановился на 14, и на каждом экране появилась заставка. В свое время заставками на этих компьютерах (теперь все они находились в огромном полицейском хранилище вещественных улик, с маркировкой от «Вещественная улика 1» до «Вещественная улика 7») служили кадры из фильма «Дикая банда». Теперь – фотографии из жизни Брейди.

На ноутбуке 1 – его брат Фрэнки, который, подавившись яблоком, получил необратимые повреждения головного мозга, а потом свалился по лестнице в подвал (получив пинка от старшего брата).

На ноутбуке 2 – сама Дебора, в облегающем белом халате, который Брейди вспомнил мгновенно. «Она называла меня «мой сладкий красавчик», – подумал он, – а когда целовала меня, ее губы всегда были влажными, и у меня возникала эрекция. Когда я был маленький, она говорила, что это стоячок. Бывало, когда я сидел в ванне, она терла его теплой мокрой мочалкой и спрашивала, приятно ли мне».

На ноутбуке 3 – Изделие один и Изделие два, изобретения, которые действительно работали.

На ноутбуке 4 – серый «мерседес», седан, принадлежавший миссис Трелони, с помятым капотом и радиаторной решеткой, с которой капала кровь.

На ноутбуке 5 – инвалидное кресло. Откуда оно взялось, непонятно, но тут же все встает на свои места. Именно оно стало его пропуском в аудиторию Минго на концерт бой-бэнда «Здесь и сейчас». Кто будет

обращать внимание на несчастного калеку в инвалидном кресле?

На ноутбуке 6 – красивый улыбающийся молодой человек. Брейди не мог вспомнить его имени, пока не мог, но знал, кто сейчас перед ним: ниггер-газонокосильщик старого детпена.

А на ноутбуке 7 – сам Ходжес, в мягкой фетровой шляпе, ухарски сдвинутой на один глаз, улыбающийся. «Ты попался, Брейди, – вот что говорила эта улыбка. – Я приложил тебя так, что мало не покажется, теперь ты лежишь на больничной койке, и когда встанешь с нее и пойдешь? Готов спорить, что никогда».

Гребаный Ходжес, который все всегда портил.

Эти семь образов стали арматурой, на которой Брейди начал восстанавливать свою личность. По мере того как он это проделывал, стены подвала – его убежища, его бункера, в котором он укрывался от тупого и безразличного мира – начали истончаться. Он слышал другие голоса, прорывавшиеся сквозь эти стены, и осознавал, что одни принадлежали медсестрам, другие – докторам, а часть – вероятно, слугам закона, которые проверяли, не симулирует ли он. И да, и нет. Как и в случае со смертью Фрэнки, тут все было неоднозначно.

Поначалу он открывал глаза, только зная, что он один, и открывал их нечасто. Да и на что он мог смотреть в своей палате? Рано или поздно они бы узнали, что к нему вернулось сознание, но даже тогда не поняли бы, что он способен мыслить, а он с каждым днем мыслил все более ясно. Если бы они об этом пронюхали, то отправили бы его под суд.

Брейди не хотел идти под суд.

Тем более что появились другие дела.

За неделю до того, как Брейди заговорил с медсестрой Уилмер, он открыл глаза глубокой ночью и посмотрел на бутылку с физиологическим раствором, подвешенную на штативе у кровати. От скуки поднял руку, чтобы толкнуть ее, может, даже сбросить на пол. С последним не получилось, но бутылка закачалась на штативе, прежде чем Брейди осознал, что обе его руки лежат на одеяле, а пальцы чуть скрючены из-за мышечной атрофии, которую не смогла остановить физиотерапия, во всяком случае, пока он пребывал в коматозном состоянии.

«Это сделал я?»

Он вновь потянулся к бутылке, и его руки по-прежнему не сдвинулись с места, разве что левая, основная рука, задрожала, но он почувствовал, как ладонь прикоснулась к бутылке с раствором и привела ее в движение.

Это интересно, подумал Брейди и заснул. Впервые действительно заснул с того момента, как Ходжес (или ниггер-газонокосильщик) уложил его на чертову больничную койку.

В последующие ночи (глубокой ночью, когда Брейди не сомневался, что никто не придет и не увидит) он экспериментировал со своей фантомной рукой. И всякий раз думал о своем однокласснике в старших классах, Генри Кросби по прозвищу Крюк, который потерял правую руку в автомобильной аварии. У него был протез, искусственная рука, и он обычно надевал на него перчатку, но иногда приходил в школу со стальным крюком. Он говорил, что крюком ему проще брать вещи, а еще девчонки визжали диким голосом, когда Генри подкрадывался сзади и поглаживал крюком голень или голую руку. Однажды он сказал Брейди, что иной раз чувствует зуд или покалывание в ампутированной руке, словно она онемела или затекла, хотя он уже семь лет как остался без нее. Как-то Генри показал Брейди култышку, гладкую и розовую. «Когда в ней начинает покалывать, клянусь, мне кажется, я могу почесать ею голову».

Теперь Брейди знал, что чувствовал Крюк Кросби... вот только он, Брейди, мог почесать голову фантомной рукой. И почесывал. Еще он обнаружил, что мог трясти жалюзи, которыми медсестры на ночь закрывали окно. Это окно находилось слишком далеко от кровати, чтобы дотянуться до него, но фантомная рука до окна как-то дотягивалась. Кто-то поставил вазу с искусственными цветами на его прикроватный столик (потом он узнал, что это сделала старшая сестра Бекки Хелмингтон, она единственная относилась к нему с неким подобием теплоты), и он мог двигать вазу туда-сюда. Легко.

Ценой немалых усилий – память была дырявой как решето – Брейди вспомнил название этого феномена: телекинез. Способность перемещать предметы силой мысли, сосредоточившись на них. Только сосредоточенность вызывала у него жуткую головную боль, а его разум вроде бы никакого отношения к телекинезу не имел. Все делала *рука*, основная рука, пусть даже она оставалась неподвижной и лежала на одеяле с растопыренными пальцами.

Чудеса, да и только. Он не сомневался, что Бэбино, врач, который приходил к нему чаще других (точнее, раньше приходил, а в последнее время перестал), запрыгнул бы в экстазе на Луну, однако этот свой талант Брейди демонстрировать никому не собирался.

Возможно, он бы и пригодился для чего-то, хотя на этот счет у Брейди были большие сомнения. Двигать ушами тоже талант, но от него нет

никакой пользы. Да, он мог раскачивать бутылки на штативе, и греметь жалюзи, и переворачивать рамку с фотографией, мог заставить одеяло «идти волной», словно под ним плавала большая рыба. Иногда он это проделывал, когда в палате находилась какая-нибудь медсестра, потому что реакция – изумление – его забавляла. Но при этом новая способность проявлялась лишь в узких пределах. Он пытался включить подвешенный над кроватью телевизор – и потерпел неудачу. Он пытался закрыть дверь в примыкавшую к палате ванную – и потерпел неудачу. Он пытался схватиться за хромированную ручку – и чувствовал холод металла под сомкнутыми на нем пальцами, – но дверь была слишком тяжелой, а фантомная рука – слишком слабой. По крайней мере пока. Однако он предполагал, что рука станет сильнее, если продолжать ее тренировать.

«Мне пора очнуться, – думал он, – хотя бы для того, чтобы получать аспирин для снятия постоянной головной боли и есть нормальную пищу. Даже больничный заварной крем кажется царским лакомством. Скоро я это сделаю. Может, даже завтра».

Но он не сделал. Потому что на следующий день обнаружил, что телекинез – не единственная новая способность, обретенная им после возвращения из неведомых мест, где он побывал.

Сейди Макдоналд, молодая медсестра, черноволосая, симпатичная, не пользовавшаяся косметикой, обычно приходила в палату Брейди во второй половине дня, чтобы проверить его состояние, записать жизненно важные показатели и подготовить к ночи (не скажешь ведь «подготовить ко сну», потому что он вроде бы спал постоянно). Брейди наблюдал за ней из-под полуприкрытых век, как наблюдал за всеми, кто заходил в его палату, с тех пор как проник сквозь стену своего подвала-мастерской, где оказался, впервые обретя сознание.

Она, похоже, боялась его, но он уже понимал, что медсестра Макдоналд боялась всех. Она была из тех женщин, что убегают, а не уходят. Если кто-то появлялся в палате 217, когда она выполняла свои обязанности – к примеру, старшая медсестра Бекки Хелмингтон, – Сейди сжималась в комок и старалась стать невидимой. Доктор Бэбино ее просто ужасал. Когда они вместе находились в палате Брейди, тот буквально ощущал запах ее страха.

Постепенно он начал понимать, что это, возможно, не преувеличение.

На следующий день после того, как Брейди заснул, думая о заварном креме, Сейди Макдоналд пришла в палату 217 в четверть четвертого.

Посмотрела на монитор, закрепленный над изголовьем, что-то записала на листке состояния больного в изножье кровати. Потом проверила бутылки на штативе и пошла к стенному шкафу за новыми подушками. Она приподнимала Брейди одной рукой – маленькая, но руки сильные – и заменяла старые подушки на новые. Это полагалось делать санитарам, но Брейди думал, что Макдоналд занимала низшую ступень больничной иерархии. Да, она медсестра, однако даже санитары котиrowались выше.

Он решил, что откроет глаза и заговорит с ней, как только она поменяет подушки, когда их лица будут совсем рядом. Это ее напугает, а Брейди обожал пугать людей. Многие в его жизни изменилось, но не это. Может, она даже закричит, как закричала другая медсестра, когда он пустил волну по одеялу.

Однако по пути к стенному шкафу Макдоналд остановилась у окна. Из него было видно только многоэтажную автостоянку, но она простояла там минуту... две... три. Почему? Чем заворожила ее чертова кирпичная стена?

Вот только не *вся* она была кирпичной. Брейди осознал, что смотрит в окно вместе с медсестрой Макдоналд. На каждом этаже имелись большие проемы, и когда автомобиль поднимался по пандусу, солнце отражалось от ветрового стекла.

Вспышка. Вспышка. Вспышка.

«Господи Иисусе, – подумал Брейди. – Это мне полагается быть в коме. А впечатление такое, будто у нее какой-то припа...»

Но подождите. Подождите чертову минуточку.

Я смотрю *вместе* с ней? Как я могу смотреть вместе с ней, если лежу на кровати?»

Проехал ржавый пикап. За ним – седан «ягуар», вероятно, автомобиль какого-нибудь богатого доктора, и до Брейди дошло, что он смотрит не *вместе* с ней, а *из* нее. Словно наблюдает за меняющимся ландшафтом с пассажирского сиденья, а за рулем сидит кто-то другой.

И да, у Сейди Макдоналд *был* припадок, но такой легкий, что она даже не понимала, что происходит. Его спровоцировали вспышки. Отблески солнца на ветровых стеклах. Как только возникнет просвет в транспортном потоке на пандусе или солнце чуть сместится, она выйдет из транса и продолжит выполнение своих обязанностей. Выйдет из транса, даже не подозревая, что вошла в него.

Брейди это знал.

Знал, потому что проник в ее разум.

Он копнул чуть глубже, и оказалось, что он видит ее мысли. Потрясающе. Он наблюдал, как вспышки метались вперед-назад, туда-

сюда, вверх-вниз, иногда их тропы пересекались в темно-зеленой среде, которая была – может, ему еще следовало подумать об этом, крепко подумать, прежде чем делать выводы – ядром сознания. Индивидуальностью Сейди. Он попытался пробраться еще глубже, идентифицировать некоторые мыслерыбы, хотя, Бог свидетель, как быстро они проскакивали мимо! Но...

Что-то о булочках, которые она съела дома.

Что-то о кошке, которую видела в витрине зоомагазина: черной, с забавным белым пятном на груди.

Что-то о... деньгах? Это были деньги?

Что-то о ее отце, и эта рыба была красная. Цвета злости. Или стыда. Или того и другого.

Когда она отвернулась от окна и направилась к стенному шкафу, Брейди вдруг закружило, словно в вихре. Ощущение прошло, он вновь оказался в собственном теле, смотрел на мир только своими глазами. Она вышвырнула его из своего разума, даже не зная, что он там был.

Потом медсестра приподняла его, чтобы подложить две ортопедические подушки со свежими наволочками под голову. Глаза Брейди смотрели в одну точку, полуприкрытые веками. И он не произнес ни слова.

Прежде следовало обстоятельно все обдумать.

Следующие четыре дня Брейди несколько раз пытался проникнуть в разум тех, кто заглядывал к нему в палату. Только одна такая попытка отчасти завершилась успешно, с молодым санитаром, который пришел протереть пол. Парень не был монгольским идиотом (так мать Брейди называла людей с синдромом Дауна), но и на кандидата в общество Менса не тянул. Смотрел на мокрые полосы, которые оставляла швабра на линолеуме, наблюдал, как они тускнеют, и тем самым приоткрыл свой разум. Короткий визит ничего интересного Брейди не принес. Санитара занимало лишь одно: будут ли этим вечером в кафетерии тако. Большое дело.

Потом головокружение, ощущение вихря. Парнишка выплюнул Брейди, как арбузную косточку, продолжая тереть шваброй пол.

С другими людьми, побывавшими в его палате, Брейди не добился ничего, и это злило даже больше, чем невозможность почесать лицо там, где зудело. Он уже успел осмотреть себя, и увиденное не радовало. Голова, которая постоянно болела, венчала тело-скелет. Он мог двигаться, его не парализовало, но мышцы атрофировались, и требовалось геркулесово

усилие, чтобы сдвинуть ногу на пару дюймов. С другой стороны, пребывание в разуме медсестры Макдоналд напоминало экскурсию на ковре-самолете.

Но в голову Макдоналд он попал только потому, что та страдала какой-то формой эпилепсии. Наверное, очень легкой, однако и этого хватило, чтобы дверь ненадолго приоткрылась. Остальные обладали врожденной защитой. Даже в разуме санитаря ему удалось продержаться считанные секунды, а ведь если бы этот жопоед был гномом, его наверняка звали бы Простаком.

Брейди вспомнился анекдот. В Нью-Йорке приезжий спрашивает у уличного музыканта: «Как попасть в Карнеги-Холл?» Музыкант отвечает: «Трудом, чувак, трудом и только трудом».

«Вот это я и должен делать, – думает Брейди. – Упражняться и становиться сильнее. Потому что Кермит Уильям Ходжес где-то неподалеку, и этот старый детпен думает, что победил. Я не могу этого допустить. И не допущу».

И вот однажды дождливым вечером в середине октября 2011 года Брейди открыл глаза, сказал, что у него болит голова, и попросил позвать мать. Вопля не последовало. У Сейди Макдоналд был выходной, а Норма Уилмер, дежурная медсестра, лучше владела собой. Тем не менее она изумленно вскрикнула и выбежала из палаты, чтобы посмотреть, на месте ли доктор Бэбино.

Брейди подумал: «Теперь у меня начнется другая жизнь».

Брейди подумал: «Трудом, чувак, трудом и только трудом».

Черноватая

1

Хотя в агентстве «Найдем и сохраним» Холли полноправный партнер и свободный кабинет у них есть (маленький, зато с видом на улицу), она предпочла остаться в приемной. Там и сидит, уставившись в монитор, когда без четверти одиннадцать входит Ходжес. Она быстро что-то убирает в широкий средний ящик стола, однако с обонянием у Ходжеса все в порядке (в отличие от другого органа, расположенного ниже головы), и он улавливает запах недоеденного пирожного «Твинкис».

– Что такое, Холлиберри?

– У тебя это от Джерома, и ты знаешь, как я ненавижу это прозвище. Еще раз назовешь меня Холлиберри, и я на неделю уеду к матери. Она постоянно приглашает меня в гости.

«Свежо предание, – думает Ходжес. – Ты терпеть ее не можешь, а еще ты взяла след, дорогая моя. Подсела на это дело, как наркоман на героин».

– Извини, извини. – Он перегибается через ее плечо и видит статью из «Блумберг бизнес» за апрель 2014 года. Заголовок гласит: «ЗАППИТ КАПУТ». – Да, компания сделала ручкой и вышла за дверь. Вроде бы я тебе вчера говорил.

– Говорил. Что интересно, во всяком случае, для меня, так это складские запасы.

– Ты о чем?

– Тысячи непроданных «Заппитов», может, десятки тысяч. Я хотела выяснить, что с ними.

– Выяснила?

– Еще нет.

– Может, их отправили детям бедняков в Китай вместе с овощами, которые я отказывался есть в детстве.

– Голодающие дети – это не смешно, – строго отвечает Холли.

– Полностью с тобой согласен. – Ходжес выпрямляется. По пути из кабинета Стамоса он заехал в аптеку за болеутоляющим – сильным, но вскоре ему, похоже, придется принимать и посильнее – и теперь чувствует себя гораздо лучше. Желудок даже слабо урчит от голода, что совсем хорошо. – Их, вероятно, уничтожили. Так, кажется, поступают с

нераспроданными книгами в мягкой обложке.

– Слишком дорого они стоили, чтобы их уничтожать, – возражает Холли. – Все-таки в гаджеты загружены игры, они работают. Самый последний в линейке, «Коммандер», даже снабжен вай-фаем. А теперь расскажи мне о результатах обследования.

Улыбка Ходжеса – он на это надеется – выглядит скромно и радостно.

– Новости вообще-то хорошие. Это язва, но маленькая. Мне предстоит принимать кучу таблеток и придерживаться диеты. Доктор Стамос говорит, что она заживет сама, если я буду все это делать.

Холли одаривает его ослепительно-счастливой улыбкой, и Ходжес радуется, что солгал. Но при этом чувствует себя шматком собачьего дерьма на старом ботинке.

– Слава Богу! Ты будешь выполнять все его предписания?

– Не сомневайся. – Снова ложь. Никакой диетой его болезнь не вылечить. Ходжес не из тех, кто пускает все на самотек, и при других обстоятельствах сейчас сидел бы в кабинете гастроэнтеролога Генри Йипа, какими бы минимальными ни были его шансы победить рак поджелудочной железы. Но послание на сайте «Под синим зонтом Дебби» все переменяло.

– Это отлично. Я не знаю, что буду без тебя делать, Билл. Просто не знаю.

– Холли...

– Вообще-то знаю. Вернусь домой. И ни к чему хорошему меня это не приведет.

«Это точно, – думает Ходжес. – Когда я встретил тебя первый раз, на похоронах твоей тети Элизабет, твоя мамаша таскала тебя за собой, как собачонку на поводке. Сделай это, Холли, сделай то, Холли, и, ради Бога, не опозорься».

– А теперь расскажи мне, – просит она. – Расскажи, что нового. Расскажи-расскажи-расскажи!

– Дай мне пятнадцать минут, и все узнаешь. А пока выясни, куда подевались все игровые приставки «Коммандер». Может, это не важно, но тем не менее.

– Хорошо. Прекрасные ты привез новости о результатах обследования, Билл.

– Это точно.

Он идет в кабинет. Холли крутится на кресле, смотрит ему вслед, потому что он редко закрывает за собой дверь. Однако иногда такое случается. Она поворачивается к компьютеру.

– Он с тобой еще не закончил, – повторяет Холли. Кладет недоеденный овощной бургер на бумажную тарелку. Ходжес разделался со своим, пока рассказывал. Про разбудившую его боль он не упомянул. Сказал, что обнаружил сообщение, потому что не мог уснуть и решил побродить по Сети.

– Совершенно верно.

– От Зет-боя.

– Да. Напоминает прихвостня супергероя, правда? «Смотрите приключения Зет-мена и Зет-боя, очищающих улицы Готэм-Сити от преступников!»

– Это Бэтмен и Робин. Именно они патрулировали улицы Готэм-Сити.

– Знаю. Читал комиксы о Бэтмене еще до того, как ты родилась. Просто к слову пришлось.

Она берет недоеденный бургер, отрывает кусочек салата, кладет на тарелку.

– Когда ты в последний раз навещал Брейди Хартсфилда?

Прямо в яблочко, восхищенно думает Ходжес. Ай да Холли!

– Я ездил к нему сразу после завершения той истории с семьей Зауберс, и еще один раз. В середине лета. А потом вы с Джеромом прижали меня к стенке и сказали, что я должен визиты прекратить. Я послушался.

– Мы настаивали ради твоего блага.

– Я знаю, Холли. Теперь доедай бургер.

Она откусывает, вытирает капельку майонеза в уголке рта и спрашивает, каким показался ему Хартсфилд при последнем визите.

– Таким же... по большей части. Сидел у окна, смотрел на автостоянку. Я говорил, задавал вопросы, он молчал. Он получил сильнейшую мозговую травму, в этом сомнений нет. Но о нем рассказывали истории. Будто он обрел сверхъестественные способности. Мог включать и выключать воду в ванной и этим пугал медперсонал. Я бы назвал это чушью, но Бекки Хелмингтон, тогда старшая медсестра, говорила, что видела и слышала все сама: дребезжащие жалюзи, телевизор, включающийся сам по себе, бутылки с физиологическим раствором, раскачивающиеся на штативе. И я не сомневаюсь в ее словах. Я знаю, в это трудно поверить...

– Не так уж трудно. Телекинез, иногда его называют психикинезом, – документально подтвержденный феномен. Но ты сам во время своих

визитов ничего такого не видел?

– Ну... – Он замолкает, вспоминая. – Кое-что случилось в мой предпоследний визит. На прикроватном столике стояла рамка с фотографией. Он и его мать, обнимаются, прижавшись друг к другу щеками. Где-то в отпуске. Такая же, только побольше, висела в доме на Элм-стрит. Ты, возможно, ее помнишь.

– Конечно, помню. Я помню все, что мы видели в том доме, включая некоторые пикантные фотографии, которые хранились в его компьютере. – Она скрещивает руки на своей небольшой груди и фыркает от отвращения. – У них были противоестественные отношения.

– А то я не в курсе. Не знаю, действительно ли он занимался с ней сексом...

– Фу-у-у!

– ...но думаю, что хотел, а она по меньшей мере потакала его фантазиям. В любом случае я схватил рамку с фотографией, проехался насчет матери, пытаюсь добиться от него какой-то реакции. Потому что он был в сознании, Холли, и все понимал. Я не сомневался в этом тогда и не сомневаюсь сейчас. Он просто сидит, но внутри он тот же человек-шершень, который убил людей у Городского центра и пытался убить гораздо больше на поп-концерте.

– И он использовал сайт «Под синим зонтом Дебби», чтобы связаться с тобой, не забывай про это.

– После прошлой ночи едва ли забуду.

– Расскажи мне, что произошло в тот раз.

– На мгновение он перестал смотреть на автостоянку напротив окна. Его глаза... Их взгляд сместился на меня. Все волосы на моем затылке встали дыбом, и воздух... я не знаю... *наэлектризовался*. – Он заставляет себя рассказать остальное. Словно вкатывает в гору огромный камень. – За годы службы мне приходилось арестовывать преступников, иногда это были очень плохие люди, вроде матери, которая убила трехлетнего сына ради страховки, причем не бог весть какой, но никогда раньше во время ареста я не чувствовал присутствия такого зла. Зло – в каком-то смысле стервятник, который улетает, как только преступник оказывается за решеткой. Но в тот день я его почувствовал, Холли. Я почувствовал зло в Брейди Хартсфилде.

– Я тебе верю, – отвечает она так тихо, что он едва слышит.

– И у него был «Заппит». Связующее звено, которое я искал. Если это действительно связующее звено, а не совпадение. Там был один парень, я не знаю его фамилии, все звали его Библиотечный Эл, который раздавал

«Заппиты» вместе с «Киндлами» и книгами в мягкой обложке, когда обходил клинику. Не знаю, кем он был, санитаром или волонтером. Черт, он мог быть одним из уборщиков, делающим это доброе дело по своей инициативе. Я не сразу сообразил, что к чему, потому что в доме Эллертон ты нашла розовый «Заппит», а в палате Брейди был синий.

– Но как случившееся с Джейнис Эллертон и ее дочерью может быть связано с Брейди Хартсфилдом? Если только... никто не говорил о телекинетической активности за пределами его палаты? Такие слухи не ходили?

– Нет, но примерно в то время, когда завершилась история с Зауберсами, одна медсестра покончила с собой в Клинике травматических повреждений головного мозга. Вскрыла вены в туалете, расположенном на одном этаже с палатой Хартсфилда. Ее звали Сейди Макдоналд.

– Так ты думаешь?..

Она берет недоеденный бургер, отрывает кусочек салата, кладет на тарелку. Ждет.

– Продолжай, Холли. Я не собираюсь говорить за тебя.

– Ты думаешь, Брейди ее к этому подтолкнул? Я не понимаю, как такое возможно.

– Я тоже, но мы знаем, что Брейди заиклен на самоубийствах.

– Эта Сейди Макдоналд... У нее тоже был «Заппит»?

– Понятия не имею.

– Как... как она?..

На этот раз он приходит на помощь:

– Скальпелем, который взяла в одной из операционных. Я это узнал у помощницы судмедэксперта. Сунул ей подарочный сертификат на обед в «Димасио», итальянском ресторане.

Холли продолжает рвать листок салата. Тарелка покрывается зеленым конфетти, словно со дня рождения эльфа. Ходжеса это нервирует, но он не останавливает Холли. Она явно что-то обдумывает. И наконец озвучивает результат:

– Ты собираешься повидаться с Хартсфилдом.

– Да, собираюсь.

– И ты действительно думаешь, что сумеешь что-то из него выудить? Раньше не получалось.

– Теперь я знаю чуть больше. – Но если серьезно, *знает* ли он? Он даже не уверен, что именно подозревает. Но, может, Хартсфилд все-таки вовсе не человек-шершень? Может, он паук, а палата 217 в Ведре – центр паутины, которую он плетет?

С другой стороны, возможно, это лишь совпадение. Просто раковая опухоль уже пожирает мозг, высекая множество паранойяльных идей.

Именно так подумал бы Пит, а его напарница – трудно перестать думать о ней как о мисс Красотке Сероглазке – эту мысль еще бы и озвучила.

Ходжес встает.

– Тогда не будем терять время.

Холли бросает недоеденный бургер на клочки салата, хватая Ходжеса за руку:

– Будь осторожен.

– Обязательно.

– Охраняй свои мысли. Я знаю, как безумно это звучит, но я чокнутая, по крайней мере время от времени, поэтому могу такое сказать. Если тебе вдруг захочется... причинить себе вред... позвони мне. Позвони *сразу же*.

– Хорошо.

Она скрещивает руки, обхватывая плечи, – в последнее время это раздражающее движение он видит все реже.

– Как жаль, что здесь нет Джерома.

Джером Робинсон взял на семестр академический отпуск и сейчас в Аризоне, среди строителей домов «Среды обитания для человечества»^[23]. Однажды, когда Ходжес заметил, что Джером делает это для того, чтобы украсить свое резюме, Холли его отчитала, заявив, что причина в другом: просто Джером хороший человек. С этим Ходжес согласен целиком и полностью: Джером действительно хороший человек.

– Все со мной будет хорошо. Да и вообще это скорее всего ерунда. Мы как дети, которые боятся, что в пустом доме на углу обитают призраки. Если бы мы рассказали об этом Питу, он отправил бы нас в психушку.

Холли, которая на самом деле побывала в психушке (дважды), верит, что некоторые пустующие дома могут быть населены призраками. Она убирает маленькую руку без колец с плеча, чтобы вновь схватить Ходжеса, на этот раз за рукав пальто.

– Позвони мне, когда приедешь туда, и позвони мне, когда будешь уезжать. Не забудь, потому что я волнуюсь, а я не могу позвонить тебе, потому что...

– Пользоваться мобильниками в Ведре запрещено. Да, знаю. Я позвоню, Холли. А пока я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала. – Ходжес видит, как ее рука ныряет к блокноту, и качает головой. – Нет, записывать нет нужды. Все просто. Первое: зайди на «И-бей» или куда ты там заходишь, чтобы купить вещи, которых больше нет в торговых сетях, и

закажи один «Заппит командер». Сможешь?

– Легко. Что-то еще?

– Компания «Санрайз солюшнс» купила «Заппит», потом разорилась. После заявления о банкротстве кого-то назначили конкурсным управляющим. Он нанимал адвокатов, бухгалтеров, ликвидаторов, с тем чтобы выжать из обанкротившейся компании каждый цент. Найди его, и я позвоню ему сегодня или завтра. Я хочу знать, куда девались нераспроданные игровые приставки «Заппит», потому что Джейнис Эллертон получила одну перед этим Рождеством, хотя самих компаний давно уже нет.

Холли широко улыбается:

– Блестящая идея!

«Ничего блестящего, рутинная полицейская работа, – думает Ходжес. – Может, у меня и неизлечимый рак, но я все еще помню, как она делается, а это уже кое-что».

Кое-что приятное.

3

Выйдя из Тернер-билдинг, Ходжес направляется к автобусной остановке (ехать через город на номере пять быстрее и проще, чем забирать из гаража «приус» и самому сидеть за рулем). Тем более что ему надо крепко подумать: как подобраться к Брейди и как его расколоть? В комнатах для допросов, когда он служил в полиции, у него получалось, так что и теперь должен быть способ. Раньше он приходил к Брейди только для того, чтобы вывести его на чистую воду, доказать, что – Ходжес верил своей интуиции – тот симулирует полукататоническое состояние. Сейчас у Ходжеса есть конкретные вопросы, и осталось только определиться, как заставить Брейди ответить на них.

«Я должен шугануть паука», – думает он.

Планировать предстоящую встречу мешают мысли о только что поставленном диагнозе и неизбежные страхи, с ним связанные. В том числе за жизнь. Но есть и другие вопросы: через что ему предстоит пройти и как сообщить тем, кто должен знать. Коринн и Элли будут потрясены, но в принципе ничего страшного не произойдет. То же самое касается семьи Робинсон, хотя Ходжес знает, что для Джерома и Барбары, его маленькой сестрички (впрочем, не такой маленькой, через несколько месяцев ей исполнится шестнадцать), это будет сильный удар. Но больше всего его

волнует Холли. Она не безумная, несмотря на сказанное в офисе, но хрупкая и ранимая. Очень. В прошлом у нее было два нервных срыва: один в старших классах, второй – когда ей перевалило за двадцать. Теперь она, конечно, крепче, но главная причина прилива сил – несколько лет, проведенных с ним, и маленькое агентство, которым они управляют на пару. Если она потеряет и его, и агентство, ей будет грозить большая беда. Он не может позволить себе заблуждаться на этот счет.

«Я не могу допустить, чтобы она сломалась, – думает Ходжес. Он идет, опустив голову, сунув руки в карманы, дыхание клубится белым паром. – Не имею права».

Глубоко задумавшись, он в третий раз за последние два дня не замечает старый «шевроле-малибу» с пятнами грунтовки. Автомобиль припаркован на другой стороне улицы, напротив дома, в котором Холли лихорадочно ищет конкурсного управляющего «Санрайз солюшнс». Рядом с машиной стоит старик в старой армейской куртке с заплатой из малярного скотча. Он наблюдает, как Ходжес садится в автобус, достает из кармана куртки мобильник, звонит.

4

Холли провожает взглядом своего босса – и человека, которого любит больше всех на свете, – идущего к автобусной остановке на углу. Теперь он такой худой, просто тень крепкого мужчины, которого она впервые встретила шестью годами раньше. И руку при ходьбе он прижимает к боку. В последнее время Ходжес делает это часто, и Холли не думает, что он отдает себе в этом отчет.

Всего лишь маленькая язва. Ей хочется в это верить – хочется поверить ему, – но она не думает, что у нее получается.

Подкатывает автобус, Билл садится в него. Холли стоит у окна, наблюдает, как отъезжает автобус, грызет ногти, мечтает о сигарете. У нее есть жевательная резинка «Никоретте», и предостаточно, но иногда помогает только сигарета.

«Хватит тратить попусту время, – говорит она себе. – Если ты действительно хочешь стать паршивой, мерзкой воровкой, действуй прямо сейчас».

И она идет в его кабинет.

Экран темный, но Билл выключает компьютер, только когда уходит вечером домой. Ей надо лишь «разбудить» экран. Прежде чем Холли

касается клавиатуры, ее взгляд падает на блокнот с линованными желтыми страницами, который лежит рядом. Один у Ходжеса всегда под рукой. Раскрытая страница – в записях и завитушках. Так он думает.

Сверху – фраза, которую она знает очень хорошо. Она с Холли всегда, с тех самых пор, когда та слышала эту песню по радио: «Все эти одинокие люди». Фразу Ходжес подчеркнул. Ниже – известные ей имена и фамилии:

Оливия Трелони (вдова)
Мартина Стоувер (не замужем, домработница называла ее
старой девой)
Джейнис Эллертон (вдова)
Нэнси Олдерсон (вдова)

И другие. Холли в том числе, разумеется; она тоже старая дева. Пит Хантли, который разведен. И сам Ходжес, тоже разведен.

Вероятность самоубийства среди одиноких в два раза выше среднего. Среди разведенных – в четыре раза.

– Брейди Хартсфилд обожал доводить до самоубийства, – шепчет она. – Это было его хобби.

Чуть ниже имен запись, обведенная кругом: *Список посетителей? Каких посетителей?*

Она нажимает первую попавшуюся клавишу. На экране возникает рабочий стол с разбросанными по нему документами. Она время от времени ругала за это Ходжеса, говорила, что с тем же успехом он может оставлять дом открытым, выложив на обеденный стол все ценные вещи и поставив табличку: «ПОЖАЛУЙСТА, УКРАДИ МЕНЯ». Он всегда обещал, что наведет порядок, но так и не навел. Впрочем, для Холли это ничего бы не поменяло, потому что она знает его пароль. Получила от него. Со словами: «На случай если со мной что-нибудь случится». Теперь она боится, что так и произошло.

Одного взгляда на экран достаточно, чтобы понять: никакой язвы. Появилась новая папка с пугающим заголовком. Холли кликает по ней. Ужасных готических букв поверху достаточно, чтобы подтвердить: это завещание некоего Кермита Уильяма Ходжеса. Холли тут же закрывает его. У нее нет ни малейшего желания знакомиться с его посмертными дарами. Осознания, что такой документ существует и он просматривал его в этот самый день, вполне достаточно. Если на то пошло, даже с избытком.

Она стоит, вновь обняв себя за плечи, и кусает губы. Следующий шаг будет хуже, чем любопытство. Это будет вынюхивание. Это будет

воровство.

«Ты уже далеко зашла, так что продолжай».

– Да, я должна, – шепчет Холли, кликает иконку в форме почтовой марки, которая открывает почту, и говорит себе, что там скорее всего ничего нет. Да вот только есть. Последнее письмо, вероятно, пришло, когда они обсуждали послание, полученное на сайте «Под синим зонтом Дебби». Оно от врача, к которому Ходжес сегодня ходил на прием. Его фамилия Стамос. Она открывает письмо и читает: «Это копия результатов Вашего последнего обследования. Для Вашего архива».

Холли использует пароль, чтобы открыть вложенный файл, садится на стул Билла, наклоняется вперед, руки крепко сцеплены на коленях. Когда добирается до второй из восьми страниц, она уже плачет.

5

Ходжес только успевает опуститься на сиденье в самом конце салона автобуса, когда из кармана слышится звук разбитого стекла и мальчишки радостно приветствуют отменный удар по мячу, гарантировавший бэттеру круговую пробежку и разбивший окно гостиной миссис О’Лири. Мужчина в деловом костюме опускает «Уолл-стрит джорнэл» и поверх газеты осуждающе смотрит на Ходжеса.

– Извините, извините, – говорит Ходжес, – давно собираюсь поменять.

– Считайте это вашей первоочередной задачей. – И бизнесмен вновь скрывается за газетой.

Эсэмэска от давнего напарника. Опять. Испытывая сильное дежавю, Ходжес ему звонит:

– Пит, к чему эти эсэмэски? Или моего номера в режиме быстрого набора у тебя уже нет?

– Полагаю, мобильник тебе запрограммировала Холли и поставила какой-нибудь безумный рингтон, – отвечает Пит. – Для нее это самая уморительная шутка. Еще могу предположить, что громкость у тебя поставлена на максимум, глухой ты наш сукин сын.

– На максимуме только сигнал получения эсэмэски, – оправдывается Ходжес. – При звонке мобильник просто получает мини-оргазм, елозя по моей ноге.

– Тогда сделай что-нибудь с сигналом.

Лишь несколькими часами раньше он узнал, что жить ему осталось считанные месяцы, а теперь обсуждает громкость звукового сигнала.

– Обязательно. Говори, чего ты хотел?

– Нашел эксперта по компьютерам, который набросился на эту игровую приставку, как муха на дерьмо. Влюбился в нее, назвал «ретро». Представляешь? Гаджет собрали лет пять назад, а он уже ретро.

– Мир движется все быстрее.

– Что-то с ним происходит, это точно. В любом случае этот «Заппит» накрылся. Когда наш парень поставил новые батарейки, он выдал полдесятка ярких синих вспышек и сдох.

– И что с ним не так?

– Возможно, какой-то вирус, поскольку приставка снабжена вай-фаем, а именно так большинство вирусов и загружается, но парень говорит, что это скорее всего бракованный чип или сгоревший контакт. Речь о том, что к делу гаджет отношения не имеет. Эллертон не могла им пользоваться.

– Тогда почему она держала зарядку подключенной к розетке в ванной комнате дочери?

Пит на секунду замолкает.

– Ладно, какое-то время приставка работала, а потом чип сломался. Или что там с ними происходит.

«Она работала, это точно, – думает Ходжес. – Старушка играла в пасьянс за кухонным столом. И там была еще прорва игр. Вроде «Клондайка», «Пирамиды» или «Картины». И ты бы это знал, дорогой мой Питер, если бы переговорил с Нэнси Олдерсон. Но она наверняка все еще в твоём списке ожидания».

– Хорошо. Благодарю за оперативную информацию.

– Это твоя *последняя* оперативная информация, Кермит. У меня напарница, с которой я успешно работал после твоего ухода на пенсию, и я хочу, чтобы она присутствовала на моей прощальной вечеринке, а не сидела за столом в кабинете и дулась из-за того, что в самом конце я отдал предпочтение тебе, а не ей.

Ходжесу есть чем ответить, но до больницы всего две остановки. Опять же он обнаруживает, что хочет отгородиться от Пита и Иззи и расследовать это дело по-своему. Пит движется медленно, а Иззи так вообще едва волочит ноги. Ходжес хочет бежать, с раком поджелудочной железы или без.

– Я тебя услышал. Еще раз спасибо.

– Дело закрыто?

– Окончательно и бесповоротно.

Его взгляд смещается вверх и влево.

В девятнадцати кварталах от того места, где Ходжес убирает айфон в карман пальто, – совсем другой мир. Не самый лучший. Сейчас там сестра Джерома Робинсона, и она в беде.

Симпатичная и серьезная, в форме школы Чэпл-Ридж (серое шерстяное пальто, серая юбка, белые гольфы, красный шарф на шее), Барбара шагает по Мартин-Лютер-Кинг-авеню, руки в перчатках крепко держат желтый «Заппит командер». На экране плавают рыбы из «Рыбалки», хотя они практически невидимы в холодном ярком свете зимнего полудня.

МЛК-авеню – одна из двух главных магистралей района, известного как Лоутаун, и хотя здешние жители в большинстве своем черные, а Барбара сама черная (точнее, кофе с молоком), она здесь никогда не бывала, и от этого чувствует себя глупой и никчемной. Это ее народ, их предки могли загружать баржи и таскать тюки хлопка на одной плантации, почему нет, и при этом она не заглядывала сюда *ни единого раза*. Ее предупреждали: держись подальше. Не только родители, но и брат.

«В Лоутауне выпивают пиво, а потом съедают бутылку, в которой оно было, – однажды сказал ей Джером. – Такой девочке, как ты, делать там нечего».

«Такой девочке, как я, – думает она. – Милой девочке из верхнего сегмента среднего класса, которая ходит в престижную частную школу, у которой добропорядочные белые подруги, и ворох красивой, модной одежды, и деньги на карманные расходы. У меня даже есть банковская карточка! Я могу в любой момент снять в банкомате шестьдесят долларов! Восхитительно!»

Идет она как во сне, и это действительно похоже на сон, потому что все вокруг такое странное, хотя в каких-то двух милях ее дом, уютный коттедж в кейп-кодском стиле с пристроенным к нему гаражом на два автомобиля, ипотечный кредит за который полностью выплачен. Она проходит пункты обналичивания талонов и чеков, ломбарды, забитые гитарами, радиоприемниками и сверкающими опасными бритвами с перламутровыми рукоятками, бары, от которых разит пивом, хотя двери закрыты по случаю январского холода, ресторанчики, торгующие навынос, пахнущие жиром. Одни продают пиццу, другие китайскую еду. В окошке еще одного – табличка с надписью: «КУКУРУЗНЫЕ ОЛАДЬИ И ЛИСТОВАЯ КАПУСТА, КАК ГОТОВИЛА ТВОЯ МАМА».

«Только не *моя* мама, – думает Барбара. – Я даже не знаю, что такое листовая капуста. Шпинат? Обычная капуста?»

На углах – похоже, на *каждом* углу – мальчишки в длинных шортах и мешковатых джинсах. Одни стоят у ржавых бочек с огнем, пытаются согреться, другие играют в сокс, третьи просто приплясывают в больших кроссовках и расстегнутых, несмотря на холод, куртках. Они кричат «йоу» своим знакомым и призывно машут руками подъезжающим автомобилям. Если кто-нибудь останавливается, протягивают в открытое окно целлофановые пакетики. Барбара проходит по МЛК-авеню квартал за кварталом, и каждый угол – как автокафе, только предлагают там наркотики, а не гамбургеры или тако.

Она проходит мимо дрожащих женщин в коротких облегающих шортах, куртках из искусственного меха и блестящих сапогах; на головах – парики самых разных цветов. Она проходит мимо пустых зданий с заколоченными окнами. Она проходит мимо «разутого» автомобиля, стоящего на ступицах и расписанного уличными афоризмами. Она проходит мимо женщины с грязной повязкой на глазу. Другая женщина тащит за руку вопящего малыша. Она проходит мимо сидящего на одеяле мужчины. Тот отхлебывает вино из горла, показывает ей серый язык. Тут бедность, тут отчаяние, и они всегда *сосуществовали* с ней, но она никогда ничего не пыталась сделать. Никогда *не пыталась сделать*? Никогда даже *не думала* об этом. Что она делала, так это домашнее задание. Что она делала, так это по вечерам болтала по телефону и переписывалась с подругами. Что она делала, так это обновляла свой статус в «Фейсбуке» и волновалась о цвете лица. Она – типичный подросток-паразит, обедает в дорогих ресторанах с матерью и отцом, в то время как ее братья и сестры, *вот они, менее чем в двух милях от ее дома в пригороде*, пьют и наркоманят, чтобы хоть как-то скрасить свою ужасную жизнь. Ей стыдно за свои волосы, падающие на плечи. Ей стыдно за чистые белые гольфы. Ей стыдно за цвет кожи, потому что он такой же, как у них.

– Эй, черноватая! – Крик с другой стороны улицы. – Ты что здесь делаешь? Нечего тебе здесь ловить!

Черноватая.

Почти как в названии телесериала^[24], который они смотрят дома и смеются, но ведь он и про нее. Не черная, а черноватая. Живущая как белая, в районе для белых. Она может себе такое позволить, потому что ее родители много зарабатывают и владеют домом, расположенным в квартале, где люди настолько лишены предрассудков, что их коробит, если один из детей называет другого тупицей. Она может жить этой чудесной

белой жизнью, потому что ни для кого не представляет угрозы, не раскачивает лодку. Просто идет своим путем, судачит с подругами о мальчишках и музыке, о мальчишках и одежде, о мальчишках и телевизионных программах, которые им всем нравятся, и о том, какую девчонку с каким мальчишкой они видели у входа в торговый центр «Берч-Хилл».

Она черноватая, и слово это – синоним бесполезности, и она не заслуживает того, чтобы жить.

«Может, так тебе и следует поступить. Пусть это станет твоим заявлением».

Идею подает голос, и звучит она как откровение. Эмили Дикинсон говорила, что ее поэзия – письмо миру, который никогда ей не писал. Они проходили это в школе, но Барбара никогда не писала настоящих писем. Глупые эссе, и разборы книг, и электронные письма, но ничего такого, что имело бы значение.

«Может, пора написать».

Не ее голос, но голос друга.

Она останавливается перед лавочкой, где гадают по руке и картам Таро. В грязной витрине словно видит отражение человека, который стоит рядом с ней: белый, с улыбающимся мальчишеским лицом, падающими на лоб светлыми волосами. Оглядывается, но никого нет. Это все ее воображение. Она смотрит на экран игровой приставки. В тени навеса над витриной лавки предсказаний плавающие рыбы снова видны ярко и четко. Они плавают туда-сюда, но время от времени исчезают в яркой синей вспышке. Барбара смотрит в ту сторону, откуда пришла, и видит сверкающий черный пикап, который приближается к ней, едет быстро, меняя полосы движения. У него огромные шины, такие автомобили мальчишки в школе называют «Бигфут» или «Большой гангста».

«Если собираешься сделать это, сейчас – самое время».

Словно кто-то стоит рядом с ней. Тот, кто понимает. И голос прав. Барбара никогда раньше не задумывалась о самоубийстве, но в этот момент мысль представляется ей совершенно здоровой.

«Тебе даже не надо оставлять записку, – говорит ее друг. Она вновь видит его отражение в окне. Призрачное. – Сам факт прихода сюда станет твоим письмом миру».

И это правда.

«Теперь ты знаешь слишком много, чтобы жить, – сообщает ее друг, когда она вновь опускает взгляд на плавающих рыб. – Ты знаешь слишком много, и только плохое. – Тут же добавляет: – Но это не значит, что ты

ужасная».

«Нет, не ужасная, – думает она, – но бесполезная».

Черноватая.

Пикап приближается. «Большой гангста». И когда сестра Джерома Робинсона шагает к краю тротуара, на ее лице – счастливая улыбка.

Под белым халатом доктор Феликс Бэбино – сейчас он спешит по коридору Ведра, и полы халата развеваются позади – носит костюм за тысячу долларов, но доктору определенно надо побриться, да и седые волосы, обычно элегантно уложенные, в беспорядке. Он не обращает внимания на медсестер, которые собрались у сестринского поста и о чем-то тихо, но возбужденно переговариваются.

Медсестра Уилмер направляется к нему:

– Доктор Бэбино, вы слышали...

Он даже не смотрит на нее, и Норме приходится быстро отступить в сторону: иначе он сбил бы ее с ног. Она изумленно глядит ему вслед.

Бэбино достает красную табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», которую всегда держит в кармане халата, и вешает на дверную ручку палаты 217. Брейди Хартсфилд не поднимает головы. Его внимание сосредоточено на игровой приставке, которая лежит у него на коленях. На экране рыбы плавают из стороны в сторону. Музыки нет: звук он выключил.

Зачастую, входя в палату, доктор Феликс Бэбино исчезает, и его место занимает доктор Зет. Не сегодня. Доктор Зет – лишь двойник Брейди, его проекция, а сейчас Брейди слишком занят, чтобы проецировать.

Его воспоминания о попытке взорвать аудиторию Минго во время концерта группы «Здесь и сейчас» по-прежнему смутные, но одно после пробуждения он вспомнил ясно и четко: лицо последнего человека, которого видел перед тем, как свет для него погас. Лицо Барбары Робинсон, сестры ниггера-газонокосильщика, который на побегушках у Ходжеса. Она сидела как раз напротив Брейди. А теперь она здесь, среди рыб, которые плавают на двух экранах. Брейди разобрался со Скапелли, садистской шлюхой, что выкручивала ему сосок. Теперь позаботится об этой суке Робинсон. Ее смерть причинит боль большому братцу, но это не важно. Она кинжалом вонзится в сердце старого детектива. И вот это как раз очень важно.

И так сладостно.

Брейди успокаивает ее, говорит, что она совсем не ужасная. Это помогает сдвинуть ее с места. Что-то движется по МЛК-авеню, он не уверен, что именно, потому что глубинная часть ее разума все еще сопротивляется ему, но что-то большое. Достаточно большое, чтобы все получилось как надо.

– Брейди, послушай меня. Звонил Зет-бой. – Фамилия Зет-боя – Брукс, но Брейди отказывается так его называть. – Он вел наблюдение согласно твоим инструкциям. Этот коп... бывший коп или кто он теперь...

– Заткнись. – Не поднимая головы, с волосами, падающими на лоб. В ярком солнечном свете Брейди выглядит двадцатилетним, хотя ему тридцать.

Бэбино, привыкший к тому, чтобы его слушали, и еще не полностью освоившийся с новым статусом подчиненного, команду игнорирует.

– Вчера Ходжес побывал на Хиллтоп-Корт, сначала в доме Эллертон, потом что-то вынюхивал в доме на другой стороне улицы, откуда...

– *Я сказал, заткнись!*

– Брукс видел, как он садился в автобус номер пять, а это означает, что он, возможно, едет сюда. И если он едет сюда, он *знает!*

Брейди на мгновение переводит взгляд на Бэбино, его глаза сверкают, потом возвращаются к экрану. Если он собьется, позволит этому образованному идиоту отвлечь его...

Но он не позволит. Он хочет причинить боль Ходжесу, хочет причинить боль ниггеру-газонокосильщику, за ними должок, и это отличный способ рассчитаться. И здесь не просто вопрос мести. Она – первый подопытный кролик из тех, кто был на концерте, и не похожа на остальных, которые так легко поддавались контролю. Но он *контролирует* ее, ему нужно еще десять секунд, и теперь он видит, что приближается к ней. Это пикап. Большой черный пикап.

Эй, сладенькая, думает Брейди Хартсфилд. Машина подана.

Барбара стоит на краю тротуара, наблюдает за приближающимся пикапом, просчитывает момент, но когда уже сгибает колени, руки хватают ее сзади.

– Эй, девушка, что мы тут делаем?

Она вырывается, но руки крепко держат ее за плечи, и пикап проносится мимо под грохочущий голос Гостфейса Киллы. Барбара

вырывается, оборачивается и видит худощавого парня ее возраста, в форменной куртке средней школы Тодхантера. Парень высокий, шесть с половиной футов, и ей приходится смотреть на него снизу вверх. У него коротко стриженные вьющиеся каштановые волосы и борода клинышком. На шее тонкая золотая цепочка. Он улыбается. Глаза зеленые и невероятно веселые.

– Ты – красотка, это правда, не только комплимент, но не отсюда, верно? Одеты не как местные, и, кстати, разве мама не говорила тебе, что это не самое удачное место для прогулки?

– Отстань от меня! – Она не испугана. Она в ярости.

Он смеется.

– Так ты крутая! Мне нравятся крутые девчонки. Как насчет пиццы и колы?

– Мне ничего от тебя не нужно!

Друг покинул ее, вероятно, с отвращением. «Это не моя вина, – думает она. – Виноват этот парень. Этот лох».

Лох! Черноватое слово, если такие есть. Она чувствует, как кровь приливает к лицу, и бросает взгляд на рыб, плавающих по экрану «Заппита». Они ее успокоят, всегда успокаивали. Подумать только, она едва не выбросила эту игровую приставку, как только получила ее от того мужчины. Могла выбросить до того, как нашла рыб. Рыбы так увлекали ее, а иногда они приводили друга. Но едва взгляд Барбары останавливается на рыбах, приставка исчезает. Была – и нету! Лох держит ее длинными пальцами и как зачарованный всматривается в экран.

– Ух ты! Раритет!

– Она моя! – визжит Барбара. – Отдай!

На другой стороне улицы какая-то женщина смеется и кричит хриплым от виски голосом:

– Задай ему перца, сестричка! Скрути его в бараний рог!

Барбара пытается схватить «Заппит». Высокий парень поднимает гаджет над головой, улыбается.

– Я сказала, отдай! Придурок!

Все больше людей наблюдают за ними, и Высокий парень работает на публику. Уход влево, потом вправо, наверное, на баскетбольной площадке это привычные для него движения, а с лица не сходит снисходительная улыбка. Зеленые глаза сверкают и танцуют. Все девчонки в Тодхантере наверняка влюблены в эти глаза, и Барбара больше не думает о самоубийстве, или о том, что она черноватая, или о своей полной бесполезности для общества. Сейчас она злится, и от осознания, какой он

красавчик, злости только прибавляется. В Чэпл-Ридж она играет в школьной футбольной команде, и теперь, словно пенальти, бьет Высокому парню в голень.

Он кричит от боли (но и эта боль словно веселит его, отчего Барбара злится еще сильнее, поскольку била от души) и наклоняется, чтобы потерять ушибленное место. Благодаря этому «Заппит» оказывается в пределах досягаемости, Барбара хватает драгоценный прямоугольник желтого пластика, разворачивается в кружении юбки и бежит на мостовую.

– *Осторожно, милая!* – кричит женщина с пропитым голосом.

Барбара слышит визг тормозов, чувствует запах жженой резины. Она смотрит влево и видит автофургон, накатывающий на нее. Капот смещается в сторону, потому что водитель изо всех сил жмет на педаль тормоза и выкручивает руль. За грязным ветровым стеклом – выпученные глаза и широко раскрытый рот. Она вскидывает руки, роняя «Заппит». В этот момент меньше всего на свете Барбара Робинсон хочет умереть, но она на мостовой, и слишком поздно что-то менять.

«Моя машина подана», – думает она.

9

Брейди выключает «Заппит» и, широко улыбаясь, вскидывает глаза на Бэбино.

– Достал ее. – Слова звучат четко, никакого намека на кашу во рту. – Поглядим, как это понравится Ходжесу и этой гарвардской обезьяне.

Бэбино представляет, о ком речь, и вроде бы ему надо переживать, но он не переживает. Сейчас его заботит только собственная шкура. Как он вообще позволил Брейди втянуть себя в это дело? Когда потерял возможность выбора?

– Я здесь из-за Ходжеса. Уверен, он едет сюда, чтобы повидаться с тобой.

– Ходжес бывал здесь не один раз, – отвечает Брейди, хотя в последнее время старый детпен не появлялся. – Кататонию ему не раскусить.

– Он уже начал соображать, что к чему. Ты сам говорил, что он далеко не глуп. Он знал Зет-боя, когда тот был Бруксом? Наверняка сталкивался с ним, когда приходил к тебе.

– Понятия не имею. – Брейди вымотан, но очень доволен собой. И сейчас хочет посмаковать смерть этой Робинсон, а потом вздремнуть. Многого предстоит сделать, впереди большие дела, но сначала надо

отдохнуть.

– Нельзя, чтобы он застал тебя в таком виде, – говорит Бэбино. – Ты покраснелся, весь в поту. Напоминаешь человека, который только что пробежал городской марафон.

– Тогда не пускай его ко мне. Это ты можешь. Ты – врач, а он лишь облезлый старый хрен на пенсии. Сейчас у него нет даже права выписать штраф за неправильную парковку. – Брейди думает о том, как воспримет новость ниггер-газонокосильщик. *Джером*. Заплачет? Упадет на колени? Будет рвать рубаху и бить себя в грудь?

Обвинит Ходжеса? Маловероятно, но это лучший вариант. Потрясающий вариант.

– Хорошо, – кивает Бэбино. – Ты прав, это я могу. – Он говорит это себе, не только человеку, которому отводил роль подопытной морской свинки. Но все получилось с точностью до наоборот, так? – Сейчас, во всяком случае. Но у него остались друзья в полиции, знаешь ли. Вероятно, много друзей.

– Я не боюсь их, и я не боюсь его. Просто не хочу его видеть. Во всяком случае, сейчас. – Брейди улыбается. – Сначала пусть узнает насчет девочки. *Тогда* я захочу его увидеть. А теперь выметайся отсюда.

Бэбино, наконец-то понимая, кто из них главный, выходит из палаты. Как всегда, испытывает облегчение, что остался собой. Потому что всякий раз, когда он становится Бэбино, пробыв какое-то время доктором Зет, выясняется, что Бэбино в нем все меньше.

Таня Робинсон звонит дочери четвертый раз за последние двадцать минут, и в четвертый раз слышит веселый голос Барбары – включается голосовая почта.

– Не обращай внимания на мои прошлые сообщения, – говорит Таня после звукового сигнала. – Я попрежнему злюсь, но теперь еще и ужасно волнуюсь. Позвони мне. Мне надо знать, что с тобой все в порядке.

Она бросает мобильник на стол и кружит по маленькому кабинету. Задаётся вопросом, не позвонить ли мужу, и решает, что не надо. Пока не надо. Он взорвется от мысли, что Барбара прогуливает школу, и именно это будет первым его предположением. Таня тоже об этом подумала, когда ей позвонила миссис Росси – в Чэпл-Ридж она контролирует посещаемость – и спросила, осталась ли Барбара дома по болезни. Барбара никогда не

прогуливала, но все рано или поздно такое случается в первый раз, особенно у подростков. Только Барбара не решилась бы на такое в одиночку, а в дальнейшем разговоре с миссис Росси выяснилось, что все ближайшие подруги дочери сейчас в школе.

Именно тогда появились куда более тревожные мысли, и одну Таня никак не может отогнать: щит над Центральной магистралью, который полиция использует, если начинается поиск пропавших или похищенных детей. Мысленно она все время видит на этом щите вспыхивающую и гаснущую надпись «БАРБАРА РОБИНСОН», как рекламу фильма ужасов.

Мобильник издает первые ноты оды «К радости», и Таня бежит к нему, думая: «Слава Богу, слава Богу, до конца зимы я лишу ее всех...»

Только на экране появляется не улыбающееся лицо дочери, а надпись «УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ». Ужас скручивает желудок. Поначалу она не может даже принять вызов, потому что большой палец словно окаменел. Наконец ей удается нажать зеленую клавишу и заглушить музыку. Все в кабинете, включая семейную фотографию на столе, становится нестерпимо ярким. Мобильник, кажется, сам плывет к уху.

– Алло? – Таня слушает. – Да, это она. – Продолжает слушать, свободная рука поднимается ко рту, чтобы заглушить готовый вырваться крик. Она слышит собственный вопрос: – Вы уверены, что это моя дочь? Барбара Роселлин Робинсон?

Полицейский, который позвонил, чтобы уведомить о случившемся, отвечает, что да. Он уверен. Они нашли на мостовой удостоверение личности. Не говорит другого: им пришлось стереть кровь, чтобы прочитать имя и фамилию.

Ходжес чувствует: что-то не так, – едва выходит из надземного перехода, который соединяет больницу Кайнера с Клиникой травматических повреждений головного мозга Озерного региона, где коридоры выкрашены в успокаивающий розовый цвет и круглые сутки звучит тихая музыка. Привычный распорядок явно нарушен, никто не занят обычными делами. Брошенные тележки с ланчем уставлены тарелками с чем-то макаронным: возможно, так в столовой представляют себе китайскую еду. Медсестры, сбившись в кучки, о чем-то перешептываются. Одна плачет. Два интерна стоят у фонтанчика с водой. Какой-то санитар

разговаривает по мобильнику. Это серьезное нарушение, которое может стоить работы, но Ходжес думает, что в данном случае санитар в полной безопасности: внимания на него никто не обращает.

Зато Рут Скапелли нигде не видно, и это повышает его шансы на встречу с Хартсфилдом. На сестринском посту – Норма Уилмер, а она наряду с Бекки Хелмингтон информировала Ходжеса о происходящем с Брейди до того, как визиты в палату 217 прекратились. Плохие новости: у сестринского поста стоит врач Хартсфилда. Ходжесу так и не удалось наладить с ним контакт, хотя, Бог свидетель, он пытался.

Ходжес неторопливо направляется к фонтанчику, надеясь, что Бэбино его не заметил и скоро уйдет возиться с ПЭТ-сканами или чем-то подобным, оставив Уилмер в одиночестве и тем самым дав Ходжесу возможность пообщаться с ней. Он делает глоток (морщится и прикладывает руку к боку, выпрямляясь), потом обращается к интернам:

– Что здесь у вас происходит? Какой-то странный беспорядок.

Интерны мнутя, переглядываются.

– Мы не можем об этом говорить, – отвечает первый. На лице у него юношеская сыпь, и выглядит он лет на семнадцать. Ходжес содрогается при мысли, что этому интерну приходится ассистировать при чем-то серьезнее удаления занозы из большого пальца.

– Что-то с пациентом? Может, с Хартсфилдом? Спрашиваю только потому, что раньше служил в полиции, и здесь он оказался не без моего участия.

– Ходжес, – говорит второй интерн. – Это ваша фамилия?

– Да, так и есть.

– Вы его поймали, да?

Ходжес соглашается без запинки, хотя если бы он ловил Хартсфилда в одиночку, на том концерте Брейди уколошил бы гораздо больше людей, чем у Городского центра. Нет, это Холли Гибни и Джером Робинсон сумели остановить Брейди, прежде чем тот взорвал всю свою чертову самодельную пластиковую взрывчатку.

Интерны вновь переглядываются, и первый говорит:

– Хартсфилд такой же, как и всегда, дурак дураком. Это медсестра Гнусен.

Получает тычок локтем от второго.

– О мертвых плохо не говорят, говнюк. Особенно если человек, который слушает, может потом сболтнуть лишнего.

Ходжес тут же подносит палец к губам, давая понять, что его рот всегда на замке.

Первый краснеет.

– Я про медсестру Скапелли. Прошлой ночью она покончила с собой.

В кровь Ходжеса поступает лошадиная доза адреналина, и впервые со вчерашнего дня он забывает, что в самом скором времени ему, возможно, предстоит умереть.

– Вы уверены?

– Порезала себе руки и запястья и истекла кровью, – отвечает второй. – Так я, во всяком случае, слышал.

– Записку оставила?

Они не в курсе.

Ходжес направляется к сестринскому посту. Бэбино все еще там, просматривает с Уилмер (которая крайне взволнована столь неожиданным повышением) истории болезни, но больше ждать он не может. Это работа Хартсфилда. Ходжес не знает, как он смог это проделать, но на случившемся написано крупными буквами: «БРЕЙДИ». Гребаный князь самоубийств.

Он едва не называет сестру Уилмер по имени, но интуиция подсказывает, что лучше оставить за кадром их достаточно близкое знакомство.

– Медсестра Уилмер, я – Билл Ходжес. – Конечно, ей очень даже хорошо это известно. – Я расследовал Бойню у Городского центра и попытку взрыва аудитории Минго. Мне надо повидаться с мистером Хартсфилдом.

Она открывает рот, но Бэбино опережает ее:

– Невозможно. Даже если бы к мистеру Хартсфилду допускались посетители, а они не допускаются по распоряжению окружного прокурора, ему не разрешено видеться с вами. Он нуждается в отдыхе и покое. Каждый из ваших прежних никем не разрешенных визитов вызывал у него стресс.

– Это для меня новость, – спокойно отвечает Ходжес. – Всякий раз, когда я заходил к нему, он просто сидел на стуле. Бесстрастный, как миска с овсянкой.

Норма Уилмер поворачивает голову то к одному, то ко второму. Словно смотрит теннисный матч.

– Вы не видите то, что видим после вашего ухода мы. – К заросшим серебристой щетиной щекам доктора Бэбино приливает кровь. И под глазами у него темные мешки. Ходжес вспоминает карикатуру из учебника «Живем с Иисусом в душе», какие им раздавали в воскресной школе в ту доисторическую эру, когда автомобили были с плавниками, а девушки

носили белые носочки. Врач Брейди выглядит точь-в-точь как тот парень на карикатуре, но Ходжес сомневается, что Бэбино – хронический мастурбатор. С другой стороны, он помнит слова Бекки о том, что врачи здешних больных еще более безумны, чем их пациенты.

– И о чем мы говорим? – спрашивает Ходжес. – Маленькие параспсихические вспышки гнева? Вещи летали по палате? Может, в унитазе сама спускалась вода?

– Нелепо. Вы оставляете после себя психический *погром*, мистер Ходжес. Его мозг не настолько сильно поврежден, чтобы он не чувствовал, что вы им одержимы. Видите в нем монстра. Я прошу вас уйти. У нас трагедия, и многие пациенты расстроены.

Ходжес видит, как при этих словах глаза Уилмер удивленно раскрываются. Он знает, что пациенты, способные воспринимать информацию – а большинству пациентов Ведро это не под силу, – не имеют ни малейшего понятия, что старшая медсестра свела счеты с жизнью.

– Мне надо задать ему несколько вопросов, а потом я сразу уйду.

Бэбино наклоняется вперед. Глаза за очками в золотой оправе испещрены красными прожилками.

– Выслушайте меня внимательно, мистер Ходжес. Первое: мистер Хартсфилд не способен ответить на ваши вопросы. Если бы он мог это сделать, то предстал бы перед судом за совершенные им преступления. Второе: вы не занимаете никакого официального поста. Третье: если вы не уйдете немедленно, я вызову охрану, и вас отсюда выведут.

– Простите, что спрашиваю, – отвечает Ходжес, – но с вами все в порядке?

Бэбино отшатывается, словно Ходжес врезал ему в челюсть.

– *Вон!*

Медработники, стоящие небольшими группками, разом замолкают и поворачиваются к сестринскому посту.

– Понял, – кивает Ходжес. – Ухожу. Всего хорошего.

У входа в надземный переход – ниша с торговыми автоматами. Там стоит второй интерн, сунув руки в карманы.

– Надо же, – говорит он. – Вас шуганули.

– Похоже на то. – Ходжес изучает ассортимент продуктового автомата «Перекуси». Ничего такого, что не вызовет пожара в животе, но это не проблема. Он не голоден.

– Молодой человек, – говорит он не оборачиваясь, – если вы хотите заработать пятьдесят долларов, выполнив простое и легкое поручение, тогда подойдите ко мне.

Второй интерн – судя по виду, он точно когда-нибудь станет взрослым, но определенно не в ближайшем будущем – присоединяется к Ходжесу. Теперь они на пару разглядывают автомат «Перекусим».

– Какое поручение?

Ходжес держит блокнот в заднем кармане, как в те времена, когда служил детективом первого класса. Он пишет на листке два слова: «Позвоните мне» – и добавляет номер мобильного.

– Отдайте это медсестре Уилмер после того, как Смауг расправит крылья и улетит.

Второй берет листок, складывает, убирает в нагрудный карман. Выжидающе смотрит на Ходжеса. Тот достает бумажник. Пятьдесят баксов – слишком щедро за доставку записки, но он обнаружил, что неизлечимый рак имеет и нечто положительное: с деньгами можно расставаться легко.

12

Когда звонит мобильник, Джером Робинсон несет на плече несколько досок под жарким солнцем Аризоны. Дома они строят – первые два уже поднялись – в бедном, но респектабельном районе на южной окраине Феникса. Джером кладет доски на подвернувшуюся тачку, снимает мобильник с ремня, думая, что звонит Гектор Алонсо, их бригадир. В это утро девушка из их бригады зацепилась за что-то ногой и упала на груды арматуры. В итоге сломанная ключица и рваная рана на лице. Алонсо повез ее в отделение экстренной медицинской помощи больницы Святого Луки, оставив Джерома временно исполнять обязанности бригадира.

Но на экране возникает лицо не Алонсо, а Холли Гибни. Эту фотографию он сделал сам, подкараулив редкий момент, когда Холли улыбалась.

– Привет, Холли, как ты? Я перезвоню тебе позже, у нас тут безумное утро и...

– Ты должен вернуться домой. – Голос Холли звучит спокойно, но Джером знает ее достаточно долго, и в этих четырех словах ощущает сильные эмоции, которые она пока держит под контролем. По большей части – страх. Холли по-прежнему очень пугливая. Мать Джерома, которая очень любит Холли, однажды назвала ее страх «настройкой по умолчанию».

– Домой? Почему? Что случилось? – Внезапно его тоже охватывает страх. – Что-то с отцом? Мамой? Барби?

– С Биллом, – отвечает она. – У него рак. Очень тяжелая форма рака. Поджелудочной железы. Если он не начнет лечиться, то умрет, вероятно, он *в любом случае* умрет, но лечиться он пока не хочет и сказал мне, что у него лишь маленькая язва... из-за... из-за... – Она глубоко, со всхлипом вздыхает, заставляя Джерома содрогнуться. – *Из-за Брейди долбаного Хартсфилда!*

Джером и представить себе не может, каким боком Брейди Хартсфилд связан с ужасным диагнозом Билла, но он знает, отчетливо видит прямо сейчас: надвигается беда. На дальней стороне строительной площадки два молодых парня в касках, студенты, как и Джером, дают противоречивые указания водителю бетономешалки, которая медленно сдает задом, с каждым мгновением приближаясь к катастрофе.

– Холли, я перезвоню через пять минут.

– Но ты приедешь, да? Скажи, что приедешь. Потому что я не смогу поговорить с ним об этом сама, а он *должен начать лечение как можно скорее!*

– Пять минут, – повторяет Джером и обрывает связь. Его извилины шевелятся так быстро, что он боится, как бы от трения не вспыхнули мозги, а тут еще палящее солнце. Билл? Рак? С одной стороны, это совершенно невозможно, а с другой – очень даже вероятно. Ходжес был в отличной форме, когда занимался делом Питера Зауберса вместе с ним и Холли, но ему скоро семьдесят, и когда они виделись последний раз, в октябре, перед отъездом Джерома в Аризону, выглядел Билл плохо. Исхудавший. Бледный. Однако Джером не может уехать до возвращения Гектора. Уехать – все равно что доверить психбольным управление дурдомом. И зная больницы Феникса, где отделения экстренной медицинской помощи работают с чудовищной перегрузкой, Джером не сомневается, что до конца рабочего дня ему не выбраться.

Он бежит к бетономешалке и орет во всю мощь легких:

– *Стой! Ради Бога, СТОЙ!!!*

Подбегает к бестолковым добровольцам и останавливает бетономешалку менее чем в трех футах от только что вырытой дренажной канавы. Наклоняется, чтобы вновь обрести дыхание, и тут мобильник звонит вновь.

«Холли, я тебя люблю, – думает Джером, вновь сдергивая его с ремня, – но иногда ты умеешь достать».

Только на этот раз на экране фотография не Холли, а его матери. Таня рыдает в трубку.

– Ты должен вернуться домой. – И Джерому хватает времени, чтобы

вспомнить присказку своего дедушки: *беда не приходит одна*.
Теперь еще и Барби.

Ходжес уже в вестибюле и направляется к двери, когда в кармане вибрирует мобильник. Норма Уилмер.

– Он ушел? – спрашивает Ходжес.

Норме не требуется спрашивать, о ком речь.

– Да. Он уже повидал своего главного пациента, так что может расслабиться и осматривать остальных.

– Сожалею о случившемся с медсестрой Скапелли. – И это правда. Она ему никогда не нравилась, но он тем не менее сожалеет.

– Я тоже. Она гоняла медперсонал, как капитан Блай – команду «Баунти», но такой смерти я никому не пожелаю. Узнаешь новости, и первая мысль: нет, только не она, быть такого не может. Зато вторая: почему нет? Замужем не была, близких друзей нет – во всяком случае, насколько мне известно, – ничего, кроме работы. На которой ее терпеть не могли.

– Все эти одинокие люди... – говорит Ходжес, выходя на холод и сворачивая к автобусной остановке. Застегивает пальто одной рукой и начинает массировать бок.

– Да. Их много. Что я могу для вас сделать, мистер Ходжес?

– У меня есть несколько вопросов. Можем встретиться за стаканчиком согревающего?

Долгая пауза. Ходжес думает, что она ему откажет. Но она говорит:

– Ваши вопросы не создадут проблем доктору Бэбино?

– Все возможно, Норма.

– Ладно, не будем об этом. Я все равно у вас в долгу. Спасибо, что ничем не выдали наше давнее знакомство. Есть один бар на Ривир-авеню. Название подходящее – «Черная овца», и большинство сотрудников ходят выпить поближе к больнице. Отыщете?

– Конечно.

– Я заканчиваю в пять. Встретимся там в половине шестого. Я люблю холодный мартини с водкой.

– Он будет вас ждать.

– Только не рассчитывайте, что я проведу вас к Хартсфилду. Мне это будет стоить места. Бэбино всегда был эксцентричным, а в последние дни

вообще съехал с катушек. Я пыталась сказать ему насчет Рут, так он просто проскочил мимо меня. А когда ему все-таки сказали, и бровью не повел.

– Вы его обожаете, да?

Она смеется:

– За это с вас второй стакан.

– Договорились.

Он убирает мобильник в карман, когда тот снова вибрирует. Ходжес видит, что звонит Таня Робинсон, и первая его мысль о Джероме, который строит дома в Аризоне. Многое может пойти не так на строительной площадке.

Он принимает вызов. Таня плачет, поначалу он не может понять, о чем речь, ясно только, что Джим в Питсбурге и она не хочет ему звонить, пока не узнает больше. Ходжес стоит на краю тротуара, прижав вторую руку к свободному уху, чтобы отсеять шум транспорта.

– Помедленнее, Таня. Что-то случилось с Джеромом?

– Нет, у Джерома все хорошо. Ему я позвонила. Барбара... Она была в Лоутауне...

– И что, скажи на милость, она делала в Лоутауне, да еще в учебный день?

– Я не знаю! Мне лишь известно, что какой-то парень толкнул ее на мостовую, и она угодила под грузовик! Сейчас ее везут в Мемориальную больницу Кайнера! Я тоже туда еду.

– Ты за рулем?

– Да! Но какое отношение?..

– Убери мобильник, Таня. И сбрось скорость. Я сейчас в Кайнере. Встречу тебя в приемном отделении.

Он разрывает связь и направляется обратно к больнице, неуклюже бежит. Думает: «Это чертово заведение как мафия. Всякий раз, когда я думаю, что покидаю его, оно затаскивает меня обратно».

«Скорая» с включенными мигалками как раз подъезжает задним ходом к одному из входов приемного отделения. Ходжес уже достает из бумажника полицейское удостоверение, которое по-прежнему носит с собой. Когда фельдшер и санитар выкатывают носилки из кузова «скорой», он показывает им удостоверение, прикрыв большим пальцем красную печать «НА ПЕНСИИ». По закону это преступление – выдавать себя за

сотрудника полиции, – поэтому использует он удостоверение крайне редко, но сейчас его решение совершенно оправданное.

Барбара накачана лекарствами, но в сознании. Увидев Ходжеса, она крепко сжимает ему руку.

– Билл! Как вы сумели приехать так быстро? Вам позвонила мама?

– Да. Как ты?

– В порядке. Мне что-то дали от боли. Я... они говорят, у меня сломана нога. Я пропущу баскетбольный сезон, но, наверное, значения это не имеет, ведь теперь мама никуда не будет меня пускать до двадцати пяти лет. – Из ее глаз начинают катиться слезы.

Он понимает, что сможет провести с ней считанные минуты, поэтому с вопросами о том, что она делала на МЛК-авеню, где как минимум четыре раза в неделю стреляют из проезжающих автомобилей, придется повременить. Есть кое-что более важное.

– Барб, ты знаешь имя парня, который толкнул тебя под автомобиль?

Ее глаза широко раскрываются.

– Ты хорошо его разглядела? Сможешь описать?

– Толкнул? Нет, Билл! Нет, все было не так!

– Мы должны идти, – говорит фельдшер. – Вы сможете поговорить с ней позже.

– Подождите! – кричит Барбара и пытается сесть. Санитар приемного отделения мягко укладывает девочку на каталку, и ее лицо искажается от боли, но Ходжеса этот крик радует. Громкий и решительный.

– Что такое, Барб?

– Он толкнул меня уже после того, как я выбежала на мостовую! В сторону от фургона! Я думаю, он спас мне жизнь, и я этому рада. – Она плачет, и Ходжес уверен, что причина не в сломанной ноге. – Я все-таки не хочу умирать. Не знаю, что на меня нашло!

– Нам пора на осмотр, шеф, – говорит фельдшер. – Ей надо сделать рентген.

– Проследите, чтобы ему ничего не было! – кричит Барбара, когда каталка проезжает двустворчатую дверь. – Он высокий! С зелеными глазами и бородкой клинышком! Он учится в Тодхантере...

Ее увозят, и лишь створки покачиваются взад-вперед.

Ходжес отходит в сторону, туда, где ему не будут выговаривать за использование мобильного, и звонит Тане.

– Я не знаю, где ты, но сбавь скорость и не мчись на красный. Ее увезли на рентген, и она в сознании. У нее сломана нога.

– Это все? Слава Богу! А как насчет внутренних повреждений?

– Позже скажут врачи, но она очень даже шустрая. Я думаю, может, автомобиль только задел ее.

– Мне надо позвонить Джерому. Я уверена, что напугала его до смерти. И Джиму надо сообщить.

– Позвонишь им отсюда. И заканчивай говорить по мобильнику за рулем.

– Ты сам позвони им, Билл.

– Нет, Таня, не могу. Мне надо позвонить в другое место.

Он стоит, выдыхая клубы белого пара, уши начинают неметь. Звонить Питу не хочется, потому что Пит сейчас чертовски на него зол, а Иззи Джейнс – в два раза сильнее. Ходжес ищет другие варианты и понимает, что есть только один: Кассандра Шин. Он работал с ней несколько раз, когда Пит уходил в отпуск, и однажды, когда тот брал шесть недель за свой счет. Случилось это вскоре после развода Пита, и Ходжес предполагал, что Пит лечился от алкоголизма, но никогда не спрашивал, а Пит ничего не говорил.

Номера Касси он не знает, поэтому звонит в отдел и просит его соединить, в надежде, что она не на выезде. Ему везет. Музыку («Макграфф – пес-полицейский») он слушает меньше десяти секунд, а потом раздается ее голос.

– Это Касси Шин, королева ботокса?

– Билли Ходжес, старый прелюбодей! Я думала, ты сыграл в ящик!

Осталось недолго, Касси, думает он.

– Я бы с радостью поболтал с тобой, милая, но у меня просьба. Участок на Страйк-авеню еще не закрыли?

– Нет. Планируют закрыть в следующем году. И это правильно. Преступность в Лоутауне? Да какая там преступность?

– Да, конечно, самая безопасная часть города. Там, возможно, задержали одного парня, но, если моя информация верна, он заслуживает медаль.

– Имя, фамилия?

– Не знаю, но могу описать. Зеленые глаза, бородка клинышком. – Он повторяет слова Барбары и добавляет: – Скорее всего в куртке средней школы Тодхантера. Арестовать его могли за то, что он толкнул девушку под колеса автомобиля. На самом деле он ее оттолкнул, поэтому ее только задело, но не раздавило.

– Ты знаешь это наверняка?

– Да. – Это не совсем правда, но он верит Барбаре. – Выясни, как его зовут, и попроси копов не отпускать его, ладно? Я хочу с ним поговорить.

- Думаю, я с этим справлюсь.
- Спасибо, Касси. Я твой должник.

Закончив разговор, он смотрит на часы. Если он собирается поговорить с этим парнишкой из Тодхантера, а потом успеть на встречу с Нормой, у него нет времени, чтобы разъезжать на автобусах.

В голове крутятся слова Барбары: *Я все-таки не хочу умирать. Не знаю, что на меня нашло!*

Он звонит Холли.

15

Она стоит у магазина «Севен-элевен», расположенного рядом с офисом, держит пачку «Винстона» в одной руке, а другой цепляет целлофан обертки. Она не курила почти пять месяцев, новый рекорд, и не хочет начинать вновь, но то, что она увидела в компьютере Билла, разодрало дыру в ее жизни, которую она зашивала пять последних лет. Билл Ходжес – ее пробирный камень, по которому она определяет свою способность взаимодействовать с миром. Другими словами, именно он – точка отсчета ее степени здравомыслия. Пытаться представить жизнь без него – все равно что стоять на крыше небоскреба и смотреть на тротуар шестьюдесятью этажами ниже.

И в тот момент, когда она ухватывает кончик отрывной полосы, звонит мобильник. Холли бросает пачку в сумку и достает телефон. Ходжес.

Холли не говорит «привет». Она сказала Джерому, что не сможет в одиночку обсуждать с Ходжесом его болезнь, но теперь, когда она стоит на тротуаре под холодным ветром, дрожа в добротном зимнем пальто, выбора у нее нет. Слова выплескиваются сами.

– Я заглянула в твой компьютер, знаю, что это нехорошо, но извиняться не собираюсь. Я это сделала, подумав, что ты лжешь насчет язвы, и ты можешь уволить меня, если хочешь, мне без разницы, при условии, что ты позволишь врачам взяться за твое лечение.

Ходжес молчит. Она хочет спросить, на связи ли он, но губы словно замерзли, а сердце бьется так сильно, что удары отдаются во всем теле.

- Хол, не думаю, что это можно вылечить, – наконец говорит он.
- По крайней мере позволь им *попытаться!*
- Я тебя люблю. – Она слышит уныние в его голосе. Смирение. – Ты это знаешь, так?
- Не спрашивай, конечно, знаю. – Она начинает плакать.

– Разумеется, я буду лечиться. Но мне нужна пара дней, прежде чем я лягу в больницу. И прямо сейчас мне нужна *ты*. Можешь взять автомобиль и приехать за мной?

– Хорошо. – Холли плачет еще сильнее, зная, что он говорит правду: она ему нужна. А быть нужным – это так важно. Может, важнее *всего*. – Ты где?

Он говорит, потом добавляет:

– И вот что еще.

– Что?

– Я не могу тебя уволить. Ты не моя подчиненная. Ты – мой партнер. Постарайся это запомнить.

– Билл?

– Что?

– Я не курю.

– Это хорошо, Холли. А теперь приезжай сюда. Я буду ждать в вестибюле. На улице холод собачий.

– Я приеду как смогу быстро, не нарушая скоростной режим.

Она спешит к парковке на углу, где стоит ее автомобиль. По пути бросает в урну так и не распечатанную пачку сигарет.

16

По дороге в полицейский участок на Страйк-авеню Ходжес рассказывает Холли о посещении больницы Кайнера, начав с самоубийства Рут Скапелли и закончив странными фразами, которые произнесла Барбара перед тем, как ее укатали в приемное отделение.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – говорит Холли, – потому что я думаю о том же. Ниточки тянутся к Брейди Хартсфилду.

– Князь самоубийств. – Дожидаясь Холли, Ходжес проглотил пару таблеток болеутоляющего и теперь чувствует себя неплохо. – Так я его называю. Что-то в этом есть, согласна?

– Да, но вот что ты мне однажды сказал... – Холли сидит за рулем «приуса», выпрямив спину, не отрывая глаз от дороги. Они уже углубились в Лоутаун. И сейчас она выворачивает руль, чтобы избежать столкновения с продуктовой тележкой, которую кто-то оставил на мостовой. – Ты сказал, что совпадение не всегда имеет отношение к преступному замыслу. Ты это помнишь?

– Да. – Одна из его любимых фраз. У него их хватает.

– Ты сказал, что можно целую вечность расследовать преступление, чтобы в итоге выяснить: всего лишь цепочка совпадений привела к трагической развязке. Если ты не найдешь ничего конкретного в следующие два дня – если мы не найдем, – тогда тебе придется сдать и начинать лечение. Пообещай мне, что начнешь.

– Возможно, потребуется чуть больше времени...

– Джером вернется и поможет, – обрывает она его. – Все будет как прежде.

Ходжес вдруг вспоминает название старого детективного романа, «Последнее дело Трента»^[25], и улыбается. Она замечает его улыбку, принимает ее за знак согласия и тоже улыбается, с облегчением.

– Четыре дня, – говорит он.

– Три. Не больше. Потому что каждый день, на который ты оттягиваешь начало лечения, уменьшает твои шансы. А они и так невелики. Только не начинай торговаться, Билл. Ты в этом мастер.

– Хорошо, – кивает он. – Три дня. Если Джером поможет.

– Он поможет, – заверяет Холли. – И давай постараемся управиться за два.

17

Полицейский участок на Страйк-авеню напоминает средневековый замок в стране, где короля свергли и правит анархия. На окнах – крепкие решетки. Стоянка патрульных автомобилей защищена проволочным забором и ограждением из бетонных блоков. Камеры контролируют все подходы, и тем не менее серые стены расписаны граффити, а один из фонарей над главным входом разбит.

Ходжес и Холли выкладывают содержимое карманов в пластиковые лотки – туда же отправляется сумка Холли – и проходят рамку металлоискателя. Металлический браслет часов Ходжеса вызывает уккоризненное пиканье. Холли садится на скамью в вестибюле (он тоже под наблюдением камер) и включает айпад. Ходжес идет к столу дежурного, объясняет цель прихода, и через несколько секунд к нему приближается худощавый седой детектив, отдаленно напоминающий Лестера Фримана из «Прослушки» – единственного полицейского сериала, который при просмотре не вызывал у Ходжеса рвотного рефлекса.

– Джек Хиггинс, – говорит детектив, протягивая руку. – Как писатель, только не белый.

Ходжес пожимает руку и представляет Холли, которая кивает и бормочет «привет», прежде чем вновь уткнуться в айпад.

– Думаю, я вас помню, – говорит Ходжес. – Участок на Мальборо-стрит? Когда вы еще носили форму?

– Давние времена, тогда я был молодой да ранний. Я тоже вас помню. Вы поймали парня, который убил двух женщин в Маккаррон-Парке.

– Тогда сработала команда, детектив Хиггинс.

– Просто Джек. Касси Шин позвонила. Ваш парень в комнате для допросов. Его зовут Дирис Невилл. Мы все равно собирались его отпустить. Несколько человек, которые видели случившееся, подтвердили его версию. Он заигрывал с девушкой, та обиделась и выбежала на мостовую. Невилл заметил приближающийся автомобиль, бросился за ней, попытался оттащить, и ему это почти удалось. Кроме того, практически все его знают. Он звезда баскетбольной команды Тодхантера, вероятно, получит спортивную стипендию в престижном колледже. Отлично учится.

– А что мистер Отличник делал на улице в разгар учебного дня?

– Их всех отправили по домам. В школе вновь сломалась отопительная система. Третий раз за эту зиму, а еще только январь. Мэр говорит, в Лоутауне все круто, много рабочих мест, всеобщее процветание, счастливые люди. Мы увидим его, когда начнется избирательная кампания. В бронированном внедорожнике.

– Невилл не пострадал?

– Цел и невредим, если не считать поцарапанных ладоней. Согласно показаниям женщины, которая находилась на другой стороне улицы, ближе остальных, он буквально вытащил девушку из-под колес автомобиля, а потом, цитирую: «Прикрыл ее, как ба-а-лышущая птица».

– Он понимает, что может уйти?

– Да, и согласился остаться. Хочет узнать, как там девушка. Пойдемте. Вы с ним поговорите, а потом мы его отпустим. Если, конечно, у вас не найдется причины его задержать.

Ходжес улыбается:

– Я приехал из-за мисс Робинсон. Пара вопросов, и больше мы не будем путаться у вас под ногами.

Комната для допросов – маленькая, душная и жаркая. Батареи шпарят. Тем не менее, похоже, это лучшая комната, потому что здесь стоит

небольшой диван и нет стола с торчащим, словно железный кулак, кольцом, за которое цепляют наручники. Обивка дивана в нескольких местах «починена» липкой лентой, напоминающей Ходжесу о мужчине с заплатой из малярного скотча на куртке, которого Нэнси Олдерсон видела на Хиллтоп-Корт.

Дирис Невилл сидит на диване. В чиносах и белой рубашке он выглядит аккуратным и подтянутым. Бородка клинышком и золотая цепочка на шее – единственное, что выбивается из стиля. Школьная куртка сложена и лежит на подлокотнике дивана. Невилл встает, когда входят Ходжес и Хиггинс, протягивает руку с длинными пальцами. Кисть просто создана для игры в баскетбол. На ладони – несколько полосок оранжевого антисептика.

Ходжес осторожно пожимает руку, помня о царапинах, представляется.

– Вы здесь в полной безопасности, мистер Невилл. Собственно, Барбара Робинсон послала меня с тем, чтобы я поблагодарил вас и убедился, что у вас все в порядке. Она и ее семья – мои давнишние друзья.

– А с ней все в порядке?

– Сломана нога, – отвечает Ходжес, пододвигая стул. Его рука непроизвольно тянется к боку и прижимается к нему. – Могло быть гораздо хуже. Готов спорить, что в следующем году она вернется на футбольное поле. Садитесь, садитесь.

Когда Невилл садится, его колени поднимаются под самую челюсть.

– Отчасти это моя вина. Не следовало мне дурачиться с ней. Но она такая красивая. И все-таки... не слепой же я. – Он замолкает, поправляется: – Я же не слепой. Чем она закинулась? Вы знаете?

Ходжес хмурится. У него и в мыслях не было, что Барбара могла находиться под действием наркотиков, а ведь напрасно. Она – подросток, а этот возраст – эра экспериментов. Но он обедает у Робинсонов три или четыре раза в месяц, и ничто в ее поведении не указывало на наркотики. Может, он просто не обращал внимания? Слишком старый, чтобы такое замечать?

– А почему вы думаете, что она чем-то закинулась?

– Хотя бы потому, что она оказалась там. Она была в форме Чэпл-Ридж. Я знаю, ведь мы играем с ними два раза в год. Всегда побеждаем. И она была словно в трансе. Стояла рядом с «Мамиными звездами», там гадают по картам и по руке, и выглядела так, будто вот-вот прыгнет под машину. – Он пожимает плечами. – Поэтому я к ней подошел, начал отчитывать за то, что она собралась переходить улицу в неположенном месте. Она разозлилась, чуть не набросилась на меня с кулаками. Я

подумал, она такая милашка, поэтому... – Он смотрит на Хиггинса, вновь переводит взгляд на Ходжеса. – Я вел себя плохо – и честно в этом признаюсь, понимаете?

– Конечно, – кивает Ходжес.

– Так вот, я выхватил у нее игровую приставку. Ради смеха, понимаете. Поднял над головой. Не собирался отнимать, просто дурачился. Так она меня пнула – для девушки пнула крепко – и вырвала приставку из моей руки. В тот момент она точно не выглядела закинувшейся.

– А как она выглядела, Дирис? – Ходжес по привычке переходит на имя.

– Чертовски злой, знаете ли! Но при этом испуганной. Словно внезапно поняла, где находится. На улице, куда такие девушки, как она, в форме частной школы, не ходят, особенно в одиночку. МЛК-авеню? Да никогда в жизни! – Он наклоняется вперед, руки зажаты между колен, лицо серьезное. – Она не знала, что я просто дурачусь, понимаете? Ее словно охватила паника, сечете?

– Да, – отвечает Ходжес, и хотя его голос звучит уверенно (он, во всяком случае, на это надеется), сейчас он на автопилоте, потрясенный словами Невилла: *Я выхватил у нее игровую приставку*. Ему не хочется верить, что это как-то связано с Эллертон и Стоувер, но логика твердит: еще как связано, одно к одному. – Тебя это, наверное, огорчило.

Философским жестом – *а что тут поделаешь?* – Невилл вскидывает к потолку поцарапанные ладони.

– Такое здесь место, друг. Это же Лоутаун. Она спустилась с облаков на землю, поняла, где находится, вот и все. Я постараюсь выбраться отсюда как можно быстрее. *Пока* есть такая возможность. Буду играть в баскетбол в колледже, постараюсь учиться как можно лучше, чтобы получить хорошую работу, если окажусь недостаточно хорош... если не удастся пробиться в профессионалы. А потом вытаску отсюда мою семью. Маму и двух братьев. Моя мама – та причина, по которой я постараюсь пойти как можно дальше. Она никогда не позволит никому из нас играть в грязи. – Он понимает, что сказал, и смеется. – Если матушка услышит, что я говорю «играться», мне крышка.

Просто не верится, что на свете есть такие хорошие парни, думает Ходжес. И тем не менее это правда. Ходжес гонит от себя мысли о том, что произошло бы с младшей сестрой Джерома, если бы Дирис Невилл остался сегодня в школе.

– Плохо, что ты пристал к девушке, – говорит Хиггинс, – но должен сказать, потом ты все сделал правильно. Надеюсь, теперь ты дважды

подумаешь, прежде чем к кому-то приставать?

– Да, сэр, будьте уверены.

Хиггинс поднимает руку с растопыренными пальцами. Вместо того чтобы ударить по его ладони, Невилл легонько к ней прикасается, с саркастической улыбкой. Он хороший парень, но это все-таки Лоутаун, а Хиггинс – коп.

Хиггинс встает.

– Можем идти, детектив Ходжес?

Ходжес с благодарностью кивает – приятно слышать прежнее звание, – но он еще не закончил.

– Сейчас. Что это была за игровая приставка, Дирис?

– Раритет. – Без запинки. – Как «Геймбой», у моего маленького брата есть такая, мама купила на дворовой распродаже или как там они называются, но у девушки была другая. В ярко-желтом корпусе, я помню. Не тот цвет, который может понравиться такой девушке. Тем, кого я знаю, он точно не нравится.

– Ты, случайно, не видел, что было на экране?

– Глянул мельком. Там плавали рыбы.

– Спасибо, Дирис. Ты сказал, что она чем-то закинулась. Если взять шкалу от одного до десяти, как бы ты оценил ее состояние?

– Я бы сказал, на пять баллов. Когда подошел, точно было десять. Она выглядела так, будто собиралась выйти на мостовую прямо под колеса здорового пикапа, размером гораздо больше, чем фургон, под который она едва не угодила. Думаю, это не кокаин и не мет, а что-то более легкое, экстази или трава.

– А когда ты начал с ней дурачиться? Когда отнял игровую приставку?

Дирис Невилл закатывает глаза.

– Да, она *тут же* пришла в себя.

– Хорошо, – говорит Ходжес. – Все ясно. Спасибо тебе.

Хиггинс тоже благодарит Невилла, потом вместе с Ходжесом направляется к двери.

– Детектив Ходжес! – Невилл уже на ногах, и Ходжесу приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. – Если я запишу номер моего телефона, вы сможете передать его ей?

Ходжес обдумывает его слова, достает ручку из нагрудного кармана и протягивает высокому юноше, который скорее всего спас Барбару Робинсон от неминуемой смерти.

Холли везет их обратно на Лоуэр-Мальборо-стрит. По пути Ходжес рассказывает ей о разговоре с Дирисом Невиллом.

– Если бы все это было в кино, они бы влюбились, – задумчиво говорит Холли, когда он замолкает.

– Жизнь – не кино, Хол... Холли. – Ходжес едва успевает остановиться, не сказать «Холлиберри». Неподходящий день для фриivolности.

– Я знаю, – кивает Холли. – Поэтому и смотрю кино.

– Полагаю, ты не знаешь, выпускались ли «Заппиты» в желтом корпусе?

Но, как часто бывает, все факты у Холли наготове.

– Они выпускались в разных цветах, и да, в том числе в желтом.

– Ты думаешь о том же, что и я? Что есть связь между случившимся с Барбарой и с теми двумя женщинами, которые жили на Хиллтоп-Корт?

– Я не знаю, что думаю. Хочу, чтобы мы с Джеромом сели за стол, как было, когда Пит Зауберс попал в беду. Просто сели и все обсудили.

– Если Джером вернется сегодня вечером, а с Барбарой действительно ничего страшного, мы сделаем это завтра.

– Завтра будет твой второй день. – Она подъезжает к тротуару у автостоянки, которой они пользуются. – Второй из трех.

– Холли...

– Нет! – яростно вскрикивает она. – И не начинай! Ты обещал! – Она ставит ручку переключения передач на нейтрал и поворачивается к Ходжесу. – Ты ведь веришь, что Хартсфилд симулирует?

– Да. Возможно, не с того самого момента, когда открыл глаза и попросил позвать свою горячо любимую мамочку, но, думаю, после этого он прошел долгий путь. Может, восстановился полностью. Он прикидывается овощем, чтобы избежать суда. Но Бэбино не может этого не знать. Должны быть какие-то обследования, сканирование головного мозга и все такое...

– Не важно. Если он способен мыслить и если он узнает, что ты откладывал лечение и умер из-за него, как по-твоему, какие он будет испытывать чувства?

Ходжес молчит, и Холли отвечает за него:

– Он будет радоваться, радоваться, радоваться! Просто скакать от долбаного счастья!

– Ладно, – кивает Ходжес. – Я тебя услышал. Остаток этого дня и еще два. Но на минуту забудь обо мне. Если он может каким-то образом воздействовать на людей за пределами его палаты... это пугает.

– Я знаю. И никто нам не поверит. Это тоже пугает. Но ничто не напугает меня больше, чем мысль о том, что ты умираешь.

За эти слова ему хочется обнять Холли, однако на ее лице одно из многих «необнимательных» выражений, поэтому он смотрит на часы.

– У меня встреча, и нельзя заставлять даму ждать.

– Я еду в больницу. Даже если меня не пустят к Барбаре, Таня там, и она наверняка захочет увидеть кого-то из друзей.

– Это правильно. Но прежде чем поедешь, я бы хотел, чтобы ты нашла конкурсного управляющего «Санрайз солюшнс».

– Его зовут Тодд Шнайдер. Он партнер юридической фирмы, в названии которой шесть фамилий. Центральный офис – в Нью-Йорке. Я его нашла, пока ты разговаривал с мистером Невиллом.

– На айпаде?

– Да.

– Ты гений, Холли.

– Нет, это всего лишь поиск в Сети. Это ты умница, потому что подумал об этом. Я ему позвоню, если хочешь. – На лице Холли написано, какой ужас вызывает у нее этот звонок.

– Это лишнее. Просто позвони в его офис и узнай, найдется ли у него время для разговора со мной. Завтра с утра, и как можно раньше.

Холли улыбается.

– Хорошо. – Ее улыбка тает. Она показывает на бок Ходжеса. – Болит?

– Немного. – И сейчас он говорит правду. – При инфаркте было хуже. – Это тоже правда, но, возможно, только пока. – Если увидишь Барбару, передай ей привет.

– Обязательно.

Холли смотрит, как он идет к своему автомобилю, видит, как левой рукой поднимает воротник куртки, потом касается бока. Ей хочется плакать. Или выть от ярости. Жизнь бывает такой несправедливой. Она это знает со старших классов, тогда над ней постоянно издевались, но ее это по-прежнему удивляет. Не должно бы – но удивляет.

Ходжес вновь едет через весь город, включает радио, ищет хороший

рок-н-ролл. На «БАМ-100» находит группу «The Knack»^[26], исполняющую «Мою Шарону», и прибавляет громкость. Когда песня заканчивается, диджей предупреждает о мощном буране, который движется со стороны Скалистых гор.

Ходжес больше не слушает. Он думает о Брейди и о том, как впервые увидел эти «Заппиты». Их раздавал Библиотечный Эл. Какая у него была фамилия? Ходжес вспомнить не может. Да и знал ли он ее вообще?

Он подъезжает к «Черной овце», входит. Норма Уилмер уже сидит за столиком в глубине, довольно далеко от шумной компании бизнесменов у стойки, которые орут и хлопают стоящих рядом по спинам, угощая друг друга. Норма сменила униформу медсестры на темно-зеленый брючный костюм и туфли на низком каблуке. Перед ней уже стоит стакан.

– Вроде бы его полагалось покупать мне, – говорит Ходжес, садясь напротив Нормы.

– Не волнуйтесь, – отвечает она. – Мне все записывают на счет, который вы и оплатите.

– Разумеется.

– Бэбино не сможет уволить или куда-то перевести меня, если кто-то нас здесь увидит, но создать мне проблемы в его силах. Впрочем, я тоже могу создать ему проблемы.

– Правда?

– Правда. Думаю, он экспериментировал с вашим давним знакомцем Брейди Хартсфилдом. Скармливал ему бог знает какие таблетки. Что-то колот. Витамины, по его словам.

Ходжес в изумлении смотрит на нее:

– И долго это продолжалось?

– Годы. Это одна из причин, заставивших Бекки Хелмингтон перевестись. Не хотела оказаться крайней, если Бэбино даст Брейди не тот витамин и убьет его.

Подходит официантка. Ходжес заказывает колу со вкусом вишни.

Норма фыркает:

– Кола? Вы вроде бы уже большой мальчик.

– По части выпивки я расплескал больше, чем вы выпили, дорогая, – отвечает Ходжес. – Зачем Бэбино это делал?

Она пожимает плечами:

– Понятия не имею. Но он не первый, кто экспериментировал с отбросами общества, на которых всем наплевать. Слышали про исследование сифилиса в Таскиги? Правительство Соединенных Штатов использовало четыреста чернокожих вместо лабораторных крыс.

Эксперимент на людях проводили сорок лет, и, насколько я знаю, ни один из них не въехал на автомобиле в толпу людей. – Она криво улыбается, глядя на Ходжеса. – Копните Бэбино. Выведите на чистую воду. Рискните.

– Меня интересует Хартсфилд, но исходя из ваших слов, я не удивлюсь, если Бэбино замешан в эту историю.

– Так выпьем за то, чтобы так и оказалось. – Она чуть растягивает слова, и Ходжес догадывается, что это не первый ее стакан. Он, в конце концов, детектив опытный.

Когда официантка приносит колу, стакан Нормы уже пуст, и она поднимает его.

– Я выпью еще, а поскольку этот господин платит, налейте двойную порцию. – Официантка берет стакан и уходит. Норма вновь поворачивается к Ходжесу. – Вы говорили, что у вас вопросы. Задавайте, пока я могу на них отвечать. А то скоро губы перестанут шевелиться.

– Кто внесен в список посетителей Брейди?

Норма недоуменно хмурится.

– *Список посетителей?* Вы шутите? Кто вам сказал про список посетителей?

– Покойная Рут Скапелли. Сразу после того, как ее назначили старшей медсестрой. Я предложил ей пятьдесят баксов в месяц за то, чтобы она сообщала мне о слухах, которые его касались – такая договоренность была у меня с Бекки, – но Скапелли повела себя так, будто я отлил на ее туфли. И заявила: «Вас даже нет в списке посетителей».

– Ха!

– И сегодня Бэбино сказал...

– Какую-то чушь насчет прокуратуры. Я слышала. Присутствовала при этом.

Официантка ставит перед Нормой полный стакан, и Ходжес понимает, что ему надо торопиться. Еще чуть-чуть, и Норма перейдет к неурядицам на работе и проблемам в личной жизни. Есть такая особенность у пьяных медсестер. В этом смысле они схожи с копами.

– Вы работаете в Ведре с тех пор, как я начал...

– Гораздо дольше. Двенадцать лет. – Она поднимает стакан и ополовинивает одним глотком. – А теперь меня повысили, хотя бы временно. Я нынче старшая медсестра. Ответственность в два раза выше, и, не сомневаюсь, за те же деньги.

– В последнее время приходил кто-нибудь из прокуратуры?

– Поначалу их тут хватало. Они приводили прикормленных врачей, которым не терпелось объявить, что этот сукин сын вполне может

предстать перед судом, но резко меняли мнение, увидев, как он пускает слюни и пытается взять ложку. Они продолжали появляться, но реже, чтобы проверить, нет ли каких-нибудь изменений, и достаточно давно не было никого. По их мнению, он законченный дегенерат. И шансов, что он оклемается, никаких.

– То есть они поставили на нем крест. – И почему нет? Если не считать редких статей или репортажей в те дни, когда с новостями напряг, интерес массмедиа к Брейди Хартсфилду близок к нулю. Автомобильных аварий и убийств обычно хватает, чтобы заполнить газетные страницы и эфир.

– Сами знаете. – Прядь волос падает Норме на глаза, и она отбрасывает ее. – Кто-нибудь пытался вас остановить, когда вы приходили к нему?

«Нет, – думает Ходжес, – но я не хожу к нему уже полтора года».

– А если *существует* список посетителей...

– ...то его составил Бэбино, а не окружной прокурор. По части Мерседеса-убийцы прокурор – что медоед, Билл. Ему глубоко насрать [\[27\]](#).

– Что?

– Не важно.

– Но вы можете проверить, есть ли такой список? Теперь, когда стали старшей медсестрой?

Она обдумывает вопрос, потом кивает:

– Едва ли он будет в компьютере, где его слишком легко найти. Но Скапелли держала пару папок с документами в запертом ящике на сестринском посту. Вела учет, кто хороший, а кто плохой. Если я что-то найду, двадцатки будет не жалко?

– Я заплачу полсотни, если вы позвоните мне завтра. – Но у Ходжеса нет уверенности, что завтра она вспомнит этот разговор. – Время дорого.

– Если такой список и есть, то чтобы пудрить мозги. Просто Бэбино ни с кем не хочет делиться Хартсфилдом.

– Но вы проверите?

– Да, почему нет? Я знаю, где она прятала ключ от запертого ящика. Черт, большинство медсестер это знают. Трудно свыкнуться с мыслью, что медсестра Гнусен мертва.

Ходжес кивает.

– Он может двигать вещи, знаете ли. Не прикасаясь к ним. – Норма, не глядя на Ходжеса, выписывает стаканом круги по столу. Словно пытается нарисовать эмблему Олимпийских игр.

– Хартсфилд?

– А о ком мы говорим? Да. Делает это, чтобы напугать медсестер. –

Она поднимает голову. – Я пьяна, поэтому скажу вам кое-что такое, чего никогда не сказала бы трезвая. Я хочу, чтобы Бэбино его убил. Вколол ему что-нибудь ядовитое и отправил на тот свет. Потому что он меня пугает. – Она замолкает, потом продолжает: – Он пугает нас всех.

Холли застаёт личного помощника Тодда Шнайдера, когда тот уже завершает рабочий день и собирается домой. Помощник говорит, что мистеру Шнайдеру можно позвонить от половины девятого до девяти. Потом сплошные совещания до самого вечера.

Закончив разговор, Холли умывается в маленькой туалетной комнате, использует дезодорант, запирает офис и едет в больницу Кайнера, попав в самый час пик. Приезжает в шесть вечера, уже в полной темноте. Женщина за информационной стойкой заглядывает в компьютер и говорит, что Барбара Робинсон в палате 528 крыла Б.

– Это реанимация? – спрашивает Холли.

– Нет, мэм.

– Хорошо, – кивает Холли и направляется к лифту, постукивая низкими каблуками.

Двери открываются на пятом этаже, и там, ожидая лифта, стоят родители Барбары. Таня, с мобильником в руке, смотрит на Холли, как на призрака. С губ Джима Робинсона срывается:

– Будь я проклят.

Холли вся сжимается.

– Что? Что такое? Почему вы так на меня смотрите? Что не так?

– Все хорошо, – отвечает Таня. – Просто я собиралась позвонить тебе...

Двери кабинки начинают закрываться. Джим протягивает руку, и они разъезжаются. Холли выходит.

– ...из вестибюля, – продолжает Таня и показывает на настенный плакат. На нем мобильник, перечеркнутый красной полосой.

– Мне? Зачем? Как я поняла, у нее только нога сломана. Я знаю, перелом ноги – это серьезно, конечно, серьезно, но...

– Она в сознании, и все хорошо, – говорит Джим, но они с Таней переглядываются, показывая, что это не вся правда. – Перелом без смещения, но при осмотре заметили еще и шишку на затылке и решили, что ночь ей лучше провести здесь, на всякий случай. Доктор, который

накладывал гипс, уверен на девяносто девять процентов, что утром она отправится домой.

– Ей сделали анализ на токсины, – добавляет Таня. – Никаких наркотиков в крови нет. Я не удивлена, но все-таки от сердца отлегло.

– Тогда что не так?

– Все, – без промедления отвечает Таня. Холли думает, что после их последней встречи она постарела лет на десять. – Мать Хильды Карвер отвезла Барб и Хильду в школу, это ее неделя, и она говорит, что в машине Барбара вела себя как обычно, разве что смеялась не так громко. В школе Барбара сказала Хильде, что ей надо в туалет, и больше Хильда ее не видела. По ее словам, Барбара ушла через одну из дверей спортивного зала. В школе их называют прогульными дверями.

– А что говорит Барбара?

– Нам она *ничего* не рассказывает. – Голос Тани дрожит, и Джим обнимает ее за плечи. – Но обещала, что скажет тебе. Поэтому я и собиралась позвонить. По ее словам, только ты сможешь ее понять.

22

Холли медленно идет по коридору к палате 528, находящейся в самом его конце. Ее голова опущена, она задумалась – и потому едва не сталкивается с мужчиной, который катит тележку с потрепанными книгами в бумажной обложке и читалками «Киндл» (на каждой под экраном – наклейка: «СОБСТВЕННОСТЬ БОЛЬНИЦЫ КАЙНЕРА»).

– Извините, – говорит ему Холли. – Не смотрела, куда иду.

– Ничего страшного, – заверяет ее Библиотечный Эл и продолжает путь. Холли не видит, как он останавливается и смотрит ей вслед. Она собирается с духом, готовясь к предстоящему разговору. Наверняка эмоциональному, а выброс эмоций всегда ее ужасает. Но она любит Барбару, и это ей помогает.

Опять же она любопытна.

Холли стучит в дверь, которая приоткрыта, и, не получив ответа, заглядывает в палату:

– Барбара? Это Холли. Можно войти?

Барбара устало улыбается и откладывает «Сойку-пересмешницу», которую читала. Вероятно, получила от мужчины с тележкой. Она сидит на кровати в розовой пижаме, а не в больничном халате. Холли догадывается, что пижаму принесла Таня вместе с ноутбуком «Синкпэд» – он на

прикроватном столике. Розовая пижама оживляет Барбару, но все равно она какая-то заторможенная. Повязки на голове нет, следовательно, шишка не *такая уж* и страшная. Холли задается вопросом: а может, Барбару оставили в больнице по какой-то другой причине? Она находит только одну, и ей хочется верить, что это нелепость, но сомнения полностью не уходят.

– Холли! Как тебе удалось так быстро добраться сюда?

– Я приехала, чтобы повидаться с тобой. – Холли входит и закрывает за собой дверь. – Когда кто-то попадает в больницу, ты едешь его проводить, если ты друг, а мы ведь подруги. Твоих родителей я встретила у лифта. Они сказали, ты хотела поговорить со мной.

– Да.

– Чем я могу тебе помочь, Барбара?

– Ну... можно тебя кое о чем спросить? Только это очень личное.

– Хорошо. – Она садится на стул у кровати. Опасливо, словно стул под напряжением.

– Я знаю, у тебя в жизни бывали тяжелые моменты. Когда ты была моложе. До того, как начала работать у Билла.

– Да, – кивает Холли. Горит только лампа на прикроватном столике, и ее свет создает некий кокон, которым они отделены от окружающего мира. – Очень тяжелые.

– Ты когда-нибудь пыталась покончить с собой? – Барбара нервно смеется. – Я сказала тебе, это очень личное.

– Дважды, – отвечает Холли без малейшего колебания. Она на удивление спокойна, не испытывает никакого волнения. – Первый раз примерно в твоем возрасте, потому что другие ученики в школе травили меня, обзывая нехорошими словами. Я не могла этого вытерпеть. Но, наверное, не очень хотела расстаться с жизнью. Приняла пригоршню аспирина и антигистаминных таблеток.

– А второй раз приложила больше усилий?

Вопрос трудный, и Холли тщательно его обдумывает.

– И да, и нет. Это случилось после того, как у меня возникли проблемы с моим боссом. Теперь это называют сексуальными домогательствами. Тогда никак не называли. Мне было за двадцать. Я сидела на сильных психотропных препаратах, но их было недостаточно, и подсознательно я это понимала. Тогда я была очень неуравновешенной, но далеко не глупой, и в глубине души хотела жить. Отчасти потому, что я знала: Мартин Скорсезе будет продолжать снимать фильмы, а мне хотелось их увидеть. Мартин Скорсезе – лучший кинорежиссер из ныне живущих. Он снимает

длинные фильмы, которые я воспринимаю как романы. А большинство фильмов – рассказы.

– Твой босс, он *набросился* на тебя?

– Я не хочу об этом говорить, да это и не имеет значения. – У Холли нет желания поднимать голову, но она напоминает себе, что это Барбара, и заставляет себя поднять. Потому что Барбара – подруга, несмотря на все тики и прибабахи Холли. И сейчас у Барбары проблемы. – Причины не имеют значения, потому что самоубийство противоречит всем человеческим инстинктам, и поэтому оно – безумие.

За исключением определенных случаев, думает она. Определенных неизлечимых случаев. Но к Биллу это не относится.

«Я сделаю все, чтобы его вылечили».

– Я знаю, что ты хочешь этим сказать, – говорит Барбара. Вертит головой из стороны в сторону. В свете лампы на щеках блестят дорожки от слез. – Я знаю.

– Поэтому ты оказалась в Лоутауне? Чтобы покончить с собой?

Барбара закрывает глаза, но слезы просачиваются сквозь ресницы.

– Я так не думаю. Во всяком случае, поначалу – нет. Я пошла туда, потому что мне велел голос. Мой друг. – Она замолкает, думает. – Но он все-таки не был моим другом. Друг не захотел бы, чтобы я покончила с собой, правда?

Холли берет Барбару за руку. Обычно прикосновения даются ей с трудом, но не в этот вечер. Может, потому, что она чувствует себя в безопасности в световом коконе, которым они отгородились от мира. Может, потому, что это Барбара. Может, благодаря обеим причинам.

– Кто этот друг?

– Который с рыбами, – отвечает Барбара. – Из игры.

Эл Брукс катит библиотечную тележку по главному вестибюлю больницы (мимо мистера и миссис Робинсон, ожидающих Холли). Эл Брукс поднимается на другом лифте к надземному переходу, который соединяет больницу с Клиникой травматических повреждений головного мозга. Эл Брукс здоровается с медсестрой Райниер, которая сидит на сестринском посту. Она – ветеран клиники и говорит Элу «привет», не отводя глаз от компьютерного экрана. Это Эл катит тележку по коридору, но, зайдя в палату 217, Эл Брукс исчезает, и его место занимает Зет-бой.

Брейди сидит на стуле с «Заппитом» на коленях. Он не отрывается от экрана. Зет-бой достает из левого кармана просторной серой куртки свой «Заппит» и включает его. Нажимает на иконку игры «Рыбалка», и по экрану начинают плавать рыбы: красные, желтые, золотистые, иногда среди них появляется очень быстрая розовая. Бренчит мелодия. Время от времени экран ярко вспыхивает синим, окрашивая щеки Зет-боя и превращая глаза в синие пустышки.

Так продолжается пять минут: один сидит, другой стоит, оба смотрят на плавающих рыб и слушают бренчание. Жалюзи над окном непрерывно дребезжат. Покрывало на кровати идет волнами. Раз или два Зет-бой понимающе кивает. Потом руки Брейди расслабляются и отпускают игровую приставку. Она скользит по исхудалым ногам, проваливается между колен и падает на пол. Веки опускаются. Прикрытая клетчатой рубашкой грудь перестает подниматься и опускаться.

Плечи Зет-боя расправляются. Он содрогается всем телом, выключает «Заппит», убирает в левый карман куртки. Из правого достает айфон. Человек, прекрасно разбирающийся в компьютерах, модифицировал его, добавив несколько самых современных систем защиты. А вот датчик GPS отключен. В контактах ни одного имени, только несколько инициалов. Зет-бой нажимает на ФЛ.

Два гудка, и ФЛ отвечает, имитируя русский акцент:

– Это есть агент Зиппити Ду Да камарад. Я ждать твоя команда.

– Тебе платят не за глупые шутки.

Пауза.

– Хорошо. Никаких шуток.

– Мы двигаемся дальше.

– Мы двинемся дальше, когда я получу остаток денег.

– Ты получишь их этим вечером, а потом сразу возьмешься за дело.

– Принято. В следующий раз поставь более сложную задачу.

Следующего раза не будет, думает Зет-бой.

– Не напортачь.

– Будь уверен. Но я палец о палец не ударю, пока не увижу капусту.

– Ты ее увидишь.

Зет-бой дает отбой, сует телефон в карман и выходит из комнаты Брейди. Проходит мимо сестринского поста и медсестры Райниер, которая по-прежнему не отрывается от экрана. Оставляет тележку в нише с торговыми автоматами и направляется в надземный переход. Упругой, молодой походкой.

Через час или два Райниер или другая медсестра найдет Брейди

Хартсфилда согнувшимся на стуле либо распростертым на полу поверх «Заппита». Паники это не вызовет. Он часто теряет сознание, а потом приходит в себя.

Доктор Бэбино говорит, что это часть процесса восстановления мозговой деятельности, и каждый раз, очнувшись, Хартсфилд демонстрирует незначительное улучшение. Наш мальчик на правильном пути, говорит доктор Бэбино. По внешнему виду такого не скажешь, но прогресс нашего мальчика действительно поразительный.

Вы и представить не можете, насколько поразительный, бьется мысль в мозгу Библиотечного Эла, который сейчас используется чужим разумом. Просто не можете. Но понемногу начинаете представлять, доктор Б. Ведь так?

Лучше поздно, чем никогда.

– Человек, который кричал на меня на улице, ошибался, – говорит Барбара. – Я ему поверила, потому что голос велел поверить, но он ошибался.

Холли хочет знать о голосе из игры, но Барбара еще не готова об этом говорить. Поэтому Холли спрашивает, кто этот мужчина и что он кричал.

– Он называл меня черноватой, как того парня в телесериале. Сериал смешной, но на той улице это звучало как оскорбление. Это...

– Я знаю сериал, и я знаю, как некоторые используют это слово.

– Но я не черноватая. Никого с черной кожей нельзя так называть, просто нельзя. Даже если они живут в хорошем доме на такой хорошей улице, как Тиберри-лейн. Мы все черные, навсегда. Не думай, что я не знаю, как на меня смотрят в школе и что обо мне говорят.

– Конечно, знаешь, – кивает Холли – ей самой хватило в школе и разговоров, и взглядов. Ее еще прозвали Лепе-Лепе.

– Учителя говорят о равенстве полов и расовом равенстве. Они придерживаются политики толерантности и верят в нее, во всяком случае, большинство, но на переменах можно сразу заметить и черных детей, и китайцев, которые у нас по обмену, и девочку-мусульманку, потому что нас всего два десятка, и мы – перчинки, которые каким-то образом попали в солонку.

Она вспыхивает, голос полон ярости и негодования, а еще усталости.

– Меня зовут на вечеринки, но далеко не всегда. И на свидания меня

приглашали только дважды. Один парень был белым, и все глазели на нас, когда мы пришли в кино. А потом кто-то бросался в нас попкорном. Очевидно, в кинотеатрах о расовом равенстве забывают, как только гаснет свет. А как однажды было на футболе? Я бегу с мячом вдоль бровки, выхожу на хорошую позицию, и тут какой-то белый папаша в рубашке для гольфа кричит своей дочери: «Держи эту черномазую!» Я притворилась, будто не слышала. Девчонка ухмыльнулась. Мне так хотелось ее завалить, прямо у него на глазах, но я этого не сделала. Просто проглотила. Или на первом году обучения в перерыв на ленч я оставила учебник английского на трибуне стадиона, а когда вернулась за ним, кто-то вложил в него записку: «Негритосина». Я и это проглотила. Дни, даже недели все идет хорошо, а потом приходится что-то проглатывать. То же самое случается и у мамы, и у папы, я это знаю. Может, у Джерома в Гарварде по-другому, но готова спорить, и ему иногда приходится проглатывать.

Холли сжимает ее руку, но молчит.

– Я не *черноватая*, но голос меня так назвал, потому что я выросла не в дешевой квартире с драчливым отцом и матерью-наркоманкой. Потому что я никогда не ела листовую капусту и даже не знаю, что это такое. Потому что я грамотно говорю на английском. Потому что в Лоутауне живут бедно, а мы на Тиберри-лейн ни в чем себе не отказываем. У меня есть банковская карточка, я хожу в хорошую школу, Джером учится в Гарварде, но... но разве ты не видишь... Холли, разве ты не *видишь*, что я никогда...

– У тебя нет и не могло быть выбора, – говорит Холли. – Родителей и место рождения не выбирают. Та же история и со мной. Со всеми нами. И в шестнадцать тебя никогда не просили поменять что-либо, кроме одежды.

– *Да!* Я знаю, что не должна этого стыдиться, но голос *заставил* меня ощутить стыд, почувствовать себя никчемным паразитом, и *это до сих пор не ушло*. Словно в голове осталась дорожка слизи. Потому что я никогда не бывала в Лоутауне, и там *ужасно*, и в сравнении с ними я *действительно* черноватая, и я боюсь, что голос никуда не уйдет, и моя жизнь будет *сломана*.

– Ты должна его задушить, – говорит Холли, сухо и непрекаемо.

Барбара в изумлении смотрит на нее.

Холли кивает:

– Да. Ты должна душить этот голос, пока он не умрет. Это первое, чем ты должна заняться. Если не поборешься за себя, не сможешь стать лучше. А если не станешь лучше, никому не сможешь стать лучше.

– Я не могу просто вернуться в школу и делать вид, будто Лоутауна не

существует, – отвечает Барбара. – Если собираюсь жить дальше, я должна что-то сделать. Молодая я или нет, я должна что-то сделать.

– Ты думаешь о какой-нибудь волонтерской работе?

– Я не знаю, о чем я думаю. Не знаю, что может сделать такая молоденькая девушка, как я. Но я собираюсь выяснить. Если это будет означать, что надо вернуться туда, мои родители меня не поддержат. Я хочу, чтобы ты мне с ними помогла, Холли. Знаю, тебе это трудно, но *пожалуйста*. Ты должна сказать им, что мне надо заглушить этот голос. Даже если не удастся сразу избавиться от него, может, я сумею заставить его притихнуть.

– Хорошо, – кивает Холли, хотя она в ужасе. – Я помогу. – Тут ее осеняет, и она широко улыбается. – Тебе надо поговорить с тем парнем, который вытащил тебя из-под автомобиля.

– Я не знаю, как его найти.

– Билл тебе поможет. А теперь Расскажи мне об игровой приставке.

– Ее больше нет. Фургон раздавил ее. Я видела обломки, и я рада. Всякий раз, закрывая глаза, я вижу этих рыб, прежде всего эту розовую рыбу-число, и слышу мелодию. – Она напевает мелодию, но Холли ни с чем не может ее связать.

Медсестра вкатывает тележку с лекарствами. Спрашивает у Барбары, как она оценивает боль по десятибалльной шкале. Холли становится стыдно: она не спросила, а сделать это следовало в первую очередь. Иногда она такая черствая.

– Не знаю, – отвечает Барбара. – Может, на пять?

Медсестра снимает крышку с пластмассового подноса и протягивает Барбаре маленький бумажный стаканчик. В нем две белые таблетки.

– Как раз для пяти баллов. Спать будешь как младенец. По крайней мере пока я не приду, чтобы проверить зрачки.

Барбара проглатывает таблетки, запивая глотком воды. Медсестра говорит Холли, что скоро ей придется уйти, чтобы «наша девочка» отдохнула.

– Я уйду, – обещает Холли и, как только за медсестрой закрывается дверь, наклоняется вперед: лицо напряжено, глаза сверкают. – Игровая приставка. Как она к тебе попала?

– Мне дал ее мужчина. Я была в торговом центре на Берч-стрит с Хильдой Карвер.

– Когда?

– Перед Рождеством, незадолго. Я помню, потому что еще не купила подарок для Джерома и начала нервничать. Увидела красивую спортивную

куртку в «Банана репаблик», но стоила она дорого, а он собирался строить дома в Аризоне до мая. А когда строишь дома, такая куртка совершенно ни к чему, верно?

– Полагаю, да.

– Мужчина подошел, когда мы с Хильдой ели ленч. Конечно, не положено разговаривать с незнакомцами, но мы уже не маленькие девочки, да и дело было в ресторанном дворике среди множества людей. Опять же выглядел он респектабельно.

Самые худшие обычно так и выглядят, думает Холли.

– Он был в роскошном костюме, какие стоят жуткие деньги, и держал в руке портфель. Сказал, что его зовут Майрон Зетким и он работает в компании «Санрайз солюшнс». Дал нам свою визитку. Показал пару «Заппитов», портфель был ими набит, и сказал, что мы получим их бесплатно, если согласимся заполнить вопросники и прислать их в компанию. Адрес был на вопроснике. И на визитке.

– Ты адрес не запомнила?

– Нет, а визитку выбросила. Но это был лишь абонентский ящик.

– В Нью-Йорке?

Барбара задумывается.

– Нет, в нашем городе.

– Значит, вы взяли «Заппиты»?

– Да. Маме я не сказала, потому что она прочла бы мне длинную лекцию о недопустимости разговоров с незнакомцами. Я заполнила вопросник и отослала. Хильда – нет, потому что ее «Заппит» не работал. Выдал одну синюю вспышку и сдох. Она еще сказала, что другого от бесплатных подарков ждать нечего. – Барбара смеется. – Точь-в-точь как ее мать.

– Но твой работал.

– Да. Он, конечно, какой-то древний... но при этом забавный, по-своему. Так я поначалу думала. Лучше бы мой сломался, и тогда я бы не услышала *голос*. – Ее глаза медленно закрываются, потом открываются. Она улыбается. – Ух ты! Такое ощущение, что я куда-то уплываю.

– Пока не уплывай. Можешь описать этого человека?

– Белый, с седыми волосами. Старый.

– Совсем старый или немного старый?

Глаза Барбары стекленеют.

– Старше папы, моложе дедушки.

– Лет шестидесяти? Шестидесяти пяти?

– Да, наверное. Возраста Билла, примерно. – Ее глаза вдруг широко

раскрываются. – Послушай, я кое-что вспомнила. Я подумала, это странно, и Хильда тоже.

– Что именно?

– Он сказал, что его зовут Майрон Зетким, и визитку нам дал с этим именем, но инициалы на портфеле были другие.

– Вспомнишь какие?

– Нет... извини... – Она точно уплывает.

– Подумаешь об этом, как только проснешься, Барб? Голова будет свежая, и, возможно, это очень важно.

– Хорошо...

– Я надеюсь, Хильда не выбросила свой «Заппит», – говорит Холли. Ответа не получает, да и не ждет. Она часто говорит сама с собой. Дыхание Барбары становится глубоким и медленным. Холли начинает застегивать пальто.

– У Дайны есть такой, – уже в полусне говорит Барбара. – Ее работает. Она играет в «Кросси-роуд»... и в «Растения против Зомби»... и загрузила трилогию «Дивергент», но там все перепуталось.

Холли перестает застегивать пуговицы. Она знает Дайну Скотт, много раз видела ее в доме Робинсонов. Та играла в настольные игры или смотрела телевизор, часто оставалась на ужин. И млела, глядя на Джерома, как и все подруги Барбары.

– Ей дал приставку тот же мужчина?

Барбара не отвечает. Кусая губу, не желая давить на Барбару, но чувствуя, что это необходимо, Холли трясет ее за плечо и повторяет вопрос.

– Нет, – полусонно отвечает Барбара. – Она получила ее через сайт.

– Какой?

В ответ – посапывание. Барбара заснула.

Холли не сомневается, что Робинсоны будут ждать ее в вестибюле, поэтому заскакивает в магазин сувениров, прячется за стеллажом с плюшевыми медведями (прятаться Холли умеет) и звонит Биллу. Спрашивает, знает ли он Дайну Скотт, подругу Барбары.

– Конечно, – отвечает Билл. – Я знаю большинство ее подруг. Во всяком случае, тех, кто приходит в дом. Как и ты.

– Я думаю, ты должен поехать к ней.

– Этим вечером?

– Немедленно. У нее есть «Заппит». – Холли глубоко вдыхает. – Они опасны. – Она не может заставить себя произнести то, во что начинает верить: они – причина самоубийств.

26

В палате 217 санитары Норм Ричард и Келли Пилэм, под контролем медсестры Мейвис Райниер, поднимают Брейди и укладывают на кровать. Норм берет с пола «Заппит» и смотрит на плавающих по экрану рыб.

– Почему он никак не подхватит пневмонию и не помрет, как остальные дегенераты? – спрашивает Келли.

– Этот слишком злобный, чтобы помереть, – отвечает Мейвис, потом замечает, что Норм таращится на плавающих рыбок. Глаза у него округлились, челюсть отвисла. – Проснись, дорогуша. – Она выхватывает гаджет из его рук. Отключает и бросает в верхний ящик столика у кровати Брейди. – «И до ночлега – долгий путь»^[28].

– Что? – Норм смотрит на свои руки, словно по-прежнему держит «Заппит».

Келли спрашивает медсестру Райниер, не хочет ли она измерить Хартсфилду давление.

– Какой-то он бледный.

Мейвис обдумывает его слова, потом говорит:

– Да пошел он.

Они покидают палату.

27

В Шугар-Хайтс, самом богатом районе города, старый «шеви-малибу» с пятнами грунтовки ползет к закрытым воротам на Лайлак-драйв. В кованые ворота изящно вплетены инициалы, которые не смогла вспомнить Барбара Робинсон: ФБ. Зет-бой вылезает из машины, старая куртка с заплатами из малярного скотча на спине и на рукаве болтается на нем, как на вешалке. Он набирает на пульте код, и ворота начинают открываться. Зет-бой садится за руль, наклоняется, сует руку под сиденье и достает два предмета. Один – пластиковая бутылка с отрезанным горлом, выложенная изнутри стальной мочалкой. Другой – револьвер тридцать второго калибра. Зет-бой вставляет ствол в этот самодельный глушитель – еще одно

изобретение Брейди Хартсфилда – и кладет на колени. Свободной рукой ведет «малибу» по плавно изгибающейся подъездной дорожке.

Впереди горят фонари у парадных дверей особняка.

Позади закрываются кованые ворота.

Библиотечный Эл

Брейди не потребовалось много времени, чтобы понять: это тело практически отслужило свой срок. Как говорится, родился он глупым, но таковым не остался^[29].

Да, были сеансы физиотерапии и занятия лечебной физкультурой – доктор Бэбино их прописал, а Брейди воспротивиться не мог, – и они помогали, но не очень. Ему удавалось прошаркать футов тридцать по коридору – некоторые пациенты прозвали его Авеню пыток, – но только с помощью координатора реабилитационного центра Урсулы Хабер, мужеподобной лесбиянки-нацистки, которая этим центром и управляла.

– Еще один шаг, мистер Хартсфилд, – призывала Хабер, а стоило ему шагнуть, эта сука требовала еще один, и еще. И когда Брейди, дрожащему всем телом и мокрому от пота, наконец-то позволяли плюхнуться в инвалидное кресло, он представлял, как засовывает вымоченные бензином тряпки Хабер между ног и поджигает их.

Крикнула бы она тогда: «Хорошая работа! *Хорошая* работа, мистер Хартсфилд»?

А если ему удавалось проскрипеть что-то, отдаленно напоминающее «спасибо», она поворачивалась к тому, кто случайно оказывался рядом, и гордо улыбалась: «Посмотрите! Моя ручная мартышка говорит!»

Он мог говорить (больше и гораздо лучше, чем они знали) и мог, волоча ноги, пройти десять ярдов по Авеню пыток. В лучшие дни мог съесть заварной крем, особо не запачкав рубашку. Но не мог одеться самостоятельно, завязать шнурки, потереть зад, не мог даже воспользоваться пультом дистанционного управления (так напоминающим Изделие один и Изделие два), чтобы включить телевизор. Схватить пульт ему удавалось, но он не контролировал пальцы, чтобы нажимать маленькие кнопки. А если все-таки нажимал кнопку включения, то видел лишь пустой экран с надписью «ПОИСК СИГНАЛА». Его это бесило – в начале 2012 года его бесило *все*, – но он следил за тем, чтобы этого не показывать. У рассерженных людей обычно есть причина сердиться, а у дегенератов не должно быть причин для проявления эмоций.

Иногда заходили адвокаты из прокуратуры. Бэбино возражал, говорил, что адвокаты тормозят процесс выздоровления и действуют вразрез с собственными интересами, но его протесты во внимание не принимались.

Иногда с адвокатами из прокуратуры приходили копы, а однажды коп

пришел сам по себе. Веселый толстый членосос с короткой стрижкой. Брейди сидел на стуле, поэтому толстый членосос уселся на кровать. Толстый членосос сказал Брейди, что его племянница ходила на концерт бой-бэнда «Здесь и сейчас». «Ей тринадцать лет, и она от них без ума», – хохотнул он. И, все еще похихатывая, наклонился вперед над большим животом и врезал Брейди по яйцам.

– Это тебе маленький подарок от моей племянницы, – пояснил толстый членосос. – Почувствовал? Я надеюсь, что да.

Брейди почувствовал, но не столь сильно, как, вероятно, рассчитывал толстый членосос: чувствительность всего, что находилось между поясом и коленями, существенно снизилась. Он полагал, что в мозгу перегорела какая-то цепь, контролирующая эту зону. Обычно это плохая новость, но она разом превращается в хорошую, если тебе приходится иметь дело с правым хуком в детородные органы. И Брейди просто сидел с бесстрастным лицом, пуская слюни. Однако фамилию толстого членососа запомнил: Моретти. И занес в черный список.

Список у Брейди был длинным.

Он сохранял слабый контроль над Сейди Макдоналд благодаря первому, совершенно случайному проникновению в ее разум. (В куда большей степени он контролировал разум идиота-санитара, но перемещения в него напоминали каникулы в Лоутауне.) Несколько раз Брейди удавалось заставить ее подойти к окну, тому месту, где с ней случился припадок. Обычно она бросала на улицу взгляд и возвращалась к своим делам, что раздражало, но в один из июньских дней 2012 года с ней снова случился мини-припадок. Брейди обнаружил, что опять смотрит на мир ее глазами, только на этот раз место пассажира, возможность лишь наблюдать за внешним миром, его не устраивала. Он хотел рулить.

Сейди подняла руки, погладила груди. Сжала их. Брейди почувствовал, как между ног Сейди начало разливаться тепло. Он определенно ее возбудил. Интересно, но едва ли полезно.

Он подумал, что надо развернуть ее и заставить выйти из палаты. Прогуляться по коридору, глотнуть воды из фонтанчика. Превратить ее в личную живую инвалидную каталку. А вдруг кто-то заговорит с ним? Что он скажет? А если Сейди вернет себе контроль в отсутствие солнечных бликов и начнет кричать, что Брейди у нее в голове? Все подумают, что она свихнулась. Ее могут отстранить от работы. Если это случится, Брейди потеряет доступ к ее разуму.

И вместо того чтобы отправлять Сейди на прогулку, он углубился в ее

разум, наблюдая за мыслерыбами, которые сновали взад-вперед. Он видел их яснее, но никакого интереса они не вызывали.

Одна, впрочем... красная...

Она появилась, как только он о ней подумал, потому что он заставил Сейди настроиться на эту мысль.

Большая красная рыба.

Отец-рыба.

Брейди изловчился и поймал ее. Труда это не составило. Его тело ни на что не годилось, но, проникнув в разум Сейди, проворством он не уступал артисту балета. Отец начал растлевать ее в шесть лет. Наконец в одиннадцать прошел путь до конца и трахнул. Сейди рассказала учительнице в школе, и ее отца арестовали. Он покончил с собой после того, как его выпустили под залог.

Смеха ради Брейди принялся запускать своих рыб в аквариум разума Сейди Макдоналд: крошечные ядовитые рыбы-собаки стали, по существу, отражением тех мыслей, которые она генерировала сама в сумеречной зоне, существующей между сознанием и подсознанием.

Что она провоцировала его.

Что ей нравилось его внимание.

Что она ответственна за его смерть.

И если смотреть под таким углом, это совсем не самоубийство. Если смотреть под таким углом, получается, что она убила его.

Сейди яростно дернулась, вскинула руки к голове и отвернулась от окна. Брейди ощутил тошноту, головокружение: его вышвырнуло из ее разума. Она посмотрела на него, бледная, с написанным на лице страхом.

«Думаю, я отключилась на пару секунд, – сказала она, а потом нервно рассмеялась. – Но ты никому не скажешь, правда, Брейди?»

Он и не собирался, но потом выяснилось, что проникать в ее разум ему все легче и легче. Для этого уже не требовалось, чтобы она смотрела на солнечные блики, отражавшиеся от ветровых стекол автомобилей на стоянке напротив. Хватало и того, что она входила в палату. Сейди похудела, осунулась, стала дурнушкой. Иногда являлась в грязной униформе, иногда в рваных чулках. Брейди продолжал внедрять в ее разум обвинения: ты провоцировала отца, тебе нравилось то, что он делал, ты проявила безответственность, ты не заслуживаешь того, чтобы жить.

Черт, хоть какое-то да занятие.

Иногда больница получала пожертвования, и в сентябре 2012 года пришла посылка с десятком портативных игровых приставок «Заппит», то

ли от компании-производителя, то ли от какой-то благотворительной организации. Администратор отправил их в крошечную библиотеку, расположенную рядом с больничной часовней, где могли проводить службу представители всех конфессий. Там санитар распаковал посылку, решил, что приставки бесполезные и устаревшие, и забросил их на дальнюю полку. В ноябре их нашел Эл Брукс, он же Библиотечный Эл, и взял одну себе.

Несколько игр Элу очень понравились, вроде той, где требовалось провести Гарри Питфола мимо пропастей и ядовитых змей, но особое наслаждение он получал от «Рыбалки». Не от самой игры, которая была глупой, а от демоверсии. Он полагал, что над ним стали бы смеяться, расскажи он кому-нибудь об этом, но сам не видел ничего смешного. Если он из-за чего-то расстраивался (брат накричал, потому что он не вынес мусор к приезду мусорщиков в четверг утром, или дочь позвонила из Оклахома-Сити с очередными жалобами), эти медленно плавающие рыбы и тихая мелодия сразу его успокаивали. Иногда он даже забывал про бег времени. Это было потрясающе.

Как-то вечером на исходе 2012 года Эла осенило. Хартсфилд из 217-й не мог читать и не выказывал никакого интереса к аудиокнигам или музыке на дисках. Если кто-нибудь надевал ему наушники, он неуклюже срывал их, словно они сдавливали ему голову. Не получилось бы у него и манипулировать маленькими кнопками под экраном «Заппита», однако он мог смотреть демоверсию «Рыбалки». Она даже могла ему понравиться, как и демоверсии каких-нибудь других игр. А если бы понравилась, то могла понравиться и другим пациентам (к чести Эла, он даже в мыслях не называл их дефективными или дегенератами), и это было бы очень хорошо, поскольку некоторые пациенты Ведро вдруг ни с того ни с сего возбуждались и становились агрессивными. Если бы демоверсии их успокаивали, врачам, медсестрам и санитарам – даже уборщикам – стало бы легче.

Ему могли выписать премию. Надежда, конечно, слабая, но мечтать не вредно.

И в один из первых дней декабря 2012 года, ближе к вечеру, Эл вошел в палату 217, вскоре после того, как ее покинул постоянный посетитель Хартсфилда, бывший детектив по фамилии Ходжес, который сыграл немалую роль в его поимке, хотя не он нанес удары по голове, приведшие к необратимым повреждениям мозга Хартсфилда.

Хартсфилда расстраивали визиты Ходжеса. После его ухода в палате

217 падали вещи, вода в душе включалась и выключалась, дверь в ванную вдруг распахивалась и захлопывалась. Медсестры, которые это видели, не сомневались, что к этому причастен Хартсфилд, но доктор Бэбино пресекал такие разговоры на корню. Заявлял, что это истерическая реакция, свойственная определенному типу женщин (хотя в Ведре хватало и медбратьев). Эл знал: все эти истории – правда, поскольку несколько раз видел все собственными глазами и не считал себя истериком. Скорее наоборот.

Однажды он услышал какие-то звуки в палате Хартсфилда, открыл дверь и увидел, как яростно дребезжат жалюзи. Это было вскоре после очередного визита Ходжеса. И прошло не меньше тридцати секунд, прежде чем жалюзи вновь замерли.

Хотя Эл пытался держаться с Ходжесом дружелюбно – он пытался держаться так со всеми, – поведения бывшего детектива он не одобрял. Тот, похоже, упивался нынешним состоянием Хартсфилда. Блаженствовал, глядя на него. Эл знал, что Хартсфилд был плохим человеком, убившим невинных людей, но ведь того человека больше не существовало. А то, что осталось, не слишком отличалось от овоща. Да, он заставлял дребезжать жалюзи и включал и выключал воду. Но этим никому не вредил.

– Добрый день, мистер Хартсфилд, – поздоровался Эл в тот декабрьский вечер. – Я вам кое-что принес. Надеюсь, вы посмотрите.

Он включил «Заппит» и вывел на экран демоверсию «Рыбалки». Рыбы начали плавать, заиграла мелодия. Как всегда, Эл почувствовал разливающуюся по телу умиротворенность и на мгновение замер, чтобы насладиться ощущениями. Но прежде чем повернул приставку так, чтобы Хартсфилд мог видеть экран, обнаружил, что толкает библиотечную тележку в крыле А, на другом конце больницы.

И «Заппита» у него не было.

И что странно, его это совершенно не расстроило. Он пребывал в прекрасном расположении духа. Ощущал некоторую усталость, и ему никак не удавалось собрать разбегавшиеся в разные стороны мысли, но в остальном он был всем доволен. Даже счастлив. Он посмотрел вниз и на тыльной стороне левой ладони увидел большую букву «зет», написанную ручкой, которую он всегда держал в кармане куртки.

«Зет» – для Зет-боя, подумал Эл и рассмеялся.

Брейди не принимал решения внедриться в разум Библиотечного Эла. Он очутился там через несколько секунд после того, как старикан

установился на экран игровой приставки, которую держал в руках. И Брейди не чувствовал себя незванным гостем в голове библиотекаря. Теперь это тело принадлежало Брейди подобно автомобилю от «Херца»: катайся сколько пожелаешь. Только за взятое напрокат тело он не платил.

Сознание библиотекаря находилось здесь же – где-то здесь, – но проявляло себя успокаивающим гулом, напоминавшим гул нагревательного котла в подвале в холодный день. При этом Брейди получил доступ ко всем воспоминаниям Элвина Брукса, к накопленным знаниям. И знаний хватало, потому что на пенсию Брукс ушел в пятьдесят восемь лет, а до этого был первоклассным электриком. Звали его тогда Электробрукс, а не Библиотечный Эл. И если бы сейчас Брейди захотел что-то к чему-то подключить, он сделал бы это играючи, хотя прекрасно понимал, что лишится такой способности, вернувшись в свое тело.

Мысль о собственном теле встревожила его, и он нагнулся над человеком, который, обмякнув, сидел на стуле. Глаза наполовину закрылись, виднелись только белки. Язык вывалился из угла рта. Брейди сделал так, что старческая рука опустилась на собственную грудь, грудь Брейди, и почувствовал, как она поднимается и опускается. То есть тело *жило*, но, Бог свидетель, выглядел он *ужасно*. Обтянутый кожей скелет. Вот что с ним сделал Ходжес.

Он вышел из палаты и отправился на экскурсию по больнице, ощущая безумную радость. Он всем улыбался. Ничего не мог с собой поделать. С Сейди Макдоналд он боялся напортачить. Сейчас тоже боялся, но не так сильно. На этот раз все обстояло гораздо лучше. Тело Библиотечного Эла обтягивало его, как перчатка. Проходя мимо Энн Кори, старшей сестры-хозяйки крыла А, он спросил, как чувствует себя ее муж после лучевой терапии. Та ответила, что у Элвиса все идет неплохо, учитывая ситуацию, и поблагодарила за участие. В вестибюле он оставил тележку около мужского туалета, зашел в кабинку, сел на унитаз и внимательно рассмотрел «Заппит». Как только увидел плавающих рыб, сразу понял, что произошло. Идиоты, разработавшие эту игру, наверняка совершенно случайно добились гипнотического эффекта. Этот гипноз действовал не на всех, но Брейди полагал, что на многих, а не только на тех, с кем случались легкие припадки, как у Сейди Макдоналд.

Из прочитанного в подвальном командном пункте Брейди знал, что несколько видеоигр вызывали припадки или вводили в состояние легкого гипноза совершенно здоровых людей, что заставило разработчиков писать в инструкции предупреждение (очень-очень мелким шрифтом): не играть длительное время; находиться на расстоянии не меньше трех футов от

экрана; не играть страдающим эпилепсией.

Этот эффект проявлялся не только в видеоиграх. Как минимум один мультфильм из сериала «Покемоны» запретили к показу, когда тысячи детей пожаловались на головную боль, ухудшение зрения, тошноту и судороги. Причиной сочли последовательные вспышки от взрывов, создававшие стробоскопический эффект. Комбинация плавающих рыб в сочетании с мелодией достигала того же. Брейди удивился, что фирму-изготовитель «Заппита» не завалили жалобами. Потом выяснил, что жалобы *были*, но не так много. И он мог назвать две причины. Во-первых, сама игра «Рыбалка» такого эффекта не давала. Во-вторых, едва ли кто покупал эти «Заппиты». На жаргоне компьютерной торговли это был «отстой».

Продолжая толкать тележку, человек в теле Библиотечного Эла вернулся в палату 217 и положил «Заппит» на прикроватный столик, чтобы обдумать, что с ним делать дальше. Потом (не без сожаления) Брейди покинул Библиотечного Эла Брукса. На мгновение у него закружилась голова, а потом он уже смотрел вверх, а не вниз. Ему хотелось увидеть, что будет дальше.

Поначалу Библиотечный Эл просто стоял, словно предмет мебели. Брейди потянулся к нему невидимой левой рукой и похлопал по щеке. Затем коснулся разума Эла своим, ожидая получить отпор, как однажды случилось с медсестрой Макдоналд, когда та вышла из транса.

Но дверь оставалась широко открытой.

Сознание Эла вернулось, но не в полном объеме. Брейди заподозрил, что какую-то часть раздавило его присутствие. И что с того? Люди убивали мозговые клетки, если выпивали слишком много, но запасных хватало. То же самое он мог сказать про Эла. Во всяком случае, пока.

Брейди увидел букву «зет», которую нарисовал на тыльной стороне ладони Эла – без всякой причины, только потому, что мог, – и заговорил, не открывая рта:

– Эй, Зет-бой. Пора тебе очнуться. Выметайся отсюда. Иди в крыло А. Но никому об этом не говори, понятно?

– Не говорить о чем? – спросил Эл с написанным на лице недоумением.

Брейди кивнул, как если бы мог кивнуть, улыбнулся, как если бы мог улыбнуться. Ему уже снова хотелось забраться в Эла. Тело Эла было старым, но оно хотя бы *функционировало*.

– Это правильно, – сказал он Зет-бою. – Не о чем тебе говорить.

2012 год перетек в 2013-й. Брейди потерял интерес к развитию телекинезных мышц. Теперь, когда у него появился Эл, смысла в этом не было никакого. Всякий раз, когда он попадал в разум Эла, его хватка становилась сильнее, контроль – лучше. Он управлял Элом, как военные управляли дронами-беспилотниками, которые отслеживали талибов в Афганистане, а потом сбрасывали бомбы на их главарей.

И как ему это нравилось!

Однажды он приказал Зет-бою подсунуть детпену один из «Заппитов», в надежде, что демоверсия «Рыбалки» сможет подавить Ходжеса. Брейди очень хотелось оказаться в голове детпена. Первым делом он заставил бы старикана взять карандаш и выколоть себе глаза. Но Ходжес лишь глянул на экран и вернул гаджет Библиотечному Элу.

Брейди попытался еще раз, несколькими днями позже, с Дениз Вудз, инструктором лечебной физкультуры, которая приходила в палату два раза в неделю, чтобы размять ему руки и ноги. Она взяла у Зет-боя игровую приставку и смотрела на плавающих рыб гораздо дольше, чем Ходжес. Что-то в ней изменилось, но явно недостаточно. При попытке проникнуть в ее разум Брейди наткнулся на прочную, словно резиновую, мембрану. Она чуть подалась, он успел увидеть, как Дениз кормит яичницей маленького сына, сидящего в высоком стульчике, а потом его вытолкнули.

Дениз протянула «Заппит» Зет-бою со словами:

– Ты прав, милые рыбы. А теперь, Эл, иди и раздавай книги. Нам с Брейди надо размять его колени.

Вот так. Добиться мгновенного успеха, как с Элом, с другими не удалось, и Брейди достаточно быстро понял, в чем дело. Эл был подготовлен тем, что много раз смотрел демоверсию «Рыбалки», прежде чем принес «Заппит» Брейди. Эта разница оказалась критической, и осознание случившегося принесло жуткое разочарование. Брейди уже представлял десятки «дронов», из которых он будет выбирать нужный в тот или иной момент, но получалось, что ничего не выйдет, пока он не перепрограммирует «Заппиты», усилив гипнотический эффект. Однако возможно ли такое?

Как человек, модифицировавший различные гаджеты – Изделие один и Изделие два тому пример, – Брейди полагал, что да. «Заппит» как-никак снабдили вай-фаем, а вай-фай – лучший друг хакера. Допустим, существует программа, вызывающая вспышки, вроде стробоскопа, воздействующая так же, как взлетающие ракеты в покемоновском мультсериале.

Стробоскоп служил и другой цели. Посещая в городском колледже курс «Компьютеры будущего» (это было до того, как он забросил учебу),

Брейди ознакомился с длинным отчетом ЦРУ, подготовленным в 1995 году и рассекреченным после событий 11 сентября. Назывался отчет «Практический потенциал подсознательного восприятия». В нем объяснялось, как нужно программировать компьютеры для столь быстрой передачи посланий, что мозг будет воспринимать их не как послания, а как мысли. Допустим, он сумел бы передавать такие послания в стробоскопических вспышках. «СЕЙЧАС СПИ, ВСЕ ХОРОШО», к примеру, или просто «РАССЛАБЬСЯ». Брейди надеялся, что такие послания в сочетании с существующим гипнотическим эффектом демоверсии окажутся весьма эффективными. Конечно, он мог и ошибаться, но ради того, чтобы выяснить, отдал бы свою практически бесполезную правую руку.

Он сомневался, что когда-нибудь выяснит. Мешали две вроде бы непреодолимые проблемы. Первая: как заставить человека смотреть демоверсию достаточно долго, чтобы подействовал гипнотический эффект? Вторая, и более существенная: как, во имя Господа, он мог что-то *модифицировать*? Он не имел доступа к компьютеру, а если бы и имел, какой из этого вышел бы толк? Он не мог завязать даже чертовы шнуры! Брейди подумал о том, чтобы использовать Зет-боя, но сразу отказался от этой мысли. Эл Брукс жил в семье брата – и если бы вдруг начал демонстрировать удивительные знания компьютеров, это вызвало бы вопросы. Тем более что вопросы насчет Эла уже появились: он становился все более рассеянным и довольно странным. Все думали, что у него начальная стадия старческого маразма, полагал Брейди, и, наверное, этот диагноз соответствовал действительности.

Похоже, запасные мозговые клетки Зет-боя иссякали.

У Брейди нарастала депрессия. Он вновь добрался до столь хорошо знакомой ему точки, когда яркие идеи разбивались о прозу жизни. Так произошло с пылесосом «Ролла», и с компьютерным устройством для парковки задним ходом, и с автоматизированным монитором, призванным совершить революцию в охранных системах. Все его блестящие изобретения оборачивались пшиком.

Тем не менее, имея под рукой одного человеческого дрона, после очередного, особенно неприятного визита Ходжеса, Брейди решил использовать Эла, чтобы поднять себе настроение. В итоге Зет-бой отправился в интернет-кафе, расположенное в паре кварталов от больницы, и после пяти минут у компьютера (Брейди млел от восторга, вновь усевшись перед экраном), выяснил, где проживал Энтони Моретти, он же

Бьющий-по-яйцам-членосос. Выйдя из интернет-кафе, Брейди в теле Зет-боя направился в магазин, торгующий армейскими излишками, и купил охотничий нож.

На следующий день, открыв дверь, Моретти обнаружил на коврикедохлого пса. С перерезанным горлом. На ветровом стекле автомобиля собачьей кровью было написано: «ТВОИ ЖЕНА И ДЕТИ БУДУТ СЛЕДУЮЩИМИ».

Содеянное – а главное, осознание, что ему такое по силам, – безмерно порадовало Брейди. «Не рой другому яму, – думал он, – сам в нее попадешь, и твою яму вырыл я».

Иногда он представлял, как посылает Зет-боя к Ходжесу, чтобы выстрелить ублюдку в живот. До чего приятно – стоять над лежащим детпенем и наблюдать, как тот дергается и стонет, а жизнь вытекает из него по капле.

Брейди этого очень хотелось, но он потерял бы дрона, а Эл, попав за решетку, мог указать полиции на него, Брейди. Был и другой минус, более серьезный: мелковатая получалась месть. Ходжес задолжал ему больше, чем пуля в живот и десять – пятнадцать минут страданий. Гораздо больше. Нет, пусть Ходжес живет, вдыхая отравленный воздух из мешка вины, сдернуть который с головы возможности у него не будет. И обязательно наступит момент, когда он этого не выдержит и покончит с собой.

Таким, собственно, и был исходный план в те далекие счастливые дни.

«Не получится, – думал Брейди. – Ничего не получится. У меня есть только Зет-бой, который, если так пойдет и дальше, скоро станет слабоумным и не сможет выходить из дома, а мне останется лишь трясти жалюзи фантомной рукой. И все. Ничего больше».

А потом, летом 2013 года, черную панику, которая окутывала его, прорезал яркий свет. К нему пришел посетитель, настоящий, не Ходжес и не «костюм» из прокуратуры, чтобы проверить, а не поправился ли он чудесным образом, не пора ли ему предстать перед судом по обвинению в десятке тяжких преступлений, начиная с преднамеренного убийства восьми человек у Городского центра.

Послышался осторожный стук в дверь, потом в палату заглянула Бекки Хелмингтон:

– Брейди! К тебе пришла молодая женщина. Говорит, раньше работала с тобой и что-то тебе принесла. Хочешь с ней повидаться?

Брейди мог подумать только об одной молодой женщине. Уже собрался сказать «нет», но любопытство вернулось вместе со злобой

(возможно, что речь шла об одном и том же). Он неловко кивнул и попытался откинуть волосы со лба.

Посетительница вошла осторожно, словно опасалась заложенных под половицами мин. В платье. Брейди никогда не видел ее в платье, даже сомневался, а было ли у нее хоть одно. Волосы она по-прежнему стригла очень коротко, как и в те дни, когда они работали в киберпатруле «Дисконт электроникс», и осталась плоской как доска. Брейди даже вспомнил шутку какого-то комика: «Если плоскогрудок считать говном, Камерон Диас будет плавать долго». Но она припудрила изъязвленную кожу (с ума сойти) и чуть накрасила губы помадой (просто шок). В одной руке женщина держала сверток.

– Привет, чувак, – поздоровалась Фредди Линклэттер с непривычной застенчивостью. – Как поживаешь?

Брейди сразу оценил весь спектр появившихся возможностей.

И как мог улыбнулся.

В оборудованном в подвале тренажерном зале Кора Бэбино вытирает шею полотенцем с вышитой монограммой и хмурится, глядя на монитор. Она отмерила только четыре из шести миль на «бегущей дорожке», она терпеть не может, когда ее прерывают, а этот чокнутый снова здесь.

Раздается трель звонка, она прислушивается к шагам мужа над головой, но напрасно. На мониторе виден старик в потрепанной куртке с капюшоном. Такие часто торчат на перекрестках, держат в руках плакаты с надписями «ХОЧУ ЕСТЬ», «НЕТ РАБОТЫ», «ВETERAN ВОЙНЫ», «ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ». Этот же просто стоит, понунив плечи.

– Черт побери, – бормочет Кора, останавливает «бегущую дорожку», поднимается по лестнице, открывает дверь в коридор и кричит: – *Феликс! Это твой безумный друг! Это Эл!*

Никакой реакции. Наверное, он в кабинете, уставился в экран игровой приставки, в которую словно влюбился. Поначалу, упоминая о новом странном увлечении Феликса своим друзьям в загородном клубе, она считала это забавным. Теперь ей точно не до смеха. Ему шестьдесят три, он слишком стар для молодежных компьютерных игр и слишком юн для такого склероза. Она даже начинает тревожиться, а не первая ли это стадия болезни Альцгеймера? Ей также приходила в голову мысль, что безумный друг Феликса торгует наркотиками, но вроде бы для этого он староват. И потом, если бы муж нуждался в наркотиках, он бы без труда нашел, где их взять. По его словам, половина врачей в Кайнере частенько закидывается «колесами».

Вновь трель звонка.

– Боже ты мой! – вырывается у нее, и она сама идет к двери, на ее лице читается раздражение. Она высокая, сухопарая, ничего женственного в ней практически не осталось. Загар от пребывания на поле для гольфа сохраняется даже зимой, только принял желтоватый оттенок, и с первого взгляда возникает ощущение, что у нее желтуха.

Она открывает дверь. Вечерний январский воздух врывается в проем, холодит потные лицо и руки.

– Я думаю, мне пора узнать, кто вы, – говорит она, – и что связывает

вас с моим мужем. Или я прошу слишком многого?

– Отнюдь, миссис Бэбино, – отвечает старик. – Иногда я – Эл. Иногда – Зет-бой. В этот вечер я – Брейди, и, скажу честно, очень приятно выйти на улицу, даже в такой холодный вечер.

Она смотрит на его руку.

– А что у вас в этой банке?

– Конец всех ваших тревог, – отвечает старик в залатанной куртке, и раздаётся приглушенный выстрел. Дно бутылки разлетается кусочками пластика вперемишку с ошметками металлической мочалки. Они парят в воздухе, словно пух ваточника.

Кора чувствует, как что-то ударяет ниже ссохшейся левой груди, и думает: *Этот безумный сукин сын ударил меня*. Пытается вдохнуть и поначалу не может. Грудная клетка словно застыла, и что-то теплое течет по леггинсам. Кора смотрит вниз, все еще пытаюсь наполнить легкие воздухом, и видит расплывающееся по синему нейлону пятно.

Она поднимает глаза на старика в дверном проеме. Он все еще держит в руке то, что осталось от пластиковой бутылки, словно это подарок, маленькая компенсация за неожиданный приход в восемь вечера. Куски металлической мочалки торчат из бутылки, как обгорелая бутоньерка. Коре наконец удается вдохнуть, но не воздух, а кровь. Она закашливается, и изо рта летят красные брызги.

Мужчина в куртке входит в дом и закрывает за собой дверь. Бросает бутылку. Потом толкает Кору. Она отшатывается назад, сбивает декоративную вазу со столика у вешалки и падает. Ваза с оглушительным грохотом разбивается о паркет. Коре удастся еще раз вдохнуть кровь. «Я тону, – думает она, – я тону в собственной прихожей». Снова закашливается и плюется кровью.

– Кора! – зовет Бэбино из глубин дома. Голос у него такой, словно он только что проснулся. – Кора, с тобой все в порядке?

Брейди поднимает ногу Библиотечного Эла и осторожно опускает тяжелый черный башмак на натянутые сухожилия тощей шеи Кору Бэбино. Кровь снова выплескивается изо рта. Загорелые щеки измазаны ею. Брейди с силой надавливает. Что-то с хрустом ломается. Глаза Кору выпучиваются... выпучиваются... и стекленеют.

– Ты цепко держалась за жизнь, – почти с нежностью комментирует Брейди.

Наверху открывается дверь. Сначала на лестнице появляются ноги в шлепанцах, потом становится виден весь Бэбино. Он в халате поверх нелепой шелковой пижамы, каким отдавал предпочтение Хью Хефнер.

Седые волосы, обычно его гордость, растрепаны. Островки щетины на щеках слились в некое подобие бороды. В руке он держит зеленый «Заппит». Из него доносится мелодия «Рыбалки»: «У моря, у моря, прекрасного моря». Бэбино смотрит на жену, лежащую на полу прихожей.

– Ее тренировки окончены, – говорит Брейди все с той же нежностью.

– Что ты НАДЕЛАЛ? – кричит Бэбино, как будто ответ не очевиден. Он подбегает к Коре, пытается упасть рядом с ней на колени, но Брейди хватает его под мышки и ставит на ноги. Библиотечный Эл – конечно, не Чарлз Атлас^[30], но все-таки гораздо сильнее обладателя изможденного тела, пребывающего в палате 217.

– Сейчас не время, – говорит Брейди. – Девчонка Робинсон жива, поэтому планы меняются.

Бэбино смотрит на него, пытаясь собраться с мыслями. Его ум, когда-то острый, теперь совсем затупился. И вина лежит на этом человеке.

– Посмотри на рыб, – предлагает Брейди. – Ты посмотришь на своих, я – на моих, и нам обоим станет лучше.

– Нет, – упирается доктор. Он хочет посмотреть на рыб, теперь ему всегда хочется на них смотреть, но он боится. Брейди желает залить свой разум в голову Бэбино, как какую-то странную жидкость, и всякий раз, когда это происходит, часть собственного «я» Бэбино бесследно исчезает.

– Да, – настаивает Брейди. – В этот вечер мне нужно стать доктором Зет.

– Я отказываюсь!

– Ты не можешь отказаться. Дело идет к тому, что все раскроется. Скоро полиция будет в твоём доме. Или Ходжес, что ещё хуже. Он не станет зачитывать тебе права, просто врежет кастетом или огреет дубинкой. Потому что он злобный ублюдок. И потому что ты был прав. Он *знает*.

– Я не хочу... я не могу... – Бэбино смотрит на жену. Господи, глаза. Какие выпученные глаза. – Полиция не поверит... Я – уважаемый доктор! Мы прожили тридцать пять лет!

– Ходжес поверит. А если Ходжес за что-то цепляется, то становится Уайеттом гребаным Эрпом^[31]. Он покажет этой девчонке Робинсон твою фотографию. Она посмотрит на нее и скажет: да, конечно, именно этот человек дал мне «Заппит» в торговом центре. И если ты вручил «Заппит» ей, то, возможно, осчастливил таким же Джейнис Эллертон. Упс! А еще Скапелли.

Бэбино, уставившись на Брейди, пытается оценить масштабы катастрофы.

– А еще лекарства, которые ты мне давал. Ходжес, возможно, уже знает об этом, потому что сунуть взятку для него – сущий пустяк, а большинство медсестер, работающих в Ведре, в курсе. Это никакой не секрет, потому что ты и не пытался ничего скрывать. – Брейди печально качает головой Библиотечного Эла. – Все твоя самоуверенность.

– Витамины! – Только и может выдавить Бэбино.

– Даже копы не поверят, если получат судебный ордер на доступ к твоим документам и компьютерам. – Брейди бросает взгляд на тело Кору Бэбино. – Плюс твоя жена. Как ты собираешься объяснить ее смерть?

– Как бы я хотел, чтобы ты умер до того, как тебя привезли в больницу. – Голос Бэбино поднимается, срываясь на фальцет. – Или на операционном столе! Ты – *Франкенштейн*!

– Не путай монстра с его создателем, – говорит Брейди, хотя на самом деле не очень-то ценит творческие способности Бэбино. Экспериментальный препарат доктора Б. мог иметь какое-то отношение к его новым талантам, но только не к восстановлению. Брейди уверен, что последнее – полностью его собственная заслуга. Он всего добился исключительно силой воли. – А пока нам надо кое к кому заглянуть, и я не хочу приходить слишком поздно.

– К этому мужчине-женщине. – Есть соответствующее слово, раньше Бэбино точно его знал, но теперь оно ушло. Как и имя человека, о котором речь. Он даже не помнит, что съел за обедом. Всякий раз, когда Брейди забирается к нему в голову, после его ухода там остается чуть меньше, чем было. Воспоминаний. Знаний. Собственного «я».

– Совершенно верно, к мужчине-женщине. Или, если назвать его сексуальные предпочтения научным термином, *Ruggus munchus*.

– Нет. – Шепотом. – Я останусь здесь.

Брейди поднимает револьвер. На стволе – ошметки металлической мочалки.

– Если думаешь, что ты действительно мне нужен, то допускаешь самую большую ошибку в своей жизни. И последнюю.

Бэбино молчит. Это кошмар, и скоро он проснется.

– Делай, что я говорю, а не то завтра утром твоя домработница найдет тебя мертвым рядом с женой. Вас запишут в жертвы ночного ограбления. Я предпочел бы все закончить как доктор Зет – твое тело на десять лет моложе и в неплохой форме, – но и так справлюсь. А кроме того, жестоко оставлять тебя на милость Кермита Ходжеса. Он скверный человек. Ты представить себе не можешь, до чего скверный.

Бэбино смотрит на старика в обтрепанной куртке с капюшоном и

заплатами – и видит Хартсфилда, который выглядывает из слезящихся синих глаз Библиотечного Эла. Губы Бэбино дрожат, влажные от слюны. В глазах стоят слезы. Брейди думает, что сейчас, с торчащими во все стороны волосами, Бэбино выглядит как Альберт Эйнштейн на фото, где знаменитого физика запечатлели с высунутым языком.

– Как я в это влип? – стонет Бэбино.

– Как все, – мягко отвечает Брейди. – Шаг за шагом.

– Зачем тебе эта девочка? – взрывается Бэбино.

– Надо исправить ошибку, – отвечает Брейди. Проще признать это, чем сказать правду: он не может ждать. Он должен разобраться с сестрой ниггера-газонокосильщика, прежде чем кто-то остановит его. – А теперь не тяни резину и смотри на рыб. Ты знаешь, что тебе этого хочется.

И Бэбино знает. Это самое худшее. Несмотря ни на что, он знает, что ему этого хочется.

Он смотрит на рыб.

Он слушает мелодию.

Через какое-то время идет в спальню, чтобы одеться и взять деньги из сейфа. Делает еще одну остановку перед уходом. Аптечный шкафчик в ванной укомплектован по полной – как его половина, так и половина жены.

Брейди берет «БМВ» Бэбино, на какое-то время оставив старый «малибу» у дома. Остается и Библиотечный Эл: он спит на диване.

2

Примерно в то самое время, когда Кора Бэбино в последний раз открывает парадную дверь, Ходжес сидит в гостиной дома Скоттов на Оллгуд-плейс, всего в одном квартале от Тиберри-лейн, где живут Робинсоны. Прежде чем выйти из машины, он проглотил пару болеутоляющих таблеток и, учитывая обстоятельства, чувствует себя не так уж плохо.

Дайна Скотт сидит на диване между родителями. Она выглядит значительно старше пятнадцати лет: только что вернулась с репетиции из средней школы Норт-Сайда, где у драматического кружка на носу премьера мюзикла «Фантастикс», и не успела снять грим. Дайна играет Луизу, и Энджи Скотт уже сказала Ходжесу, что эта роль – лакомый кусочек (Дайна, понятное дело, закатила глаза). Ходжес устроился напротив, в раскладном кресле, очень похожем на то, что есть у него в гостиной. По глубокой впадине в сиденье понятно, что обычно в этом кресле коротает вечера Карл

Скотт.

На кофейном столике перед диваном лежит ярко-зеленый «Заппит». Дайна сразу принесла его из своей комнаты, тем самым подсказав Ходжесу, что гаджет не лежал в глубине стенного шкафа под грудой спортивной амуниции и не собирал пыль под кроватью. Не был забыт он и в школьном шкафчике. Нет, он лежал там, откуда она сразу могла его взять. То есть Дайна постоянно им пользовалась, каким бы старомодным он ни казался.

– Я здесь по просьбе Барбары Робинсон, – говорит всем Ходжес. – Она сегодня угодила под фургон...

– Господи. – Рука Дайны взлетает ко рту.

– Она легко отделалась, – продолжает Ходжес. – Переломом ноги. На ночь ее оставили в больнице для наблюдения, но завтра она вернется домой и, возможно, через неделю пойдет в школу. Ты можешь расписаться на ее гипсе, если дети это еще делают.

Энджи обнимает дочь за плечи.

– Какое это имеет отношение к игровой приставке Дайны?

– Видите ли, такая же была у Барбары, и ее ударило током. – Судя по тому, что рассказала Холли, пока он ехал сюда, это вовсе не ложь. – Барбара как раз переходила улицу, на мгновение потеряла ориентацию, и пожалуйста. Какой-то парень вытолкнул ее из-под автомобиля, а не то все закончилось бы гораздо хуже.

– Господи! – вырывается у Карла.

Ходжес наклоняется вперед, смотрит на Дайну:

– Я не знаю, сколько из этих гаджетов неисправны, но такое бывает, потому что, помимо Барб, нам известны еще несколько аналогичных случаев.

– Пусть это станет тебе уроком, – говорит Карл дочери. – В следующий раз, когда кто-то пообещает тебе что-то бесплатно, будь начеку.

Понятное дело, Дайна вновь закатывает глаза.

– Меня прежде всего интересует, – продолжает Ходжес, – как к тебе попала эта штуковина. Это загадка, потому что компания «Заппит» много их не продала. Разорилась, ее купила другая компания, которая сразу обанкротилась. В апреле, два года назад. Конечно, игровые приставки «Заппит» могли пустить в продажу, чтобы оплатить долги...

– Или могли утилизировать, – вставляет Карл. – Так поступают с нераспроданными книгами в мягкой обложке, знаете ли.

– Мне это известно, – кивает Ходжес. – Так скажи мне, Дайна, где ты взяла этот «Заппит»?

– Я зашла на сайт, – отвечает она. – Мне это ничем не грозит? То есть я

ничего не знала, но папа всегда говорит, что незнание закона не освобождает от ответственности.

– Тебе это абсолютно ничем не грозит, – заверяет Ходжес. – Что за сайт?

– Он назывался «Плохой-концерт точка ком»^[32]. Я поискала его в телефоне после того, как мама позвонила мне на репетицию и сказала о вашем приезде, но он был недоступен. Наверное, все гаджеты раздали.

– Или выяснили, что они опасны, и смылись, никого не предупредив, – с мрачным видом предлагает версию Энджи Скотт.

– И сильно ее ударило? – спрашивает Карл. – Я снял заднюю крышку после того, как Ди принесла «Заппит» из своей комнаты. Там только четыре пальчиковых аккумулятора.

– Я в этих гаджетах ничего не понимаю, – отвечает Ходжес. Желудок опять начал болеть, несмотря на таблетки, но проблема не желудок, а примыкающий к нему орган, длиной каких-то шесть дюймов. После встречи с Нормой Уилмер Ходжес ознакомился с шансами на выживание больных раком поджелудочной железы. Только шести процентам удавалось протянуть пять лет. Такое радостной новостью не назовешь. – Пока не могу даже поменять на своем айфоне рингтон, сообщающий о поступлении эсэмэски, чтобы он не пугал тех, кто случайно оказался рядом.

– Я вам помогу, – говорит Дайна. – Плевое дело. На моем айфоне стоит «Безумный лягушонок».

– Сначала расскажи мне о сайте.

– Все началось с твита. Кто-то в школе рассказал мне о нем. Обнаружил в какой-то социальной сети. «Фейсбуке»... «Пинтересте»... «Гугл-плюсе»... сами знаете.

Ходжес не знает, но кивает.

– Точно я твит не помню, но сильно не ошибусь. Потому что в нем не может быть больше ста сорока символов. Вы это знаете, да?

– Конечно, – отвечает Ходжес, хотя не очень-то представляет, что такое твит. Его левая рука стремится прижать боль в боку. Ходжес не позволяет ей шевелиться.

– В твите говорилось... – Дайна закрывает глаза. Выглядит это весьма театрально, но ведь она только что пришла с репетиции театрального кружка. – «Плохие новости: какой-то псих сорвал концерт «Здесь и сейчас». Хочешь хорошие? Может, подарок? Заходи на Плохой-концерт точка ком». – Она открывает глаза. – Может, не совсем точно, но идею вы поняли.

– Да, понял. – Он записывает в блокнот название сайта. – И ты зашла

на сайт...

– Конечно. Как и многие другие. Это было круто. Все начиналось с видеоролика «Здесь и сейчас». Они пели свою знаменитую песню, «Поцелуй на мидвее», а через двадцать секунд раздался взрыв, и противный голос проскрипел: «Ох, черт, шоу отменяется».

– Я не думаю, что это смешно, – говорит Энджи. – Вы все могли погибнуть.

– Наверное, это еще не конец, – предполагает Ходжес.

– Конечно. Далее он говорил, что на концерте присутствовало больше двух тысяч подростков, для многих это был первый концерт, их нагло обжухали, лишили впечатлений, которые они запомнили бы на всю жизнь. Хотя, честно говоря, там было не «обжухали», а другое слово.

– Мы поняли, дорогая, – говорит Карл.

– А потом он сказал, что корпоративный спонсор поп-группы «Здесь и сейчас» приобрел партию портативных игровых приставок «Заппит» и хочет их раздать. Понимаете, как возмещение за концерт.

– Хотя прошло почти шесть лет? – На лице Энджи изумление.

– Да. Странно, конечно, если подумать.

– Но ты не подумала? – спрашивает Карл. – Верно?

Дайна обиженно пожимает плечами:

– Я подумала, но решила, что все нормально.

– Куда уж нормальнее, – фыркает ее отец.

– И что ты сделала? – спрашивает Ходжес. – Отправила по электронной почте имя, фамилию, адрес и потом получила это?.. – Он указывает на «Заппит».

– Не только, – отвечает Дайна. – Требовалось доказать, что ты действительно была на концерте. И я пошла к маме Барб. Вы знаете, к Тане.

– Зачем?

– За фотографиями. Думаю, у меня они тоже есть, но я не смогла их найти.

– Ее комната... – Теперь глаза закатывает Энджи.

В боку Ходжеса уже пульсирует боль.

– За какими фотографиями, Дайна?

– Таня – она не возражает, если мы так ее называем – привезла нас на концерт, понимаете? Барб, меня, Хильду Карвер и Бетси.

– Бетси?..

– Бетси Девиэт, – отвечает Энджи. – Мамы тянули спички, чтобы определить, кто повезет девочек. Тане досталась короткая. Она взяла

автомобиль Джинни Карвер, потому что он был самым большим.

Ходжес понимающе кивает.

– Когда мы приехали туда, – продолжает Дайна, – Таня нас всех сфотографировала. Не могли же мы без фотографий! Звучит глупо, но мы тогда были совсем маленькими. Теперь я слушаю группы «Мендоза лайн» и «Равеонеттс», но тогда «Здесь и сейчас» для нас действительно были самыми-самыми. Особенно Кэм, их вокалист. Таня фотографировала нас на наши мобильники. А может, на свой. Точно не помню. Но она позаботилась о том, чтобы мы все получили фотографии. Только свои я найти не смогла.

– Тебя попросили послать фотографию на сайт, чтобы доказать присутствие на концерте?

– Да, электронной почтой. Я боялась, что на фотографиях мы стоим на фоне автомобиля миссис Карвер, и этого будет недостаточно, но на двух фоне оказалась аудитория Минго с толпящимися перед ней людьми. Я думала, что и этого не хватит, поскольку нигде не было афиш с названием группы, но хватило, и неделей позже я получила «Заппит». В большом конверте с прокладкой из пузырьковой пленки.

– Обратный адрес был?

– Да. Номера абонентского ящика я не помню, но название отправителя – «Санрайз солюшнс». Как я понимаю, один из спонсоров турне.

Вполне возможно, думает Ходжес, компания тогда не была банкротом. Но он в этом сомневается.

– Конверт отправили из нашего города?

– Я не помню.

– Уверена, что да, – говорит Энджи. – Я подняла конверт с пола и бросила в мусорный бак. Я здесь горничная, знаете ли. – Она выразительно смотрит на дочь.

– Прости... – бормочет Дайна.

Ходжес записывает в блокнот: ««Санрайз солюшнс» в Нью-Йорке, но конверт отправляли отсюда».

– И когда все это было, Дайна?

– Я слышала о твите и заходила на сайт в прошлом году. Точно не помню, но наверняка до Дня благодарения. И, как я и говорила, конверт пришел через неделю. Меня это сильно удивило.

– Значит, гаджет у тебя примерно два месяца?

– Да.

– И никаких разрядов?

– Абсолютно.

– Ты не испытывала никаких странных ощущений, играя на «Заппите», скажем, в «Рыбалку»? Не переставала понимать, где находишься?

На лицах мистера и миссис Скотт появляется тревога, но Дайна снисходительно улыбается:

– Вы насчет гипноза? Эники-бэники ели вареники?

– Честно говоря, я сам не знаю, о чем я, но допустим.

– Нет, – весело отвечает Дайна. – А кроме того, «Рыбалка» действительно тупая игра. Для маленьких. Ты используешь джойстик у клавишной панели, чтобы управлять сетью рыбака Джо. И получаешь очки за каждую пойманную рыбу. Но это так легко. Я включала игру только по одной причине: хотела посмотреть, есть ли числа на розовых рыбах.

– Числа?

– Да. В письме, которое прислали с приставкой, это объяснялось. Я приколола на мою доску объявлений, потому что действительно хотела выиграть мопед. Принести вам письмо?

– Конечно.

Когда Дайна вприпрыжку убегает вверх, Ходжес спрашивает разрешения воспользоваться ванной. Войдя, расстегивает рубашку и смотрит на пульсирующий болью левый бок. Вроде бы есть припухлость, и на ощупь бок горячий, но Ходжес предполагает, что все это – проделки его воображения. Он спускает воду и проглатывает еще две белые таблетки. «Доволен? – спрашивает он пульсирующий болью бок. – Теперь утомился и дашь мне закончить?»

Дайна стерла большую часть сценического грима, и теперь Ходжесу проще представить ее и других трех девочек девяти или десяти лет, идущих на свой первый концерт и подпрыгивающих, будто мексиканские бобы в микроволновке. Она протягивает ему сопроводительное письмо.

Сверху нарисовано восходящее над горизонтом солнце. Его вполне ожидаемо огибает надпись «САНРАЙЗ СОЛЮШНС», вот только таких корпоративных логотипов Ходжес никогда не видел. Какой-то он дилетантский, словно оригинал рисовали от руки. Стандартный бланк, в который вписаны имя и фамилия девушки, для более личного контакта. Хотя теперь этим никого не обмануть, думает Ходжес. Нынче даже массовые рассылки от страховых компаний и адвокатских контор, навязывающих свои услуги пострадавшим от несчастных случаев, обращаются к тебе по имени.

Дорогая Дайна Скотт!

Наши поздравления! Надеемся, тебе придется по вкусу «Заппит», игровая приставка с предустановленными 65 сложными и интересными играми. Она также снабжена вай-фаем, поэтому у тебя есть возможность посещать любимые сайты и загружать книги, будучи членом читательского клуба «Санрайз»! Этот ПОДАРОК ты получаешь как компенсацию за концерт, который тебе не удалось досмотреть, и мы, разумеется, надеемся, что ты расскажешь своим друзьям о времени, так весело проведенном с «Заппитом». Но это еще не все! Почаще заглядывай в демоверсию игры «Рыбалка» и отлавливай розовых рыб, потому что однажды – и никто не знает, когда это случится – ты поймашь одну, и она превратится в число! Если рыба, которую ты поймашь, совпадет с одним из чисел, приведенных ниже, ты получишь БОЛЬШОЙ ПРИЗ! Но эти числа будут появляться нечасто, поэтому ПРОДОЛЖАЙ ИХ ИСКАТЬ! Еще больше подними себе настроение, оставаясь на связи с другими членами «Заппит-клуба». Место ваших встреч – сайт Zeetheend.com^[33]. Оттуда ты получишь свой приз, если попадешь в число счастливлчиков. Наилучших тебе пожеланий от всей команды «Санрайз солюшнс» и «Заппита».

Далее следовала неразборчивая подпись, точнее, закорючка. А ниже – еще несколько строк:

Счастливые числа для Дайны Скотт:

1034 = подарочный сертификат на \$25 в «Дэб»

1781 = подарочный сертификат на \$40 в «Атом аркад»

1946 = подарочный сертификат на \$50 в «Кармаик синемас»

7459 = мопед с объемом двигателя 50 см³ (Главный приз)

- Ты действительно поверила в эту собачью чушь? – спрашивает Карл. Спрашивает с улыбкой, но глаза Дайны наполняются слезами.
- Ладно, я глупая, застрели меня.
- Карл обнимает ее, целует в висок.
- Знаешь что? В твоем возрасте я бы тоже поверил.
- И ты искала розовых рыб, Дайна? – спрашивает Ходжес.
- Да, пару раз в день. Поймать их, кстати, сложнее, чем в игре, потому что они очень быстрые. Необходимо полностью сосредоточиться.

Естественно, необходимо, думает Ходжес. Ему это нравится все меньше и меньше.

– Нужные числа так и не выскочили?

– Пока нет.

– Могу я взять приставку? – спрашивает он, указывая на «Заппит». Думает добавить, что вернет позже, но не говорит этого. Сомневается, что вернет. – И письмо.

– С одним условием, – отвечает она.

Боль затихает, и Ходжес может улыбнуться:

– Назови его, детка.

– Продолжайте проверять розовых рыб, и если выскочит одно из моих счастливых чисел, приз мой.

– По рукам, – отвечает Ходжес, думая: «Кто-то очень хочет дать тебе приз, Дайна, но я сомневаюсь, что это мопед или сертификат в кинотеатр». Берет «Заппит» и письмо, встает. – Премного благодарен за то, что уделили мне время.

– Мы вам всегда рады, – отвечает Карл. – Если выясните, что все это значит, скажете нам?

– Обязательно, – отвечает Ходжес. – Еще вопрос, Дайна, и если он покажется тебе глупым, вспомни, что мне под семьдесят.

Она улыбается:

– В школе мистер Мортон говорит, что глупый вопрос – только тот...

– Что ты не задаешь, я знаю. Я тоже всегда из этого исходил, поэтому спрашиваю. В средней школе Норт-Сайда все об этом знают, так? О бесплатных игровых приставках, рыбах-числах, призах?

– Не только в нашей школе, но и в других... «Твиттер», «Фейсбук», «Пинтерест», «Ик-Як»... так они работают.

– И если человек был на концерте и может это доказать, он имеет право на один из «Заппитов»?

– Да.

– А как насчет Бетси Девитт? Она гаджет получила?

Дайна хмурится:

– Нет, и это странно, потому что у нее фотографии с концерта сохранились, и она отправила одну на сайт. Но не так быстро, как я, она ужасная копуша, может, приставки к тому времени закончились. Если хлопаешь ушами, можно пролететь мимо.

Ходжес вновь благодарит Скоттов за уделенное ему время, желает Дайне успехов с пьесой и по дорожке возвращается к своему автомобилю. Когда садится за руль, в салоне так холодно, что при выдохе образуется

пар. Боль снова заявляет о себе четырьмя сильными уколами. Ходжес переживает ее, стиснув зубы, пытаясь убедить себя, что эти новые, более резкие боли – чистая психология, поскольку теперь он знает, что с ним не так, но идея не катит. Два дня вдруг кажутся слишком долгим сроком без лечения, однако он подождет. Должен подождать, потому что у него возникает ужасная мысль. Пит Хантли ему не поверит, а Иззи Джейнс скорее всего подумает, что надо немедленно вызвать санитаров, чтобы отвезти его в ближайший дурдом. Ходжес и сам не до конца в это верит, но элементы пазла складываются, и хотя картинка получается безумная, логики она не лишена.

Он заводит двигатель «приуса» и направляется домой, где позвонит Холли и попросит ее выяснить, спонсировала ли «Санрайз солишнс» турне поп-группы «Здесь и сейчас». После этого будет смотреть телик. Когда больше не сможет притворяться, что происходящее на экране его интересует, ляжет в кровать и будет бодрствовать в горизонтальной позе, дожидаясь утра.

Что разжигает его любопытство, так это зеленый «Заппит».

Настолько разжигает, что Ходжес не может ждать. На полпути между Олгуд-плейс и Харпер-роуд сворачивает к торговому ряду, паркуется перед закрытой на ночь химчисткой и включает гаджет. Экран вспыхивает ярко-белым, потом появляется красная буква «зет», растет и растет, становясь все больше, пока наклонная палочка не занимает весь экран. Мгновением позже следует белая вспышка и послание: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗАППИТ! МЫ ЛЮБИМ ИГРАТЬ! НАЖМИ ЛЮБУЮ КЛАВИШУ, ЧТОБЫ НАЧАТЬ, ИЛИ ПРОСТО ПРОВЕДИ ПО ЭКРАНУ».

Ходжес проводит, и появляются ровные ряды игровых иконок. Некоторые еще из тех времен, когда Элли девочкой играла в зале видеоигр торгового центра: «Космические захватчики», «Донки Конг», «Пакман» и эта дьявольская желтая приманка, «Мисс Пакман». Плюс пасьянсы, на которые под села Джейнис Эллертон, и множество игр, о которых он никогда не слышал. Ходжес вновь проводит пальцем по экрану, появляются новые иконки, и он находит то, что ему нужно, между «Башней слов» и «Барби идет по подиуму»: «Рыбалка». Глубокий вдох, и Ходжес касается иконки.

«ДУМАЮ О “РЫБАЛКЕ”», – сообщает экран. Индикатор загрузки секунд через десять (может, больше) сменяется демоверсией. Рыбы плавают взад-вперед, или выписывают петли, или пересекают экран по диагонали. Пузыри идут из их ртов и из-под хвостов. Вода более зеленая наверху и голубеет к низу. Звучит мелодия, которую Ходжес не узнает. Он

смотрит, ожидая что-то почувствовать... скорее всего сонливость.

Рыбы красные, зеленые, синие, золотистые, желтые. Вероятно, это тропические рыбы, но в них нет той гиперактивности, которую Ходжес видел в телевизионных рекламных роликах игровых приставок «Икс-бокс» и «Плей-стейшн». Эти рыбы рисованные и довольно примитивные. Неудивительно, что «Заппит» разорился, думает Ходжес, но точно, есть легкий гипнотический эффект в том, как движутся рыбы, иногда по одной, иногда парами, а то и стайкой из пяти-шести.

А вот и приз – розовая. Ходжес пытается нажать на нее, но она для него слишком быстрая, и он промахивается.

– Черт! – вырывается у него.

Он поднимает голову и какое-то время смотрит на темную витрину химчистки, потому что действительно ощущает сонливость. Свободной рукой легонько ударяет по левой щеке, потом по правой и вновь смотрит на экран. Рыб уже больше, они плавают туда-сюда, плетут какой-то сложный рисунок.

Вновь появляется розовая, и на этот раз он успевает стукнуть по ней до того, как она исчезает за левой границей экрана. Рыба мерцает, словно говоря: «Ладно, Билл, твоя взяла», – но число не появляется. Он ждет, наблюдает, и когда появляется третья розовая рыба, стучит по ней. Вновь никакого числа, только розовая рыба, не имеющая аналогов в реальном мире.

Мелодия теперь кажется и громче, и медленнее. Игра определенно оказывает какое-то воздействие, думает Ходжес. Не слишком сильное, может, случайное, но *оказывает*.

Он выключает гаджет. На экране вспыхивает надпись: «СПАСИБО ЗА ИГРУ, ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ», – и он гаснет. Ходжес смотрит на часы на приборном щитке и изумляется: он просидел, глядя на экран «Заппита», больше десяти минут. Хотя по ощущениям прошло две-три. Максимум пять. Дайна не говорила, что теряла счет времени, просматривая демоверсию «Рыбалки», но он об этом и не спрашивал, верно? С другой стороны, он принял две таблетки сильного болеутоляющего, и, возможно, это сыграло свою роль в случившемся. Если, разумеется, что-то случилось.

И никаких чисел.

Розовая рыба оказалась всего лишь розовой рыбой.

Ходжес сует «Заппит» в карман, где уже лежит мобильник, и едет домой.

Фредди Линклэттер (коллега Брейди по скорой компьютерной помощи до того, как мир узнал, что Брейди Хартсфилд – чудовище) сидит за кухонным столиком и вращает пальцем серебряную фляжку, ожидая мужчину с модным портфелем.

Доктора Зет, как тот себя называет, но Фредди не дура. Она знает его имя и фамилию, вычислила по инициалам на портфеле: Феликс Бэбино, главный невролог Мемориальной больницы Кайнера.

Знает ли он, что она в курсе? Фредди полагает, что да, и ему без разницы. Но это странно. *Очень*. Ему за шестьдесят, типичный седовласый старичок, но он напоминает ей другого человека, куда более молодого. Если на то пошло, самого знаменитого (точнее, печально знаменитого) пациента доктора Бэбино.

Фляжка вращается и вращается. На ней выгравировано: «ГХ и ФЛ, вместе навек». Что ж, «навек» ограничилось примерно двумя годами, и Глория Холлис давно уже где-то еще. Бэбино – или доктор Зет, как он величает себя, словно злодей в комиксе – в какой-то степени к этому причастен.

«От него мурашки бегут по коже, – говорила Глория. – Другой старикан ничуть не лучше. И деньги их – дерьмо. Мне такого не нужно. Я не знаю, во что они тебя втянули, но рано или поздно закончится это плохо, и я не хочу попасть под раздачу».

Разумеется, Глория уже встретила кого-то еще, кого-то красивее, чем Фредди с ее угловатой фигурой, большой челюстью и изъеденными оспинами щеками, но об этом она как раз и не хотела говорить, естественно, не хотела.

Поначалу все представлялось таким простым, и как она могла отказаться от денег? Она практически ничего не скопила, работая в киберпатруле «Дисконт электроникс», а после закрытия магазина нашла лишь работу программиста-фрилансера, и денег едва хватало, чтобы не оказаться на улице. Обладая она, как говорил ее прежний босс, Энтони Фробишер, «коммуникабельностью», все вышло бы иначе, но с этим у нее было совсем плохо. И когда старикан, называвший себя Зет-боем, заявился со своим предложением (Бог свидетель, предложение так и просилось в комикс), она восприняла его появление как подарок судьбы. Жила она тогда в паршивой квартире в Саут-Сайде, части города, именуемой Раем чурбанов, и с месячным долгом за аренду, несмотря на деньги, уже

полученные от этого парня. А что она могла сделать? Отказаться от пяти тысяч долларов? Не смешите.

Фляжка вращается и вращается.

Парень запаздывает, может, не придет вовсе, и как знать, вдруг это к лучшему.

Она помнит, как старик оглядывал ее двухкомнатную квартиру, где большинство вещей хранилось в бумажных пакетах с ручками (не составляло труда вообразить, как она в окружении этих пакетов пытается заснуть под одной из эстакад Центральной магистрали). «Вам нужна квартира побольше», – сказал он.

«Да, а фермерам в Калифорнии нужен дождь. – Она помнит, как заглядывала в конверт, полученный от него. Помнит шелест пятидесятидолларовых купюр, помнит, какой приятный это был звук. – Это хорошо, но к тому времени, когда я рассчитаюсь со всеми людьми, которым должна, почти ничего не останется». Большинство этих людей она могла послать, но не собиралась ставить в известность старика.

«Денег будет больше, и мой босс позаботится о том, чтобы вы переселились в другую квартиру, где вас могут попросить принимать кое-какие товары».

Вот тут зазвенели тревожные колокольчики.

«Если вы о наркотиках, сразу об этом забудем». – Она протянула старику набитый деньгами конверт, хотя и через силу.

С презрительной гримасой он оттолкнул ее руку.

«Никаких наркотиков. Вас никогда не попросят расписываться за что-то незаконное».

И теперь она здесь, в кондоминиуме неподалеку от озера. Дом всего в шесть этажей, так что никаких захватывающих видов, да и это не дворец. Совсем не дворец, особенно зимой. Между более высокими, новыми и красивыми зданиями кое-где проглядывают пяточки воды, но ветер в квартиру попадает без труда, будьте уверены, а в январе ветер этот *холодный*. Она ставит термостат – вот кто большой шутник – на восемьдесят^[34] градусов, но по-прежнему сидит в трех рубашках и кальсонах под широкими джинсами. Рай чурбанов остался в далеком прошлом, и это плюс, но вот вопрос: а к этому ли она стремилась?

Серебряная фляжка вращается и вращается. «ГХ и ФЛ, вместе навек». Только ничто не вечно.

Жужжит дверной звонок, заставляя Фредди подпрыгнуть. Она берет со стола фляжку – единственный сувенир, оставшийся от роскошной Глории – и идет к домофону. Подавляет желание вновь заговорить с русским

акцентом. Парень этот – как бы он себя ни называл, доктор Бэбино или доктор Зет – немного ее пугает. Не так, как пугал бы торговец кристаллическим метом из Рая чурбанов, но все равно пугает. Так что лучше не выдрючиваться, а как можно быстрее подвести черту и надеяться, что ее будут ждать не слишком большие неприятности, если все откроется.

– Это знаменитый доктор Зет?

– Он самый.

– Опаздываешь?

– Я отвлекаю тебя от чего-то важного, Фредди?

Нет, ничего важного. Ничем важным в эти дни она не занимается.

– Деньги принес?

– Конечно. – Нетерпеливым тоном. В той же нетерпеливой манере говорил старик, с которым она преимущественно и вела это безумное дело. Внешне у него и доктора Зет не было ничего общего, а вот говорили они настолько одинаково, что Фредди иной раз задавалась вопросом, не братья ли они. Эта манера говорить отличала еще одного мужчину. С которым она раньше работала. И который оказался Мистером Мерседесом.

Фредди не хочет думать об этом, как и о различных поручениях, что выполняла по указанию доктора Зет. Она нажимает кнопку домофона.

Идет к двери, укрепляет дух глоточком шотландского. Убирает фляжку в нагрудный карман рубашки второго слоя, сует руку в карман той, что ближе к телу, где лежат мятные пастилки. Она уверена, что доктору Зет глубоко плевать на запах виски, который он может унюхать, но привыкла забрасывать в рот мятную пастилку после глотка спиртного еще со времен работы в «Дисконт электроникс», а давние привычки – самые крепкие. Фредди достает пачку «Мальборо» из кармана верхней рубашки и закуривает. Еще один способ замаскировать запах спиртного, и опять же позволяет успокоиться, а если Бэбино боится табачного дыма – что ж, ему не повезло.

«Этот парень поселил тебя в отличной квартире и заплатил почти тридцать тысяч долларов за последние полтора года, – сказала ей Глория. – Немалые деньги за то, что, по твоим словам, любой хакер сделает даже во сне. Тогда почему ты? И почему так много?»

Об этом у Фредди тоже нет желания думать.

Все началось с фотографии Брейди и его матери. Снимок попался на глаза Фредди в чулане, примыкавшем к подсобке «Дисконт электроникс», вскоре после того, как сотрудникам объявили, что магазин в торговом центре «Берч-хилл» закрывается. Их босс, Энтони Фробишер по прозвищу Тоунс, вероятно, нашел ее на рабочем месте Брейди и переправил в чулан с

остальными его личными вещами после того, как выяснилось, что Брейди – тот самый печально знаменитый Мерседес-убийца. Фредди не питала особой любви к Брейди (хотя в свое время они несколько раз со всей серьезностью говорили о гендерной идентификации), но чисто импульсивно вставила фото в рамку и отнесла в больницу. Потом приходила несколько раз, из чистого любопытства и отчасти из гордости, вызванной реакцией Брейди на ее появление. Он улыбался.

«Он на вас реагирует, – сказала ей новая старшая медсестра – Скапелли – после одного из ее визитов. – Это очень необычно».

К тому времени, когда Скапелли заняла место Бекки Хелмингтон, Фредди узнала, что доктор Зет, снабжавший ее деньгами, – на самом деле доктор Феликс Бэбино. Об этом она не думала. И о коробках, которые начала доставлять «Ю-пи-эс» из Херре-Нот, тоже не думала. И о заданиях, которые выполняла. Она стала виртуозом по части отказа от мыслей, потому что, начни она думать, некие связи стали бы совершенно очевидными. И все из-за этой чертовой фотографии. Теперь Фредди сожалеет о том, что уступила велению души, но, как говаривала ее мать, знал бы, где упадешь, соломку бы подстелил.

Она слышит в коридоре шаги – мужчина приближается. Открывает дверь до того, как гость нажимает кнопку звонка, и вопрос слетает с ее губ, прежде чем она осознает, что собирается его задать:

– Скажи мне правду, доктор Зет... Ты – Брейди?

4

Ходжес едва переступает порог и еще снимает пальто, когда звонит мобильник.

– Да, Холли?

– Ты в порядке?

Ходжес понимает, что отныне большинство ее звонков будут начинаться этими словами. Что ж, все лучше, чем: «Сдохни, ублюдок».

– Да, я в норме.

– Еще один день, а потом ты начнешь лечение. И как только начнешь, уже не остановишься. Будешь делать все, что скажут врачи.

– Перестань волноваться. Мы же договорились.

– Я перестану волноваться, когда ты вылечишься от рака.

Не надо, Холли, думает он и плотно сжимает веки, чтобы глаза не щипало от внезапно навернувшихся слез. Не надо, не надо, не надо.

– Джером приезжает вечером. Он позвонил перед вылетом, чтобы узнать, как Барбара, и я рассказала ему все, что услышала от нее. Его самолет приземлится в одиннадцать. Хорошо, что он вылетел этим рейсом, потому что надвигается снежная буря. По прогнозу – очень сильная. Я предложила арендовать ему автомобиль, как я делаю для тебя, когда ты возвращаешься из поездок. Теперь это очень просто благодаря корпоративному счету...

– На котором ты настаивала, пока я не сдался. Поверь мне, я знаю.

– Но автомобиль ему не нужен. За ним заедет отец. Завтра в восемь они отправятся к Барбаре и увезут ее домой, если лечащий врач даст добро. Джером сказал, что будет в офисе к десяти, если нас это устроит.

– Отличный вариант. – Ходжес вытирает глаза. Он не знает, насколько существенной окажется помощь Джерома, но не сомневается, что будет рад его видеть. – И если он сможет выяснить что-то еще об этом чертовом гаджете...

– Я попросила его это сделать. «Заппит» Дайны у тебя?

– Да. И я его опробовал. Что-то с демоверсией «Рыбалки» не так, это точно. Она вызывает сонливость, если слишком долго смотреть на экран. Думаю, это случайный эффект, и едва ли он оказывал воздействие на многих подростков, поскольку наверняка они сразу переходили к игре.

Он знакомит Холли с подробностями своей беседы с Дайной.

– Значит, «Заппит» попал к Дайне не тем же способом, что к Барбаре и Джейнис Эллертон.

– Совершенно верно.

– И не забывай Хильду Карвер. Мужчина, назвавшийся Майроном Зеткимом, дал «Заппит» и ей. Только Хильде достался неисправный гаджет. Барб сказала, что он выдал одну синюю вспышку и сдох. Ты синих вспышек не видел?

– Нет. – Ходжес разглядывает скудные запасы в холодильнике, надеясь найти что-нибудь такое, что примет желудок, и останавливается на йогурте с банановым вкусом. – Там были розовые рыбы, и мне удалось поймать пару, а это было нелегко, но числа не выскочили.

– Готова спорить, они выскакивали на «Заппите» миссис Эллертон.

Ходжес с этим согласен. Еще рано делать какие-то выводы, но он склонен думать, что числа на месте розовых рыб появляются только на «Заппитах», которые раздавал мужчина с портфелем, Майрон Зетким. Ходжес также думает, что буква «зет» – часть реализуемого кем-то плана, а компьютерные игры, помимо нездорового интереса к самоубийствам, являлись составляющей *modus operandi*^[35] Брейди Хартсфилда. Да только

Брейди, черт побери, – в отдельной палате Мемориальной больницы Кайнера. Ходжес вновь и вновь наталкивается на этот непреложный факт. Если у Брейди Хартсфилда появились подручные, чтобы проворачивать грязные делишки – а похоже, так и есть, – откуда они взялись? И почему во всем ему подчиняются?

– Холли, я хочу, чтобы ты включила компьютер и кое-что проверила. Ничего особенного, всего лишь точка над буквой i.

– Слушаю тебя.

– Мне интересно, спонсировала ли корпорация «Санрайз солюшнс» турне бой-бэнда «Здесь и сейчас», когда Хартсфилд пытался взорвать аудиторию Минго. Или любое другое турне этой группы.

– Это я сделаю. Ты поужинал?

– Как раз этим занимаюсь.

– Хорошо. Что будешь есть?

– Стейк, картофельную соломку и салат, – отвечает Ходжес, с отвращением и смирением глядя на йогурт. – А на десерт у меня остался кусок яблочного пирога.

– Подогрей его в микроволновке и сверху положи ванильное мороженое. Ням-ням!

– Учту твой совет.

Не следует удивляться, когда она звонит ему пять минут спустя, чтобы дать информацию – Холли есть Холли, – но Ходжес ничего не может с собой поделать.

– Господи, Холли, уже?

Понятия не имея, что чуть ли не слово в слово повторяет слова Фредди Линклэттер, Холли говорит:

– В следующий раз задай более сложный вопрос. Наверное, тебе интересно, что группа «Здесь и сейчас» распалась в две тысячи тринадцатом году. Бой-бэнды обычно существуют недолго.

– Естественно, – отвечает Ходжес. – Как только мальчики начинают бриться, маленькие девочки теряют к ним интерес.

– Ничего сказать не могу. Я всегда была поклонницей Билли Джоэла. И Майкла Болтона.

Ох, Холли, скорбит Ходжес. И не в первый раз.

– Между две тысячи седьмым и двенадцатым годами группа провела шесть национальных турне. Первые четыре спонсировала корпорация «Шарп сириэлс»^[36], которая бесплатно раздавала на концертах образцы своей продукции. Последние два, включая и концерт в Минго, спонсировала «Пепсико».

- Не «Санрайз солюшнс».
- Нет.
- Спасибо, Холли. Увидимся завтра.
- Да. Ты уже ужинаешь?
- Как раз сажусь за стол.
- Хорошо. И постарайся заглянуть к Барбаре до того, как начнешь лечение. Сейчас, когда она еще не оправилась от случившегося, ей необходимо видаться с друзьями. Она сказала, у нее в голове словно осталась мерзкая слизь.
- Обязательно загляну, – говорит Ходжес, но это обещание выполнить он не сможет.

5

Ты – Брейди?

У Феликса Бэбино, который представляется то Майроном Зеткимом, то доктором Зет, вопрос вызывает улыбку. Небритое лицо прорезают морщины, и теперь оно действительно пугает. В этот вечер он сменил шляпу на мохнатую ушанку, из-под которой торчат седые волосы. Фредди сожалеет, что задала вопрос, сожалеет, что впустила его, сожалеет, что вообще начала вести с ним дела. Если в него вселился Брейди, тогда он – просто ходячий дом с призраками.

– Не задавай вопросы – и не услышишь лжи.

Фредди хочет на этом остановиться, но не может:

– Потому что ты говоришь точно как он. И программа, с которой пришел ко мне другой старик после того, как прибыли коробки... Такую мог написать только Брейди. Это все равно что подпись.

– Брейди Хартсфилд пребывает в полукататоническом состоянии и едва может ходить, не то что писать программы для модернизации устаревших игровых приставок. Причем некоторые из них оказались не только устаревшими, но еще и неисправными. Товар, полученный от этих подонков из «Санрайз солюшнс», не стоил денег, которые я им заплатил, и меня это бесит по-черному.

Меня это бесит по-черному. Эта фраза частенько слетала с губ Брейди в дни их работы в киберпатруле, обычно если дело касалось босса или идиота-клиента, умудрившегося залить клавиатуру кофе с молоком.

– Тебе хорошо платили, Фредди, и мы почти закончили. Давай не углубляться в детали.

Он протискивается мимо нее, не дожидаясь ответа, кладет портфель на стол, раскрывает, достает конверт с ее инициалами: «ФЛ». Буквы с наклоном назад. За годы работы в киберпатруле «Дисконт электроникс» она сотни раз видела буквы с аналогичным наклоном на бланках заказов. Тех, что заполнял Брейди.

– Десять тысяч, – говорит доктор Зет. – Окончательный расчет. А теперь принимайся за работу.

– Тебе не обязательно здесь находиться. Все пойдет само по себе. Будто заводишь будильник.

«И если ты действительно Брейди, – думает она, – то мог бы все сделать сам. Я в этом, конечно, разбираюсь, но у тебя получалось лучше».

Он позволяет ей коснуться конверта пальцами, потом отдергивает его.

– Я останусь. Не то чтобы я не доверяю тебе.

Ну да, думает Фредди. Конечно, не доверяешь.

Пугающая улыбка вновь рассекает щеки морщинами.

– И как знать? Может, тебе повезет, и ты первой выиграешь приз.

– Я готова спорить, что большинство тех, кто получили эти «Заппиты», уже выбросили их. Это паршивая игрушка, а некоторые вообще не работают. Как ты и говорил.

– Позволь мне волноваться об этом, – говорит доктор Зет. Небритые щеки снова покрываются морщинами. Глаза красные, словно он нюхает кокаин. Она думает, а не спросить ли, что именно они делают, чего он надеется добиться... но идею она себе уже представляет, и хочется ли ей знать наверняка? А кроме того, если перед ней Брейди, какой вред это может причинить? Идей у него были сотни, и все они шли псу под хвост.

Ну...

Большинство.

Фредди первой идет в спальню для гостей, превращенную в мастерскую, электронный рай, о котором она всегда мечтала, но не могла себе позволить. Глория, с ее красотой, заразительным смехом и «коммуникабельностью», не понимала необходимости такого убежища. Здесь напольные нагреватели едва работали, поэтому температура воздуха была градусов на пять ниже, чем в остальных помещениях. Компьютеры не возражали. Им это нравилось.

– Приступай, – говорит доктор Зет. – Сделай это.

Она садится за настольный «Мак» последней модели с диагональю экрана двадцать семь дюймов, «будит» его и набирает пароль – случайную подборку цифр. Появляется папка, маркированная одной буквой «зет», и Фредди открывает ее другим паролем. На экране возникают иконки двух

файлов, зет-1 и зет-2. Третьим паролем она открывает файл зет-2 и начинает быстро молотить по клавиатуре. Доктор Зет стоит позади, заглядывая через ее левое плечо. Поначалу его присутствие вызывает отрицательные эмоции, но очень скоро Фредди забывает обо всем, кроме поставленной перед ней задачи, как, впрочем, и всегда.

Времени уходит немного: доктор Зет передал ей программу, а запустить ее – пара пустяков. Справа от компьютера стоит ретранслятор «Моторола». Когда Фредди заканчивает, одновременно нажав клавиши «Ввод» и «Зет», ретранслятор оживает. На дисплее появляется одно слово, образованное желтыми точками: «ПОИСК». Оно мигает, как светофор на пустынном перекрестке.

Они ждут, и Фредди вдруг понимает, что затаила дыхание. С шумом выдыхает, на мгновение ее щеки становятся еще более впалыми. Собирается встать, но доктор Зет удерживает ее, положив руку на плечо.

– Подождем еще немного.

Они ждут еще пять минут, под мерное гудение электроники и завывание ветра за окном. Слово «ПОИСК» мигает и мигает.

– Ладно, – наконец говорит он. – Я знал, что хочу слишком многого. Всеу свое время, Фредди. Пошли в другую комнату. Я с тобой окончательно рассчитаюсь и пойду...

Желтое обозначение «ПОИСК» внезапно сменяется зеленым «ОБНАРУЖЕНО».

– *Есть!* – кричит он, и она подпрыгивает от неожиданности. – *Есть, Фредди! Есть первый!*

Сомнения полностью рассеиваются. Для этого хватило торжествующего крика. Это точно Брейди. Он по сути являет собой русскую матрешку, что отлично сочетается с русской меховой ушанкой. Загляни внутрь доктора Бэбино – и найдешь доктора Зет. Загляни внутрь доктора Зет – и там взявший управление на себя Брейди Хартсфилд. Одному Богу известно, как такое может быть, но ведь может.

Зеленое «ОБНАРУЖЕНО» сменяет красная «ЗАГРУЗКА». Еще несколько секунд, и вместо «ЗАГРУЗКИ» высвечивается: «ОПЕРАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА». После этого ретранслятор вновь начинает поиск.

– Хорошо, – говорит доктор Зет. – Я доволен. Мне пора. Дел сегодня много, и я закончил далеко не все.

Фредди идет за ним в гостиную, захлопнув за собой дверь в электронное убежище. Она пришла к решению, которое давно созрело. Как только он уйдет, она выключит ретранслятор и сотрет последнюю программу. Покончив с этим, соберет чемодан и переберется в мотель. А

завтра уедет из этого чертова города во Флориду. Потому что по горло сыта доктором Зет, и его «шестеркой» Зет-боем, и зимами Среднего Запада.

Доктор Зет надевает пальто, но направляется к окну, а не к двери.

– Вид не очень. Слишком много высоких зданий.

– Да, озера почти не видно.

– Но все-таки лучше, чем из моего окна, – говорит он не поворачиваясь. – Мне пять с половиной последних лет приходится смотреть на автостоянку.

Внезапно Фредди понимает, что вот-вот сорвется. Если он еще минуту пробудет в одной с ней комнате, она забьется в истерику.

– Давай деньги. Давай деньги и отваливай. Мы закончили.

Он поворачивается. В руке – короткоствольный револьвер, из которого он убил жену Бэбино.

– Ты права, Фредди. Закончили.

Она реагирует мгновенно, вышибает револьвер из его руки, врезает ногой по яйцам, а когда он сгибается пополам, ребром ладони едва не отрубает голову, как Люси Лью^[37]. Потом бежит к двери и орет благим матом. Но все это в голове, фильм цветной, звук объемный, а на самом деле Фредди стоит столбом. Грохочет выстрел. Она отступает на два шага, натывается на кресло, в котором обычно сидит, когда смотрит телевизор, валится на пол, застывает лицом вниз. Мир начинает темнеть и удаляться. Последние ощущения – тепло выше талии, там, где течет кровь, и ниже, где опорожнился мочевой пузырь.

– Окончательный расчет, как и обещано. – Слова доносятся издалека.

Чернота поглощает все вокруг. Фредди проваливается в нее.

Брейди стоит не шевелясь, наблюдая, как кровь медленно растекается под телом Фредди. Прислушивается: не стучит ли кто в дверь, чтобы узнать, все ли в порядке. Он не ждет ничего такого, но береженного Бог бережет.

Минуты через полторы он убирает револьвер в карман пальто, поближе к «Запиту». Не может устоять перед искушением вновь заглянуть в компьютерную комнату. Ретранслятор продолжает бесконечный, автоматический поиск. Брейди завершил это удивительное путешествие, хотя шансы на успех поначалу казались призрачными. Каким будет окончательный результат, предсказать невозможно, но чего-то он

обязательно добьется, в этом сомнений нет. И старику детпену воздастся по заслугам. Месть – действительно блюдо, которое лучше подавать холодным.

На лифте он спускается в одиночестве. Вестибюль тоже пуст. Брейди сворачивает за угол, поднимает воротник дорогого пальто Бэбино, защищаясь от холодного ветра, нажимает кнопку брелока, открывая замки бэбиновского «бумера». Садится за руль, включает двигатель, но лишь для того, чтобы заработал обогреватель. Надо кое-что сделать, прежде чем двинуться к следующему пункту назначения. Если на то пошло, делать это ему *не хочется*, потому что при всех человеческих недостатках Бэбино интеллект у него блистательный – и в значительной степени еще не поврежденный. Уничтожить такой интеллект – все равно что уподобиться тупым фанатикам из ИГИЛ, превращающим в щебень бесценные сокровища культурного наследия. Но сделать это необходимо. Рисковать нельзя, ведь тело – тоже сокровище. Да, у Бэбино давление чуть выше нормы, и слух за последние годы заметно ухудшился, но теннис и занятия в тренажерном зале больницы (дважды в неделю) поддерживают мышцы в хорошей форме. Сердце бьется с частотой семьдесят ударов в минуту, никаких признаков аритмии. Никакого ишиаса, подагры, катаракты или иных заболеваний, свойственных многим людям его возраста.

Не говоря уж о том, что добрый доктор – это все, что есть у Брейди, по крайней мере, на текущий момент.

С такими мыслями Брейди определяет, что осталось от разума Феликса Бэбино, главного невролога, в голову которого он проник. Разум Бэбино в шрамах, изрядно пострадавший из-за постоянных набегов Брейди, но еще способен (хотя бы теоретически) перехватить контроль. Однако он беззащитен, как панцирное существо, лишившееся панциря. Это, конечно не плоть. Разум Бэбино более всего похож на туго переплетенные провода, сотканые из света.

Не без сожаления Брейди хватает их фантомной рукой и разрывает.

Вечер у Ходжеса спокойный: он неторопливо ест йогурт и смотрит канал «Погода». Снежная буря, которую эксперты канала окрестили «Юджинией», приближается, чтобы обрушиться на город завтрашним днем.

– Более точно сейчас и не скажешь, – говорит лысеющий очкастый

метеоролог сногшибательной блондинистой коллеге в красном платье. – Эта снежная буря придаст новое значение понятию «движение с частыми остановками».

Сногшибательная специалистка по прогнозам погоды смеется, словно этот синоптик сказал что-то невероятно остроумное, и Ходжес использует пульт дистанционного управления, чтобы убрать их с экрана.

Ленивец, думает Ходжес, глядя на пульт. Так их называют. Гениальное изобретение, если задуматься. Обеспечивает дистанционный доступ к сотням каналов. И даже вставать не нужно. Словно ты в телевизоре, а не в кресле. Или в обоих местах одновременно. Чудо, если на то пошло.

Он идет в ванную, когда звонит мобильник. Ходжес смотрит на дисплей и, хотя смех отдается болью, не может сдержаться. Теперь, когда он дома, где никто не услышит звон разбитого стекла, возвещающий о поступлении эсэмэски, – бывший напарник ему звонит.

– Эй, Пит, как приятно узнать, что ты еще помнишь мой номер.

У Пита нет времени на пустую болтовню.

– Я собираюсь тебе кое-что сказать, Кермит, и если ты решишь об этом сболтнуть, буду вести себя, как сержант Шульц в сериале «Герои Хогана». Помнишь его?

– Конечно. – Живот Ходжеса ноет уже от волнения, а не от боли. Но до чего похожи эти ощущения. – Я ничего знать не знаю.

– Точно. Именно так все и должно быть, потому что с точки зрения моего ведомства расследование убийства Мартины Стоувер и самоубийства ее матери закрыто. И мы не собираемся открывать его вновь из-за совпадения. Так считают на самом верху. Это понятно?

– Само собой, – отвечает Ходжес. – Что за совпадение?

– Прошлой ночью покончила с собой старшая медсестра Клиники травматических повреждений головного мозга больницы Кайнера Рут Скапелли.

– Я слышал.

– Смею предположить, услышал во время очередного похода туда, чтобы повидаться с обаятельным мистером Хартсфилдом.

– Да. – Он не собирается говорить старине Питу, что попытка повидаться с обаятельным мистером Хартсфилдом закончилась ничем.

– У Скапелли был гаджет. «Заппит». Она выбросила его в мусорный контейнер перед тем, как вскрыла себе вены.

– И для тебя это совпадение?

– Для меня – нет, – с неохотой признает Пит.

– Но?

– Но я хочу спокойно уйти на пенсию, черт побери! Если кому-то придется все расхлебывать, пусть это будет Иззи.

– Но Иззи ничего расхлебывать не будет.

– Да. И капитан с комиссаром тоже.

После этих слов Ходжесу приходится изменить мнение о прежнем напарнике, которого он уже списал в отставники.

– Ты говорил с ними? Пытался продолжить расследование?

– С капитаном. Должен добавить, несмотря на возражения Иззи Джейнс. Капитан обсудил это с комиссаром. Поздно вечером мне предложили забыть об этом, и ты знаешь почему.

– Да. Потому что ниточки тянутся к Брейди. Мартина Стоувер была одной из жертв Бойни у Городского центра. Рут Скапелли была старшей медсестрой клиники, где он содержится. Даже не слишком умному репортеру понадобится минут шесть, чтобы связать одно с другим и выдать отличную историю-страшилку. Именно это ты услышал от капитана Педерсена?

– Именно это. Никто из высших полицейских чинов не хочет, чтобы Хартсфилд вновь привлек к себе внимание. Он же признан недееспособным и по этой причине не отдан под суд. Черт, и в городской администрации этого никто не хочет.

Ходжес молчит – его мозг трудится, напряженно, как никогда в жизни. Значение фразы перейти Рубикон он выучил еще в старших классах и без подсказок миссис Брэдли: принять решение, после которого пути назад уже нет. Если он сообщит Питу, что у Барбары Робинсон тоже был «Заппит» и, возможно, она собиралась покончить с собой, когда утром ушла из школы и направилась в Лоутаун, Питу придется вновь обращаться к Педерсену. Два связанных с «Заппитами» самоубийства еще можно назвать совпадением, но три? Да, Барбара не довела задуманное до конца, слава Богу, но она тоже связана с Брейди. В конце концов, она присутствовала на концерте поп-группы «Здесь и сейчас». Вместе с Хильдой Карвер и Дайной Скотт, которые *тоже* получили «Заппиты». Но способна ли полиция поверить в гипотезу, которую он начинает считать основной версией? Это важный вопрос, поскольку Ходжес любит Барбару Робинсон и не хочет, чтобы в ее личную жизнь вторгались посторонние без веских на то оснований.

– Кермит? Ты на связи?

– Да. Просто задумался. К Скапелли прошлым вечером кто-нибудь приходил?

– Ничего не знаю, соседей не опрашивали. Это самоубийство, не убийство.

– Оливия Трелони тоже покончила с собой, – говорит Ходжес. – Помнишь?

Теперь замолкает Пит. Конечно, он помнит, как и то, что ее довели до самоубийства. Хартсфилд подбросил вредоносную программу-червя в ее компьютер, и программа убедила Оливию, что в доме поселился призрак молодой матери, погибшей у Городского центра. Поспособствовал самоубийству и тот факт, что большинство жителей города – спасибо прессе – поверили, что Оливия Трелони проявила безответственность, оставив ключ в замке зажигания, а потому отчасти была виновата в случившемся.

– Брейди получал истинное наслаждение...

– Я знаю, от чего получил истинное наслаждение Брейди, – обрывает его Пит. – Нет необходимости объяснять очевидное. У меня есть для тебя кое-что еще, если тебе интересно.

– Будь уверен.

– В пять пополудни я говорил с Нэнси Олдерсон.

Молодец, Пит, думает Ходжес. Все лучше, чем просто протирать штаны в оставшиеся недели службы.

– Она сказала, что миссис Эллертон уже купила дочери новый компьютер. Для онлайн-курсов. Он стоит в подвале под лестницей. Нераспакованный. Эллертон собиралась подарить его Мартине на день рождения в следующем месяце.

– Другими словами, строила планы на будущее. Как-то не вяжется с самоубийством, правда?

– Согласен. Мне пора, Керм. Мяч на твоей стороне. Теперь отбивай его или не трогай. Решать тебе.

– Спасибо, Пит. Это очень важно.

– Хотелось бы, чтобы все было как прежде. Мы бы довели это дело до конца.

– Но времена изменились. – Ходжес вновь потирает бок.

– К сожалению. И думай о себе: хоть немного набери чертов вес.

– Приложу все силы, – отвечает Ходжес, но Пит уже отключился.

Ходжес чистит зубы, принимает болеутоляющее, снимает одежду, медленно надевает пижаму. Ложится в постель и смотрит в темноту, дожидаясь сна или утра, не зная, что придет первым.

Вселившись в тело Бэбино, Брейди не забыл взять с комода бейдж доктора, потому что магнитная полоса на обратной стороне этого пропуска открывала ему все больничные двери. В половине одиннадцатого вечера, когда Ходжес вполне насладился каналом «Погода», Брейди использует бейдж первый раз, чтобы открыть ворота парковки для сотрудников больницы, расположенной за главным корпусом. В дневные часы парковка забита, но поздним вечером пустых мест предостаточно. Брейди выбирает одно из тех, что максимально удалены от ярких натриевых фонарей. Отклоняет назад спинку сиденья роскошного автомобиля доктора Бэбино и выключает двигатель.

Засыпает и оказывается в легком тумане бессвязных воспоминаний. Это все, что осталось от Феликса Бэбино. Чувствует вкус мятной помады первой девушки, которую тот поцеловал, Марджори Паттерсон из Восточной средней школы в Джоплине, штат Миссури. Видит баскетбольный мяч с наполовину стершимися черными буквами «ФОЙТ»^[38]. Ощущает тепло в тренировочных штанах: описался, пока раскрашивал картинки за бабушкиным диваном – огромным динозавром, обитым вылинявшим зеленым велюром.

Детские воспоминания, похоже, уходят последними.

В начале третьего Брейди дергается от очень яркого воспоминания – отец вlepил маленькому Бэбино оплеуху за игру со спичками в подвале их дома – и начинает медленно просыпаться в ковшеобразном сиденье «бумера». На мгновение перед его мысленным взором застывает самый четкий образ: на красной от прилившей крови шее отца пульсирует вена, чуть выше воротника синей тенниски «Изод».

А потом остается только Брейди, переселившийся в телесную оболочку Бэбино.

Находясь в палате 217 и в теле, уже ни на что не годном, Брейди долгие месяцы мог планировать, пересматривать свои планы, раз за разом корректируя их. Конечно, он допускал ошибки (к примеру, зря использовал Зет-боя, чтобы послать Ходжесу сообщение через сайт «Под синим зонтом Дебби», и попытку покончить с Барбарой предпринял раньше, чем следовало), но упорно добивался своего, и вот теперь он в шаге от успеха.

Он десятки раз прокручивал в голове данный этап операции, поэтому действует уверенно. Пропуск Бэбино открывает дверь с табличкой

«ТЕХНИЧЕСКАЯ ЗОНА А». На верхних этажах шум машин, обеспечивающих функционирование больницы, едва слышен, но здесь они грохочут, а в выложенном плиткой коридоре царит удушающая жара. Однако коридор пуст, как Брейди и ожидал. Большая городская больница никогда не спит, но в предрассветные часы закрывает глаза и дремлет.

Комната отдыха технического персонала также пуста, как и примыкающие к ней раздевалка и душевая. Некоторые шкафчики закрыты на висячие замки, но большинство не заперты. Он открывает один шкафчик за другим, примеряет рабочую одежду, пока не находит куртку и брюки размера Бэбино. Раздевается, надевает чужую одежду, перекладывает в карман пузырек с таблетками, который взял в спальне Бэбино. Это сильное снотворное. На одном из крючков у душевой он видит недостающий аксессуар: красно-синюю бейсболку «Сурков». Берет, подгоняет пластмассовую ленту-застежку на затылке, низко надвигает бейсболку на лоб, встав перед зеркалом, убеждается, что седые волосы Бэбино не видны.

Он проходит коридор «Технической зоны А» до конца и поворачивает направо, в больничную прачечную, где не только жарко, но и влажно. Две прачки сидят на пластиковых ортопедических стульях в проходе между двумя рядами огромных сушилок «Фошань». Обе крепко спят, одна – с перевернувшейся коробкой печенья в форме зверушек. Печенье рассыпано по зеленой нейлоновой юбке. Дальше, за стиральными машинами, он находит две тележки для белья, стоящие у шлакоблочной стены. Одна заполнена сорочками, вторая – постельным бельем. Брейди берет несколько больничных сорочек, кладет поверх аккуратно сложенных простыней и катит тележку по коридору.

Лифты, коридоры и надземный переход приводят его в Ведро, и по пути ему встречаются четыре человека. Две медсестры, о чем-то шепчущиеся у двери аптечного склада, и два интерна, которые смеются в ординаторской, глядя на экран ноутбука. Никто из них не замечает работника эксплуатационно-технической службы, который, наклонив голову, толкает перед собой нагруженную тележку с чистым бельем.

Место, где на него могут обратить внимание, даже узнать – сестринский пост в Ведре. Но одна из медсестер раскладывает пасьянс на компьютере, а вторая что-то пишет, подперев подбородок свободной рукой. Именно она краем глаза улавливает движение в коридоре и, не поднимая головы, спрашивает, все ли в порядке.

– Да, конечно, – отвечает он. – Правда, ночь выдалась холодная.

– Это точно, и я слышала, надвигается снежная буря. – Она зевает и возвращается к записям.

Брейди катит тележку дальше, останавливается, не доходя до двери палаты 217. Один из маленьких секретов Ведра заключается в том, что у каждой палаты две двери: одна с табличкой, другая – без. Двери без таблички приводят в стенные шкафы, предоставляя персоналу возможность пополнять запасы постельного белья и всего необходимого по ночам, не тревожа пациентов... или их дефектные мозги. Брейди берет несколько больничных сорочек, быстро оглядывается, чтобы убедиться, что за ним не наблюдают, и проходит в дверь без таблички. Мгновение спустя смотрит на себя. Долгие годы он дурил всех, заставляя верить, что Брейди Хартсфилд – из тех, кого сотрудники обычно называют (строго между собой) кретином, овощем или СГАДНом (свет горит, а дома никого). Но сейчас он именно такой.

Брейди наклоняется и похлопывает рукой по колющейся щеке. Проводит подушечкой большого пальца по закрытому веку, чувствуя под ним плотное глазное яблоко. Поднимает одну руку, поворачивает, кладет на одеяло ладонью вверх. Из кармана позаимствованных серых рабочих штанов достает пузырек с таблетками и высыпает с полдесятка на ладонь. «Прими, проглоти, – думает он. – Это мое тело, пусть уже ни на что не годное».

В последний раз он входит в это ни на что не годное тело. Теперь ему не нужен «Заппит». Нет необходимости беспокоиться и о том, что Бэбино вернет контроль над своим телом и убежит, как Пряничный человечек. Без разума Брейди Бэбино – овощ. В его голове не осталось ничего, кроме воспоминания о тенниске отца.

Брейди оглядывается в недрах собственной головы, словно человек, в последний раз осматривающий номер отеля, где провел много времени. Ничего не осталось в стенном шкафу? Тюбик зубной пасты не забыт в ванной? Может, запонка закатилась под кровать?

Нет. Все упаковано, и номер пуст. Брейди сжимает пальцы в кулак, ему противно ощущать, как медленно они движутся, словно преодолевая сопротивление вязкой жижи. Он поднимает руку с таблетками, переправляет их в открытый рот. Жует. Вкус горький. Бэбино тем временем тряпичной куклой лежит на полу. Брейди глотает раз. Другой. Третий. Готово. Он закрывает глаза, а когда открывает вновь, смотрит на шлепанцы под кроватью, которые Брейди Хартсфилд больше никогда не наденет.

Встает он уже как Бэбино, отряхивает штаны и куртку, еще раз смотрит на тело, в котором его разум прожил почти тридцать лет. То самое, которое он больше не мог использовать после второго удара по голове в аудитории Минго, полученного прямо перед тем, как он взорвал бы бомбу

на колесах – инвалидную коляску. Когда-то Брейди волновался, что ему это аукнется, что его разум и грандиозные планы умрут вместе с телом. Теперь эти волнения в прошлом. Пуповина перерезана. Рубикон перейден.

«Прощай, Брейди, – думает он. – Был рад знакомству».

Когда он вновь толкает тележку мимо сестринского поста, медсестры, раскладывавшей пасьянс, нет. Вероятно, отлучилась в туалет. Вторая крепко спит, опустив голову на записи.

10

Но на часах уже без четверти четыре, а дел еще много.

Вновь надев вещи Бэбино, Брейди покидает больницу тем же путем, каким попал в нее, и едет в Шугар-Хайтс. Поскольку самодельный глушитель Зет-боя приказал долго жить, о выстреле в самом богатом районе города тут же станет известно (сотрудники охранного агентства «Всегда начеку» наверняка окажутся неподалеку, в одном или двух кварталах). Поэтому он сворачивает к торговому центру «Вэлли-Плаза», благо тот по пути, и заезжает в разгрузочную зону магазина «Уцененная домашняя мебель».

Господи, как же хорошо на свободе. До безумия хорошо!

Он обходит «бумер» спереди, полной грудью вдыхая холодный зимний воздух, одновременно оборачивая рукавом пальто короткий ствол револьвера тридцать второго калибра. Эффект будет не такой, как с глушителем Зет-боя, он это знает. Риск, конечно, но не очень большой. Всего-то один выстрел. Брейди смотрит вверх, в надежде увидеть звезды, но небо затянуто облаками. Ладно, будут и другие ночи. Много ночей. Скорее всего тысячи. В конце концов, после Бэбино найдутся и другие тела.

Он целится и стреляет. Маленькая круглая дыра появляется в ветровом стекле «бумера». Снова риск – проехать оставшуюся до Шугар-Хайтс милю с дыркой от пули в ветровом стекле чуть повыше руля, но в это время ночи автомобилей на улицах пригородов меньше всего, а полицейские дремлют, особенно в благополучных районах.

Дважды его освещают приближающиеся фары, и всякий раз он перестает дышать, но автомобили проезжают мимо, не сбавляя скорости. Январский воздух врывается в дыру с тихим посвистом. До роскошного, но аляповатого «замка» Бэбино он добирается без помех. На этот раз не нужно выходить из салона и набирать код: достаточно нажать кнопку на

дистанционном пульте, закрепленном на щитке. В конце подъездной дорожки он сворачивает на засыпанную снегом лужайку, скользит по ледяной корке, задевает куст, останавливается.

«Тряска-припляска, домой поспешим»^[39].

Единственная проблема в том, что он забыл захватить с собой нож. Может найти его в доме, там осталось еще одно дельце, но Брейди не хочется заходить в дом дважды. Да и до ночлега путь далек, и ему не терпится пуститься в дорогу. Конечно, такой денди, как Бэбино, должен держать в автомобиле предметы ухода за внешностью. Сойдут даже щипчики для ногтей... но ничего нет. Брейди залезает в бардачок и в папке с документами Бэбино (кожаной, естественно) находит ламинированную карточку страховой компании «Оллстар». Она ему подходит. В конце концов, дело мастера боится.

Брейди сдвигает к локтю рукава кашемирового пальто и рубашки Бэбино, потом проводит углом карточки по предплечью. Появляется тонкая красная полоска. Брейди предпринимает вторую попытку, на этот раз нажимает гораздо сильнее, губы растягиваются в гримасе. Кожа не выдерживает, течет кровь. Он вылезает из салона, подняв руку, потом всовывается обратно. Марает кровью сначала сиденье, потом нижнюю часть руля. Крови всего ничего, но в сочетании с дырой в ветровом стекле много и не требуется.

Он взбегаёт по ступеням на крыльцо, и каждый пружинистый шаг – маленький оргазм. Кора лежит в прихожей под крючками для пальто, мертвая, как и прежде. Библиотечный Эл все еще спит на диване. Брейди трясет его, получая в ответ лишь приглушенное бурчание, поэтому хватает старика обеими руками и сбрасывает на пол. Глаза Эла раскрываются.

– А? Что?

Взгляд еще ошарашенный, но не совсем пустой. В ограбленной голове, возможно, уже и нет Эла Брукса, но остается толика альтер эго, созданного Брейди. Этого достаточно.

– Привет, Зет-бой. – Брейди опускается на корточки.

– Привет, – хрипит Зет-бой, пытается сесть. – Привет, доктор Зет. Я присматривал за тем домом, как вы мне и сказали. Женщина, которая может ходить, постоянно пользуется «Заппитом». Я следил за ней из гаража на противоположной стороне улицы.

– Больше тебе этого делать не нужно.

– Не нужно? А где мы?

– У меня, – отвечает Брейди. – Ты убил мою жену.

Зет-бой с отвисшей челюстью таращится на седого мужчину в пальто.

Изо рта ужасно воняет, но Брейди не отстраняется. На лице Эла медленно проступает ужас.

– Убил?.. Нет!

– Да.

– Нет! Никогда!

– Тем не менее убил. Но только потому, что я тебе приказал.

– Вы уверены? Я не помню.

Брейди сжимает его плечо.

– Это не твоя вина. Тебя загипнотизировали.

Лицо Зет-боя освещает улыбка.

– Через «Рыбалку»?

– Да, через «Рыбалку». И когда ты вошел в транс, я велел тебе убить миссис Бэбино.

Зет-бой смотрит на него с сомнением и тоской:

– Если я ее и убил, моей вины в этом нет. Я находился под гипнозом и не могу ничего вспомнить.

– Возьми.

Брейди дает Зет-бою револьвер. Тот берет оружие, поднимает, разглядывает, будто экзотический артефакт.

– Положи в карман, а мне дай ключи от твоего автомобиля.

Зет-бой рассеянно засовывает револьвер в брючный карман, и Брейди морщится, ожидая, что сейчас раздастся выстрел и пуля прострелит бедолаге ногу. Наконец Зет-бой протягивает ключи. Брейди берет их, поднимается, пересекает гостиную.

– Куда вы, доктор Зет?

– Я скоро вернусь. Почему бы тебе не присесть на диван и не подождать меня?

– Я буду сидеть на диване, пока вы не вернетесь, – говорит Зет-бой.

Дельная мысль.

Брейди идет в кабинет доктора Бэбино. Там – стена славы: множество фотографий в рамке, на одной еще довольно молодой Бэбино жмет руку президенту Бушу-младшему, оба лыбятся, как идиоты. Брейди фотографии не замечает: он видел их много раз за долгие месяцы, когда учился использовать тело другого человека, словно в автошколе. Не интересуется им и настольный компьютер. Ему нужен «Макбук эйр», который лежит на комод. Брейди открывает его, включает и набирает пароль Бэбино: «ЦЕРЕБЕЛЛИН».

– От твоего препарата толку ноль, – говорит Брейди, когда на экране возникает рабочий стол. Полной уверенности у него нет, но ему хочется так

думать.

Его пальцы бегают по клавиатуре с привычной быстротой, недоступной Бэбино, и запускается программа, которую он установил во время прошлого визита в голову доброго доктора. Называется она «РЫБАЛКА». Брейди набирает необходимую команду, и программа связывается с ретранслятором в компьютерной комнате Фредди Линклэттер.

«ОБРАБОТКА», – сообщает экран ноутбука. Ниже появляется еще одна строчка: «3 ОБНАРУЖЕНО».

Трое обнаружены! Уже трое!

Брейди обрадован, но не очень удивлен, пусть за окном глухая ночь. В любой социальной группе есть несколько полуночников, в том числе и в той, которая получила бесплатные «Запиты» с сайта «Плохой-концерт». И нет лучшего способа коротать бессонные предрассветные часы, чем в компании игровой приставки. А перед тем как разложить пасьянс или сыграть в «Злых птиц», почему бы не поискать розовую рыбу в демоверсии «Рыбалки» и не увидеть, действительно ли они запрограммированы так, что превращаются в числа после того, как их поймают? Правильная комбинация гарантирует получение приза, но в четыре утра это, возможно, не главный движущий фактор. Четыре утра – не самое удачное время для бодрствования. Именно тогда наваливаются неприятные мысли и приходят пессимистичные идеи, а демоверсия успокаивает. Она также вызывает зависимость. Эл Брукс узнал об этом до того, как стал Зет-боем. Брейди это понял с первого взгляда. Всего лишь удачное совпадение, но сделанное Брейди после этого – вся проведенная им подготовка – уже не совпадение. Это результат долгого и тщательного планирования, которым он занимался, находясь в двух тюрьмах одновременно: больничной палате и собственном ни на что не годном теле.

Он закрывает ноутбук, сует под мышку, поворачивается и направляется к двери. Буквально на пороге его осеняет, и он возвращается к письменному столу Бэбино. Выдвигает средний ящик и находит то, что нужно: ему даже не приходится рыться. Если начинает везти, то везет во всем.

Брейди выходит в гостиную. Зет-бой сидит на диване, опустив голову, ссутулившись, руки болтаются между колен. Выглядит он невероятно уставшим.

– Я ухожу, – говорит Брейди.

– Куда?

– Не твое дело.

- Не мое дело.
- Подход правильный. Почему бы тебе не поспать?
- На этом диване?

– Или в спальне наверху. Но сначала тебе надо кое-что сделать. – Он протягивает Зет-бою фломастер, который нашел в письменном столе Бэбино. – Оставь свой знак, Зет-бой, как ты оставил его в доме миссис Эллертон.

– Они были живы, когда я наблюдал за ними из гаража, это я точно знаю, но теперь они, возможно, мертвы.

– Очень даже возможно.

– Я их не убивал, правда? Но вроде бы я побывал в спальне. И нарисовал там букву «зет».

– Конечно, не убивал.

– Я искал «Заппит», как вы меня и просили, я в этом уверен. Старался изо всех сил, но найти все-таки не смог. Думаю, может, она его выбросила.

– Теперь это значения не имеет. Просто оставь свой знак, хорошо? Как минимум в десяти местах. – Приходит новая мысль. – Ты еще можешь сосчитать до десяти?

– Один... два... три...

Брейди смотрит на «Ролекс» Бэбино. Четверть пятого. Утренние обходы в Ведре начинаются в пять. Время летит как на крыльях.

– Молодец. Оставь свой знак как минимум в десяти местах. А потом укладывайся спать.

– Хорошо. Я оставлю свой знак как минимум в десяти местах, потом лягу спать, а потом поеду к дому, за которым вы велели мне наблюдать. Или теперь, когда они мертвы, наблюдать за домом больше не нужно?

– Пожалуй, нет. Давай все повторим, хорошо? Кто убил мою жену?

– Я, но моей вины в этом нет. Меня загипнотизировали, и я даже ничего не помню. – Зет-бой начинает плакать. – Вы вернетесь, доктор Зет?

Брейди улыбается, демонстрируя дорогостоящие зубы Бэбино.

– Конечно. – Когда он это говорит, его взгляд смещается вверх и влево.

Он наблюдает, как старик волочит ноги к гигантскому – «Боже, я богач» – телевизору, закрепленному на стене, и рисует на экране большую букву «зет». В буквах «зет» по всему дому никакой необходимости нет, но Брейди считает это изящным штрихом, учитывая, что Библиотечный Эл на вопрос копов, как его зовут, ответит, что он – Зет-бой. Еще одно дополнение к безупречному шедевру.

Брейди идет в прихожую, вновь переступает через Кору. Сбегает по ступеням крыльца, исполняет внизу танцевальное па, щелкает пальцами

Бэбино. Чувствует боль, начальная стадия артрита налицо, но что с того? Брейди знает, что такое настоящая боль, и ее мимолетные уколы в фалангах не в счет.

Он быстрым шагом направляется к «малибу» Эла. Развалюха в сравнении с «БМВ» усопшего доктора Бэбино, но она доставит его в пункт назначения. Брейди заводит двигатель и хмурится, когда из радиоприемника начинает греметь классическая срань. Он переключается на радиостанцию «БАМ-100». «Black Sabbath» исполняет что-то из тех времен, когда Оззи еще был крутым. Брейди бросает последний взгляд на «бумер», припаркованный на лужайке, и трогается с места.

До ночлега путь далек, а потом финальный аккорд, вишенка, венчающая порцию сливочного мороженого. Для этого Фредди Линклэттер ему не нужна – достаточно лишь «Макбука» доктора Б. Поводка больше нет.

Он свободен.

11

Примерно в то время, когда Зет-бой доказывает, что все еще может считать до десяти, покрытые запекшейся кровью ресницы Фредди Линклэттер разлепляются. Она смотрит в уставившийся на нее коричневый глаз. Ей требуется несколько долгих секунд, чтобы понять, что это вовсе не глаз, а текстура древесины, которая *выглядит* как глаз. И она лежит на полу, страдая от самого жуткого в жизни похмелья, хуже испытанного после катастрофической вечеринки по случаю своего двадцать первого дня рождения, когда она смешала кристаллический мет с ромом «Ронрико». Потом Фредди думала, что ей сильно повезло, раз она выжила после того маленького эксперимента. Теперь она сожалеет, что выжила, ибо сейчас все гораздо хуже. Раскалывается не только голова. В груди такие ощущения, будто Маршон Линч^[40] отработывал на ней столкновение с защитником.

Фредди мысленно приказывает рукам двинуться, и они с неохотой подчиняются. Она упирается ладонями в пол и отталкивается. Чуть поднимается, но наружная рубашка накрепко прилипла к луже на полу, которая выглядит как кровь, однако запахом подозрительно напоминает виски. Вот что, значит, она пила, а потом упала, потому что заплелись ноги. Ударилась головой. Но, святой Боже, сколько же она выпила?

Нет, все было не так, думает Фредди. Кто-то приходил, и ты знаешь, кто именно.

Это простая дедукция. В эту квартиру к ней приходили только двое, Зет-чуваки, причем тот, кто носит старую куртку с заплатами, в последнее время не заглядывал.

Она пытается встать, но с первого раза не получается. И она не может глубоко вдохнуть. Глубокий вдох вызывает сильную боль над левой грудью. словно в тело что-то вонзилось.

«Моя фляжка?

Я прикладывалась к ней, ожидая его прихода. Рассчитывала, что он окончательно расплатится со мной и уберется из моей жизни».

– Он меня подстрелил, – стонет Фредди. – Гребаный доктор Зет меня подстрелил.

Она плетется в ванную и, глянув в зеркало, не верит своим глазам: перед ней жертва железнодорожной катастрофы. Левая половина лица в крови, лиловая шишка и рваная рана повыше левого виска, но это не самое худшее. Ее синяя рубашка из шамбре тоже в крови – от раны на голове, надеется Фредди, такие всегда сильно кровоточат, – а в нагрудном кармане – черная круглая дыра. Он ее подстрелил, это точно. Теперь она вспоминает, что, перед тем как отключиться, услышала грохот и почувствовала запах порохового дыма.

Дрожащими пальцами из нагрудного кармана она достает пачку «Мальборо лайт». Пачка пробита пулей насквозь. Фредди бросает ее в раковину, расстегивает пуговицы рубашки, которая падает на пол. Запах виски усиливается. Вторая рубашка – армейская, цвета хаки. Нагрудных карманов два – большие, с клапанами. Попытавшись достать фляжку из левого, Фредди шипит от боли – это все, на что она способна, поскольку не может глубоко вдохнуть, – но когда все-таки достает, боль в груди немного слабеет. Пуля пробила фляжку, и на стороне, обращенной к груди, видны алые от крови рваные края пулевого отверстия. Фредди бросает загубленную фляжку на пачку «Мальборо» и расстегивает пуговицы армейской рубашки. Времени на это уходит больше, но в конце концов рубашка падает на пол. Самая нижняя – футболка «Американских гигантов», тоже с карманом. Фредди достает из него жестянку мятных пастилок «Алтоидс». И она продырявлена. На футболке пуговиц нет, поэтому Фредди сует мизинец в дыру от пули и тянет. Материя рвется, и наконец-то она видит собственную кожу, забрызганную кровью.

А также дырку в том месте, где начинается жалкая выпуклость ее груди, и в этой дырке – что-то черное. Напоминает дохлого жука. Фредди тремя пальцами еще сильнее рвет футболку и хватается за жука. Раскачивает его, как шатающийся зуб.

– О-о-о... О-о-о... О-о-о... ТВОЮ МАТЬ!..

Вытаскивает... нет, не жука – пулю. Смотрит на нее, бросает в раковину. Несмотря на разламывающуюся голову и пульсирующую боль в груди, Фредди осознает, что ей невероятно повезло. Пистолет был маленького калибра, но с такого расстояния и его хватило бы, чтобы убить. Однако ей, похоже, выпал редкий счастливый шанс. Сначала сигареты, потом фляжка – она в максимальной степени замедлила скорость пули, – потом жестянка с пастилками «Алтоидс» и, наконец, ее плоть. Сколько осталось до сердца? Дюйм? Меньше?

Желудок скручивается, стремясь освободиться от содержимого. Фредди ему не позволяет, не может позволить. Дыра в груди вновь кровоточит, но это не важно. Голова готова разорваться. *Вот что важно.*

Теперь ей дышится легче: она убрала фляжку (спасшую ей жизнь) с отвратительного вида рваными краями. Фредди возвращается в гостиную, смотрит на лужу крови и виски на полу. Если бы он наклонился, приставил ствол к затылку... для гарантии...

Фредди закрывает глаза и изо всех сил пытается сохранить сознание, не поддаться волнам головокружения и тошноты, которые прокатываются по ней. Когда становится чуть лучше, подходит к креслу и очень медленно садится. Как старушка с больной спиной, думает она. Смотрит в потолок. Что теперь?

Первая мысль – набрать «911» и вызвать «скорую», чтобы ее отвезли в больницу. Но что она им скажет? Мужчина, назвавшийся мормоном или свидетелем Иеговы, постучал в дверь, а когда она ему открыла, выстрелил в нее? Почему выстрелил? Зачем? И почему она, женщина, живущая в одиночестве, открывает дверь незнакомцу в половине одиннадцатого вечера?

Но это не все. Приедет полиция. У нее в спальне – унция конопли и осьмушка кокаина. Избавиться от наркоты – не проблема, но что делать с компьютерной комнатой? Там полдюжину незаконно установленных программ и дорогое оборудование, которое она совсем и не покупала. И копы наверняка полюбопытствуют у мисс Линклэттер, а не имеет ли стрелявший в нее мужчина какого-то отношения ко всей этой технике? Может, она приобрела ее у него, но не заплатила? Может, она работала у него и украла коды кредитных карточек или другую конфиденциальную информацию? И конечно, от них не укроется ретранслятор, мигающий, как игровой автомат в Лас-Вегасе, и посылающий сигналы через вай-фай, загружая специальную вредоносную программу-червя в каждый включенный «Заппит».

А это что такое, мисс Линклэттер? Что конкретно он делает?

И что она на это скажет?

Фредди огляделась в надежде увидеть конверт с наличными на полу у дивана, но, разумеется, он забрал деньги с собой. Если, конечно, в конверте лежали купюры, а не нарезанная бумага. Фредди здесь, в нее стреляли, у нее сотрясение мозга (пожалуйста, Господи, только не трещина в черепе) и мало денег. Так что ей делать?

Выключить ретранслятор, это первое. Теперь Брейди Хартсфилд – внутри доктора Зет, а водитель из Брейди скверный. Что бы ни делал ретранслятор – ничего хорошего ждать от него не приходится. Она все равно собиралась его выключить, верно? Точно не помнит, но вроде так и планировала. Выключить ретранслятор и бежать. Она не получила последнего платежа, чтобы финансировать побег, но хотя и привыкла сорить деньгами, на ее банковском счету еще лежит несколько тысяч, а «Корн траст» открывается в девять утра. Можно воспользоваться банкоматом. Итак, выключить ретранслятор, убить в зародыше стремный сайт, имеющий отношение к букве «зет», смыть кровь с лица и выметаться отсюда к чертовой матери. Только не самолетом, теперь зоны безопасности аэропортов – чистые мышеловки. Нет, она поедет на запад автобусом или поездом. Изумительный план, верно?

Она встает и, волоча ноги, направляется к компьютерной комнате, когда до нее доходит, что план с серьезным изъяном. Брейди ушел, но он никогда бы так не поступил, если бы не мог контролировать свой проект дистанционно, особенно ретранслятор, а сделать это – проще простого. В компьютерах он сечет – чего там, он компьютерный гений, хотя ей и неприятно это признавать, – поэтому наверняка обеспечил себе канал связи с оборудованием в ее комнате. Если так, он в любое время сможет проверить, все ли в порядке. Для этого ему потребуется лишь ноутбук. И если она сейчас все отключит, он об этом узнает и поймет, что она жива.

Тогда он вернется.

– Что же мне делать? – шепчет Фредди. Она плетется к окну, дрожит – зимой в этой чертовой квартире так холодно – и всматривается в темноту. – Что же мне теперь делать?

Ходжесу снится Баузер, агрессивный маленький пес, который был у него в детстве. После того как Баузер покусал мальчишку, разносчика газет,

и тому пришлось накладывать швы, отец Ходжеса отвез пса к ветеринару, где животное усыпили, несмотря на слезные протесты сына. Во сне Баузер кусает его, кусает за бок. Продолжает кусать, хотя Билли Ходжес предлагает псу лучшее собачье лакомство, и боль нестерпимая. Раздается звонок в дверь, и Ходжес думает: Это разносчик газет, беги и кусай его, ты должен кусать его.

И только выплывая из сна в реальный мир, Ходжес осознает, что звонят не в дверь: это телефон у его кровати. Городской. Он нащупывает трубку, роняет, поднимает с одеяла, хрипит:

– Алло?

– Решил, что ты перевел мобильник в режим «Не беспокоить», – говорит Пит Хантли. Голос у него бодрый и на удивление веселый. Ходжес смотрит на часы, они стоят на прикроватном столике, но циферблат скрыт пузырьком с болеутоляющими таблетками, наполовину опустевшим. Господи, сколько же он вчера принял?

– Я не знаю, как это делается. – Ходжес с трудом садится. Не верится, что боль может нарастать так быстро. Словно ждала, пока ее опознают, а потом набросилась, выпустив когти и ощерив зубы.

– Ты должен не отставать от жизни, Керм.

Поздновато, думает Ходжес, перекидывая ноги через край кровати.

– Почему ты звонишь... – Ходжес отодвигает пузырек с таблетками, – без двадцати семь?

– Не терпелось сообщить тебе хорошую новость, – отвечает Пит. – Брейди Хартсфилд мертв. Медсестра констатировала это при утреннем обходе.

Ходжес вскакивает, практически не чувствуя боли, пронзающей бок.

– Что? Как?

– Вскрытие проведут позже, но врач, который его осмотрел, предполагает самоубийство. Какой-то *налет* на языке и деснах. Врач взял мазок, а сейчас мазок берет парень, присланный управлением медицинского эксперта. Анализ проведут быстро. Хартсфилд у нас настоящая рок-звезда.

– Самоубийство. – Ходжес проводит рукой по торчащим во все стороны волосам. Новость ясная и простая, но никак не верится, что такое возможно. – Самоубийство?

– Его оно всегда завораживало. Помнится, ты сам это говорил, и не раз.

– Да, но...

Но что? Пит прав, Брейди трепетно относился к самоубийствам, и не

только чужим. Он был готов умереть у Городского центра, когда там в 2009 году проводилась ярмарка вакансий, и годом позже, когда въехал в аудиторию Минго в инвалидном кресле, обложившись тремя фунтами пластиковой взрывчатки. Его бы разнесло в клочья. Только это было тогда, а теперь кое-что изменилось.

– Но что?

– Я не знаю, – отвечает Ходжес.

– Зато я знаю. Он наконец-то нашел способ это сделать. Вот и все. В любом случае, если ты думал, что Хартсфилд каким-то образом приложил руку к смертям Эллертон, Стоувер и Скапелли – и должен сказать тебе, что я тоже к этому склонялся, – то можешь перестать тревожиться на этот счет. Теперь он зажаренный гусь, запеченная индейка, сваренный сарыч, и мы все говорим «ура».

– Пит, я должен об этом подумать.

– Безусловно. У тебя с ним давние счеты. А я пока позвоню Иззи. Пусть у нее день начнется на хорошей ноте.

– Ты мне позвонишь, когда станет известно, чего он наглотался?

– Обязательно. А пока мы говорим: «Прощай, Мистер Мерседес», – правильно?

– Правильно, правильно.

Ходжес кладет трубку, идет на кухню, ставит на плиту кофейник. Лучше бы выпить чая, в таком состоянии его бедные внутренности взвоют от кофе, но ему без разницы. И таблетки он пить не собирается, во всяком случае, пока. Сейчас его голова должна быть максимально ясной. Это ему совершенно понятно.

Он снимает мобильник с зарядки и звонит Холли. Она отвечает сразу, и Ходжес задается вопросом, а когда она встает? В пять утра? Еще раньше? Может, некоторые вопросы лучше оставлять без ответа. Он пересказывает ей услышанное от Пита, и впервые в жизни Холли Гибни позволяет себе грубое словцо.

– Ты, твою мать, решил подшутить надо мной?

– Нет, если только Пит не шутил, а я в этом сомневаюсь. До ленча он никогда не шутит, да и потом у него получается не очень.

Долгая пауза, затем Холли спрашивает:

– Ты в это веришь?

– В то, что он мертв, – да. Ошибки с опознанием быть не может. В то, что он покончил с собой? Мне это представляется... – Он ищет нужные слова, не находит и повторяет сказанное давнему напарнику пятью минутами раньше: – Я не знаю.

– Все кончено?

– Может, и нет.

– И я так думаю. Мы должны выяснить, что случилось с «Заппитами», оставшимися после банкротства компании. Я не понимаю, какое отношение имеет к ним Брейди Хартсфилд, но слишком много ниточек тянется к нему. И к концерту, на котором он хотел устроить взрыв.

– Я знаю. – Ходжес вновь представляет паутину с большим старым ядовитым пауком в центре. Только паук мертв.

«И мы все говорим “ура”», – думает он.

– Холли, сможешь подъехать в больницу, когда Робинсоны будут забирать Барбару?

– Конечно. – И после паузы добавляет: – Я хочу это сделать. Я позвоню Тане, чтобы спросить, не возражает ли она, но уверена, что возражений не будет. А зачем?

– Я хочу, чтобы ты показала Барбаре шесть фотографий для опознания. Пятерых пожилых белых мужчин в костюмах плюс доктора Феликса Бэбино.

– Ты думаешь, Майрон Зетким – врач Хартсфилда? Что именно он дал Барбаре и Хильде эти «Заппиты»?

– На данный момент это лишь догадка.

Но он скромничает. На самом деле это больше чем догадка. Бэбино не пустил его в палату Брейди под явно надуманным предлогом, а потом едва не выпрыгнул из штанов, когда Ходжес спросил, все ли с ним в порядке. И Норма Уилмер заявляет, что он проводил с Брейди эксперименты без официального разрешения. *Копните Бэбино*, сказала она в баре «Черная овца». *Выведите на чистую воду. Рискните*. Для него это не такой большой риск, учитывая, что жить ему осталось несколько месяцев.

– Хорошо. Я ценю твои догадки, Билл. И я уверена, что смогу найти в Интернете подходящую фотографию доктора Бэбино с какого-нибудь благотворительного мероприятия, которые постоянно проводят в поддержку больницы.

– Отлично. А теперь напости мне имя конкурсного управляющего.

– Тодд Шнайдер. Ты должен позвонить ему в половине девятого. Если я буду с Робинсонами, то на работу приеду позже. И привезу Джерома.

– Да, да. У тебя есть номер Шнайдера?

– Я выслала его тебе е-мейлом. Ты помнишь, как добраться до электронной почты?

– У меня рак, Холли, не Альцгеймер.

– Сегодня – твой последний день. Помни и об этом.

Как он может забыть? Его положат в больницу, в которой умер Брейди, и скорее всего последнее расследование останется незаконченным. Ему противна даже мысль об этом, но другого не дано. Болезнь прогрессирует быстро.

– Позавтракай, – добавляет Холли.

– Обязательно.

Он дает отбой и с вожделием смотрит на полный кофейник. Аромат изумительный. Ходжес выливает кофе в раковину и идет одеваться. Уезжает, не позавтракав.

13

Без Холли за столом в приемной агентство «Найдем и сохраним» выглядит совсем пустым, зато на седьмом этаже Тернер-билдинг тихо и спокойно: шумная команда из турбюро, расположенного по соседству, заявится только через час.

Ходжесу думается лучше всего, когда перед ним лежит блокнот с линованными желтыми страницами, куда он записывает возникающие идеи, пытаясь найти связи и сформировать общую картину. Так он работал, когда служил в полиции, и зачастую ему удавалось выявить эти связи. Он получил множество поощрений, но все эти грамоты пылятся на полке в стенном шкафу, а не развешаны по стенам. Поощрения не имели для него ровно никакого значения. Наградой всегда служило озарение, приходившее вместе с найденными связями. Он обнаружил, что жить без этого не может. Так вместо бессмысленного пенсионерского существования возникло агентство «Найдем и сохраним».

Это утро записей не приносит, на странице появляются только человечки-палочки, карабкающиеся на холм, завихрения и летающие тарелки. Ходжес уверен, что подавляющее большинство элементов этой головоломки ему известны и от него требуется одно: соединить их в цельную картину, – но смерть Брейди Хартсфилда – серьезная авария на его личной информационной трассе, полностью заблокировавшая движение. Всякий раз, когда он смотрит на часы, проходит еще пять минут. Скоро звонить Шнайдеру. К тому времени, когда они поговорят, явится шумная команда турбюро. После них – Холли и Джером. И шанс спокойно подумать будет упущен.

Думай о связях, говорит он себе. Как и сказала Холли, слишком много ниточек тянется к Брейди. И к концерту, на котором он хотел устроить

взрыв.

Это точно. Потому что на сайте «Заппиты» могли получить только те – тогда еще девочки, теперь подростки, – кто докажет свое присутствие на концерте поп-группы «Здесь и сейчас», и сайт этот больше не работает. Как и Брейди, сайт «Плохой-концерт» – зажаренный гусь, запеченная индейка, сваренный сарыч, и мы все говорим «ура».

Наконец среди загогулин появляются две записи, которые он обводит кругом. Одна – *концерт*. Вторая – *налет на деснах*.

Он звонит в Мемориальную больницу Кайнера, и его звонок переводят в Ведро. Да, говорят ему, Норма Уилмер на работе, но занята и не может подойти к телефону. Ходжес догадывается, что этим утром она даже *очень занята*, и надеется, что похмелье не слишком сильное. Оставляет свой номер с просьбой позвонить, как только она освободится, подчеркивает, что дело важное.

Продолжает рисовать всякую муру до восьми двадцати пяти (что-то похожее на «Заппиты», возможно, потому, что гаджет Дайны Скотт лежит в кармане), потом звонит Тодду Шнайдеру, который лично снимает трубку.

Ходжес представляется адвокатом, защищающим права потребителей и работающим на добровольной основе в Бюро по улучшению ведения бизнеса. Сообщает, что ему поручили разобраться в ситуации с игровыми приставками «Заппит», которые появились в городе. Говорит спокойно, почти равнодушно.

– Не слишком большое дело, поскольку эти «Заппиты» раздаются бесплатно, но некоторые из получателей загружают книги с сервиса «Читательский клуб “Санрайз”», и тексты искажаются.

– «Читательский клуб “Санрайз”»? – В голосе Шнайдера слышится удивление. И он не пытается перейти на юридический жаргон, что очень устраивает Ходжеса. – Как в «Санрайз солюшнс»?

– Да, поэтому я и звоню вам. Согласно полученной мной информации, «Санрайз солюшнс» купила «Заппит инкорпорейтед», прежде чем обанкротиться.

– Совершенно верно, и я плотно занимался «Санрайз солюшнс», но не помню никакого «Читательского клуба “Санрайз”». А я бы обратил внимание. «Санрайз» постоянно покупала маленькие электронные компании в надежде, что хотя бы одна выстрелит и принесет большую прибыль. Но, к сожалению, тщетно.

– А как насчет «Заппит-клуба»? Это название вам о чем-нибудь говорит?

– Никогда о таком не слышал.

– А о сайте «Конец буквы «зет» точка ком»? – Задавая вопрос, Ходжес хлопает себя по лбу. Ему следовало самому заглянуть на этот сайт, вместо того чтобы рисовать загогулины.

– И о нем тоже. – Тут появляются первые признаки адвокатского заслона. – Речь идет об обмане потребителей? Потому что в законах о банкротстве этот момент прописан четко, и...

– Нет-нет, – заверяет его Ходжес, – наш интерес ограничивается проблемой со скачиванием. И один «Заппит» прибыл неработающим. Получатель хочет отослать его назад, в надежде получить новый.

– Неработающие приставки меня не удивляют, – говорит Шнайдер. – Таких было много, чуть ли не тридцать процентов в последней партии.

– Спрашиваю из чистого любопытства, а сколько их было всего? Я про последнюю партию.

– Точного числа не назову, но порядка сорока тысяч. «Заппит» подала в суд на производителя, хотя известно, что судиться с китайскими компаниями себе дороже, но тогда они отчаянно стремились удержаться на плаву. Я рассказываю вам об этом только потому, что все это – дела давно минувших дней.

– Естественно.

– Компания-производитель «Ичэн электроникс», конечно, нанесла ответный удар. Главным образом не из-за денег. Там хотели сохранить репутацию. Нельзя их за это винить.

– Полностью с вами согласен. – Больше Ходжес терпеть не может. Достает пузырек с таблетками, встряхивает две, одну с неохотой отправляет назад. Другую кладет под язык в надежде, что так она сработает быстрее.

– В «Ичэн» заявили, что игровые приставки получили повреждения в дороге, возможно, пострадали от влаги. По их словам, будь проблемы с программным обеспечением, не работали бы все гаджеты. Мне этот довод представляется логичным, пусть я и не специалист. В любом случае после приобретения «Заппита» в «Санрайз солюшнс» от иска отказались. К тому времени там возникли более серьезные проблемы. Кредиторы кусали за пятки. Инвесторы покидали тонущий корабль.

– А что случилось с последней партией?

– Это был актив, хотя и не очень ценный из-за большого процента брака. Какое-то время я держал гаджеты у себя, потом обратился к торговым сетям, которые специализируются на уцененных товарах. Вроде «Все по доллару» и «Волшебник экономии». Вы с ними знакомы?

– Да. – Ходжес однажды купил мокасины в местном магазине «Все по доллару». Они стоили больше доллара, но оказались не такими плохими.

Носил он их долго.

– Разумеется, нам пришлось поставить их в известность, что каждые три из десяти «Заппитов» могут быть неисправны – это показала выборочная проверка, – то есть им придется провести полный контроль. Тем самым шансы продать всю партию сошли на нет. Проверка каждой приставки требовала слишком больших затрат.

– Понятно.

– Будучи конкурсным управляющим, я решил утилизировать гаджеты и потребовать налоговый вычет, который мог составить... приличную сумму. Не по стандартам «Дженерал моторс», разумеется, но мы говорим о числе с шестью нулями. Для улучшения баланса, вы понимаете.

– Дельная мысль, по моему разумению.

– Но прежде чем я это сделал, мне позвонил парень из компании «Геймзет анлимитед». Из вашего города, между прочим. Представился генеральным директором. Вероятно, генеральным директором компании из трех человек, занимающей две комнатухи или гараж. – Шнайдер снисходительно усмехается, как и положено большому нью-йоркскому бизнесмену. – С начала компьютерной революции эти компании появляются в огромном количестве, как сорняки, хотя я никогда не слышал, чтобы хоть одна предложила рынку достойный продукт. Что-то здесь нечисто, вы со мной согласны?

– Да, – отвечает Ходжес. Таблетка жутко горькая, зато отступление боли такое сладкое. Он думает, что в жизни подобное сочетание встречается часто. Идея, достойная «Ридерз дайджест», но не становящаяся из-за этого ложной. – Похоже на то.

Адвокатского заслона больше нет. Шнайдер оживился, увлеченный своей историей.

– Этот парень предложил купить восемьсот «Заппитов» по восемьдесят долларов за штуку, примерно на сто долларов дешевле, чем я хотел предложить торговым сетям. Мы немного поторговались и сошлись на сотне.

– За штуку.

– Да.

– Получается восемьдесят тысяч долларов, – говорит Ходжес. Он думает о Брейди, которому предъявлено множество исков на десятки миллионов долларов. А на счету Брейди – если память не изменяет Ходжесу – лежали тысяча сто долларов. – И вам выписали чек на всю сумму?

Ходжес не уверен, что получит ответ – многие адвокаты закончили бы

на этом разговор, – но получает. Возможно, потому, что с банкротством «Санрайз солюшнс» все вопросы решены и проблемы улажены. Для Шнайдера разговор с Ходжесом – послематчевое интервью.

– Совершенно верно. Со счета «Геймзет анлимитед».

– Деньги пришли?

Тодд Шнайдер вновь позволяет себе снисходительно хохотнуть.

– А то! Если бы нет, все восемьсот «Заппитов» утилизировали бы вместе с остальными.

Ходжес проводит быстрый подсчет на покрытом загогулинами листке. Если из восьмисот гаджетов вычесть треть неисправных, работающих остается пятьсот шестьдесят. Может, чуть меньше. Хильда Карвер прошла проверку – иначе зачем посылать ей приставку, – но, по словам Барбары, «Заппит» полыхнул синим и больше не подавал признаков жизни.

– И вы их отправили?

– Да, через «Ю-пи-эс» со склада в Терре-Хоте. Не очень большая сумма, но все-таки. Для наших клиентов мы делаем все, что в наших силах, мистер Ходжес.

– Я в этом уверен. – *И мы все говорим «ура»*, думает Ходжес. – Вы не можете вспомнить адрес, по которому ушли восемьсот «Заппитов»?

– Нет, но он точно есть в архиве. Продиктуйте мне ваш электронный адрес, и я отошлю его вам, при условии, что вы отзвонитесь и расскажете, какую аферу решили провернуть с ними в «Геймзете».

– Можете не сомневаться, – заверяет Ходжес. Наверняка адрес этот – абонентский ящик, арендатор которого давно к нему не навещается. Но проверить стоит. Холли это сделает, пока сам он будет в больнице, лечиться от неизлечимого. – Вы мне очень помогли, мистер Шнайдер. Еще один вопрос, и я заканчиваю. Вы, часом, не помните имя генерального директора «Геймзета»?

– Разумеется, помню, – отвечает Шнайдер. – Думаю, именно поэтому в название компании попала буква «зет».

– Не понял.

– Генерального директора звали Майрон Зетким.

Ходжес открывает «Файрфокс». Печатает в строке поисковика адрес сайта «Конец буквы “зет”» и видит мультяшного человечка, размахивающего мультяшной лопатой. Вверх летит земля, вновь и вновь

образуя одну и ту же надпись:

ИЗВИНИТЕ, САЙТ В СТАДИИ РАЗРАБОТКИ!
НО НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПРО НАС!

«Мы созданы, чтобы настойчиво идти вперед. Только так и сможем выяснить, кто мы».

Тобиас Вульф

Еще одна идея из «Ридерз дайджест», думает Ходжес и идет к окну. На Лоуэр-Мальборо-стрит – плотный транспортный поток. Ходжес осознает, с удивлением и благодарностью, что боль в боку исчезла полностью, впервые за многие дни. Он мог бы даже поверить, что с ним все в порядке, если бы не горечь во рту.

Горечь, думает он. *Налет на деснах.*

Звонит мобильник. Норма Уилмер, говорит так тихо, что ему приходится напрягать слух.

– Если вы насчет так называемого списка посетителей, то я его даже не искала. Тут полно копов и дешевых пиджаков из прокуратуры. Можно подумать, что Хартсфилд сбежал, а не умер.

– Я не насчет списка, хотя он мне все равно нужен, и если вы отыщите его сегодня, я заплачу за него еще пятьдесят долларов. А если свяжитесь со мной до полудня, то сто.

– Господи, да чем он так важен? Я спрашивала Джорджию Фредерик, которая лет десять мотается между ортопедическим отделением и Ведром, так она говорит, что за это время кроме вас к нему приходила только одна неопрятная девица, в татуировках и со стрижкой морского пехотинца.

Ее слова не вызывают колокольного звона, но слабый отзвук имеется. Ходжес ему не доверяет. Он очень хочет связать все воедино, а это означает, что продвигаться следует с предельной осторожностью.

– Чего вы хотите, Билл? Я в гребаном белье в чулане, тут чертовски жарко, и у меня болит голова.

– Мой прежний напарник позвонил, чтобы сказать: Брейди наглотался какого-то дерьма и покончил с собой. Это означает, что он какое-то время припрятывал таблетки. Такое возможно?

– Да. Но тогда возможно и то, что я посажу «Боинг семьсот сорок семь», если вся команда скончается от пищевого отравления. Правда, вероятность и первого, и второго чертовски мала. Я скажу вам то же самое, что сказала копам и двум особенно назойливым козлам из прокуратуры.

Брейди получал анапрокс в дни, когда занимался лечебной физкультурой. Одну таблетку с едой до занятий, вторую – вечером, если просил, что делал крайне редко. По обезболивающему эффекту анапрокс не сильнее адвила, который можно купить без рецепта. Ему также был прописан тайленол, но только в том случае, если он попросит, а такое случалось считанные разы.

– И как на это отреагировали парни из прокуратуры?

– Сейчас они исходят из того, что он проглотил вагон анапрокса.

– Но вы в это не верите.

– Конечно, не верю. Где он мог спрятать такую прорву таблеток? В своем костлявом задку? Мне пора. Перезвоню, как только найду список посетителей. Если он вообще существует.

– Спасибо, Норма. Примите анапрокс, чтобы избавиться от головной боли.

– Да пошли вы, Билл. – Но она смеется.

15

Когда Джером входит в офис вместе с Холли, у Ходжеса мелькает мысль: Черт возьми, как же ты вырос, малыш!

Джером Робинсон когда-то работал у него – сначала косил траву, потом выполнял мелкие поручения, наконец стал компьютерным ангелом-хранителем – худощавым подростком, который весил сто сорок фунтов при росте пять футов восемь дюймов. Теперь в дверях стоит гигант: рост шесть футов и пара-тройка дюймов, вес сто девяносто фунтов. Он всегда был симпатичным, но теперь красив как кинозвезда, да еще с накачанными мышцами.

Красавчик широко улыбается, пересекает кабинет, обнимает Ходжеса. Крепко прижимает к себе, тут же отпускает, почувствовав, как Ходжес вздрагивает.

– Господи, извините.

– Мне не больно, просто рад тебя видеть. – Взгляд Ходжеса туманится, и он вытирает глаза рукой. – Так приятно тебя видеть.

– Мне тоже. Как вы себя чувствуете?

– Сейчас – хорошо. У меня есть обезболивающие таблетки, но лучшее лекарство – это ты.

Холли стоит в дверях, расстегнув зимнее пальто, сцепив пальцы маленьких рук. Наблюдает за ними с несчастной улыбкой. Ходжес не поверил бы, что такое возможно, но теперь видит своими глазами.

– Подойди, Холли, – говорит он. – Втроем обниматься не будем, обещаю. Ты ввела Джерома в курс дела?

– Он все знает о Барбаре, но я подумала, будет лучше, если остальное расскажешь ты.

Большая теплая рука Джерома касается затылка Ходжеса.

– Холли говорит, что завтра вы ложитесь в больницу для более тщательного обследования и составления плана лечения. Если вы на это не соглашаетесь, мне велено предложить вам заткнуться.

– Только не заткнуться. – Холли строго смотрит на Джерома. – Я никогда не пользуюсь этим словом.

Джером улыбается:

– С губ это слово у тебя не слетит, но легко читается во взгляде.

– Дурак, – говорит она, и улыбка возвращается. «Она счастлива, что мы вместе, – думает Ходжес, – но грустит из-за причины». Он прерывает такую приятную щенячью возню-соперничество вопросом о Барбаре.

– Нормально. Переломы большой и малой берцовых костей, посередине. Такое может случиться на футбольном поле или горнолыжном склоне. Должно срастись без проблем. Нога в гипсе, и Барбара уже жалуется, что кожа под гипсом чешется. Мама отправилась покупать ей скребок.

– Холли, ты показала Барбаре фотографии?

– Да, и она сразу выбрала доктора Бэбино. Без малейших колебаний.

«У меня есть к тебе вопросы, доктор, – думает Ходжес, – и я намерен получить ответы до того, как закончится мой последний день на свободе. И если мне придется взять тебя за жабры, чтобы твои глаза вылезли из орбит, я проделаю это с превеликим удовольствием».

Джером устраивается на краю стола Ходжеса, своим привычным насесте.

– Расскажите мне все с самого начала. Может, я замечу что-то важное.

Рассказывает по большей части Ходжес. Холли отходит к окну и смотрит на Лоуэр-Мальборо-стрит. Руки сложены на груди, ладони обхватывают плечи. Время от времени она что-то добавляет, в основном – слушает.

Когда Ходжес заканчивает, Джером спрашивает:

– Насколько вы уверены насчет мысленного воздействия на предметы? Ходжес задумывается.

– Процентом на восемьдесят. Может, и больше. Это кажется бредом, но слишком много подтверждающих фактов.

– Если он на такое способен, виновата в этом я. – Холли по-прежнему

смотрит в окно. – Это я врезала ему твоим Веселым ударником и что-то изменила в его мозгу. Открыла доступ к тем девяноста процентам серого вещества, которые мы никогда не задействуем.

– Возможно, – соглашается Ходжес, – но если бы ты его не огрела, вы с Джеромом погибли бы.

– Вместе со множеством других людей, – добавляет Джером. – И возможно, удар не имеет к этому никакого отношения. Те препараты, которыми пичкал его Бэбино, могли не только вывести его из комы. Экспериментальные лекарства иной раз обладают неожиданными побочными эффектами, знаешь ли.

– Или причина кроется и в том и в другом, – вставляет Ходжес. Он не может поверить, что они ведут такой разговор, но уходить от него – прямое нарушение первой заповеди детективного ремесла: куда тебя ведут факты, туда ты и идешь.

– Он ненавидел вас, Билл, – говорит Джером. – Вместо того чтобы покончить с собой, как он задумал, вы принялись его искать.

– И ты обратил против него его же оружие, – добавляет Холли, по-прежнему не оборачиваясь и обхватив себя руками. – Использовал «Синий зонт Дебби», чтобы вывести его на чистую воду. Именно он прислал тебе это сообщение два дня назад. Я это знаю. Брейди Хартсфилд, называющий себя Зет-боем. – Теперь она поворачивается. – Это ясно как божий день. Ты остановил его в Минго...

– Нет, я оставался внизу, с инфарктом. Остановила его ты, Холли.

Она яростно трясет головой:

– Он этого не знает, *потому что не видел меня*. Думаешь, я забыла, что случилось тем вечером? Я никогда не забуду. Барбара сидела по другую сторону прохода несколькими рядами выше, и смотрел он на нее – не на меня. Я что-то ему крикнула и ударила, когда он только начал поворачивать голову. Потом ударила снова. Господи, как же *сильно* я его ударила!

Джером уже идет к ней, но она останавливает его взмахом руки. Прямой взгляд обычно не для нее, но сейчас она смотрит на Ходжеса, и ее глаза сверкают.

– Ты вывел его на чистую воду, ты вычислил пароль, и мы сумели проникнуть в его компьютер и узнать, что он замыслил. И он во всем винил тебя. Я это *знаю*. А потом ты приходил к нему в палату, сидел там и говорил с ним.

– Ты думаешь, потому он это сделал, что бы *это* ни было?

– *Нет!* – Она почти кричит. – *Он это сделал, потому, что он – долбанный безумец!* – Пауза, потом Холли извиняется за то, что повысила

голос.

– Не извиняйся, Холлиберри, – говорит Джером. – Твой командный голос приводит меня в восторг.

Она фыркает, строит ему рожицу. Джером смеется и спрашивает Ходжеса о «Заппите» Дайны Скотт.

– Я хочу на него взглянуть.

– Он в кармане моего пальто, – отвечает Ходжес, – но берегись демоверсии «Рыбалки».

Джером роется в карманах пальто Ходжеса, достает и кладет обратно упаковку «Тамс» и всегдашний блокнот детектива, наконец находит зеленый «Заппит» Дайны.

– Святой Боже! Я думал, эти вещицы канули в Лету вместе с видеомагнитофонами и телефонными модемами.

– Можно сказать, канули, – кивает Холли, – и цена не помогла. Я проверяла. Сто восемьдесят долларов, еще в две тысячи двенадцатом году. Смешно.

Джером перебрасывает «Заппит» с руки на руку. Лицо у него мрачное, и он выглядит уставшим. Естественно, думает Ходжес. Еще вчера он строил дома в Аризоне. И примчался домой, потому что его обычно жизнерадостная сестра пыталась покончить с собой.

Может, Джером что-то видит в выражении лица Ходжеса.

– С ногой Барб все будет в порядке. Меня волнует то, что с ее головой. Она говорит о синих вспышках и голосе, который слышала. Голосе из игры.

– Она говорит, что все еще от этого не избавилась, – добавляет Холли. – Та же история, что с навязчивой мелодией. Со временем, возможно, это пройдет, ведь ее игровая приставка сломана, но как насчет других, у кого есть такие же?

– Учитывая, что сайт «Плохой-концерт» закрыт, есть ли способ выяснить, сколько разошлось этих приставок?

Холли и Джером переглядываются, потом синхронно качают головами.

– Вот дерьмо, – говорит Ходжес. – Я хочу сказать, меня это не удивляет, но все же... дерьмо.

– Этот «Заппит» выдавал синие вспышки? – Джером его еще не включил, продолжает перебрасывать с руки на руку, как горячую картофелину.

– Нет, и розовая рыба не превращается в числа. Попробуй сам.

Джером переворачивает гаджет и открывает отделение для батареек.

– Простые аккумуляторы. Никакого волшебства. Демоверсия «Рыбалки» действительно вызвала у вас сонливость?

– Да, – отвечает Ходжес. Но не говорит, что могло сказаться и действие многочисленных таблеток. – Однако сейчас меня больше интересует Бэбино. Он к этому причастен. Я не понимаю, что связывает его с Хартсфилдом, но если он еще жив, ему придется нам об этом рассказать. И в этом замешан еще один мужчина.

– Которого видела домработница, – вставляет Холли. – Который ездит на старом автомобиле с пятнами грунтовок. Хочешь знать, что я думаю?

– Еще бы.

– Один из них, доктор Бэбино или мужчина со старым автомобилем, побывал у той медсестры, Рут Скапелли. Хартсфилд наверняка затаил на нее зло.

– Как он мог кого-то послать? – спрашивает Джером, со щелчком возвращая на место крышку отсека для батареек. – Контроль разума? Исходя из ваших слов, Билл, все, что он мог делать, обладая телекинезом, так это включать воду в ванной и заставлять дребезжать жалюзи, но мне сложно поверить даже в это. Возможно, это всего лишь разговоры. Больничная легенда.

– Все дело в играх, – размышляет вслух Ходжес. – Он что-то с ними сделал. Как-то усилил их воздействие.

– Из своей палаты? – Джером бросает на него взгляд, говорящий: давай без глупостей.

– Я знаю, вроде бы логики здесь нет, даже если добавить телекинез. Но это игры. Иному *не бывать*.

– Бэбино должен знать, – откликается Холли.

– Да она поэтесса, – задумчиво говорит Джером. Он все еще перекидывает игровую приставку с руки на руку. Ходжес понимает, что Джером с трудом подавляет желание швырнуть «Заппит» на пол и потоптаться по нему. Это желание объяснимо. В конце концов, такая же штуковина едва не убила его сестру.

Нет, думает Ходжес, не совсем такая. Демоверсия «Рыбалки» на «Заппите» Дайны лишь обладает легким гипнотическим эффектом, но это все. И возможно...

Он резко выпрямляется, что вызывает боль в боку.

– Холли, ты искала в Сети информацию по «Рыбалке»?

– Нет. Даже не думала.

– Почему бы не поискать сейчас? Я хочу знать...

– Нет ли разговоров насчет демоверсии. Мне следовало додуматься самой. Сейчас сделаю. – И она спешит в приемную.

– Не понимаю я одного, – продолжает рассуждать вслух Ходжес. –

Почему Брейди покончил с собой, не увидев, что из всего этого вышло?

– Вы хотите сказать, не увидев, как много девочек-подростков сведут счеты с жизнью? – уточняет Джером. – Девочек, оказавшихся на том гребаном концерте. Мы ведь говорим об этом, правильно?

– Да, – кивает Ходжес. – Слишком много белых пятен, Джером. Чертовски много. Я даже не знаю, как он покончил с собой. Если действительно покончил.

Джером прижимает руки к вискам, словно не давая голове раздуться.

– Пожалуйста, только не говорите мне, что он, по-вашему, жив.

– Нет, он мертв, это точно. Пит бы не допустил такой ошибки. Я говорю, что его могли убить. Исходя из того, что мне известно, Бэбино – главный подозреваемый.

– Срань господня! – кричит Холли в приемной.

Ходжес и Джером смотрят друг на друга, когда доносится ее крик, и оба с огромным трудом подавляют смех.

– Что? – спрашивает Ходжес. Это все, что он способен выдавить из себя, не расхохотавшись, а безудержный смех вызовет боль в боку, не говоря о том, что обидит Холли.

– Я нашла сайт, который называется «Гипноз “Рыбалки”». Главная страница предупреждает родителей не позволять детям слишком долго смотреть демоверсию игры. Это заметили еще на игровых автоматах в две тысячи пятом году! В «Геймбое» этот недостаток устранили, а «Заппит»... минуточку... Они сказали, что тоже устранили, но на самом деле нет! Здесь об этом длиннющий тред!

Ходжес смотрит на Джерома.

– Долгий онлайн-разговор, – поясняет тот.

– Мальчишка в Де-Мойне потерял сознание, ударился головой о край стола и проломил череп. – Ее голос звучит почти весело. Щеки ее покраснелись, она вскакивает и спешит к ним. – Были судебные иски! Готова спорить, это одна из причин, по которым компания «Заппит» ушла с рынка! Возможно, даже одна из причин, по которым «Санрайз солюшнс»...

На ее столе в приемной звонит телефон.

– Ох, черт. – И она спешит обратно.

– Скажи, что сегодня мы не работаем, – кричит вслед Ходжес.

Но поздоровавшись и сказав: «Вы позвонили в агентство “Найдем и сохраним”», – Холли замолкает. Потом поворачивается с трубкой в руке.

– Это Пит Хантли. Он должен поговорить с тобой немедленно, и голос у него... такой странный. Словно он опечален, или взбешен... или с ним что-то еще.

Ходжес идет в приемную, чтобы выяснить, что опечалило, или взбесило, или вызвало какие-то иные эмоции у Пита.

За его спиной Джером наконец включает «Заппит» Дайны Скотт.

В компьютерной комнате Фредди Линклэттер (сама Фредди приняла четыре таблетки экседрина и ушла спать) надпись «44 ОБНАРУЖЕНО» сменяется на «45 ОБНАРУЖЕНО». На ретрансляторе начинает мигать надпись «ЗАГРУЗКА».

Ее сменяет еще одна мигающая надпись: «ОПЕРАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА».

16

Пит не здоровается. Говорит:

– Возьмись за это, Керм. Возьмись и трясись, пока не вывалится правда. Сучка в доме с парой декрашей, а я где-то на задворках. Думаю, в сарае для садового инвентаря, и здесь чертовски холодно.

Поначалу Ходжес слишком изумлен, чтобы ответить, и не потому, что пара декрашей – так городские копы называют детективов Департамента криминальных расследований штата – находится на том же месте преступления, что и Пит. Он изумлен (чего там, просто потрясен), поскольку за все время их общения Пит только раз использовал слово «сучка» в отношении конкретной женщины. Так он назвал свою тещу. Она долго убеждала дочь уйти от Пита, а когда та наконец это сделала, приютила ее и детей у себя. В сложившейся ситуации он мог назвать сучкой лишь свою напарницу, мисс Красотку Сероглазку.

– Кермит? Ты слушаешь?

– Да, – отвечает Ходжес. – А ты где?

– В Шугар-Хайтс. В доме доктора Феликса Бэбино на живописной Лайлак-драйв. Черт, в его гребаном владении. Не сомневаюсь, ты знаешь, кто такой Бэбино. Никто не приглядывал за Брейди Хартсфилдом более внимательно, чем ты. Какое-то время он был твоим гребаным хобби.

– О ком ты говоришь, я знаю. О чем говоришь – нет.

– Вся эта история – бомба, которая вот-вот взорвется, напарник, и когда это произойдет, Иззи не захочет попасть под град осколков. Она честолубивая, через десять лет желает стать начальником отдела расследований, через пятнадцать – шефом полиции. Я ее понимаю, но это не означает, что мне это нравится. Без моего ведома она позвонила чифу Хоргану, и Хорган вызвал декрашей. Если сейчас это еще не их

расследование, то станет к полудню. Преступника взяли, но что-то не так. Я это знаю, и Иззи знает. Но ей плевать с высокой колокольни.

– Тебе надо придержать лошадей, Пит. Расскажи, что происходит.

Рядом с ним Холли в тревоге переминается с ноги на ногу. Ходжес пожимает плечами и поднимает руку: подожди.

– Домработница приезжает сюда в половине восьмого, так? Зовут ее Нора Эверли. И, миновав подъездную дорожку, она видит «БМВ» Бэбино на лужайке, с дыркой от пули в ветровом стекле. Заглядывает внутрь, видит кровь на руле и водительском сиденье, набирает девять-один-один. Патрульная машина в пяти минутах езды – в Шугар-Хайтс одна *всегда* в пяти минутах езды, – и когда она прибывает, Эверли сидит в своем автомобиле, заблокировав двери, и дрожит как осиновый лист. Копы велят ей оставаться на месте, а сами идут к двери. Она не заперта. Миссис Бэбино – Кора – лежит в прихожей мертвая, и я уверен, что пуля, которую патологоанатом вытащит из ее тела, выпущена из того же оружия, что и пуля, которую эксперты найдут в «бумере». На ее лбу – ты к этому готов? – черным фломастером написана буква «зет». На первом этаже этих букв много, в том числе и на экране телевизора. Ту же букву мы видели в доме Эллертон, и я думаю, именно эти буквы подвели мою напарницу к мысли, что у нее нет желания участвовать в этом расследовании.

– Да, вероятно, – вставляет Ходжес, но лишь для того, чтобы Пит продолжал говорить. Хватает блокнот, который лежит рядом с ноутбуком Холли, и пишет большими печатными буквами, словно газетный заголовок: «ЖЕНА БЭБИНО УБИТА». Рука Холли взлетает к губам.

– Пока один коп звонит в участок, второй слышит доносящийся сверху храп. «Словно цепная пила на холостом ходу», – сказал он. Они поднимаются по лестнице, с пистолетами на изготовку, и в одной из трех спален для гостей – я сосчитал, их тут *три*, дом просто огромный – находят старого пердуна, который крепко спит. Будят его, и он говорит, что его зовут Элвин Брукс.

– Библиотечный Эл! – восклицает Ходжес. – Из больницы! Самый первый «Заппит» показал мне он.

– Да, он самый. В кармане его рубашки лежал бейдж больницы Кайнера. И без всякого принуждения он говорит, что убил миссис Бэбино. Заявляет, что сделал это под гипнозом. Они надевают на него наручники, ведут вниз, сажают на диван. Там мы с Иззи его и находим, приехав где-то через полчаса. Я не знаю, что с этим парнем, был у него нервный срыв или что-то в этом роде, но рехнулся он полностью и окончательно. Ведет себя странно, несет дикую ахинею.

Ходжес вспоминает фразу, услышанную от Эла в один из последних визитов в палату Брейди – после длинных выходных на День труда в 2014 году:

– Не бывает лучше того, чего не видишь.

– Да. – В голосе Пита звучит удивление. – Что-то такое. И когда Иззи спросила, кто его загипнотизировал, он ответил, что рыбы. Из прекрасного моря.

Вот это Ходжесу как раз понятно.

– Отвечая на другие вопросы – их задавал я, поскольку Иззи ушла на кухню, очевидно, чтобы без моего ведома отделаться от этого расследования, – он среди прочего сказал, что доктор Зет велел ему это сделать. Цитирую: «Оставить свой знак». Десять раз, сказал он, и точно, мы нашли десять букв «зет», включая одну на лбу убитой. Я спросил: доктор Зет – это доктор Бэбино? Так он ответил, что нет, доктор Зет – Брейди Хартсфилд. Полный бред, сам видишь.

– Да, – говорит Ходжес.

– Я спросил, убил ли он и доктора Бэбино. Он замотал головой и ответил, что хочет спать. Тут из кухни появляется Иззи, чтобы сказать: чиф Хорган вызвал декрашей, потому что доктор Бэбино – известный в штате человек и расследование получит широкую огласку, а кроме того, двое как раз в городе, ожидают вызова в суд для дачи показаний, то есть все складывается как нельзя лучше. Она не встречается со мной взглядом, вся красная, а когда я начинаю показывать ей все эти буквы, спрашивая, не кажутся ли они знакомыми, не желает об этом говорить.

Таким раздраженным и злым бывший напарник Ходжеса не был никогда.

– Тут звонит мой мобильник и... помнишь, утром я сказал тебе, что вызванный в палату Хартсфилда врач взял мазок из его рта? До того как в больницу приехал представитель медэксперта?

– Да.

– Так звонил этот врач. Его фамилия Саймонсон. Заключение от медэксперта придет самое раннее дня через два, но Саймонсон все сделал сразу. Хартсфилд наглотался викадина с амбиеном. Эти препараты ему не прописывались, и едва ли он мог доковылять до аптечного склада клиники и позаимствовать там эти таблетки, правда?

Ходжес, уже зная, какие болеутоляющие получал Хартсфилд, признает, что такое маловероятно.

– Сейчас Иззи в доме, вероятно, наблюдает за происходящим со стороны и держит рот на замке, пока декраши допрашивают этого Брукса,

который, клянусь Богом, без наводящих вопросов не вспомнит и своего имени. Он предпочитает называть себя Зет-боем. Прямо персонаж из комикса «Марвел».

Сжав ручку в свободной руке так крепко, что она едва не переламывается надвое, Ходжес пишет в блокноте такими же большими печатными буквами: «БИБЛИОТЕЧНЫЙ ЭЛ ПРИСЛАЛ МНЕ СООБЩЕНИЕ С САЙТА “ПОД СИНИМ ЗОНТОМ ДЕББИ”».

Холли смотрит на него широко раскрытыми глазами.

– Перед самым прибытием декрашей, а прискакали они очень быстро, я спросил Брукса, убил ли он и Брейди Хартсфилда. Но Иззи заявила ему: «Не отвечайте на этот вопрос!»

– Так и сказала? – восклицает Ходжес. Проблем столько, что ему не до резко ухудшающихся отношений Пита с напарницей, но он все равно изумлен. Все-таки Иззи – полицейский детектив, а не адвокат Библиотечного Эла.

– Ты меня слышал. Потом смотрит на меня и добавляет: «Ты не зачитал ему его права». Так я поворачиваюсь к патрульным и спрашиваю: «Вы просветили этого господина по части правила Миранды?» Разумеется, те отвечают, что да. Я смотрю на Иззи, она краснее, чем прежде, но взгляда не отводит. И говорит: «Если мы напортачим, тебе это будет без разницы, через пару недель ты окажешься на пенсии, а мне аукнется, и сильно».

– И тут подъехали эти декраши...

– Да, и теперь я в сарае для садового инвентаря или для чего-то еще, что принадлежало покойной миссис Бэбино. Боюсь, отморожу зад. Самый богатый район города, Керм, а в сарае холоднее, чем в жопе у землекопа. Готов спорить, Иззи знает, что я тебе звоню. Плачусь в жилетку моему старому доброму дядюшке Кермиту.

Пит, вероятно, прав. Но если мисс Красотка Сероглазка действительно намерена взбираться по карьерной лестнице, для этого деяния Пита у нее припасено другое слово: стучит.

– Этот Брукс совсем выжил из ума – он станет отличным козлом отпущения, когда история просочится в прессу. Знаешь, как они собираются это расписать?

Ходжес знает, но предоставляет Питу возможность высказаться.

– Брукс вбил себе в голову, что он – борец за справедливость по имени Зет-бой. Приехал сюда, убил миссис Бэбино, когда та открыла дверь, потом убил доктора Бэбино, когда тот, пытаясь бежать, уже сел за руль своего «бумера». Далее Брукс поехал в больницу и скормил Хартсфилду пригоршню таблеток из личных запасов четы Бэбино. В этом я не

сомневаюсь – в их аптечном шкафчике чего только нет. И конечно же, он мог без труда пройти в Клинику травматических повреждений головного мозга, поскольку у него есть пропуск и он работает там последние шесть или семь лет. Но зачем? И что он сделал с телом Бэбино? Потому что в доме его нет.

– Хороший вопрос.

– Потом скажут, – продолжает Пит, – что Брукс загрузил тело в собственный автомобиль и куда-то сбросил, в какой-нибудь овраг или канализационный колодец, возможно, когда возвращался из больницы после того, как скормил таблетки Хартсфилду. Но почему он оставил в прихожей тело женщины? И с какой стати вообще вернулся?

– Они скажут...

– Да, что он безумен! Конечно, скажут! Идеальный ответ на все, что не укладывается в рамки здравого смысла! А если зайдет речь об Эллертон и Стоувер, хотя скорее всего не зайдет, они скажут, что он убил и их.

Если декраши это сделают, думает Ходжес, Нэнси Олдерсон подтвердит эту версию, по крайней мере, в какой-то степени. Потому что за домом на Хиллтоп-Корт следил Библиотечный Эл. В этом сомнений нет.

– Все повесят на Брукса, устроят пресс-конференцию и предстанут в самом лучшем свете. Но это же чушь собачья, Керм. По-другому и быть не может. Если ты что-то знаешь, если у тебя есть хотя бы одна ниточка, потяни за нее. Обещай мне, что потянешь.

Ниточек больше, чем одна, думает Ходжес, но ключ ко всему – Бэбино, а он исчез.

– Пит, крови в машине было много?

– Нет, но эксперты уже подтвердили, что кровь той же группы, что и у Бэбино. Этого, конечно недостаточно, но... Черт! Я должен идти. Иззи и один из декрашей вышли на заднее крыльцо. Ищут меня.

– Ладно.

– Позвони мне. И если тебе понадобится что-то, в чем я смогу помочь, дай знать.

– Обязательно.

Ходжес кладет трубку, поворачивается, чтобы ввести Холли в курс дела, но ее рядом нет.

– Билл, – тихо зовет она. – Иди сюда.

В недоумении он направляется к двери в кабинет, где останавливается как вкопанный. Джером сидит за его столом на вращающемся кресле, раскинув ноги, и смотрит в «Заппит» Дайны Скотт. Глаза широко раскрыты, но пусты. Челюсть отвисла. На нижней губе блестят капельки

слюны. Из крошечного динамика гаджета льется позвякивающая мелодия, но не та, что ночью. В этом Ходжес уверен.

– Джером! – Он делает шаг вперед, но Холли останавливает его, схватив за ремень. Хватка у нее на удивление крепкая.

– Нет, – говорит она так же тихо. – Нельзя его тормозить, когда он в таком состоянии.

– Что же делать?

– Когда мне было чуть больше тридцати, я год ходила к гипнотерапевту. У меня были проблемы с... Не важно, какие у меня были проблемы. Дай-ка я.

– Ты уверена, что получится?

Холли, побледнев, смотрит на него, в глазах страх.

– Нет, но мы не можем оставить его в таком состоянии. После того, что случилось с Барбарой.

«Заппит» в расслабленных руках Джерома полыхает ярко-синим. Джером не реагирует, не моргает, лишь продолжает смотреть на экран под брэнчание гаджета.

Холли приближается на шаг, второй.

– Джером!

Нет ответа.

– Джером, ты слышишь меня?

– Да, – отвечает Джером, не отрывая глаз от экрана.

– Джером, где ты?

– На своих похоронах, – отвечает Джером. – Здесь все. И это прекрасно.

Самоубийства увлекли Брейди в двенадцать лет, когда он читал «Ворона», документальную книгу о массовом самоубийстве в гайанском Джонстауне. Там более девятисот человек – треть из них дети – умерли, выпив фруктового сока, щедро сдобренного цианидом. И особенно заинтересовала Брейди – помимо вызывающего восторг огромного числа жертв – подготовка финальной оргии. Задолго до того дня, когда яд выпивали целыми семьями и медсестры (*настоящие медсестры!*) использовали шприцы, чтобы впрыскивать смерть в глотки вопящих младенцев, Джим Джонс готовил своих последователей к смерти яростными проповедями и репетициями самоубийств, которые он называл

Белыми ночами. Сначала он наполнял разум этих людей страхом, потом гипнотизировал их пленительностью смерти.

В старших классах Брейди получил единственную пятерку за эссе по курсу социологии, который назывался «Американский образ жизни». Эссе называлось «Американские дороги к смерти: краткое исследование самоубийств в Соединенных Штатах». Брейди цитировал статистику за 1999 год, последний, по которому были данные. В тот год более сорока тысяч американцев покончили с собой, большинство – с помощью оружия (этот способ считался самым надежным), однако им в затылок дышали самоубийцы, отдавшие предпочтение таблеткам. Американцы также вешались, топились, резали вены, совали голову в газовую духовку, поджигали себя, направляли автомобиль в опору моста или каменную стену. Один, очень изобретательный (Брейди не стал упоминать его в эссе, уже тогда он старался не демонстрировать свои странности), сунул себе в анус оголенный провод под напряжением двести двадцать вольт и умер от удара током. В том году самоубийства заняли десятое место в статистике смертей, но если добавить к ним хотя бы часть тех, которые проходили по категориям «Несчастный случай» и «От естественных причин», то самоубийство встало бы следом за смертью от болезней сердца, рака и гибелью в автомобильных авариях. Скорее всего отставало бы от первой тройки, но не намного.

Брейди процитировал Альбера Камю, который сказал: «Есть только одна действительно серьезная философская проблема, и это самоубийство».

Он также процитировал знаменитого психоаналитика Реймонда Каца^[41], который прямо заявил: «Каждый человек рождается с геном самоубийства». А вот вторую часть высказывания Каца Брейди опустил, полагая, что она сильно понижает тонус первой: «В большинстве из нас он остается пассивным».

За десять лет, прошедших между окончанием школы и происшествием в аудитории Минго, когда Брейди вышибли мозги, его интерес к самоубийствам, включая собственное – его он всегда представлял себе событием, память о котором сохранится в веках, – не пропал.

И это семечко теперь, вопреки всему, дало пышные всходы.

Он собирался стать Джимом Джонсом двадцать первого столетия.

В сорока милях к северу от города терпение у Брейди кончается. Он сворачивает на площадку отдыха у автострады номер 47, глушит двигатель «малибу» Зет-боя и включает ноутбук Бэбино. Вай-фая, как на некоторых площадках отдыха, здесь нет, но заботами компании «Веризон» в четырех милях установлена вышка сотовой связи, она торчит на фоне сгущающихся туч. Благодаря «Макбуку» Бэбино Брейди может отправиться куда угодно, не покидая практически пустую площадку отдыха. Он думает (и не в первый раз), что зачатки телекинеза – ничто в сравнении с мощностью Сети. Он уверен, что тысячи самоубийц вынашивают мысль об уходе из жизни, подпитываясь бульоном социальных сетей, где тролли обладают полной свободой и насилие не прекращается ни на мгновение. Вот уж где сознание правит бытием.

Брейди не может печатать так быстро, как ему хочется – влажный воздух, который несет с собой надвигающаяся снежная буря, усугубил артрит пальцев Бэбино, – но в конце концов ноутбук соединяется с мощным оборудованием в компьютерной комнате Фредди Линклэттер. Долго поддерживать эту связь Брейди не собирается. Он открывает скрытый файл, который разместил в ноутбуке в одно из предыдущих посещений головы Бэбино.

ОТКРЫТЬ ССЫЛКУ НА САЙТ КОНЕЦ БУКВЫ «ЗЕТ»?

ДА

НЕТ

Брейди подводит курсор к «ДА», нажимает клавишу «ВВОД», ждет. Индикатор загрузки вертится, и вертится, и вертится. И в тот момент, когда Брейди задается вопросом, а вдруг что-то пошло не так, ноутбук выдает сообщение, которое он ждет:

САЙТ КОНЕЦ БУКВЫ «ЗЕТ» АКТИВИРОВАН

Это хорошо, но сайт «Конец буквы “зет”» – лишь глазурь на торте. Ему удалось распространить ограниченное количество «Заппитов» (причем значительная часть полученной партии не работала вовсе), однако подростки – существа стадные, а потому связаны интеллектуально и эмоционально. По этой самой причине рыбы сбиваются в косяки, а пчелы образуют рои. По этой самой причине ласточки каждый год прилетают в Сан-Хуан-Капистрано. Если говорить о людях, по этой причине «волна» бежит по трибунам футбольных и бейсбольных стадионов, и индивидуумы

растворяются в толпе лишь потому, что она есть.

Мальчики-подростки склонны носить одинаковые мешковатые шорты и отращивать щетину на щеках, чтобы не выделяться среди себе подобных. Девочки-подростки одинаково одеваются и сходят с ума по одним и тем же музыкальным группам. Сегодня это «Мы – твои братаны». Не так давно были «Здесь и сейчас» и «Одно направление». Еще раньше – «Новые парни из нашего квартала». Повальные увлечения распространяются в подростковой среде, как эпидемия свинки, и иной раз такое увлечение – самоубийства. В Южном Уэльсе десятки подростков повесились между 2007-м и 2009 годами, оставляя послания в социальных сетях, которые только подстегивали это безумие. Даже их предсмертные записки были на сетевом сленге: «Me2» или «CU L8er»^[42].

Лесные пожары, уничтожающие миллионы акров, иной раз начинаются от одной спички, брошенной в сухую траву. «Заппиты», которые распространил Брейди через своих человеческих дронов, – это сотни спичек. Не все они зажгутся, а некоторые из загоревшихся погаснут. Брейди это знает, но у него есть сайт «Конец буквы “зет”», который служит как опора и катализатор. Получится ли? Полной уверенности у Брейди нет, но времени слишком мало, чтобы проверять.

А если сработает?

Тогда самоубийства захлестнут штат, а может, и весь Средний Запад. Сотни, даже тысячи добровольных уходов из жизни. И как это тебе понравится, бывший детектив Ходжес? Поднимет тебе настроение, путающийся под ногами старый козел?

Брейди переключается с ноутбука Бэбино на игровую приставку Зет-боя. Конечно, воспользоваться он должен именно ею. Брейди называет ее «Заппит-зеро», потому что увидел самой первой, в тот день, когда Эл Брукс принес гаджет в палату, думая, что Брейди он понравится. И понравился. Очень даже.

Дополнительная программа – с рыбой-числом и подсознательными посланиями – на эту игровую приставку не устанавливалась, потому что Брейди и не требовалась. Эти штучки предназначены непосредственно для жертв. Он наблюдает, как рыбы плавают туда-сюда, использует их, чтобы сосредоточиться, потом закрывает глаза. Поначалу видит только темноту, но через несколько мгновений появляются красные огоньки: теперь их больше пятидесяти. Они напоминают точки на компьютерной карте, только не остаются на одном месте. Плавают вперед-назад, вправо-влево, вверх-вниз, иной раз их траектории пересекаются. Брейди наобум выбирает один красный огонек, его глазные яблоки двигаются под опущенными веками,

следа за ним. Огонек притормаживает, притормаживает, притормаживает. Замирает и начинает расти. Раскрывается, как цветок.

Он в спальне. Там девушка-подросток, она не отрывает глаз от рыб, которые плавают на экране ее «Заппита», полученного бесплатно с сайта «Плохой-концерт». Она в кровати, в школу не пошла. Может, сказала больная.

– Как тебя зовут? – спрашивает Брейди.

Иногда они просто слышат голос, идущий из игровой приставки, но самые восприимчивые в прямом смысле видят его, как аватар в видеоигре. Девушка – из последних, так что начало многообещающее. Но они всегда реагируют лучше, если называешь их по имени. Отсюда и его вопрос. Она без всякого удивления смотрит на молодого мужчину, который сидит на ее кровати. Лицо у нее бледное. Глаза остекленели.

– Я Эллен, – отвечает девушка. – Я ищу счастливые числа.

Разумеется, ищешь, думает Брейди. Она в сорока милях к югу от него, но как только демоверсия устанавливает связь, расстояние утрачивает значение. Он может контролировать девушку, превратить в своего дрона, но делать этого не хочет, как не хотел темной ночью проникнуть в дом миссис Трелони и перерезать ей горло. Убийство – не контроль над чужим разумом. Убийство – это убийство.

Самоубийство – это контроль.

– Ты счастлива, Эллен?

– Раньше была, – отвечает она. – И буду снова, если найду счастливое число.

Брейди одаривает ее улыбкой, грустной и обаятельной.

– Да, но числа – что жизнь, – говорит он. – Ничего не складывается, Эллен. Верно?

– Ну... да.

– Скажи мне, Эллен... что тебя тревожит? – Он может выяснить это сам, но будет лучше, если скажет она. Он знает, что-то есть, ведь все о чем-то тревожатся, а подростки – больше других.

– Сейчас? АОТ.

«Ага, – думает Брейди, – печально знаменитый Академический оценочный тест, которым учебный департамент отделяет агнцев от козлищ».

– Я так плохо знаю математику, – признается Эллен. – Я его провалю.

– С числами не дружишь. – Он сочувственно кивает.

– Если не наберу хотя бы шестьсот пятьдесят баллов, меня не примут в хороший колледж.

– А тебе сильно повезет, если ты наберешь четыреста. Ведь так, Эллен?

Слезы наполняют глаза и катятся по щекам.

– А потом от расстройства ты завалишь и английский. – Брейди заставляет ее откровенничать, и это самое интересное. Словно вспарываешь брюхо животному, оглушенному, но еще живому, и копаешься во внутренностях. – Потому что начнешь тупить.

– Наверное, я начну тупить, – соглашается Эллен. Она уже рыдает. Брейди проверяет ее краткосрочную память и выясняет, что родители на работе, а младший брат в школе. Так что пусть сучка ревет. Никто ее не услышит.

– Наверное? Обязательно, Эллен. Потому что с таким напряжением тебе не справиться.

Она рыдает.

– Скажи это, Эллен.

– Мне не справиться с таким напряжением. Я не получу нужных баллов, а если не попаду в хороший колледж, папа будет разочарован, а мама взбесится.

– А если ты вообще не попадешь в колледж? Если твой удел – убирать в домах других людей или складывать одежду в прачечной?

– Моя мать возненавидит меня!

– Она *уже* тебя ненавидит, так, Эллен?

– Я... я так не думаю.

– Да, ненавидит, она ненавидит тебя. Скажи это, Эллен. «Моя мать ненавидит меня».

– Моя мать ненавидит меня. Господи, я так боюсь, и моя жизнь так ужасна!

Это великий дар – комбинация вызванного «Заппитом» гипноза и уникальная способность Брейди проникать в разум загипнотизированного. Обычные страхи, с которыми подростки спокойно живут, потому что они таятся в глубинах сознания, могут превращаться в ревущих монстров. Маленькие шарики паранойи раздуваются и раздуваются, пока не становятся такими же огромными, как шары на параде перед универмагом «Мейсис» в День благодарения.

– У тебя есть возможность перестать бояться, – говорит Брейди. – И заставить мать очень и очень пожалеть о таком отношении к тебе.

Эллен улыбается сквозь слезы.

– Ты можешь оставить все в прошлом.

– Я могу. Я могу оставить все в прошлом.

- Ты можешь обрести покой.
- Покой, – повторяет она и вздыхает.

Как это прекрасно. С матерью Мартины Стоувер ему понадобились недели – она постоянно переключалась с демоверсии на чертов пасьянс, – с Барбарой Робинсон – дни. А с Рут Скапелли и этой прыщавой плаксой в ее розовой девчачьей спальне? Минуты. «Но с другой стороны, – думает Брейди, – я всегда быстро оттачивал новые навыки».

– Где твой мобильник, Эллен?

– Здесь. – Она сует руку под декоративную диванную подушку. Конечно, мобильник тоже розовый.

– Тебе нужно оставить сообщение в «Фейсбуке» и «Твиттере». Чтобы все твои друзья его прочитали.

– И что я должна написать?

– «Я сейчас успокоилась. И вы тоже можете. Идите на сайт “Конец буквы «зет» точка ком”».

Она набирает текст, но раздражающе медленно. В таком состоянии они все делают так, будто находятся под водой. Брейди напоминает себе, что все идет хорошо, и пытается сдержать нетерпение. Когда она заканчивает и отправляет сообщения – новые спички полетели в сухую траву, – он предлагает ей пойти к окну.

– Думаю, тебе надо вдохнуть свежего воздуха. Чтобы очистить мозги.

– Свежий воздух пойдет мне на пользу. – Она отбрасывает стеганое одеяло и перекидывает через край кровати босые ноги.

– Не забудь «Заппит», – напоминает Брейди.

Она берет гаджет и идет к окну.

– Прежде чем откроешь, перейди на рабочий стол, где иконки. Можешь это сделать, Эллен?

– Да... – Долгая пауза. Это сука медлительнее холодной мелассы. – Да. Я вижу иконки.

– Отлично. Перейди к игре «Сотри слова». Это иконка с грифельной доской и ластиком.

– Да, я вижу ее.

– Стукни по ней дважды, Эллен.

Она это делает, и «Заппит» выдает подтверждающую синюю вспышку. Если кто-то попытается вновь включить эту игровую приставку, она выдаст еще одну синюю вспышку и «сдохнет».

– Теперь открывай окно.

Холодный воздух врывается в спальню, отбрасывает волосы Эллен назад. Девчонка ежится, словно на грани пробуждения, и на мгновение

Брейди чувствует, что она уходит от него. На расстоянии контроль сохранять трудно, даже если они под гипнозом, но он уверен, что отшлифует технику. Путь к совершенству лежит через тренировку.

– Прыгай, – шепчет Брейди. – Прыгай, и тебе не придется сдавать АОТ. Твоя мать больше не будет тебя ненавидеть. Она пожалеет о своей ненависти. Прыгай, и выскочат все счастливые числа. Ты получишь лучший приз. Этот приз – сон.

– Этот приз – сон, – соглашается Эллен.

– Сделай это, – шепчет Брейди, с закрытыми глазами сидя за рулем старого автомобиля Эла Брукса.

В сорока милях к югу Эллен выпрыгивает из окна своей спальни. Полет недолгий, у дома высокий сугроб. Намело его давно, он покрыт жесткой коркой, но все равно в значительной степени смягчает удар, и вместо того чтобы умереть, Эллен лишь ломает ключицу и три ребра. Она начинает кричать от боли, и Брейди вылетает из ее разума, словно катапультирующийся пилот – из кабины «F-111».

– Дерьмо! – кричит Брейди и стучит кулаками по рулю. Пораженные артритом пальцы Бэбино отзываются болью, что еще сильнее злит его. – Дерьмо-дерьмо-дерьмо!

19

В одном из самых красивых и богатых районов города, Брэнсон-Парке, Эллен с трудом поднимается на ноги. Она помнит, как сказала матери, что заболела и не пойдет в школу – ложь, конечно, просто ей хотелось поймать розовую рыбку и получить приз в затягивающей демоверсии игры «Рыбалка», – но ничего больше. «Заппит» лежит рядом с треснувшим экраном. Эллен он больше не интересует. Она оставляет его на снегу и босиком, нетвердым шагом направляется к входной двери. Каждый вдох вызывает боль в боку.

«Но я жива, – думает она. – Во всяком случае, я жива. О чем я думала? О чем, во имя Господа, я думала?»

Голос Брейди все еще с ней: склизкий привкус гадкой твари, которую она проглотила живьем.

20

– Джером! – зовет Холли. – Ты меня слышишь?

– Да.

– Я хочу, чтобы ты выключил «Заппит» и положил на стол Билла. – И в силу присущей ей педантичности добавляет: – Экраном вниз.

Морщина прорезает широкий лоб Джерома.

– Это обязательно?

– Да. Немедленно. И больше не смотри на эту хреновину.

Прежде чем Джером выполняет команду, Ходжес успевает бросить взгляд на плавающих рыб, и ярко-синяя вспышка бьет по глазам. На мгновение он ощущает дурноту и головокружение – возможно, причина в обезболивающих таблетках, возможно, нет. Потом Джером нажимает кнопку над экраном, и рыбы исчезают.

Ходжес ощущает не облегчение – разочарование. Может, это безумие, а может, с учетом выставленного ему диагноза, и нет. Иной раз он видел, как гипноз использовался, чтобы помочь свидетелям более четко вспомнить случившееся, но только теперь в полной мере осознал, какая это сила. Мелькнула мысль, вероятно, кощунственная в сложившейся ситуации, что заппитовские рыбы – более эффективное лекарство от боли, чем прописанные доктором Стамосом таблетки.

– Я собираюсь сосчитать от десяти до одного, Джером, – говорит Холли. – С каждым услышанным числом ты будешь все больше просыпаться. Это понятно?

Несколько секунд Джером молчит. Сидит спокойно, умиротворенно, путешествуя в какой-то другой реальности и, возможно, пытаясь решить, а не остаться ли там навсегда. Холли, напротив, вибрирует, словно камертон, и Ходжес чувствует, как его ногти впиваются в ладони, когда он сжимает кулаки.

– Хорошо, пожалуй, – отвечает наконец Джером. – Раз это ты, Холлиберри.

– Тогда начинаем. Десять... девять... восемь... ты возвращаешься... семь... шесть... пять... просыпаешься...

Джером поднимает голову. Смотрит на Ходжеса, но тот не уверен, что Джером его видит.

– Четыре... три... два... один... проснулся! – Холли громко хлопает в ладоши.

Джером резко дергается. Одна рука задевает «Заппит» Дайны, и гаджет летит на пол. Джером смотрит на Холли. На его лице читается полнейшее изумление. При других обстоятельствах это выглядело бы смешно.

– Что случилось? Я заснул?

Холли плюхается на стул, обычно предназначенный для посетителей. Глубоко вдыхает, вытирает щеки, мокрые от пота.

– В каком-то смысле, – отвечает Ходжес. – Игра тебя ввела в транс. Как и твою сестру.

– Вы уверены? – спрашивает Джером, потом смотрит на часы. – Похоже, вы правы. Пятнадцати минут как не бывало.

– Ближе к двадцати. Что ты помнишь?

– Я стучал пальцем по розовым рыбам и превращал их в числа. Это на удивление трудно. Требовалось внимательно за ними наблюдать, полностью концентрироваться, а синие вспышки не способствовали удачной рыбалке.

Ходжес поднимает «Заппит» с пола.

– Я бы его не включала, – предупреждает Холли.

– Я и не собираюсь. Но вчера я его включал, и могу тебе сказать, никаких синих вспышек не было, а ловить розовых рыб я мог до второго пришествия, но в числа они не превращались. Опять же мелодия теперь другая. Чуть-чуть, но другая.

Холли поет, очень мелодично:

– «У моря, у моря, прекрасного моря, со мною, со мною, ты рядом со мною». Мама пела мне ее в детстве.

Джером слишком пристально всматривается в нее, и Холли, покраснев, отворачивается.

– Что? Что такое?

– Слова, – отвечает Джером. – Слова были другие.

Ходжес вообще слов не слышал – только мелодию, но не говорит этого. Холли спрашивает Джерома, помнит ли он их.

Он поет не так хорошо, как она, но идея понятна.

– Сон, сон, прекрасен этот сон... – Он замолкает. – Это все, что я помню. Если, конечно, не выдумываю.

– Теперь мы знаем наверняка, – говорит Холли. – Кто-то модифицировал демоверсию «Рыбалки».

– Зарядил ее, – добавляет Джером.

– И что это должно означать? – спрашивает Ходжес.

Джером кивает Холли, и та объясняет:

– Кто-то вставил скрытую программу в демоверсию, которая и так обладала легким гипнотическим эффектом. Программа «спала», когда Дайна получила «Заппит» и когда ты вчера включал гаджет, Билл. Считай, тебе повезло. Но после этого кто-то ее активировал.

- Бэбино?
- Он или кто-то еще, если полиция права и Бэбино мертв.
- Время активации могли установить заранее, – говорит Джером Холли. Потом поворачивается к Ходжесу. – Понимаете, как будильник.
- Поправьте меня, если я ошибаюсь, – говорит Ходжес. – Программа была в гаджете все время, но активировалась лишь после того, как сегодня включили «Заппит» Дайны.
- Да, – кивает Холли. – И возможно, это работа ретранслятора, ты согласен, Джером?
- Да. Компьютерная программа, которая постоянно начеку, ждет какого-нибудь олуха, в данном случае – меня, который включит «Заппит» и через вай-фай даст о себе знать.
- Это может случиться со всеми?
- Если скрытой программой снабжены все «Заппиты» – безусловно, – отвечает Джером.
- Это все подстроил Брейди. – Ходжес начинает кружить по кабинету, рука поднимается к левому боку, словно желая удержать боль. – Брейди гребаный Хартсфилд.
- Как? – спрашивает Холли.
- Я не знаю, но это единственное объяснение. Он пытался устроить взрыв во время концерта. Мы его остановили. Спасли зрителей, по большей части девочек.
- Благодаря тебе, Холли, – вставляет Джером.
- Помолчи, Джером. Дай ему сказать. – По ее взгляду ясно, что она знает, к чему клонит Ходжес.
- Проходит шесть лет. Эти девочки, которые в две тысячи десятом году учились в начальных или средних классах, теперь перешли в старшие. Может, кто-то уже в колледже. Группы «Здесь и сейчас» давно нет, и девочки – юные женщины – интересуются совсем другой музыкой, но тут поступает предложение, от которого не отказываются. Бесплатная игровая приставка, и чтобы ее получить, им надо лишь доказать, что они присутствовали на шоу «Здесь и сейчас» в тот вечер. Гаджет, вероятно, кажется им таким же старьем, как черно-белый телевизор, но что с того, если платить за него не нужно.
- Да, Брейди хотел с ними покончить, – соглашается Холли. – Это его месть, но не только по отношению к ним. Еще и по отношению к тебе, Билл.
- «Потому что ответственность ложится на меня, – думает Ходжес. – Но что еще я мог сделать? Что еще мы могли сделать? Он собирался взорвать

чертов зал».

– Бэбино, представившись Майроном Зеткимом, купил восемьсот игровых приставок. Именно он, потому что он богат. У Брейди не было ни цента, и я сомневаюсь, чтобы пенсионные накопления Библиотечного Эла превысили двадцать тысяч долларов. А если программа установлена на все приставки и активируется при их включении...

– Минуточку, – прерывает его Джером. – Вы действительно считаете, что уважаемый нейрохирург вляпался в это дерьмо?

– Считаю, да. Твоя сестра опознала его, и нам уже известно, что уважаемый нейрохирург использовал Брейди Хартсфилда как лабораторную крысу.

– Но теперь Хартсфилд мертв, – добавляет Холли. – И остается Бэбино, который, возможно, тоже мертв.

– Или нет, – возражает Ходжес. – В его автомобиле нашли кровь, но не тело. И это не первый случай, когда преступник пытался имитировать собственную смерть.

– Я должна кое-что проверить на компьютере, – говорит Холли. – Если во всех «Заппитах» новая программа начала активироваться только сегодня, тогда, возможно... – Она спешит в приемную.

– Я не понимаю, как это может быть... – начинает Джером.

– Бэбино нам скажет, – отвечает Ходжес. – Если еще жив.

– Да, но подождите. Барб говорила, что слышала голос, который подталкивал ее к чему-то ужасному. Я голоса не слышал и точно не испытывал желания покончить с собой.

– Может, у тебя иммунитет.

– Нет. Демоверсия меня ввела в транс, Билл, я потерял контроль над собой. И слышал слова мелодии. Думаю, в синих вспышках тоже были слова. Но... никакого голоса.

На то могут быть самые разные причины, думает Ходжес, и если Джером не слышал голоса, это не означает, что его не слышали большинство подростков, которые получили бесплатные игровые приставки.

– Допустим, ретранслятор включили в последние четырнадцать часов, – говорит он. – Точно не раньше, потому что я не видел ни рыбчисел, ни синих вспышек на «Заппите» Дайны. Отсюда вопрос: можно ли модифицировать демоверсию, если гаджет выключен?

– Нет, – качает головой Джером. – Сначала его надо включить. Но после этого...

– Он работает! – кричит Холли. – Этот долбанный сайт «Конец

буквы “зет”» работает!

Джером бежит к ее столу в приемной. Ходжес медленно следует за ним.

Холли прибавляет звук на своем ноутбуке, и музыка наполняет приемную агентства «Найдем и сохраним». Только это не «Прекрасное море», а «Не бойся Жнеца»^[43]. Песня звучит – сорок тысяч мужчин и женщин каждый день, еще сорок тысяч приходят каждый день, – а на экране Ходжес видит зал похоронного бюро, зажженные свечи, гроб, заваленный цветами. Над залом улыбающиеся молодые мужчины и женщины приходят и уходят, движутся из стороны в сторону, исчезают, появляются. Одни машут руками, другие показывают знак мира. Под гробом – послания, которые раздуваются и сжимаются в такт медленно бьющемуся сердцу:

КОНЕЦ БОЛИ
КОНЕЦ СТРАХУ
БОЛЬШЕ НИКАКОЙ ЗЛОСТИ
БОЛЬШЕ НИКАКИХ СОМНЕНИЙ
БОЛЬШЕ НИКАКОЙ БОРЬБЫ
ПОКОЙ
ПОКОЙ
ПОКОЙ

Потом ослепляющая серия синих вспышек. В них внедрены слова. Или лучше прямо называть все своими именами, думает Ходжес. Капли яда.

– Выключи его, Холли. – Ходжесу не нравится, как она смотрит на экран. Глаза широко раскрыты, совсем как у Джерома несколькими минутами раньше.

Она двигается слишком медленно, что не устраивает Джерома. Он перегибается через ее плечо и выключает компьютер.

– Не следовало этого делать, – с упреком говорит Холли. – Я могу потерять данные.

– Именно для этого и нужен гребаный сайт, – отвечает Джером. – Чтобы заставить тебя потерять данные. Потерять себя. Я прочитал последнее послание, Билл. В синей вспышке. «Сделай это сейчас».

Холли кивает.

– А еще одно требовало: «Расскажи друзьям».

– «Заппит» направляет их... сюда? – спрашивает Ходжес.

– В этом нет необходимости, – отвечает Джером. – Потому что те, кто

найдет этот сайт – а их будет предостаточно, включая подростков, которые не получили бесплатных «Заппитов», – расскажут о нем в «Фейсбуке» и прочих социальных сетях.

– Ему нужна эпидемия самоубийств, – говорит Ходжес. – Он как-то ее запустил, а потом покончил с собой.

– Возможно, чтобы обогнать остальных, – предполагает Джером. – Чтобы потом встречать их у ворот.

– Я должен поверить, что песня и изображение похорон подвигнут подростков на самоубийство? – спрашивает Ходжес. – Насчет «Заппитов» готов принять. Видел, как они работают. Но это?

Холли и Джером переглядываются, и Ходжес легко читает молчаливый вопрос: «Как нам ему объяснить? Как объяснить, что такое малиновка, тому, кто ни разу не видел птиц?» Одного этого достаточно, чтобы убедить его.

– На подростков такое воздействует весьма эффективно, – говорит Холли. – Не на всех, конечно, но на многих. Будь мне семнадцать, на меня бы подействовало.

– И это заразно, – добавляет Джером. – Как только начнется... если начнется... – Он пожимает плечами.

– Мы должны найти ретранслятор и отключить его, – говорит Ходжес. – Свести ущерб к минимуму.

– Может, он в доме Бэбино, – предполагает Холли. – Позвони Питу. Пусть выяснит, есть ли там компьютеры. Если есть, надо, чтобы он все обесточил.

– Если Пит с Иззи, то переведет звонок на голосовую почту, – уверенно заявляет Ходжес, но звонит, и Пит откликается после первого гудка. Говорит Ходжесу, что Иззи уехала в участок с декрашами, дожидаться первых отчетов экспертов. Библиотечного Эла тоже нет. Его увезли копы, прибывшие первыми на патрульном автомобиле. Задержание преступника они запишут на свой счет.

Голос у Пита уставший. Он продолжает:

– Мы поссорились. Я и Иззи. По-крупному. Я пытался сказать ей то, что ты говорил мне, когда мы только начали работать вместе. Что расследование – всему голова, и ты идешь туда, куда оно тебя ведет. Никаких уверток, никакого спихивания на других, ты просто берешь след и идешь по нему до конца. Она стояла, слушала, сложив руки на груди, время от времени кивала. Я даже думал, что до нее доходит. А потом... Знаешь, какой она задала вопрос? Могу ли я сказать, когда в последний раз женщина входила в руководство полиции города? Я ответил, что не

припоминаю, и она объяснила мне почему: потому что такого никогда не было. Но она хочет стать первой. Друг, а я-то думал, что знаю ее.

Ходжесу не доводилось слышать более невеселого смешка, чем тот, что срывается с губ Пита.

– Я считал, что для нее главное – дело.

Ходжес готов ему посочувствовать, но позже, когда представится возможность. Сейчас времени нет. Он спрашивает о компьютерах.

– Мы не нашли ничего, за исключением айпада с севшим аккумулятором. Эверли, домработница, говорит, что в кабинете Бэбино был новенький ноутбук, но он исчез.

– Как и сам Бэбино, – замечает Ходжес. – Может, он взял ноутбук с собой?

– Может. Помни, Кермит, если я могу помочь...

– Я позвоню, не сомневайся...

Ситуация такова, что отказываться от помощи себе дороже.

21

Развязка истории с Эллен взбесила Брейди – тот же результат, что и с сучкой Робинсон, – но в конце концов он успокаивается. Его задумка сработала – вот что следует принять во внимание. А недостаточная высота плюс сугроб – из разряда невезения. Будут и другие жертвы. Много. Впереди большая работа, предстоит зажечь много спичек, но после того, как запылывает пожар, ему останется только сидеть и смотреть.

И пожар будет гореть, пока не выжжет все.

Брейди заводит двигатель автомобиля Зет-боя и выезжает с площадки отдыха. Когда вливается в неплотный транспортный поток, направляющийся на север по автостраде номер 47, первые снежинки падают с белого неба на ветровое стекло «малибу». Брейди придавливает педаль газа. Колымага Зет-боя для поездок в снежную бурю не годится, а местные дороги – намного хуже автострады. Он должен опередить непогоду.

Я ее опережу, думает Брейди и широко улыбается, потому что на ум приходит прекрасная идея. Да, Эллен осталась жива, но, может, ее парализовало от шеи, как эту суку Стоувер, и теперь она – голова на палке. Маловероятно, но возможно, и эта греза позволяет коротать мили.

Брейди включает радио, находит «Judas Priest» и прибавляет громкость. Как и Ходжес, он любит хеви-метал.

Князь самоубийств

Брейди одержал много побед в палате 217, но, увы, кроме него, никто о них не знал. Выйдя из комы, этой смерти при жизни, он обнаружил, что может – благодаря то ли препарату, который вводил ему Бэбино, то ли каким-то фундаментальным изменениям в мозгу, то ли сочетанию двух этих факторов – передвигать мелкие предметы силой мысли, проникать в мозг Библиотечного Эла и создавать в нем вторую личность, Зет-боя. И не следует забывать, что он поквитался с толстым копом, который врезал ему по яйцам, когда он не мог защититься. Но главной по всем меркам победой он считал доведение до самоубийства Сейди Макдоналд. Это была власть.

Он хотел повторить успех.

И желание это вело к простому вопросу: кто следующий? Не составило бы труда убедить Эла Брукса прыгнуть с моста или выпить бутылку каустика, но с Библиотечным Элом ушел бы и Зет-бой, а без Зет-боя Брейди оказывался запертым в палате 217, которая отличалась от тюремной камеры разве что видом на автостоянку. Нет, Брукс требовался ему там, где он был. И *таким*, каким он был.

Более важным представлялся Брейди другой вопрос: что делать с ублюдком, благодаря которому он оказался здесь? Урсула Хабер, нацистка, заправлявшая реабилитационным центром, говорила, что ее пациентам нужно постоянно ставить перед собой новые цели и стремиться к их достижению. Что ж, Брейди ставил, и месть Ходжесу была достойной целью, но как он мог этого добиться? Подтолкнуть Ходжеса к самоубийству? Едва ли, хотя, возможно, способ имелся. Но он уже сыграл в эту игру с детпенем, и победа досталась не ему.

Когда в палату пришла Фредди Линклэттер с фотографией Брейди и его матери, он пока не нашел способа поквитаться с Ходжесом – на поиски уйдет еще полтора года, – но именно ее появление запустило процесс. И Брейди понимал, что действовать следует осторожно. Крайне осторожно.

«Шаг за шагом, – говорил он себе, лежа без сна в предрассветные часы. – Шаг за шагом. Преграды серьезные, но и способности у меня исключительные».

Шаг первый: он приказал Элу Бруксу изъять оставшиеся «Запиты» из больничной библиотеки. Эл отнес их в дом своего брата, где жил в квартире над гаражом. Проблем не возникло: эти гаджеты никого не интересовали. Брейди считал их патронами. Оставалось лишь найти ружье,

которое могло ими стрелять.

Брукс забрал «Заппиты» сам, хотя и следовал командам-мыслерыбам, которые Брейди отдавал мельчающей, но все еще полезной личности Зет-боя. Теперь он опасался входить в разум Брукса полностью и брать контроль на себя, потому что при этом мозг старика выжигался слишком быстро. Ему приходилось сводить к минимуму число своих визитов и использовать их по полной программе. Это Брейди не нравилось, он наслаждался выходами в город, но люди начали замечать, что с головой у Библиотечного Эла все хуже. И если станет совсем плохо, его могут попросить с волонтерской работы. Хуже того, это может заметить Ходжес. Такое Брейди совершенно не устраивало. Пусть старый детпен, если ему хочется, собирает слухи о подвластном Брейди телекинезе. Это как раз никому не мешало. Но Брейди не хотел, чтобы Ходжес пронюхал о его забавах с Библиотечным Элом.

Рискуя довести старика до полной умственной деградации, Брейди вселился в его разум осенью 2013 года, потому что ему требовался доступ к компьютеру в библиотеке. Заглянуть в него он мог и без этого, а воспользоваться – нет. Визит был коротким. Брейди хотел установить гугловское оповещение по ключевым словам «Заппит» и «Рыбалка».

Каждые два или три дня он посылал Зет-боя, чтобы проверить оповещение и доложить результаты. Согласно его инструкциям, Зет-бою предписывалось разом переключаться на спортивный сайт И-эс-пи-эн, если кто-то заходил в библиотеку, когда тот сидел у компьютера. Но заглядывали туда крайне редко, да и библиотека размерами скорее напоминала чулан. Обычно посетители искали часовню, которая располагалась по соседству.

Оповещения принесли много интересного. Оказалось, немало людей впадали в гипнотический транс – у некоторых даже возникали слабые эпилептические припадки, – если слишком долго смотрели демоверсию «Рыбалки». Воздействие было даже более мощным, чем предполагал Брейди. Однажды «Нью-Йорк таймс» написала об этом в разделе бизнеса, и у компании возникли серьезные неприятности.

И пришлось эти неприятности совсем нехстати, ведь компания и так балансировала на грани. Не требовалось быть гением (а Брейди полагал себя таковым), чтобы понять: «Заппит Инк.» в самом скором времени либо обанкротится, либо сольется с более крупной компанией. Брейди ставил на банкротство. У кого возникнет желание «проглотить» фирму, выпускающую безнадежно устаревшие и нелепо дорогие игровые приставки, особенно если одна игра опасна для здоровья пользователей?

Тем временем следовало понять, как модифицировать «Заппиты»,

которые оказались в его распоряжении (они хранились в стенном шкафу квартиры Зет-боя, но Брейди считал их своими), чтобы люди подольше смотрели на экран. Эта проблема стала камнем преткновения, но тут появилась Фредди. Когда она ушла, выполнив свой христианский долг (хотя Фредерика Биммель Линклэттер христианкой никогда не была), Брейди глубоко задумался. Думал он долго.

И в конце августа 2013 года, после особенно доставшего его визита детпена, Брейди отправил Зет-боя к ней на квартиру.

Фредди пересчитала деньги, пристально посмотрела на старика в зеленых мешковатых штанах, который стоял посреди ее так называемой гостиной. Деньги ранее лежали на счету Эла Брукса в Федеральном банке Среднего Запада. То был первый случай расходования его скромных накоплений, но далеко не последний.

– Двести баксов за несколько вопросов? Ладно, я на них отвечу. Но если на самом деле ты притащился за отсосом, придется тебе пойти в другое место, старичок. Я – лесби.

– Только вопросы, – подтвердил Зет-бой. Протянул ей «Заппит» и предложил включить демоверсию «Рыбалки». – Но нельзя смотреть на экран больше тридцати секунд. Она... э... необычная.

– Необычная, значит? – Фредди снисходительно улыбнулась и уставилась на плавающих рыб. Тридцать секунд превратились в сорок. Такое допускалось, согласно инструкциям, полученным Зет-боем перед тем, как отправиться в эту миссию (Брейди всегда называл свои задания миссиями, узнав, что Брукс ассоциировал это слово с героизмом). Но после сорока пяти секунд Зет-бой выхватил «Заппит» из рук Фредди.

Та, моргая, подняла голову.

– Ух ты! Туманит мозги, да?

– Да. В каком-то смысле.

– Я читала в «Геймер программинг», что видеоигра «Звездная битва» воздействует так же, но играть надо полчаса, прежде чем что-то почувствуешь. А тут гораздо быстрее. Об этом кому-нибудь известно?

Зет-бой вопрос проигнорировал.

– Мой босс хочет знать, сможешь ли ты сделать так, чтобы люди смотрели демоверсию дольше и не переходили к игре. Игра такого эффекта не дает.

Тут Фредди впервые заговорила с русским акцентом:

– Кто этот бесстрашный лидер, Зет-бой? Будешь настоящим другом и скажешь товарищу Икс, да?

Зет-бой наморщил лоб.

– Что?

Фредди вздохнула.

– Кто твой босс, красавчик?

– Доктор Зет. – Брейди догадывался, что такой вопрос последует – он хорошо знал Фредди по прошлой жизни, – и Зет-бой получил соответствующее указание. У Брейди были планы касательно Феликса Бэбино, но пока они оставались неопределенными. Он лишь нащупывал путь. Проверял свои возможности.

– Доктор Зет и его шестерка Зет-бой. – Фредди закурила. – На пути к управлению миром. Ну и ну. Я, значит, становлюсь Зет-герл?

На этот счет указаний не было, поэтому Зет-бой промолчал.

– Не бери в голову, я все поняла. – Фредди выпустила струю дыма. – Твоему боссу нужна «ловушка для глаз». Чтобы это сделать, надо превратить демоверсию в игру. Это довольно просто. Не требует особо сложного программирования. – Она взяла выключенный «Заппит». – Эта штукавина прямо-таки элементарная.

– В какую игру?

– Не спрашивай меня, брат. Это по творческой части. Никогда не была в ней сильна. Скажи своему боссу, пусть прикинет, что к чему. В любом случае, как только эта штукавина включится и через вай-фай свяжется с Сетью, потребуется лишь установить руткит^[44]. Хочешь, чтобы я это записала?

– Нет. – Брейди отвел толику быстро уменьшающегося объема памяти Зет-боя именно для этой информации. А кроме того, когда дойдет до дела, эта работа ляжет на Фредди.

– Как только руткит установлен, можно загружать исходную программу с другого компьютера. – Она вновь заговорила с русским акцентом: – С секретной базы Зеро под ледовой полярной шапкой.

– Мне сказать ему и про это?

– Нет, скажи только про руткит и исходную программу. Усек?

– Да.

– Что-нибудь еще?

– Брейди Хартсфилд хочет, чтобы ты вновь навестила его.

Брови Фредди взлетели к короткой стрижке.

– Он с тобой говорит?

– Да. Поначалу его трудно понять, но когда привыкаешь, можно.

Фредди оглядела свою гостиную – тусклый свет, разбросанные вещи, запах вчерашней китайской еды навывнос, – словно интерьер вызывал у нее

интерес. Разговор становился все более зловещим.

– Не знаю, друг. Я сделала доброе дело, но никогда не была в герлскаутах.

– Он тебе заплатит, – сказал Зет-бой. – Не очень много, но...

– Сколько?

– Пятьдесят долларов за визит.

– Почему?

Зет-бой не знал, но в 2013-м в его голове оставалось еще немало от Эла Брукса, и он понимал, в чем дело.

– Я думаю... потому, что он знал тебя раньше. Помнишь, когда ты и он чинили компьютеры других людей. В прошлом.

К доктору Бэбино Брейди не испытывал той жгучей ненависти, которую вызывал у него Ходжес, тем не менее доктор Б. значился в его черном списке. Бэбино использовал Брейди как подопытного кролика, и тому это совсем не нравилось. Доктор потерял всякий интерес к пациенту, поскольку экспериментальный препарат вроде бы не давал результатов, и это не нравилось Брейди еще больше. А самое худшее заключалось в том, что уколы возобновились, едва Брейди пришел в сознание, и кто знал, шли они на пользу или во вред. Они могли и убить, но Брейди, который готовил собственную смерть, не видел в этом причины для бессонницы. Его тревожило другое: а вдруг препарат лишит его обретенных способностей? Бэбино требовал от персонала, чтобы никто и нигде не говорил о том, что Брейди способен передвигать предметы силой мысли, но сам в это верил, хотя Брейди никогда не демонстрировал свои таланты в присутствии доктора, несмотря на его постоянные просьбы. И еще Бэбино верил, что телекинез Брейди – результат использования церебеллина.

Брейди вновь назначили компьютерную и магнитно-резонансную томографии. «Ты – восьмое чудо света, – сказал ему Бэбино после одной из них, осенью 2013 года. Доктор шел рядом с каталкой, на которой Брейди везли в палату 217, и, по мнению пациента, сиял как медный таз. – Лечение не просто остановило отмирание твоих мозговых клеток – оно стимулировало рост новых. Более жизнеспособных. Ты хоть понимаешь, что это означает?»

«Будь уверен, говнюк, – подумал Брейди. – Поэтому никому не показывай эти снимки. Если они попадут в прокуратуру, мне не поздоровится».

Бэбино по-отечески похлопал пациента по плечу, чего Брейди терпеть не мог. Слово свою любимую собачонку. «Человеческий мозг состоит

примерно из ста миллиардов нервных клеток. Те, что находились в центре Брока, получили серьезные повреждения, но восстановились. Более того, они создают нейронные связи, каких мне видеть не доводилось. Придет день, когда ты прославишься не как убийца, а как спаситель людей».

Если такое и случится, подумал Брейди, ты до этого дня не доживешь. Будь уверен, кретин.

«Никогда не была сильна по творческой части», – сказала Фредди Зетбою. И не погрешила против истины. Зато Брейди по творческой части в свое время преуспевал, и пока 2013 год плавно перетекал в 2014-й, провел много времени, думая о том, как усилить воздействие демоверсии «Рыбалки» и превратить ее, по меткому выражению Фредди, в «ловушку для глаз». Но найти нужное решение не удавалось.

Во время ее визитов они не обсуждали эффект «Заппита», в основном вспоминали (само собой, говорила по большей части Фредди) работу в киберпатруле. Все эти безумные люди, с которыми они сталкивались на выездах. И Энтони Фробишер по прозвищу Тоунс, их босс-говнюк. Фредди постоянно к нему возвращалась, и получалось, что она говорила Тоунсу в лицо все то, о чем на самом деле думала, но не решалась озвучить. Визиты Фредди были однообразными, но успокаивали. Они уравнивали ночи отчаяния, когда Брейди чувствовал, что останется в палате 217 до конца своих дней, во власти доктора Бэбино с его «витаминными уколами».

Я должен его остановить, думал Брейди. Я должен его контролировать.

И для этого очень подошла бы модифицированная демоверсия. Потому что, упусти он первый шанс проникнуть в разум Бэбино, второго могло и не представиться.

Теперь телевизор в палате 217 работал не меньше четырех часов в день. В соответствии с указом Бэбино, который сказал старшей медсестре Хелмингтон, что «мистеру Хартсфилду необходимо внешнее стимулирующее воздействие».

Мистера Хартсфилда полностью устраивали полуденные новости (где-то обязательно что-то взрывалось или случалась иная трагедия с многочисленными жертвами), однако прочее – кулинарные шоу, ток-шоу, «мыльные оперы», лживые медицинские передачи – он считал чушью. Но однажды, когда Брейди сидел на стуле у окна и смотрел викторину «Приз-сюрприз» (во всяком случае, смотрел в сторону экрана), его осенило. Участнице, которая добралась до бонусного раунда, предложили шанс

выиграть путешествие в Арубу на частном реактивном самолете. Ей показали огромный компьютерный экран, на котором перемещались большие цветные кружки. От нее требовалось коснуться пяти красных, которые превращались в числа. Если сумма открытых ею чисел превышала сто, она выигрывала.

Понаблюдав, как ее взгляд мечется по компьютерному экрану, Брейди понял, что решение найдено. Розовые рыбы, подумал он. Они будут двигаться быстрее остальных, и потом, красный – цвет злости. А розовый... какой? Как его назвать? Нужное слово сверкнуло в голове, и он улыбнулся. Ослепительно улыбнулся, и с этой улыбкой вдруг стал девятнадцатилетним.

Розовый – цвет *успокаивающий*.

* * *

Когда приходила Фредди, Зет-бой иной раз оставлял библиотечную тележку в коридоре и присоединялся к ним. Однажды летом 2014 года он протянул Фредди распечатанную инструкцию. Брейди написал ее на библиотечном компьютере в один из тех крайне редких случаев, когда не мог ограничиться указаниями, – ему пришлось сесть в кресло водителя, чтобы взять управление на себя. По-другому не получалось, потому что даже самая маленькая ошибка могла свести на нет его усилия.

Фредди взглянула на распечатку, заинтересовалась, просмотрела более внимательно.

– Слушай, умно, – признала она. – И подсознательные послания – это круто. Отвратительно, но круто. Все это придумал таинственный доктор Зет?

– Да, – ответил Зет-бой.

Фредди перевела взгляд на Брейди:

– Ты знаешь, кто такой доктор Зет?

Брейди медленно покачал головой.

– Точно не ты? Потому что это очень похоже на твою работу.

Брейди тупо смотрел на нее, пока она не отвела глаза. Он позволял ей увидеть больше, чем Ходжесу, или медсестрам, или персоналу центра лечебной физкультуры, но не собирался открываться перед ней. Во всяком случае, пока. Она могла и проболтаться. А кроме того, он еще не знал точно, что собирается делать. Говорят, мир проложит дорогу к твоей двери, если ты изобретешь хорошую мышеловку, но Брейди пока не знал, поймает

ли кого-нибудь его мышеловка, а потому предпочитал не высовываться. Да и доктора Зет еще не существовало.

Но в его появлении Брейди не сомневался.

Вскоре после того как Фредди получила распечатанную инструкцию, подробно объясняющую, что надо сделать, чтобы модифицировать демоверсию «Рыбалки», Зет-бой во второй половине рабочего дня заглянул в кабинет Феликса Бэбино. Обычно доктор проводил там час – пил кофе и читал газету. У окна (с видом отнюдь не на автостоянку) находилась миниатюрная площадка для гольфа, чтобы отрабатывать удары. Этим он и занимался, когда Зет-бой не постучав вошел в кабинет.

Бэбино холодно на него посмотрел:

– Вам помочь? Вы заблудились?

Зет-бой протянул «Заппит-зеро», модифицированный Фредди (ей пришлось приобрести кое-какие компьютерные компоненты, оплаченные с быстро тающего банковского счета Эла Брукса).

– Посмотрите сюда. Я скажу вам, что делать.

– Уходите немедленно, – ответил Бэбино. – Не знаю, какая муха вас укусила, но это мое личное пространство и мое личное время. Или вы хотите, чтобы я вызвал охрану?

– Посмотрите, а не то увидите себя в выпуске вечерних новостей. «Врач ставит эксперименты на обвиняемом в массовом убийстве Брейди Хартсфилде, используя не прошедший необходимые испытания препарат из Южной Америки».

Бэбино вытаращился на Зет-боя с отвисшей челюстью и стал очень похож на то, во что должен был превратиться, когда Брейди начнет уничтожать его разум.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Я говорю о церебеллине. Пройдут годы, прежде чем он получит одобрение Управления по контролю за продуктами и лекарствами. Я добрался до ваших файлов и сделал пару десятков фотографий на мобильник. А также сфотографировал снимки головного мозга Брейди, которые вы никому не показываете. Вы нарушили множество законов, док. Посмотрите игру, и все останется между нами. Откажетесь, и ваша карьера рухнет. Даю вам пять секунд на размышление.

Бэбино взял игровую приставку и посмотрел на плавающих рыб. Играла тихая мелодия. Время от времени полыхала синяя вспышка.

– Стучите по розовым рыбам, доктор. Они будут превращаться в числа. Суммируйте их в уме.

– И долго мне это делать?

– Вы поймете.

– Ты псих?

– Вы запираете дверь кабинета, когда уходите, и это правильно, но здесь полным-полно мастер-ключей, которые открывают все замки. И вы оставляете компьютер включенным, что мне лично кажется верхом безумия. Смотрите на рыб. Стучите по розовым. Складывайте числа. Это все, что вы должны сделать, а потом я оставлю вас в покое.

– Это шантаж.

– Нет, шантажируют ради денег. Это обычная сделка. Смотрите на рыб. Больше просить не буду.

Бэбино посмотрел на рыб. Попытался стукнуть пальцем по розовой и промахнулся. Стукнул еще, и снова мимо. «Твою мать», – пробормотал он. Попасть по розовой рыбе оказалось труднее, чем ожидалось, и он начал проявлять интерес. И синие вспышки совсем не раздражали. Наоборот, даже помогали сосредоточиться. Тревога, вызванная тем, что этот старикан слишком много знал, растаяла, ушла на задний план.

Ему удалось попасть по розовой рыбе, прежде чем та «нырнула» под левую границу экрана, и на ее месте появилась девятка. Это хорошо. Отличное начало. Бэбино уже забыл, почему он это делает. Поймать розовую рыбу – вот что важно. Мелодия играла и играла.

Этажом выше, в палате 217, Брейди смотрел в свой «Заппит» и чувствовал, как его дыхание замедляется. Он закрыл глаза и уставился в одну красную точку. Это был Зет-бой. Брейди ждал... ждал... и наконец, когда он уже подумал, что у жертвы иммунитет, появилась вторая. Поначалу слабая, она начала становиться четче и ярче.

Словно распускающаяся роза, подумал Брейди.

Две точки принялись игриво плавать взад-вперед. Он сосредоточился на той, что была Бэбино. Точка замедлила ход, перестала двигаться.

Попался, подумал Брейди.

Но от него требовалась осторожность. Это была тайная миссия.

Глаза, которые он открыл, принадлежали Бэбино. Доктор все смотрел на рыб, но перестал стучать по розовым. Он превратился... какое слово они использовали? Дегенерат. Бэбино превратился в дегенерата.

В первый раз Брейди не стал задерживаться надолго, но ему и не потребовалось много времени, чтобы понять, к каким богатствам он получил доступ. Эл Брукс тянул разве что на домашнюю копилку. Феликс Бэбино – на банковское хранилище. Брейди достались его воспоминания,

знания, способности. От Эла он мог научиться только умению соединять электрические провода. Благодаря Бэбино ему становилась подвластна трепанация черепа и операции на человеческом мозге. А самое главное, он получил доказательство того, что предполагал в теории и на что очень надеялся: вызванный «Заппитом» гипноз открывал разум для вторжения. Модифицированный Фредди «Заппит» оказался весьма эффективной «ловушкой для глаз» и, Бог свидетель, очень *быстро* обеспечивал нужный результат.

Брейди не терпелось поймать в нее Ходжеса.

Прежде чем уйти, Брейди запустил несколько мыслерыб в разум Бэбино, но только несколько. С доктором он намеревался действовать предельно осторожно. Бэбино следовало основательно подсадить на демоверсию (у профессиональных гипнотизеров она называлась бы мотивационным механизмом), прежде чем Брейди объявит о своем присутствии. Одна из мыслерыб того дня убеждала доктора, что дальнейшее сканирование мозга Брейди – напрасный труд, поскольку ничего интересного на снимках нет и не будет. И инъекции церебеллина следует прекратить.

Потому что никакого прогресса в состоянии Брейди не наблюдается. Потому что тот останется таким навсегда. А вот его, Бэбино, могут поймать.

– Если поймают, будет плохо, – бормочет Бэбино.

– Да, – поддакивает Зет-бой. – Если вас поймают, плохо будет нам обоим.

Ранее Бэбино выронил свой паттер^[45]. Теперь Зет-бой поднял его и вложил в руку доктора.

По мере того как жаркое лето переходило в холодную и дождливую осень, Брейди усилил хватку. Мыслерыб он выпускал осторожно, словно рыбовод – мальков форели в пруд. Бэбино начал испытывать желание потискать молоденьких медсестер, рискуя нарваться на обвинения в сексуальном домогательстве. Бэбино иной раз крал обезболивающие из аптечного склада Ведра, используя идентификационное удостоверение несуществующего врача – его по указанию Брейди изготовила Фредди Линклэттер. Бэбино делал это, хотя рано или поздно его должны были поймать, а он располагал другими, более безопасными способами заполучить эти лекарства. Однажды он украл часы «Ролекс» из ординаторской отделения нейрохирургии (хотя у него был свой «Ролекс») и спрятал в нижнем ящике рабочего стола, о чем тут же благополучно забыл.

Мало-помалу Брейди Хартсфилд – который едва мог ходить – из собственности доктора превратился в собственника и обложил того со всех сторон. Стоило Бэбино дернуться, скажем, попытаться рассказать кому-либо о происходящем, и ловушка захлопнулась бы.

Одновременно Брейди принялся лепить личность доктора Зет, с гораздо большей осторожностью, чем в случае Библиотечного Эла. Во-первых, он приобрел определенные навыки. Во-вторых, на этот раз исходный материал был куда более высокого качества. В октябре, когда в разуме Бэбино плавали уже сотни мыслерыб, Брейди начал перехватывать контроль над телом доктора – не только над разумом, – совершая все более длительные путешествия. Однажды он проехал на «БМВ» Бэбино до самой границы с Огайо, только для того, чтобы посмотреть, не слабеет ли на расстоянии его хватка. Не слабела. Похоже, перехватить контроль не представлялось возможным. И сама поездка очень ему понравилась. Он остановился в придорожном ресторане и заказал луковые колечки в кляре.

Пальчики оближешь!

С приближением рождественских каникул 2014 года Брейди обнаружил, что пребывает в состоянии, которое помнил разве что по раннему детству. Ощущения были невероятно чужими, и он сообразил, что к чему, лишь когда Новый год остался далеко позади и дело шло к Дню святого Валентина.

Он испытывал удовлетворение.

В глубине души он боролся с этим чувством, окрестив его маленькой смертью, но по сути соглашался принять. И почему нет? Палата 217 перестала быть для Брейди тюрьмой. Как и собственное тело. Он мог умчаться в любой момент, на пассажирском сиденье или за рулем. Только приходилось соблюдать осторожность, не занимать слишком часто водительское кресло и не задерживаться надолго в чужом разуме. Вот и все. Сознание человека было ограниченным ресурсом. И когда оно уходило, становилось бесполезным и тело.

Плохо, но что делать?

Если бы Ходжес продолжал появляться, Брейди попытался бы реализовать еще одну цель: заставить его посмотреть на «Заппит», который лежал в ящике прикроватного столика, проникнуть в разум детпена и запустить самоубийственных мыслерыб. Тот же метод, что и с сайтом «Под синим зонтом Дебби», только с более мощными средствами. На этот раз речь шла бы не о предложениях, а о прямых командах.

Но намеченный план так и остался нереализованным, потому что Ходжес перестал приходить. Появился сразу после Дня труда, произнес обычную тираду: *Я знаю, что ты все понимаешь, Брейди, я надеюсь, ты страдаешь, Брейди, но действительно ли ты можешь передвигать вещи, не касаясь их, Брейди, покажи мне, как ты это делаешь...* – и как отрезало. Брейди предположил, что исчезновение Ходжеса из его жизни – главная причина необычного и не во всем приятного удовлетворения. Ходжес был колючкой под седлом, доводящей до безумия и заставляющей нестись галопом. Теперь колючка исчезла, и он мог щипать травку, если ему того хотелось.

Отчасти он и щипал.

Получив доступ к расчетному счету и инвестиционному портфелю доктора Бэбино, Брейди ни в чем себе не отказывал по части компьютеров. Бэбино снимал деньги со счета и покупал. Зет-бой отвозил приобретенное оборудование в мышиную нору, где проживала Фредди Линклэттер.

Она заслуживает квартиру получше, думал Брейди. С этим надо что-то делать.

Зет-бой привез ей все «Заппиты», украденные в библиотеке, и в каждом Фредди модернизировала демоверсию «Рыбалки»... за отдельную плату, разумеется. И хотя цена была высокой, Брейди платил не торгуясь. В конце концов, он тратил деньги дока, бабло Бэбино. А вот что делать с модернизированными игровыми приставками, Брейди не имел ни малейшего понятия. Со временем он мог обзавестись еще парой дронов, но пока не видел такой необходимости. И он начал понимать, что означала его удовлетворенность: эмоциональная версия штилевой полосы в океане, когда ветра нет вовсе и остается только дрейфовать.

А причина тому – отсутствие новой цели.

Так все и продолжалось до 13 февраля 2015 года, когда внимание Брейди привлек сюжет в «Полуденных новостях». Ведущие, которые только что хохотали, наблюдая за проделками двух детенышей панды, резко опечалились, едва за их спинами вместо панд возникло стилизованное изображение разбитого сердца.

– В пригороде Суикли это будет грустный День святого Валентина, – объявила женщина.

– Ты права, Бетти, – согласился с ней мужчина. – Двое выживших в Бойне у Городского центра, двадцатилетняя Криста Кантримен и двадцатичетырехлетний Кит Фрайс, покончили с собой в доме Кантримен.

– Кен, – продолжила женщина, – потрясенные родители сообщили, что Криста и Кит собирались пожениться в мае, но оба получили серьезные травмы, попав под автомобиль, за рулем которого сидел Брейди Хартсфилд, и физические и душевные страдания оказались для них невыносимыми. Подробности узнаем у Фрэнка Дентона.

Теперь Брейди слушал очень внимательно, сидел выпрямившись, со сверкающими глазами. Мог ли он записать эту парочку на свой счет? Он не сомневался, что да, то есть число его жертв в бойне увеличивалось с восьми до десяти. Пока еще меньше дюжины, но уже лучше!

Репортер Фрэнк Дентон, естественно, с печальной физиономией, какое-то время что-то вещал, а потом камера сместилась на отца этой Кантримен, который зачитал предсмертную записку, оставленную парочкой. Он говорил запинаясь и глотая буквы, но смысл Брейди уловил. Эти двое рассчитывали на загробную жизнь, где раны заживут, боль уйдет, а Бог и Спаситель Иисус Христос поженит их здоровыми и невредимыми.

– Как грустно, – подвел итог мужчина-ведущий. – Очень грустно.

– Это точно, Кен, – кивнула Бетти. И тут же за их спинами появилась толпа идиотов в свадебных нарядах в бассейне. Печаль на лице Бетти сменилась радостью. – Но вот это поднимет вам настроение. Двадцать пар решили сочетаться браком в бассейне. И это в Кливленде, где сейчас *двадцать градусов*^[46]!

– Вся надежда только на горячую любовь! – Кен улыбнулся, продемонстрировав идеальную работу дантиста. – *Br-p-p!* Подробности у Патти Ньюфилд.

«Сколько их еще у меня? – задался вопросом Брейди. Его трясло от нетерпения. – Девять модифицированных «Заппитов» плюс два у моих дронов и еще один в ящике стола. Кто сказал, что я закончил с теми безработными говнюками?

Кто сказал, что точка поставлена?»

Брейди продолжал следить за судьбой «Заппит Инк.», раз или два в неделю посылая Зет-боя проверить оповещения «Гугла». Разговоры о гипнотическом эффекте демоверсий «Рыбалки» и, пусть и в меньшей степени, «Свистящих птичек» затихли. Их сменили рассуждения о грядущем банкротстве компании. В том, что это произойдет, сомнений уже не возникало. Когда «Санрайз солюшнс» купила «Заппит Инк.», блогер, называвший себя Электрическим Вихрем, написал: «Ух ты! Похоже на парочку раковых больных, которые решили сбежать, хотя жить им осталось шесть недель».

Теневая личность Бэбино уже сформировалась, и именно доктор Зет начал собирать информацию о выживших в Бойне у Городского центра, составляя список получивших наиболее серьезные травмы, то есть наиболее подверженных суицидальным мыслям. Двое из них, Даниэль Старр и Джудит Лома, оставались прикованными к инвалидным креслам. Лома еще могла встать на ноги, Старр – никогда. А Мартина Стоувер, парализованная от шеи, проживала с матерью в Ридждейле.

«Я оказываю им услугу, – думал Брейди. – Точно оказываю».

Он решил, что оптимально начать с мамы Стоувер. Поначалу собрался отправить Зет-боя на почту, чтобы тот отослал ей «Заппит» бандеролью с запиской: «Подарок для Вас», но не был уверен, что старуха не выбросит игровую приставку в мусорный бак. Приставок у него имелось только девять, и он не мог рисковать потерей даже одной. Модификация каждой обошлась ему (точнее, Бэбино) в круглую сумму. И он решил поручить эту миссию Бэбино. В сшитом на заказ костюме, в строгом темном галстуке он выглядел куда более презентабельно, чем Зет-бой в мятых мешковатых зеленых штанах. Такой, как Бэбино, не вызвал бы у матери Стоувер никаких подозрений. Брейди оставалось только придумать достоверную легенду. Что-нибудь об исследовании рынка? Книжном клубе? Викторине с призами?

Он все еще перебирал варианты – и никуда не спешил, – когда оповещение «Гугла» доложило об ожидаемом исходе: «Санрайз солюшнс» обанкротилась. Произошло это в начале апреля. Само собой, назначили конкурсного управляющего, и в самом скором будущем на сайтах продаж ожидалось появление списка «реальных активов». Для тех, кто не мог ждать, в объявлении о банкротстве имелся перечень имущества «Санрайз солюшнс», которое едва ли могло найти покупателя. Брейди полагал, что это интересно, но не настолько, чтобы доктор Зет тратил время на просмотр списка активов. Наверняка среди них имелись и «Заппиты», но у Брейди их было девять, и он считал, что больше не нужно.

Месяц спустя его мнение изменилось.

* * *

Одна из наиболее популярных рубрик «Полуденных новостей» называлась «Слово от Джека». Джек О'Мэлли, толстый старый динозавр, наверняка начинал, когда телевидение было черно-белым, а теперь жужжал пять минут в конце каждого выпуска, делаясь со слушателями тем, что еще

оставалось у него в голове. Он носил огромные очки в черной роговой оправе, и его щеки, когда он говорил, тряслись, как желе. Обычно его монологи веселили Брейди, и он слушал их с улыбкой, но в тот день «Слово от Джека» сыграло иную, отнюдь не забавную роль. Оно открыло перед Брейди новые перспективы.

«После сюжета о трагической смерти Кристи Кантримен и Кита Фрайса, не так давно показанного в этой программе, их семьи завалили соболезнованиями, – говорил Джек ворчливым голосом Энди Руни^[47]. – Их решение покончить с собой, поскольку они больше не могли терпеть постоянную невыносимую боль, возобновило дискуссию об этичности самоубийства. К сожалению, оно также напомнило нам о подлеце, который причинил им эту постоянную невыносимую боль, монстре по имени Брейди Уилсон Хартсфилд».

«Это я, – радостно подумал Брейди. – Когда называют не одно, а сразу два твоих имени, это означает, что ты настоящее чудовище».

«Если после этой жизни будет еще одна, – сказал Джек (сдвинув косматые, как у Энди Руни, брови и потрясая щеками), – Брейди Уилсон Хартсфилд полностью расплатится за свои преступления. А пока давайте вспомним про светлую подкладку этого темного облака печали, потому что тут действительно есть что вспомнить».

Через год после подлых убийств у Городского центра Брейди Уилсон Хартсфилд попытался совершить еще более ужасное преступление. Ему удалось пронести большое количество пластиковой взрывчатки на концерт в аудиторию Минго, где он собирался взорвать тысячи подростков, которые пришли туда, чтобы хорошо провести время. Но в тот раз его остановили отставной детектив Уильям Ходжес и проявившая отвагу женщина по имени Холли Гибни. Именно она разбила голову этому маньяку, прежде чем он успел привести в действие...»

Тут Брейди потерял нить. Какая-то женщина по имени Холли Гибни огрела его по голове и чуть не убила? Да кто такая эта гребаная Холли Гибни? И почему никто ни разу не сказал ему об этом за пять лет, прошедших с того дня, когда она отключила его и отправила в эту палату? Как такое могло быть?

Легко, решил Брейди. Когда случившееся было на слуху, он лежал в коме. «А позже я убедил себя, что это либо Ходжес, либо его ниггергазонокосильщик».

Когда появится возможность, он посмотрит в Сети, кто такая Гибни, но это не имело особого значения. Она осталась в прошлом. А будущее открылось ему в блестящей идее, которая, как и все лучшие изобретения,

явилась Брейди целиком и полностью, так что требовались лишь мелкие усовершенствования, чтобы довести задумку до идеала.

Он включил «Заппит», нашел Зет-боя (тот раздавал журналы пациенткам, ожидающим приема в отделении акушерства и гинекологии) и отправил к библиотечному компьютеру. Как только старик сел перед экраном, Брейди вышвырнул его из водительского кресла и взял контроль на себя, уставившись в монитор близорукими глазами Эла Брукса. На сайте «Активы банкротов» он обнаружил перечень всего, что осталось от «Санрайз солюннс». Активы были разбросаны по двенадцати различным компаниям. «Заппит» в списке была последней, но с точки зрения Брейди только она и представляла интерес. Среди ее активов числились и 45 872 игровые приставки «Заппит командер», которые предлагались к продаже по цене 189 долларов 99 центов партиями по четыреста, восемьсот и тысяче штук. Ниже красными буквами следовало предупреждение о том, что часть приставок неисправна, но «большинство в идеальном рабочем состоянии».

От возбуждения Брейди сердце Эла гулко ухало. Пальцы сжались в кулаки. Подталкивание к самоубийству жалкой кучки выживших в Бойне у Городского центра меркло в сравнении с захватившим его новым грандиозным планом: довести до конца начатое тем вечером в аудитории Минго. Он видел, как пишет Ходжесу из-под «Синего зонта»: *Думаешь, ты меня остановил? Ошибаешься.*

Круто, чего там говорить.

Брейди не сомневался: у Бэбино хватит денег, чтобы купить по игровой приставке каждому зрителю того концерта, но предстояло работать со всеми по очереди, поэтому количество следовало просчитать, чтобы не надорваться.

Он послал Зет-боя за Бэбино. Тот приходить не хотел. Теперь он боялся Брейди, чем доставлял своему пациенту огромное удовольствие.

– Тебе придется кое-что купить, – начал Брейди.

– Кое-что купить. – Покорность. Никакого страха. В палату 217 вошел Бэбино, но теперь перед стулом Брейди стоял доктор Зет, ссутулившийся, с поникшей головой.

– Да. Ты захочешь положить деньги на счет новой компании. Думаю, мы назовем ее «Геймзет анлимитед».

– С зет на конце. Как у меня. – Губы главного невролога Кайнера изогнулись в бессмысленной улыбке.

– Очень хорошо. Скажем, сто пятьдесят тысяч долларов. Еще ты найдешь Фредди Линклэттер новую квартиру, лучше и больше. Чтобы она

могла получать купленный тобой товар, а потом с ним работать. Свободного времени у нее не останется.

– Я найду ей новую квартиру, лучше и больше, чтобы...

– Заткнись и слушай. Ей также понадобится дополнительное компьютерное оборудование.

Брейди наклонился вперед. Он видел перед собой сияющее будущее, то самое, в котором Брейди Уилсон Хартсфилд поднимался на вершину славы спустя годы после того, как детпен уверовал, что игра закончилась.

– Самая важная часть дополнительного компьютерного оборудования называется ретранслятором.

«Рога и шкуры»

1

Будит Фредди не боль, а мочевого пузыря. По ощущениям он готов разорваться. Встать с кровати – подвиг. Голова раскалывается, а грудь словно в гипсе. Боли особой нет, но все тело будто закаменело и налилось тяжестью. Каждый вдох дается с трудом.

Ванная напоминает кровавый фильм ужасов, и Фредди закрывает глаза, едва усевшись на унитаз, чтобы не смотреть на всю эту кровь. «Повезло, что осталась в живых, – думает она, пока из нее выливается галлонов десять мочи. – Чертовски повезло. И почему я оказалась в таком дерьме? Потому что отнесла ему фотографию. Права была моя мама, ни одно доброе дело не остается безнаказанным».

Но если уж честно, то ей следует признать, что не фотография привела ее в эту квартиру, где она сидит на толчке в залитой кровью ванной, с шишкой на голове и пулевым ранением груди. Причина – в последующих посещениях Брейди, а она приходила, потому что ей платили пятьдесят баксов за визит. Как девушке по вызову.

«Ты знаешь, что все это значит. Можешь сказать себе, что узнала, лишь когда посмотрела, что записано на докторской флешке, которая активировала кошмарный сайт, но ведь ты знала и раньше, когда модифицировала эти чертовы «Заппиты». Верно? Устроила целый конвейер, сорок или пятьдесят штук в день, пока не загрузила мины во все работоспособные. Более пятисот. Ты знала, что за всем этим стоял Брейди Хартсфилд, а Брейди Хартсфилд – безумец».

Она натягивает штаны, спускает воду, выходит из ванной. В окно гостиной вливается тусклый свет, который все равно бьет по глазам. Прищурившись, Фредди видит, что пошел снег, и плетется на кухню, борясь за каждый вдох. В холодильнике в основном контейнеры с остатками китайской еды на вынос, но на дверной полке стоят две банки «Ред-булла». Фредди хватает одну, выпивает половину, чувствует себя лучше. Вероятно, это психологический эффект, но она не возражает.

«Что же мне делать? Господи, что? Есть ли выход из этого кошмара?»

Она идет в компьютерную комнату – теперь ноги двигаются чуть быстрее, – «будит» экран. Через «Гугл» находит путь к сайту «Конец буквы

“зет”» в надежде увидеть мультяшного человечка, шурующего мультяшной лопатой, и ее сердце замирает, когда вместо заставки на экране возникает зал похоронного бюро, весь в свечах. То же самое она увидела, когда подключила флешку и посмотрела на стартовую страницу, вместо того чтобы загрузить все не глядя, как ей велели. Играет одурманивающая песня «Blue Öyster Cult».

Она прокручивает надписи под гробом, которые раздуваются и сжимаются (КОНЕЦ БОЛИ, КОНЕЦ СТРАХУ), и кликает по «ОТПРАВИТЬ КОММЕНТАРИЙ». Фредди не знает, как долго работает эта электронная отравка, но, похоже, достаточно долго, потому что комментарии уже сотни.

Ввергнутый-во-тьму-77: Наконец кто-то решился сказать правду.

Алиса-всегда-401: Я мечтаю, чтобы мне хватило духа, дома сейчас все так плохо.

Вербана-Обезьяна: Терпите боль, люди, самоубийство для слабаков.

Китти-кэт-зеленые-глаза: Нет, самоубийство – уход от боли, оно все меняет.

Вербана-Обезьяна не единственная, кто говорит «нет», но Фредди незачем читать все комментарии, чтобы понять: она (или он) – в меньшинстве. Таких ничтожно мало. Это начнет распространяться, как грипп, думает Фредди. Нет, скорее как эбола.

Фредди смотрит на ретранслятор как раз в тот момент, когда «171 ОБНАРУЖЕНО» меняется на «172». Информация о рыбах-числах распространяется быстро, и к вечеру будут включены чуть ли не все модифицированные «Запиты». Демоверсия введет в транс их владельцев, сделает восприимчивыми. К чему? Во-первых, к идее, что они должны посетить сайт «Конец буквы “зет”». А может, запит-людям даже не надо туда заходить? Может, они и так отправятся в мир иной? Повинуются гипнотической команде покончить с собой? Конечно же, нет, правильно?

Правильно?

Фредди не рискует выключить ретранслятор из страха перед возвращением Брейди, но что делать с сайтом?

– Сейчас я с тобой разберусь, говнюк, – говорит она и начинает стучать по клавиатуре.

Не проходит и тридцати секунд, как она, не веря своим глазам, смотрит на надпись, которая появилась на экране: «ЭТА ФУНКЦИЯ

НЕДОСТУПНА». Фредди собирается повторить попытку, но останавливается. Понимает, что если попытается вновь отключить сайт, может лишиться всего, что у нее есть: выйдет из строя не только компьютерное оборудование. Кредитные карточки превратятся в бесполезные прямоугольники пластика, пропадет банковский счет, вырубится мобильник, даже водительское удостоверение станет недействительным. При условии, что кто-то знает, как программировать все это дерьмо. Брейди знает.

«Твою мать! Надо выметаться отсюда».

Она сунет кое-какие вещи в чемодан, вызовет такси, поедет в банк, снимет все деньги. Там может быть тысячи четыре. (В глубине души она знает: скорее три.) Из банка – на автовокзал. Снежинки за окном – предвестники обещанного сильного бурана, и, возможно, быстро уехать не удастся, но если придется подождать несколько часов на автовокзале, она подождет. Черт, если придется заночевать там, она заночует. Это все Брейди. Он запустил джонстаунский алгоритм, и модифицированные «Заппиты» – лишь часть его плана, а она ему в этом помогла. Фредди не знает, реализуется его идея или нет, но не хочет оставаться здесь, чтобы это выяснить. Она жалеет людей, которых могли ввести в транс «Заппиты», как и тех, кто мог попытаться покончить с собой под воздействием этого гребаного сайта «Конец буквы “зет”», вместо того чтобы только думать о самоубийстве, но она должна позаботиться о *пúтего ипо*^[48]. Кроме нее никому.

Фредди со всей возможной скоростью идет в спальню. Достает из стенного шкафа старый чемодан, и тут от кислородного голодания, вызванного поверхностным дыханием, и волнения ее ноги подгибаются. Ей удастся добраться до кровати, она садится, опускает голову.

Перенапрягаться нельзя, думает она. Сначала надо восстановить дыхание. И дальше шаг за шагом.

Только из-за глупой попытки вывести из строя сайт Фредди не знает, сколько у нее времени, и испуганно вскрикивает, когда мобильник, лежащий на комод, играет «Буги-вуги-горниста»^[49]. Она не хочет принимать вызов, но все же встает и идет к комоду. Иногда лучше знать, что тебя ждет.

Снег лениво падает с неба, пока Брейди не покидает автостраду по съезду 7, но усиливается, когда по шоссе номер 79 он минует административную границу города. Асфальт чистый и мокрый, но скоро его начнет засыпать снег, а Брейди еще сорок миль до того места, где он собирается затаиться и приступить к делу.

Озеро Чарлз, думает Брейди. Вот где начнется настоящая забава.

Тут ноутбук Бэбино оживает и трижды звякает: сигнал тревоги, запрограммированный Брейди. Потому что лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. Он не может позволить себе остановиться, во всяком случае, сейчас, когда пытается опередить надвигающуюся снежную бурю, но выбора нет. Справа впереди – здание с двумя металлическими девицами в ржавых бикини на крыше. Девицы держат вывеску, на которой написано: «ПОРНО-ПАЛАС», и «XXX», и «МЫ НЕ БОИМСЯ РАЗДЕВАТЬСЯ». В центре грунтовой автостоянки (снег уже закрашивает ее белым) – табличка с надписью «ПРОДАЕТСЯ».

Брейди останавливается, переключает коробку передач на «парковку», открывает ноутбук. Послание на экране разом портит ему настроение:

11.04. НЕСАНКЦИОНИРОВАННАЯ ПОПЫТКА
ИЗМЕНЕНИЯ/ОТКЛЮЧЕНИЯ САЙТА ZEETHEEND.COM
ОТКЛОНЕНА
САЙТ РАБОТАЕТ

Брейди открывает бардачок «малибу», там лежит обшарпанный мобильник Эла Брукса. На привычном месте. И это хорошо, потому что Брейди забыл прихватить с собой мобильник Бэбино.

«Так убейте меня, – думает он. – Всего не упомнишь, когда столько дел».

Не глядя в «Контакты», Брейди по памяти набирает номер Фредди. Он не изменился с той поры, когда они работали в «Дисконт электроникс».

Когда Ходжес, извинившись, уходит в туалет, Джером ждет, пока за ним закроется дверь, потом приближается к Холли, которая стоит у окна, наблюдая за падающим снегом. В городе снегопад только начинается, снежинки пляшут в воздухе, словно отрицая силу тяжести. Холли вновь скрестила руки на груди, обхватив пальцами плечи.

– С ним все плохо? – спрашивает Джером шепотом. – Выглядит он не очень.

– У него рак поджелудочной железы. С этим диагнозом хорошо выглядеть не будешь.

– День он протянет? Он, конечно, этого хочет, и я действительно думаю, что поставить точку не повредит.

– Ты имеешь в виду, поставить точку с Хартсфилдом. С Брейди долбаным Хартсфилдом. Пусть даже он и сдох.

– Да, я об этом.

– Я думаю, все плохо. – Холли поворачивается и заставляет себя встретиться с Джеромом взглядом: при этом у нее всегда возникает чувство, будто она раздевается догола. – Ты заметил, как он постоянно прикладывает руку к левому боку?

Джером кивает.

– Он так делал не одну неделю и говорил, что у него несварение. К врачу пошел, поскольку я настояла. А когда выяснилось, что с ним не так, пытался врать.

– Ты не ответила на вопрос. День он протянет?

– Думаю, да. Надеюсь на это. Потому что ты прав: ему это нужно. Только нам надо держаться рядом. Обоим. – Она отпускает плечо, чтобы сжать его запястье. – Обещай мне, Джером. Ты не станешь отправлять эту костлявую девчонку домой, чтобы мальчишки могли сами поиграть в доме на дереве.

Джером отцепляет ее руку, накрывает своей.

– Не волнуйся, Холлиберри. Мы – команда.

– Алло? Это ты, доктор Зет?

У Брейди нет времени, чтобы ходить вокруг да около. Снег усиливается с каждой секундой, а паршивая развалюха «малибу» Зет-боя с летней резиной, отмахавшая больше ста тысяч миль, в настоящую снежную бурю далеко не уедет. При других обстоятельствах он бы обязательно полюбопытствовался, как ей удалось остаться в живых, но поскольку возвращаться и исправлять ситуацию он не собирался, вопрос чисто теоретический.

– Ты знаешь, кто я, а я знаю, что ты пыталась сделать. Попробай еще раз, и я пришлю людей, которые следят за домом. Тебе повезло, что ты

осталась жива, Фредди. Но я сомневаюсь, что повезет и в следующий раз.

– Извини. – Шепотом. Куда делась бунтарка, работавшая в киберпатруле и готовая послать кого угодно вместе с его матерью? И все-таки она сломалась не окончательно, иначе не предприняла бы попытку отключить сайт.

– Ты кому-нибудь говорила?

– Нет! – По голосу чувствуется, что ее ужаснула такая мысль. Это Брейди нравится.

– Скажешь?

– *Нет!*

– Ответ правильный, потому что я узнаю, если скажешь. За тобой наблюдают, Фредди. Помни об этом.

Он обрывает связь, не дожидаясь ответа, и то, что она жива, бесит его даже больше, чем ее попытка разрушить его планы. Поверит ли она в воображаемых людей, которые следят за домом, хотя Брейди ушел, решив, что она мертва? Он думает, да. Она общалась только с доктором Зет и Зет-боем. И не может знать, сколько еще дронов в его распоряжении.

В любом случае с этим он больше ничего поделать не может. Брейди с давних пор привык винить других в своих проблемах – и теперь обвиняет Фредди в том, что она не умерла, как от нее ждали.

Он переключает коробку на «драйв» и жмет на газ. Колеса пробуксовывают на тонком слое снега, который уже лег на стоянку у «Порно-паласа», но сцепление восстанавливается, едва он выезжает на шоссе. Обочины, прежде коричневые, побелели. Брейди разгоняет автомобиль Зет-боя до шестидесяти миль. Знает, что скоро в силу погодных условий придется сбросить скорость, но будет гнать до последнего.

Агентство «Найдем и сохраним» делит туалеты на седьмом этаже с турбюро, но сейчас Ходжес оказался в гордом одиночестве, чему только рад. Он склонился над раковиной, правой рукой держится за край, левая прижата к боку. Пряжка ремня не застегнута, и брюки сползают вниз под тяжестью содержимого карманов: мелочи, ключей, бумажника, мобильного.

Ходжес пришел по большой нужде, обычной очистительной функции организма, но едва начал тужиться, как левая половина живота взорвалась. Прежние боли теперь выглядят разогревом оркестра перед концертом, и

если ему так плохо сейчас, страшно думать о том, что его ждет впереди.

«Нет, – думает Ходжес, – “страшно” – неверное слово. Правильно сказать, “я в ужасе”. Впервые меня ужасает будущее, в котором от моей личности не остается ничего. Если ее не уничтожит боль – помогут сильнодействующие препараты, которыми меня будут пичкать».

Теперь он понимает, почему рак поджелудочной железы называют скрытым и почему он почти всегда смертелен. Он прячется, набирается сил, направляет своих эмиссаров в легкие, в лимфатические узлы, в кости и в мозг. А потом наносит внезапный удар, не понимая в глупой ненасытности, что победа принесет смерть и ему самому.

Если только он этого не хочет, думает Ходжес. Может, это ненависть к себе, желание убить не столько хозяина, сколько самого себя. Вот что превращает этот рак в истинного князя самоубийств.

Он громко рыгает, и ему становится чуть лучше, одному Богу известно почему. Долго это не продлится, но теперь приветствуется любое облегчение. Ходжес вытрясает из пузырька три таблетки болеутоляющего (они уже напоминают ему о стрельбе из детского пугача по атакующему слону) и проглатывает, запивая водой из-под крана. Затем брызгает холодной водой в лицо, чтобы избавиться от мертвенной бледности. Вода не помогает, поэтому он бьет себя по щекам: пара оплеух каждой. Холли и Джером не должны видеть, насколько ему плохо. Ему обещан этот день, и он намерен использовать каждую минуту. Если потребуется, до самой полуночи.

Ходжес выходит из туалета, напоминая себе, что должен расправить плечи и перестать прижимать руку к левому боку, когда звонит его мобильник. Пит хочет вновь пожаловаться на свою напарницу, думает он – и ошибается. Звонит Норма Уилмер.

– Я нашла секретную папку, – говорит она. – Принадлежавшую великой Рут Скапелли...

– Да, – вспоминает Ходжес. – Список посетителей. Кто в нем?

– *Нет* никакого списка.

Ходжес приваливается к стене, закрывает глаза.

– Черт...

– Но я нашла служебную записку от Бэбино на его личном бланке. Цитирую: «Фредерику Линклэттер пропускать в часы посещения и после них. Она способствует процессу выздоровления Б. Хартсфилда». Это поможет?

Девушка со стрижкой морского пехотинца, думает Ходжес. Неопрятная и в татуировках.

Тогда колокола не зазвенели, появился лишь слабый отзвук, и теперь он знает причину. Ходжес видел тощую девицу с короткой стрижкой в «Дисконт электроникс» в 2010 году, когда он, Джером и Холли выслеживали Брейди. Даже шесть лет спустя он помнит, что она сказала про своего коллегу по киберпатрулю: *Что-то там с его матерью, зуб даю. Он на ней повернут.*

– Вы на связи? – В голосе Нормы слышится раздражение.

– Да, но должен идти.

– Разве вы сами не сказали, что будет бонус, если...

– Обязательно. Я помню, Норма. – И Ходжес дает отбой.

Таблетки действуют, и ему удается достаточно быстрым шагом добраться до офиса. Холли и Джером стоят у окна, выходящего на Лоуэр-Мальборо-стрит, и, судя по выражениям лиц, когда они поворачиваются на звук открывающейся двери, говорили они о нем, у него нет времени это обсуждать. И даже размышлять об этом. Потому что сейчас его мысли сосредоточены на модифицированных «Заппитах». С той самой поры, как они начали с этим разбираться, ему не давал покоя вопрос: как Брейди модифицировал игровые приставки, если он постоянно находился в больнице и едва двигался? Но теперь выходит, что он знал человека, который обладал необходимыми навыками, чтобы сделать это за него. Который с ним раньше работал. Который мог навещать его в Ведре в любое время с письменного одобрения Бэбино. Косящая под панка самоуверенная девица с татуировками.

– К Брейди приходила... только она и приходила... женщина, которую зовут Фредерика Линклэттер. Она...

– Киберпатруль! – Холли почти кричит. – Он с ней работал!

– Точно. Был еще парень... начальник, думаю. Кто-нибудь помнит его имя?

Холли и Джером переглядываются, качают головой.

– Это было так давно, Билл, – говорит Джером. – И нас интересовал только Хартсфилд.

– Да. Я запомнил Линклэттер, потому что она просто незабываемая.

– Можно воспользоваться вашим компьютером? – спрашивает Джером. – Может, я его отыщу, пока Холли займется девушкой.

– Конечно, приступай.

Холли уже сидит за своим ноутбуком, выпрямив спину, пальцы бегают по клавишам. Она разговаривает сама с собой, как с ней случается, если она чем-то увлечена.

– Черт. В «Белых страницах» нет ни адреса, ни телефона. Все равно

стоит глянуть, множество одиноких женщин... да, долбаного телефона нет... вот ее страница в «Фейсбуке»...

– Меня не интересуют фотографии, которые она сделала на летнем отдыхе, или список ее друзей, – говорит Ходжес.

– Ты уверен? Потому что друзей у нее только шесть, и один из них – Энтони Фробишер. Я уверена, именно так звали...

– *Фробишер!* – кричит Джером из кабинета Ходжеса. – *Энтони Фробишер был третьим сотрудником киберпатруля!*

– Я тебя опередила, Джером, – говорит Холли. Она выглядит очень довольной. – Опять.

6

В отличие от Фредерики Линклэттер, Энтони Фробишер в Сети есть. Его можно найти и по фамилии, и как «Вашего компьютерного гуру». Номер один и тот же – мобильный, как предполагает Ходжес. Он просит Джерома освободить его офисное кресло и медленно, осторожно садится. Взрыв боли, который он испытал, сидя на унитазах, еще не стерся из памяти.

Ему отвечают после первого гудка.

– Ваш компьютерный гуру, Тони Фробишер. Чем я могу вам помочь?

– Мистер Фробишер, меня зовут Билл Ходжес. Вы, наверное, меня не помните, но...

– Я прекрасно вас помню. – Голос у Фробишера настороженный. – Чего вы хотите? Если вы насчет Хартсфилда...

– Я насчет Фредерики Линклэттер. Нет ли у вас ее нынешнего адреса?

– Фредди? Откуда у меня ее адрес? Я не видел ее с тех пор, как закрылся «ДЭ».

– Правда? Согласно ее страничке в «Фейсбуке», вы – друзья.

Фробишер смеется, словно не верит своим ушам.

– А кто еще у нее в друзьях? Ким Чен Ын? Чарлз Мэнсон? Послушайте, мистер Ходжес, у этой ехидной сучки друзей не было и нет. Наверное, ее другом мог считаться Хартсфилд, но я только что получил на мобильник пуш-уведомление, что он мертв.

Ходжес понятия не имеет, что такое пуш-уведомление, да его это и не интересует. Он благодарит Фробишера и дает отбой. Догадывается, что остальные фейсбукские друзья Фредди Линклэттер – не настоящие, она их добавила, чтобы не выглядеть полным изгоем. В свое время Холли могла бы поступить так же, но теперь у нее *есть* друзья. К счастью для нее,

и к счастью для них. Однако остается вопрос: как найти Фредди Линклэттер?

Агентство, в котором работает он и Холли, не зря называется «Найдем и сохраним», но большинство их поисковиков настроены так, чтобы находить мерзавцев, у которых в друзьях мерзавцы, с уголовным прошлым и неоднократным попаданием в розыскные списки. Он *может* найти Линклэттер, в этом компьютеризированном мире мало кому удастся проскользнуть незамеченным, но сделать это надо быстро. Всякий раз, когда какой-нибудь подросток включает один из этих бесплатных «Заппитов» и начинает «ловить» розовых рыб под синие вспышки, он получает – судя по ощущениям Джерома – подсознательные призывы заглянуть на сайт «Конец буквы “зет”».

«Ты – детектив. Да, у тебя рак, но ты все равно детектив. Так что забудь обо всем и ищи».

Но это так трудно. Мешают мысли обо всех этих подростках, которых Брейди пытался – к счастью, безуспешно – убить на концерте бой-бэнда «Здесь и сейчас». В том числе и сестру Джерома. И если бы не Дирус Невилл, Барбара лежала бы сейчас в гробу, а не мучилась со сломанной ногой. Может, на ней отрабатывалась технология? Как на Эллертон. Вполне логично. Но теперь «Заппиты» получили сотни подростков, и как-то они к ним попали, черт побери.

Тут его наконец осеняет.

– Холли! Мне нужен телефонный номер!

7

Тодд Шнайдер на месте и настроен дружелюбно.

– Как я понимаю, у вас настоящий буран, мистер Ходжес.

– Есть такое.

– Нашли бракованные игровые приставки?

– Поэтому я, собственно, и звоню. У вас ведь есть адрес, по которому вы отправили ту партию «Заппит командер»?

– Разумеется. Я вам перезвоню.

– Не возражаете, если я подожду? Дело срочное.

– Срочное дело у адвоката, защищающего права потребителей? – В голосе Шнайдера слышится смех. – Это что-то новенькое. Давайте посмотрим, что я смогу для вас сделать.

Щелчок, и Ходжес переведен в режим ожидания. Звучит

успокаивающая музыка, которая совершенно не успокаивает. Холли и Джером уже в кабинете, стоят у стола. Ходжес усилием воли не позволяет руке двинуться к боку. Секунды тянутся, складываются в минуту. Потом в две. Ходжес думает: «Либо ему позвонил кто-то еще, либо он забыл про меня, либо не может найти адрес».

Музыка режима ожидания смолкает.

– Мистер Ходжес? Вы слушаете?

– Конечно.

– Адрес у меня. «Геймзет анлимитед», если вы помните. Четыреста сорок два, по Мэритайм-драйв. Для передачи мисс Фредерике Линклэттер. Вам это поможет?

– Безусловно. Спасибо вам, мистер Шнайдер. – Он отключает связь и смотрит на своих помощников: одна – худенькая и бледная, второй – черный и накачанный после Аризоны. Вместе с дочерью Элли, живущей сейчас на другом конце страны, они – самые близкие ему люди, и любит он их больше всех на свете. – Поехали, детки.

8

Брейди сворачивает с шоссе номер 79 у «Гаража Терстона», где местные парни, подрабатывающие водителями снегоочистительных машин, заправляют их бензином, грузят смесь песка с солью или просто стоят, пьют кофе и болтают. Брейди задается вопросом, а не свернуть ли ему в «Гараж», чтобы поставить шипованную резину на «малибу» Библиотечного Эла, но видит, что желающих «переобуться» много, и на это может уйти вся вторая половина дня. Пункт назначения уже близко, и он решает продолжить путь. Если после его приезда дороги занесет снегом, что с того? Он уже побывал в охотничьем домике дважды, чтобы осмотреться, и во второй приезд оставил там кое-какие припасы.

На Вейл-роуд снега уже добрых три дюйма, так что ехать непросто. Несколько раз «малибу» заносит, однажды почти в кювет. Брейди обильно потеет, артритные пальцы Бэбино пульсируют болью от мертвой хватки на руле.

Наконец он видит высокие красные столбы – последний нужный ему ориентир. Тормозит и поворачивает с черепашей скоростью. Теперь от цели его отделяют две мили безымянной однополосной дороги, и, спасибо нависшим переплетенным кронам, ехать по ней гораздо проще, чем по шоссе. Кое-где снега вообще нет. Все, конечно, изменится, как только

снежная буря обрушится на город и окрестности со всей силой, но, согласно радио, случится это около восьми вечера.

Брейди подъезжает к развилке, где деревянные стрелки, прибитые к огромной старой ели, указывают в разные стороны. Направо – «МЕДВЕЖИЙ ЛАГЕРЬ БОЛЬШОГО БОБА». Налево – «РОГА И ШКУРЫ». В десяти футах над стрелками закреплена уже припорошенная снегом камера видеонаблюдения.

Брейди сворачивает налево и теперь не так сильно сжимает руль. Он практически на месте.

9

В городе снег еще не повалил. Улицы чистые, автомобили едут быстро, но вся троица усаживается в джип «рэнглер» Джерома, на случай если снегопад все-таки усилится. Дом четыреста сорок два по Мэритайм-драйв – один из кондоминиумов, которые выросли как грибы после дождя на южном берегу озера в динамичные восьмидесятые. Тогда спрос на эти квартиры не успевал за предложением. Теперь больше половины пустуют. У входа Джером находит список жильцов: Ф. ЛИНКЛЭТТЕР занимает квартиру 6-А. Он уже подносит руку к звонку, но Ходжес его останавливает.

– Что такое? – спрашивает Джером.

– Смотри и учись, Джером, – чинно отвечает Холли. – Мы работаем так.

Ходжес наобум нажимает несколько кнопок, и на четвертой попытке ему отвечает мужчина:

– Да?

– «ФедЭкс», – говорит Ходжес.

– Кто мог послать мне что-то «ФедЭксом»? – В голосе слышится недоумение.

– Не могу знать, дружище, мое дело – доставка по указанному адресу.

Дверь в вестибюль открывается с недовольным скрипом. Ходжес проходит первым, придерживает ее для остальных. Два лифта, на одном – табличка «Не работает». На том, что работает, кто-то приклеил записку: «У кого бы на четвертом ни таякала собака, я тебя найду».

– Звучит зловеще, – комментирует Джером.

Двери кабины открываются, они входят. Холли роется в сумочке. Достает упаковку «Никоретте», бросает в рот одну подушечку. Когда лифт

останавливается на шестом этаже, Ходжес предупреждает:

– Если она дома, говорить буду я.

Нужная им квартира – напротив лифта. Ходжес стучит. Не получив ответа, барабанит. Потом молотит кулаком.

– Уходите. – Голос из-за двери – слабый и тонкий. Голос маленькой девочки, больной гриппом, думает Ходжес.

Он молотит снова.

– Открывайте, мисс Линклэттер.

– Вы из полиции?

Он уже готов сказать «да», после выхода на пенсию ему не впервой выдавать себя за полицейского, но интуиция подсказывает: это не тот случай.

– Нет. Меня зовут Билл Ходжес. Мы уже встречались однажды, в две тысячи десятом. Тогда вы работали...

– Да, я помню.

Открывается один замок. Второй. Падает цепочка. Дверь распаивается, и в коридор плывет характерный запах марихуаны. Стоящая на пороге женщина большим и указательным пальцами левой руки сжимает наполовину выкуренный косяк. Она болезненно худая, белая, как молоко. На ней футболка с надписью на груди: «ЗАЛОГИ ДЛЯ ПЛОХИХ ПАРНЕЙ, БРЕЙДЕНТОН, ФЛОРИДА». Под ней еще одна: «ЗА РЕШЕТКОЙ? МЫ ВНЕСЕМ ЗАЛОГ». Но эту прочесть сложно из-за кровавого пятна.

– Мне следовало позвонить вам, – говорит Фредди, и хотя смотрит на Ходжеса, он предполагает, что произносит она это скорее как констатацию факта. – Я бы позвонила, если бы додумалась. Вы ведь остановили его тогда, верно?

– Господи, что случилось? – спрашивает Джером.

– Я, наверное, набрала слишком много вещей. – Фредди указывает на два разномастных чемодана, которые стоят на полу в гостиной за ее спиной. – Мне следовало слушать маму. Она всегда говорила: путешествовать надо налегке.

– Не думаю, что дело в чемоданах. – Ходжес указывает на свежую кровь на футболке Фредди. Он заходит в квартиру, Джером и Холли – следом. Холли закрывает дверь.

– Я знаю, в чем дело, – отвечает Фредди. – Этот гондон подстрелил меня. Кровь потекла снова, когда я перетаскивала чемоданы из спальни.

– Дайте взглянуть. – Ходжес делает шаг к ней, Фредди отступает и скрещивает руки на груди, совсем как Холли. От этого жеста у Ходжеса

щемит сердце.

– Нет, я без лифчика. Слишком больно.

Холли проталкивается мимо Ходжеса.

– Покажите мне, где у вас ванная. Позвольте взглянуть. – Ее голос звучит спокойно, но Ходжес видит, как яростно она жует никотиновую жвачку.

Фредди берет Холли за руку и ведет мимо чемоданов. На секунду останавливается, чтобы затянуться. Выдыхая дым, говорит:

– Оборудование в спальне для гостей. По вашу правую руку. Смотрите внимательно. – И возвращается к первоначальному сценарию: – Если бы я не набрала так много вещей, давно бы уехала.

Ходжес сомневается. Он думает, что Фредди отключилась бы в лифте.

10

Охотничий домик «Рога и шкуры» меньше «замка» Бэбино в Шугар-Хайтс, но тоже впечатляет размерами. Длинный, низкий и беспорядочный. За ним покрытый снегом склон ведет к озеру Чарлз, которое замерзло после прошлого приезда Брейди.

Он паркуется перед домом и осторожно идет к западной стороне. Бэбиновские дорогие туфли из мягкой кожи скользят по снегу. Охотничий домик стоит на большой поляне, так что снега хватает. Лодыжки уже замерзли. Брейди жалеет, что не захватил высокие ботинки, но вновь напоминает себе, что все предусмотреть невозможно.

Он достает из ящика с электросчетчиком ключ от сарая, в котором стоит генератор, а в сарае берет ключи от дома. Генератор – последняя модель «Дженерак гардиан». Сейчас он не работает, но наверняка включится позже. В этих малонаселенных местах электричество вырубается почти при каждом буране.

Брейди возвращается к автомобилю за ноутбуком Бэбино. В охотничьем домике есть вай-фай, и ноутбук – это все, что необходимо, чтобы оставаться на связи с текущим проектом и держать ситуацию под контролем. Плюс, естественно, «Заппит».

Старый добрый «Заппит-зеро».

В доме темно и холодно, поэтому поначалу Брейди ведет себя так же, как и любой домовладелец, вернувшийся после долгого отсутствия: зажигает свет и включает отопление. Гостиная огромная, стены обшиты панелями из сосны. Люстра сделана из полированных костей карибу. Висит

с тех времен, когда в этих местах водились карибу. Камин из плитняка – огромная пасть, почти достаточно, чтобы зажарить носорога. Переkreщающиеся толстые потолочные балки потемнели от дыма за те долгие годы, когда в камине жгли дрова. Вдоль одной стены тянется буфет вишневого дерева. На нем выстроились пять десятков бутылок, одни почти пустые, другие еще запечатанные. Мебель разномастная, старинная и дорогая: глубокие мягкие кресла, гигантский диван, на котором перетрахаили множество женщин. Сюда приезжали не только на охоту и рыбалку, но и ради разврата. Шкура перед камином принадлежала медведю, которого застрелил хирург Элтон Марчант, давно уже отправившийся в великую небесную операционную. Головы животных и чучела рыб – трофеи десятка других врачей, как еще живых, так и уже покинувших этот мир. Особенно красива голова оленя с роскошными ветвистыми рогами. Ее добыл лично Бэбино, когда был самим собой. Вне охотничьего сезона, но кому какое дело.

Брейди ставит ноутбук на антикварный стол со сдвижной крышкой и включает, даже не успев снять пальто. Прежде всего проверяет ретранслятор. Радует, увидев надпись «243 ОБНАРУЖЕНО».

Он думал, что понимает силу «ловушки для глаз», и отдавал себе отчет в том, насколько притягательна демоверсия «Рыбалки» до внесения изменений, но этот успех превосходит все его ожидания. Сайт «Конец буквы “зет”» больше сигналов тревоги не подавал, однако Брейди проверяет и его, чтобы посмотреть, как идут дела. И вновь его ожидания отстают от действительности. Уже более семи тысяч посетителей, и число продолжает расти на глазах.

Брейди сбрасывает пальто и пускается в пляс на шкуре медведя. Быстро устает – при следующем обмене телами выберет кого-нибудь помоложе, между двадцатью и тридцатью, – зато согревается.

Хватает с буфета пульт дистанционного управления и включает огромный плоский телевизор: в охотничьем домике это одно из немногих свидетельств, что на дворе двадцать первый век. Спутниковая тарелка обеспечивает доступ к бог знает скольким каналам и картинку такой высокой четкости, что за нее можно продать душу, но Брейди больше интересуют местные новости. Он переключает каналы, пока на экране не появляется дорога во внешний мир. Гостей он не ожидает, но впереди у него два или три самых важных и продуктивных дня, когда он будет очень занят, и если кто-то намерен ему помешать, он хочет узнать об этом заранее.

Оружейная комната – размером с гардеробную, вдоль стен, обшитых

некрашенными сосновыми досками, выстроились стойки с ружьями и карабинами, пистолеты висят на крючках. Из всего этого разнообразия оптимальный, по мнению Брейди, вариант – винтовка «FN SCAR17S» с пистолетной рукояткой. Скорострельность – шестьсот пятьдесят выстрелов в минуту. Она незаконно модифицирована – добавлен автоматический режим – одним проклятием, по совместительству оружейным фанатом, и теперь это «роллс-ройс» автоматического оружия. Брейди выносит винтовку в гостиную, вместе с дополнительными рожками-обоймами и несколькими тяжелыми коробками патронов «винчестер» триста восьмого калибра, ставит к стене у камина. Думает о том, чтобы разжечь его – сухие дрова уже лежат в очаге, – но решает, что есть дело поважнее. Заходит на городской новостной сайт, быстро просматривает рубрики в поисках самоубийств. Пока ни одного нет, но он может это поправить.

– Назовем это запперитивом, – говорит Брейди улыбаясь и включает игровую приставку. Устраивается поудобнее в одном из кресел и начинает следить за розовыми рыбами. Когда закрывает глаза, рыбы остаются. Поначалу. Потом они становятся красными точками, движущимися на черном фоне.

Брейди наугад выбирает одну и приступает к работе.

11

Ходжес и Джером смотрят на дисплей с надписью «244 ОБНАРУЖЕНО», когда Холли приводит Фредди в компьютерную комнату. Тихо шепчет Ходжесу:

– Она в порядке. Не должна быть, но в порядке. На груди у нее рана, которая выглядит как...

– Как я и сказала. – Фредди говорит уже более уверенно. Глаза красные, но, возможно, от травы, которую она курила. – Он меня подстрелил.

– У нее нашлась пачка ежедневных прокладок, и я приклеила одну пластырем к ране, – продолжает Холли. – Пластыри из аптечки первой помощи слишком маленькие. – Она морщит нос. – Фу.

– Этот гондон меня подстрелил. – Фредди словно до сих пор не может в это поверить.

– О каком гондоне речь? – спрашивает Ходжес. – О Феликсе Бэбино?

– Да, он. Гребаный доктор Зет. Только на самом деле он – Брейди. Как

и другой. Зет-бой.

– Зет-бой? – переспрашивает Джером. – Кто такой Зет-бой?

– Старик? – предполагает Ходжес. – Старше Бэбино? Курчавые седые волосы? Ездит на развалюхе с пятнами грунтовки? Может, носит куртку с заплатами из малярного скотча?

– Насчет автомобиля не знаю, а куртка такая, – отвечает Фредди. – Это он, Зет-бой. – Она садится перед настольным «Маком» (на экране – **фрактальный скринсейвер**), последний раз затягивается и тушит косяк в пепельнице, где полно окурков «Мальборо». Она по-прежнему бледна, но запомнившаяся Ходжесу наглость к ней постепенно возвращается. – Доктор Зет и его верный прислужник Зет-бой. Вот только они оба – Брейди. Гребаная матрешка, вот они кто.

– Мисс Линклэттер! – говорит Холли.

– Да брось, называй меня Фредди. Любая деваха, видевшая мои крошечные сиськи, зовет меня Фредди.

Холли краснеет, но продолжает. Взяв след, она не отступает.

– Брейди Хартсфилд мертв. Вчера ночью или сегодня рано утром он принял смертельную дозу таблеток.

– Элвис покинул здание^[50]? – Фредди задумывается над полученной информацией, качает головой. – Было бы здорово. Будь это правдой.

«А как было бы здорово, если бы я мог поверить, что у нее совсем съехала крыша», – думает Ходжес.

Джером указывает на дисплей ретранслятора. Теперь там мигает «247 ОБНАРУЖЕНО».

– Эта штукавина ищет или загружает?

– И то и другое, – отвечает Фредди и машинально подносит руку к прокладке на ране. Ходжесу этот жест знаком. – Это ретранслятор. Я могу его отключить, во всяком случае, думаю, что могу, но вы должны пообещать, что защитите меня от людей, которые наблюдают за домом. Хотя с сайтом не получилось. У меня есть ай-пи-адрес и пароль, но я все равно не смогла его вырубить.

У Ходжеса тысяча вопросов, но «247 ОБНАРУЖЕНО» меняется на «248», и значение имеют только два.

– Что он ищет? И что загружает?

– Сначала вы должны пообещать, что защитите меня. Вы должны отвезти меня в безопасное место. Программа защиты свидетелей или что-то вроде этого.

– Ему незачем что-то вам обещать, поскольку я и так все знаю. – В голосе Холли нет злобы, скорее, утешение. – Он ищет «Заппиты», Билл.

Всякий раз, когда кто-то включает «Заппит», ретранслятор находит его и загружает модифицированную демоверсию «Рыбалки».

– Превращает розовых рыб в рыб-числа и добавляет синие вспышки, – вставляет Джером. Пристально смотрит на Фредди. – Верно?

Теперь рука Фредди поднимается к покрытой засохшей кровью лиловой шишке на голове. Касается ее, Фредди морщится и отдергивает руку.

– Да. Из восьмисот «Заппитов», которые привезли сюда, двести восемьдесят оказались дефектными. Они или не включались, или выходили из строя при первой попытке открыть какую-нибудь игру. Остальные работали. Мне пришлось установить руткит в каждую игровую приставку. Это была большая работа. Скудная работа. Все равно что соединять детальки на конвейере.

– То есть пятьсот двадцать «Заппитов» работали? – уточняет Ходжес.

– Этот парень умеет вычитать, пусть возьмет с полки пирожок. – Фредди смотрит на дисплей. – И новая демоверсия загружена уже почти в половину. – Она смеется, но веселья в ее смехе нет. – Брейди, возможно, псих, но тут продумал все до мелочей, верно?

– Выключи его, – говорит Ходжес.

– Конечно. Когда вы пообещаете защитить меня.

Джером, который на себе испытал, насколько быстро действует «Заппит» на человека и какие отвратительные стимулирует мысли, не собирается стоять и ждать, пока Фредди закончит торговаться с Биллом. Швейцарский армейский нож, который он носил на ремне в Аризоне, сейчас в кармане: Джером вытащил его из багажа, прежде чем поехать в больницу к Барбаре. Теперь Джером достает нож, открывает самое большое лезвие, снимает ретранслятор с полки и перерезает провода, которыми тот подключен к компьютеру. Ретранслятор с грохотом падает на пол. Системный блок, стоящий под столом, тревожно звенит. Холли наклоняется, что-то нажимает, и тревога замолкает.

– Есть же выключатель, кретин! – кричит Фредди. – Мог бы этого не делать!

– А я вот сделал, – отвечает Джером. – Один из этих гребаных «Заппитов» едва не убил мою сестру. – Он шагает к Фредди, и она отшатывается. – Ты представляла, что делала? Представляла, твою мать? Я думаю, да. Ты, конечно, обкуренная, но ведь не дура!

Фредди начинает плакать:

– Не представляла. Клянусь, не представляла. Потому что не хотела представлять.

- Ходжес глубоко вдыхает, и боль снова просыпается.
- А теперь начни с самого начала, Фредди, и Расскажи нам все.
 - И как можно быстрее, – добавляет Холли.

Джейми Уинтерсу было девять, когда он в сопровождении матери побывал на концерте «Здесь и сейчас» в аудитории Минго. Большинство мальчишек его возраста эту группу не замечали, полагая, что это музыка для девочек. А Джейми такая девчачья музыка нравилась. В девять лет у него еще не было уверенности, что он гей (скорее всего он понятия не имел, что это такое). Знал он только одно: при виде Кэма Ноулса, солиста «Здесь и сейчас», внизу живота у него сладко заныло.

Теперь Джейми почти шестнадцать, и он точно знает, кто он. Общась с некоторыми парнями в школе, он предпочитает опускать одну букву своего имени, потому что в компании с ними ему нравится быть Джейми. Его отец тоже знает, кто он такой, и относится к нему как к выродку. Ленни Уинтерсу – вот кто стопроцентный мужчина – принадлежит процветающая строительная компания, но сегодня все четыре строительных площадки «Уинтерс констракшн» закрыты из-за надвигающейся снежной бури. Поэтому Ленни дома, сидит в кабинете, по уши в бумагах и таблицах на экране компьютера.

– Папа!

– Чего ты хочешь? – рычит Ленни, не поднимая головы. – И почему ты не в школе? Занятия отменили?

– *Papa!*

На этот раз Ленни поворачивается и смотрит на подростка, которого иногда называет (думая, что Джейми не слышит) «семейным геем». Прежде всего замечает, что сын накрашен: помада, румяна, тушь для глаз. Потом видит платье – и узнает в нем одно из платьев своей жены. Джейми высокий, и подол доходит лишь до середины бедер.

– *Какого хрена?*

Джейми улыбается. Ликующе.

– Я хочу, чтобы меня так похоронили!

– Да что ты... – Ленни встает так быстро, что кресло опрокидывается. Только сейчас он замечает пистолет в руке сына. Должно быть, Джейми позаимствовал его из гардеробной в родительской спальне.

– Смотри, папа! – Джейми продолжает улыбаться. Словно собирается

показать действительно крутой фокус. Поднимает пистолет и приставляет к правому виску. Палец на спусковом крючке. Ноготь аккуратно покрыт лаком с блестками.

– Опusti его, сынок! *Опусти...*

Джейми – или Джеми, так он подписал короткую предсмертную записку – нажимает спусковой крючок. Пистолет триста пятьдесят седьмого калибра оглушительно грохочет. Кровь и мозги летят фонтаном и разукрашивают дверную раму. Подросток в платье матери и ее косметике падает вперед, левая сторона лица лопнула, словно воздушный шарик.

Ленни Уинтерс кричит, кричит, кричит. Тонким и пронзительным девчачьим голосом.

13

Брейди отсоединяется от Джейми Уинтерса в тот момент, когда подросток подносит пистолет к виску: его пугает – да что там, ужасает – то, что может произойти, если он будет находиться в голове Джейми, когда ее разнесет пуля. Возможно, Брейди выплунуло бы из разума, словно арбузное семечко – так случилось, когда он оказался в голове наполовину загипнотизированного дебила, который мыл пол в палате 217, – но возможно, он умер бы вместе с парнем.

На мгновение Брейди думает, что отсоединился слишком поздно, и непрерывный звон, который он сейчас слышит, – то, что слышат все, расставаясь с жизнью. Но он уже в гостиной «Рогов и шкур», сидит перед ноутбуком Бэбино с «Заппитом» в ослабевшей руке. Источник звона – ноутбук. Брейди смотрит на экран и видит два сообщения. Первое: «248 ОБНАРУЖЕНО». Это хорошие новости. Второе – новости плохие:

РЕТРАНСЛЯТОР ВНЕ СЕТИ

«Фредди, – думает он. – Не верил, что тебе хватит духа. Просто не верил.

Сука».

Левая рука ползет по столу и добирается до керамического черепа с ручками и карандашами. Брейди поднимает его, чтобы швырнуть в экран и уничтожить это приводящее в бешенство сообщение. Останавливает его сверкнувшая догадка. До отвращения *правдоподобная* догадка.

Может, ей духа как раз и *не хватило*. Может, ретранслятор отключил

кто-то еще. И кто мог это сделать? Ходжес, разумеется. Старый детпен. Его, Брейди, гребаная *Немезида*.

Брейди знает, что с головой у него не все в порядке, знает это с давних пор, и понимает, что такие мысли могут быть лишь паранойей. Однако какая-то логика в этом есть. Ходжес уже полтора года не приходил в палату 217, но, согласно словам Бэбино, вчера появился в клинике, что-то вынюхивая.

«И он всегда знал, что я симулирую, – думает Брейди. – Он так и говорил, снова и снова: *Я знаю, что ты все понимаешь, Брейди*. Некоторые “пиджаки” из прокуратуры говорили то же самое, но они лишь пытались выдать желаемое за действительное: очень хотели отправить его в зал суда и покончить с ним. А вот Ходжес...»

– Он говорил это, потому что знал, – вырывается у Брейди.

Но, может, это не такие уж плохие новости. В конце концов, половина «Заппитов», которые модернизировала Фредди и разослал Бэбино, активирована, а значит, большинство их владельцев открыты для вторжения, точно так же, как маленький педик, с которым он только что разобрался. Плюс есть сайт. Как только люди с «Заппитами» начнут убивать себя – само собой, с помощью Брейди Уилсона Хартсфилда, – сайт подтолкнет остальных к шагу в пропасть: обезьяна видит, обезьяна делает. Поначалу это будут те, кто и так балансировал на грани, но они станут примером, которому последуют многие и многие. Стройными рядами они промаршируют за грань жизни, как стадо буйволов, мчащееся к обрыву.

Но все-таки.

Ходжес.

Брейди вспоминает постер, который висел в его комнате, когда он был маленьким: *Если жизнь подсовывает тебе лимоны, приготовь лимонад*. Золотое правило, особенно если вспомнить, что единственный способ приготовить лимонад из лимонов – выжать их досуха.

Брейди хватается за старый, но по-прежнему работоспособный мобильник Зет-боя и вновь по памяти набирает номер Фредди.

Фредди вскрикивает, когда откуда-то из глубин квартиры доносится мелодия «Буги-вуги-горниста». Холли мягко кладет руку ей на плечо и вопросительно смотрит на Ходжеса. Тот кивает и идет на звук, Джером – за ним по пятам. Мобильник лежит на туалетном столике, среди тюбиков

крема для рук, упаковок сигаретной бумаги «Зиг-Заг», мундштуков-защепок и не одного, а двух внушительных пакетов с марихуаной.

На дисплее высвечено «ЗЕТ-БОЙ», но сам Зет-бой, ранее известный как Библиотечный Эл, в настоящее время в полиции, и едва ли ему разрешены звонки.

– Алло? – говорит Ходжес. – Это вы, доктор Бэбино?

Тишина... почти. Ходжес слышит дыхание.

– Или мне называть вас доктор Зет?

Тишина.

– Как насчет Брейди? – Ходжес до сих пор не может во все это поверить, несмотря на рассказ Фредди, но вполне способен поверить, что у Бэбино произошло раздвоение личности и тот на самом деле считает себя Брейди. – Это ты, говнюк?

Он слышит дыхание еще две или три секунды, потом – тишина. Связь разорвана.

15

– Такое возможно, знаете ли, – говорит Холли. Она присоединилась к ним в захлавленной спальне Фредди. – Я хочу сказать, это может быть Брейди. Перенос личности – документально подтвержденный феномен. Собственно, это второй из наиболее распространенных вариантов одержимости дьяволом. Первый наиболее распространенный – шизофрения. Я видела документальный фильм...

– Нет, – обрывает ее Ходжес. – Невозможно. Нет.

– Не отмахивайся от этой идеи. Не уподобляйся мисс Красотке Сероглазке.

– И что это должно означать? – Боже, теперь щупальца боли тянутся вниз, к самым яйцам.

– Нельзя отворачиваться от доказательств только потому, что они ведут в направлении, по которому ты не хочешь идти. Ты знаешь, что Брейди стал другим, когда к нему вернулось сознание. Он пришел в себя, обладая некими способностями, отсутствующими у большинства людей. Возможно, телекинез – лишь одна из них.

– Я никогда не видел, чтобы он что-то там двигал.

– Но ты веришь медсестрам, которые видели, так?

Ходжес молчит, думает, опустив голову.

– Ответьте ей, – просит Джером. Голос у него ровный, но Ходжес

улавливает скрытое нетерпение.

– Да, я верил некоторым. Здравомыслящим, вроде Бекки Хелмингтон. Их рассказы не могли быть выдумкой.

– Посмотри на меня, Билл.

Просьба – нет, команда – поступает от Холли Гибни, и настолько необычна, что он поднимает голову.

– Ты действительно веришь, что Бэбино мог модифицировать «Запиты» и создать этот сайт?

– Мне не надо в это верить. Для этого у него была Фредди.

– Только не для сайта, – слышится усталый голос.

Они оборачиваются. В дверях стоит Фредди.

– Если бы я создала сайт, то могла бы его закрыть. Но я лишь получила флешку со всеми параметрами сайта от доктора Зет. Вставила в компьютер и загрузила. А когда он ушел, провела небольшое расследование.

– Начиная с обратного запроса ди-эн-эс, верно? – интересуется Холли.

Фредди кивает.

– Девушка кое-что умеет.

Холли поворачивается к Ходжесу.

– Ди-эн-эс – система доменных имен. Программа прыгает с сервера на сервер, словно по торчащим из воды камням, и спрашивает: «Вы знаете такой сайт?» Продолжает спрашивать, пока не находит нужный сервер. – Холли обращается к Фредди: – Но даже располагая нужным ай-пи-адресом, вы все равно не смогли войти?

– Да.

– Я уверена, что Бэбино прекрасно разбирается в проблемах человеческого мозга, – говорит Холли, – но сильно сомневаюсь, что он достаточно силен в компьютерах, чтобы заблокировать доступ к сайту.

– Меня привлекли только для помощи, – вставляет Фредди. – Это Зетбой принес мне программу для модификации «Запитов», на бумажке, как рецепт кофейного торта. Готова поспорить на тысячу долларов, что о компьютерах он знает только как их включить – при условии, что видит кнопку на корпусе – и как попасть на любимые порносайты.

Ходжес ей верит. Сомневается, что поверит полиция, когда докопается до этого, но сам верит. И... *Не уподобляйся мисс Красотке Сероглазке.*

Тут Холли его зацепила. Еще как зацепила.

– Кроме того, – продолжает Фредди, – после каждого шага в программе стояла сдвоенная точка. Такие же ставил Брейди. Думаю, научился этому в школе, на уроках программирования.

Холли хватает Ходжеса за запястья. На одной ее руке кровь – осталась

после перевязки Фредди. Среди прочего Холли помешана на чистоте, и раз она не стала смывать кровь, значит, полностью зациклена на деле.

– Бэбино давал Хартсфилду экспериментальные препараты, что противоречит врачебной этике, но это *единственное*, что он делал, потому что интересовало его лишь одно: вытащить Брейди из комы.

– Ты не знаешь этого наверняка, – возражает Ходжес.

Она все еще держит его, скорее взглядом, чем руками. Поскольку обычно она избегает визуального контакта, легко забыть, каким яростным может быть ее взгляд, когда она распаляется до предела.

– Вопрос только один, – говорит Холли. – Кто князь самоубийств в этой истории? Феликс Бэбино или Брейди Хартсфилд?

– Иногда доктор Зет был просто доктором Зет, а Зет-бой – просто Зет-боем, только при этом возникало ощущение, что они чем-то закинулись или обкурились, – произносит Фредди мечтательным, напевным голосом. – А вот в активном состоянии это были *не они*. Когда они были бодрыми, в них сидел Брейди. Верьте или нет, но это был он. И дело не только в сдвоенных точках или обратном наклоне почерка. Я говорю обо всем. Я работала с этим гнусным ублюдком. Я знаю.

Она заходит в спальню.

– А теперь, если никто из вас, детективов-любителей, не возражает, я скручу себе еще один косячок.

Брейди, переставляя ноги тела Бэбино, в глубокой задумчивости кружит по большой гостиной «Рогов и шкур». Он хочет вернуться в мир «Заппита», хочет выбрать новую жертву и вновь испытать приятные ощущения, возникающие, когда побуждаешь кого-то переступить черту. Но для этого необходимо спокойствие и ясность мыслей, а их нет и в помине.

Ходжес.

Ходжес в квартире Фредди.

Расколется ли Фредди? Друзья и соседи, на востоке ли встает солнце?

И тут, по мнению Брейди, возникает два вопроса. Первый: сможет ли Ходжес отключить сайт? Второй: сможет ли Ходжес найти его здесь, в этой глуши?

Брейди думает, что ответ на оба вопроса один: да, – но чем больше людей он подтолкнет к самоубийству, тем сильнее будет страдать Ходжес. И если смотреть на проблему под этим углом, это даже хорошо, если

Ходжес начнет искать дорогу сюда. Тогда он, Брейди, успеет приготовить лимонад из лимонов. В любом случае у него будет время. Он отъехал достаточно далеко от города, и снежная буря «Юджиния» играет ему на руку.

Брейди возвращается к ноутбуку, убеждается, что сайт «Конец буквы “зет”» работает. Проверяет количество посетителей. Более девяти тысяч, и большинство (но отнюдь не все) – подростки, которых интересует самоубийство. Интерес этот особенно велик в январе и феврале, когда темнеет рано, а весна, кажется, никогда не наступит. Еще у него есть «Заппит-зеро», и с ним он успеет войти в непосредственный контакт со многими. С «Заппитом-зеро» добраться до них легко, словно поймать рыбу в бочке.

Розовую рыбу, думает он и хихикает.

Брейди успокаивается: похоже, есть способ разобраться с детпенем, если тот вдруг появится здесь, как кавалерия в финале вестернов с Джоном Уэйном. Он включает «Заппит». Пока разглядывает рыб, в голову приходит отрывок стихотворения, прочитанного в старших классах. Брейди произносит его вслух:

– «Не спрашивай, в чем дело, иди и сразу сделай»^[51].

Он закрывает глаза. Плавающие розовые рыбы становятся плавающими красными точками, и каждая – подросток, побывавший на концерте. Все они сейчас уставились в свои «Заппиты» в надежде выиграть приз.

Брейди выбирает одну точку, останавливает и смотрит, как она расцветает.

Словно роза.

– Конечно, в полиции есть отделение компьютерно-технической экспертизы, – отвечает Ходжес на вопрос Холли. – Если можно назвать отделением трех сотрудников, имеющих неполный рабочий день. И слушать меня они не будут. Я давно уже гражданский. – Но самое плохое не в этом. Он – гражданский, который служил в полиции, а когда копы на пенсии лезут в полицейские дела, их называют дядюшками. Причем без всякого уважения.

– Тогда позвони Питу, и пусть он связывается с ними, – предлагает Холли. – Потому что этот долбаный суицидальный сайт надо закрыть.

Они вдвоем в командном пункте Фредди Линклэттер. Сама Фредди и Джером – в гостиной. Ходжес не думает, что Фредди может сбежать – она до смерти боится, возможно, несуществующих людей, которые наблюдают за домом, – но поведение обкуренных предсказать сложно. Разве что им обычно хочется курнуть еще.

– Позвони Питу, и пусть он попросит кого-нибудь из их компьютерных гениев позвонить мне. Любой, кто что-то смыслит в компьютерах, сможет задосить сайт.

– Зад...?

– Ди – большое, о – маленькое, эс – большое. Вызвать отказ в обслуживании. Человеку нужна связь с ботнетом и... – На лице Ходжеса – полнейшее непонимание. – Не важно. Идея в том, чтобы завалить сайт самоубийц требованиями по обслуживанию... тысячами, миллионами. Заглушить этот долбаный сайт и обрушить сервер.

– Ты можешь это сделать?

– Я не могу, и Фредди не может, но компетентный специалист полицейского управления располагает достаточной компьютерной мощностью. Если он не сможет сделать это с полицейских компьютеров, то обратится в Министерство национальной безопасности. Потому что речь ведь о безопасности, правда? На кону человеческие жизни.

Это точно, и Ходжес звонит, но автоответчик переводит его звонок на голосовую почту. Потом Ходжес пытается связаться с Касси Шин, но дежурный, который принимает звонок, говорит, что у матери Касси диабетический криз, и Касси повезла ее к врачу.

Варианты исчерпаны, и Ходжес звонит Изабель.

– Иззи, это Билл Ходжес. Я пытался дозвониться до Пита, но...

– Пита больше нет. Он завязал. Подвел черту. – На одно ужасное мгновение Ходжес думает, что она говорит о смерти его давнего напарника. – Оставил записку на моем столе. В ней сказано, что он идет домой, отключает мобильник, отсоединяет домашний телефон и будет спать следующие двадцать четыре часа. И вообще этот день – его последний на службе. Он может это сделать, даже не трогая неиспользованные отпуска, которых у него накопилось выше крыши. Ему достаточно взять положенные отгулы, чтобы дотянуть до выхода на пенсию. И я думаю, ты можешь вычеркнуть его прощальную вечеринку из своего ежедневника. Ты и твоя чудакватая напарница можете в тот день пойти в кино.

– Ты винишь меня?

– Тебя и твою одержимость Брейди. Ты заразил ею Пита.

– Нет. Он просто хотел расследовать это дело. А ты хотела сбыть его с рук, чтобы потом залечь на дно. И должен сказать, тут я полностью на стороне Пита.

– Видишь? Видишь? То самое отношение, о котором я говорю. Проснись, Ходжес, мы в реальном мире. И я говорю тебе в последний раз: перестань совать свой длинный клюв в чужие...

– А вот что я говорю тебе: если ты хочешь, чтобы у тебя остался хотя бы минимальный гребаный шанс на повышение, вытащи голову из жопы и слушай меня.

Слова срываются с губ, прежде чем он успевает их обдумать. Ходжес боится, что она даст отбой, и если она это сделает, к кому ему обращаться? Но Иззи молчит, похоже, потеряв от неожиданности дар речи.

– Самоубийства. Поступили сообщения хотя бы об одном после твоего возвращения из Шугар-Хайтс?

– Я не зна...

– Так посмотри! Немедленно!

Секунд пять он слышит, как Иззи стучит по клавиатуре. Потом:

– Одно пришло только что. Застрелился мальчик в Лейквуде. На глазах отца, который и позвонил. В истерике, как и следовало ожидать. Но какое отношение...

– Попроси копов, которые туда выехали, поискать игровую приставку «Заппит». Такую же, как Холли нашла в доме Эллертон.

– Опять ты за свое? Как заезженная плас...

– Они ее найдут. И возможно, до конца дня станет известно о новых самоубийствах, связанных с этими «Заппитами». Возможно, их будет много.

– *Сайт!* – беззвучно, одними губами произносит Холли. – *Скажи ей насчет сайта!*

– Еще есть сайт для самоубийц, который называется «Конец буквы “зет”». Появился только сегодня. Его нужно закрыть.

Иззи вздыхает и отвечает ему, словно ребенку:

– Этих сайтов для самоубийц в Сети *выше крыши*. Только в прошлом году мы получили соответствующую служебную записку от Управления по делам несовершеннолетних. Они плодятся как кролики, и обычно их создают подростки в черных футболках, которые все свободное время проводят в своих спальнях. На этих сайтах полно плохих стихов и подробных описаний, как сделать это без боли. Плюс, естественно, жалобы на бездушных родителей.

– Этот сайт другой. Он может спровоцировать лавину самоубийств.

Потому что загружен подсознательными посланиями. Попроси кого-то из компьютерных спецов позвонить Холли Гибни. Немедленно.

– Так не положено, – холодно отвечает Иззи. – Я должна заглянуть на сайт, потом отправить по инстанциям служебную записку.

– Сделай так, чтобы в течение пяти минут кто-то из ваших компьютерных гениев позвонил Холли. Иначе, когда количество самоубийств начнет расти как снежный ком – а я уверен, что начнет, – я обязательно расскажу тем, кто согласится меня выслушать, что обратился к тебе, а ты пустила все на самотек. И среди моих слушателей наверняка окажутся репортеры газеты и канала «Эйт-элайв». В обоих местах друзей у управления полиции немного, особенно после того, как прошлым летом двое патрульных застрелили безоружного чернокожего подростка на МЛК-авеню.

Пауза. Потом Иззи говорит мягким, даже обиженным голосом:

– Ты вроде бы должен быть на *нашей* стороне, Билл. Почему ты так себя ведешь?

«Потому что Холли права насчет тебя», – думает он. Вслух же отвечает:

– Потому что у нас нет времени.

18

В гостиной Фредди сворачивает еще одну самокрутку. Лижет бумагу, чтобы заклеить, смотрит вверх косяка на Джерома:

– Ты у нас здоровяк, да?

Джером молчит.

– Какой у тебя вес? Двести десять фунтов? Двести двадцать?

Джерому нечего сказать и на это.

Фредди невозмутимо прикуривает, вдыхает, протягивает самокрутку Джерому. Тот качает головой.

– И напрасно, здоровяк. Травка классная. Пахнет, как собачья моча, я знаю, но все равно классная.

Джером молчит.

– Проглотил язык?

– Нет. Думал о курсе социологии в выпускном классе. Мы четыре недели разбирали самоубийства, и нам приводили статистику, которую я никогда не забуду. Каждое подростковое самоубийство, о котором сообщает пресса, вызывает семь новых попыток, из которых пять – показательные, а две –

настоящие. Может, тебе тоже лучше подумать об этом, чем изображать крутую.

Нижняя губа Фредди дрожит.

– Я не знала. Правда.

– Конечно же, знала, – жестко возражает Джером.

Фредди смотрит на самокрутку. Теперь ее очередь молчать.

– Моя сестра слышала голос.

Тут Фредди поднимает голову.

– Какой еще голос?

– Из «Заппита». Голос строго ее отчитывал. За то, что она пыталась жить, как белая. За то, что предала своих братьев и сестер по цвету кожи. За то, что она никчемная.

– И этот голос тебе кого-то напомнил?

– Да. – Джером думает об обвиняющих криках, которые они с Холли услышали из компьютера Оливии Трелони, через долгое время после ее смерти. Крики эти запрограммировал Брейди Хартсфилд, с тем чтобы подтолкнуть Оливию Трелони к самоубийству. Так коров отправляют на убой по наклонному желобу. – Если на то пошло, да.

– Самоубийства зачаровывали Брейди, – вспоминает Фредди. – Он постоянно читал о них в Сети. На том концерте собирался покончить с собой, знаешь ли.

Джером знает. Он там был.

– Ты действительно думаешь, что он общался с моей сестрой телепатически? Используя «Заппит» как... Что? Канал связи?

– Если он смог подчинить себе Бэбино и другого парня – а он смог, веришь ты в это или нет, – то да, думаю, так и было.

– А другие с этими модифицированными «Заппитами»? Двести сорок с чем-то подростков? – Фредди только смотрит на него сквозь вуаль дыма. – Даже если мы закроем сайт... что будет с ними? Что будет с ними, когда голос начнет убеждать их, что они – собачье дерьмо на башмаке мира, и единственный для них выход – отправиться в долгую прогулку с короткой доски?

Прежде чем Фредди успевает ответить, за нее это делает Ходжес:

– Мы должны заглушить голос. То есть остановить его. Пошли, Джером. Мы возвращаемся в офис.

– А как же я? – спрашивает Фредди.

– Поедешь с нами. И вот что, Фредди...

– Да?

– Травка облегчает боль?

– Мнения разнятся, сами понимаете, в этой гребаной стране иначе и быть не может, но могу сказать, как она действует на меня. С ней критические дни становятся не столь критическими.

– Прихвати с собой, – командует Ходжес. – И сигаретную бумагу тоже.

Они возвращаются в агентство «Найдем и сохраним» на джипе Джерома. На заднем сиденье полно вещей, и Фредди приходится сесть кому-то на колени. Но не к Ходжесу. Его нынешнее состояние такого не позволяет. Поэтому он садится за руль, а Фредди – на колени к Джерому.

– Эй, я прямо на свидании с Джоном Шафтом^[52]. – Фредди ухмыляется. – Большой частный детектив, секс-машина для всех чувих.

– Надеюсь, в привычку у тебя это не войдет, – отвечает Джером.

Звонит мобильник Холли. Тревор Джеппсон, из отделения компьютерно-технической экспертизы. Холли быстро переходит на жаргон, который Ходжес не понимает, что-то о ботах и даркнете. Он не знает, что говорит этот парень, но, похоже, Холли его ответы устраивают. Закончив беседу, она улыбается.

– Он никогда не глушил сайты. Радует, как мальчишка в рождественское утро.

– И сколько времени это займет?

– С паролем и ай-пи-адресом? Совсем немного.

Ходжес паркуется в зоне, где разрешена тридцатиминутная стоянка, почти у Тернер-билдинг. Больше времени им не потребуется – если, конечно, ему повезет, а учитывая, что с удачей у него в последнее время не очень, он считает, что судьба должна хоть раз ему улыбнуться.

Он проходит в офис, закрывает дверь, ищет старую записную книжку с телефонным номером Бекки Хелмингтон. Холли не раз предлагала ввести все номера в мобильник, но Ходжес отказывался. Ему *нравится* листать старую записную книжку. А теперь, наверное, и смысла нет, думает он. «Последнее дело Трента» и все такое.

Бекки напоминает ему, что больше не работает в Ведре.

– Может, ты забыл?

– Я не забыл. Ты знаешь, что с Бэбино?

– Господи, да. – Она понижает голос. – Я слышала, что Эл Брукс – Библиотечный Эл – убил жену Бэбино и, возможно, его самого. Не могу в это поверить.

«Будь у меня время, я бы рассказал много такого, во что ты тоже не поверила бы», – думает Ходжес.

– Не вычеркивай Бэбино из списка живых, Бекки. Он мог удариться в бега. Он давал Брейди Хартсфилду какие-то экспериментальные препараты, и они, возможно, стали причиной его смерти.

– Господи, правда?

– Правда. Но далеко он уехать не мог, учитывая снежную бурю. Где, по-твоему, он спрятался бы? Есть ли у Бэбино какой-нибудь летний коттедж, что-то такое?

Бекки отвечает не задумываясь:

– Не коттедж, а охотничий домик. И не только его. Им владеют четверо или пятеро врачей. – Она вновь понижает голос до доверительного шепота. – Я слышала, что они ездят туда не только для того, чтобы охотиться. Если ты понимаешь, о чем я.

– Где он находится?

– На озере Чарлз. Название у него какое-то жуткое. Сразу вспомнить не могу, но готова спорить, Виолетта Трэн знает. Однажды она провела там выходные. Говорила, что это были самые пьяные сорок восемь часов в ее жизни, и вернулась она с хламидиозом.

– Ты ей позвонишь?

– Конечно. Но если он в бегах, то может уже куда-то лететь. В Калифорнию или даже в Европу. Утром самолеты еще взлетали и приземлялись.

– Не думаю, что он решился бы сунуться в аэропорт, зная, что полиция его разыскивает. Спасибо, Бекки. Жду твоего звонка.

Ходжес идет к сейфу, набирает шифр на кодовом замке. Носок, наполненный металлическими шариками – Веселый ударник, – дома, зато пистолет и револьвер здесь. «Глок» сорокового калибра, с которым он ходил на службу, и «смит-вессон» тридцать восьмого, модель «Виктори», принадлежавший его отцу. Ходжес достает с верхней полки сейфа парусиновый мешок, кладет в него оружие и четыре коробки патронов, затем резко дергает за тесемку, затягивая горловину.

«На этот раз инфаркт меня не остановит, Брейди, – думает он. – На этот раз у меня всего лишь рак, а с этим можно жить».

Мысль эта вызывает смех. А смех – боль.

Из приемной доносятся аплодисменты всей троицы. Ходжес практически уверен, что знает, чем они вызваны, и не ошибается. На экране компьютера Холли – сообщение: «НА САЙТЕ КОНЕЦ БУКВЫ «ЗЕТ» ВОЗНИКЛИ ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ». Ниже: «ЗВОНИТЕ 1-800-

273-TALK».

– Идея Джеппсона, – говорит Холли, не отрывая глаз от экрана. – Это телефон горячей линии Национальной службы предотвращения самоубийств.

– Здорово, – кивает Ходжес. – И с этим ты тоже отлично справляешься. У тебя полно скрытых талантов.

Перед Холли лежат самокрутки. Вместе с той, что она кладет на стол сейчас, получается дюжина.

– Она такая шустрая. – В голосе Фредди – восхищение. – И посмотрите, какие ровные, словно сделаны машиной.

Холли вызывающе смотрит на Ходжеса.

– Мой психоаналитик говорит, что сигарета с марихуаной, если это не входит в привычку, только полезна. Увлекаться нельзя. Как делают некоторые. – Холли косится на Фредди, потом вновь смотрит на Ходжеса. – А кроме того, они не для меня. Для тебя, Билл. Если они тебе потребуются.

Ходжес благодарит ее и думает о том, как далеко они вдвоем продвинулись и каким приятным – по большей части – было это путешествие. Но коротким. Слишком коротким. Звонит мобильник. Это Бекки.

– Место называется «Рога и шкуры». Говорила тебе, что название неприятное. Виолетта не помнит, как туда добираться – насколько я понимаю, она и по пути приняла на грудь, для разогрева, – но они достаточно долго ехали на север по платной автостраде, а уже съехав с нее, остановились, чтобы заправиться в «Гараже Терстона». Это поможет?

– Да, более чем. Спасибо, Бекки. – Он дает отбой. – Холли, найди «Гараж Терстона», к северу от города. Потом позвони в агентство «Херц» в аэропорту и арендуй самый большой внедорожник с полным приводом, какой у них остался. Нам предстоит путешествие.

– Мой джип... – начинает Джером.

– Он маленький, легкий и старый, – перебивает Ходжес, хотя это не единственные причины, по которым он хочет отправиться в снежную бурю на другом автомобиле. – Но в аэропорт, конечно, поедем на нем.

– А как же я? – спрашивает Фредди.

– Программа защиты свидетелей, – отвечает Ходжес, – как я и обещал. Вот так и сбываются мечты.

Джейн Элсбери родилась совершенно нормальным младенцем – шесть фунтов девять унций, небольшой недовес, – но к семи годам уже весила девяносто фунтов и прекрасно знала песенку, которая до сих пор преследовала ее во сне: **«Жирная-жирная, два на четыре, ты не пролезешь в дверь в сортире, так что наделаешь прямо в квартире»**. В июле 2010 года, когда мать повела ее на концерт «Здесь и сейчас» – это был подарок на пятнадцатый день рождения, – Джейн весила двести десять фунтов. Она без проблем могла войти в туалет, но завязать шнурки ей удавалось с большим трудом. Теперь ей двадцать, ее вес увеличился до трехсот двадцати, и когда голос обращается к ней из «Заппита», который бесплатно прислали по почте, все слова наполнены здравым смыслом. Голос тихий, спокойный, благоразумный. Он напоминает, что никто ее не любит и все над ней смеются. Отмечает, что перестать есть она не может: даже теперь, когда слезы текут из глаз, она уплетает пирожные с шоколадной глазурью и начинкой из маршмэллоу. Как более добрый собрат призрака грядущего Рождества, который на многое раскрыл глаза Эбenezеру Скруджу, этот голос рисует ей будущее, в котором она становится все толще, толще и толще. Смех, который будет нестись по Карбайн-стрит в Раю чурбанов, где она живет с родителями в квартире в доме без лифта. Взгляды отвращения. Шуточки вроде: «Вон идет гудьировский дирижабль» или «Смотри, как бы она не упала на тебя». Голос объясняет, логично и убедительно, что ее никогда не пригласят на свидание, у нее никогда не будет хорошей работы, потому что политкорректность не распространяется на толстух, и к сорока годам ей придется спать сидя, ведь под тяжестью огромных грудей легкие не смогут функционировать, а умрет она от сердечного приступа, не дожив до пятидесяти, но еще до этого ей придется пользоваться пылесосом, чтобы доставать крошки из жировых складок. Когда она пытается возразить голосу, что может похудеть, отправившись в одну из специальных клиник, он не смеется. Только спрашивает сочувственно, откуда возьмутся деньги, если совместного дохода отца и матери едва хватает, чтобы утолять ее вечный голод, а это практически невозможно. И когда голос заявляет, что родителям без нее будет лучше, она соглашается.

Джейн – известная жителям Карбайн-стрит как Толстуха Джейн – ковыляет в ванную и берет пузырек оксиконтин, который прописали отцу от болей в спине. Пересчитывает таблетки. Тридцать, этого более чем достаточно. Она отправляет их в рот по пять, запивает молоком, заедает пирожным с шоколадной глазурью и начинкой из маршмэллоу. Начинает уплывать. «Я сяду на диету, – думает она. – Я надолго, надолго сяду на

диету».

Это точно, соглашается с ней голос из «Заппита». И на этот раз никого не будешь обманывать, правда, Джейн?

Она отправляет в рот последние пять таблеток. Пытается поднять «Заппит», но пальцы отказываются сжать тонкую игровую приставку. Однако разве это имеет значение? В таком состоянии она все равно не смогла бы поймать шуструю розовую рыбу. Лучше смотреть в окно, где снег укутывает мир чистым белым покрывалом.

Больше никакого «не пролезешь в дверь в сортире», думает Джейн и, теряя сознание, испытывает облегчение.

21

На территории аэропорта, прежде чем ехать в «Херц», Ходжес направляет джип Джерома на разворотный круг перед отелем «Хилтон».

– Это и есть Программа защиты свидетелей? – спрашивает Фредди. – Это?

– Поскольку конспиративной квартиры у меня нет, вот что мы сделаем, – говорит Ходжес. – Я сниму номер на свое имя. Ты войдешь, закроешь дверь на все замки, будешь смотреть телевизор и ждать, пока все закончится.

– И перевяжешь рану, – добавляет Холли.

Фредди ее игнорирует. Не отрывает глаз от Ходжеса.

– И что меня ждет? После того как все закончится?

– Не знаю и не хочу сейчас это обсуждать.

– Могу я что-нибудь заказать? – Красные глаза Фредди поблескивают. – Боль поутихла, а вот есть уже хочется.

– Если есть такое желание, наедайся до отвала, – отвечает Ходжес.

– Только посмотри в глазок, прежде чем откроешь дверь официанту, – предупреждает Джером. – Убедись, что это не люди в черном Брейди Хартсфилда.

– Ты шутишь, – говорит Фредди. – Да?

В этот снежный день вестибюль отеля пуст. Ходжес подходит к стойке, оформляет номер на свое имя, возвращается к дивану, на котором сидят остальные. Холли уткнулась в айпад и не поднимает голову. Фредди протягивает руку за картой-ключом, но Ходжес отдает ее Джерому.

– Номер пятьсот двадцать два. Отведи ее наверх, хорошо? Я хочу поговорить с Холли.

Джером вскидывает брови, но Ходжес молчит, поэтому он пожимает плечами и берет Фредди под руку:

– Джон Шафт сопровождает вас в ваш номер.

Она отталкивает руку.

– Мне повезет, если там будет хотя бы мини-бар. – Но встает и идет с Джеромом к лифтам.

– Я нашла «Гараж Терстона», – говорит Холли. – Он в пятидесяти шести милях на север по сорок седьмой автостраде, в том направлении, откуда надвигается снежная буря. Потом надо ехать по семьдесят девятому шоссе. Погода не располагает к таким по...

– Все будет хорошо, – прерывает ее Ходжес. – В «Херце» нам оставили «форд-экспедишн». Отличная тяжелая машина. О том, как туда добраться, ты скажешь мне позже. Сейчас я хочу поговорить с тобой о другом. – Он мягко берет у нее айпад и выключает.

Холли смотрит на него, стиснув руки на коленях, и ждет.

Брейди возвращается с Карбайн-стрит в Раю чурбанов бодрым и радостным: с толстухой Элсбери все получилось легко и весело. Он задается вопросом, а сколько понадобится человек, чтобы вынести ее тело с третьего этажа. Решает, что четверо. А если подумать, каких размеров будет гроб!

Когда он проверяет свой сайт и выясняет, что доступа к нему нет, хорошее настроение исчезает. Да, он ожидал, что Ходжес найдет способ закрыть сайт, но никак не думал, что это произойдет так быстро. И телефонный номер на экране бесит ничуть не меньше, чем грубые послания, которые Ходжес оставлял на сайте «Под синим зонтом Дебби» при первой их стычке. Это горячая линия службы по предотвращению самоубийств. Ему не нужно это проверять. Он *знает*.

И да, Ходжес придет. Достаточно много сотрудников Мемориальной больницы Кайнера знают об этом месте. Оно стало легендой. Но поедет ли он сюда сразу? Брейди в это не верит. Во-первых, детпен наверняка в курсе, что в охотничьих домиках держат оружие (хотя редко так много, как в «Рогах и шкурах»). Во-вторых, и это более важно, детпен – хитрая гиена. Теперь он на шесть лет старше, это правда, активности поубавилось да и руки-ноги трясутся, но наверняка хитрость никуда не делась. Он из тех скрытных тварей, что не попрут на тебя в лоб, а нападут в тот момент, когда

ты будешь смотреть совсем в другую сторону.

«Итак, я Ходжес. И что я сделаю?»

Тщательно обдумав вопрос, Брейди идет в гардеробную и, сверившись с памятью Бэбино (с тем, что от нее осталось), быстро находит подходящую верхнюю одежду. Она сидит на нем как влитая. Еще он берет перчатки, чтобы защитить от холода артритные пальцы. Снег по-прежнему не такой сильный, ветра нет совсем. К вечеру ситуация, конечно, изменится, но пока погулять по территории даже приятно.

Брейди идет к поленнице, прикрытой брезентом, на котором уже лежит пара дюймов свежего снега. Далее два или три акра старых сосен и елей разделяют «Рога и шкуры» и «Медвежий лагерь Большого Боба». Идеально для его плана.

Ему нужно заглянуть в оружейную комнату. Винтовка – это хорошо, но там есть и другие полезные вещи.

Что ж, детектив Ходжес, думает Брейди, спеша к двери охотничьего домика. Вас ждет сюрприз. Большой сюрприз.

23

Джером внимательно выслушивает все, что говорит ему Ходжес, потом качает головой:

– Нет, Билл, мне надо ехать.

– Что тебе надо, так это вернуться домой и побыть с семьей, – гнет свое Ходжес. – Прежде всего тебе надо побыть с сестрой. Вчера она едва не умерла.

Они сидят в углу вестибюля «Хилтона» и говорят шепотом, хотя пустует даже регистрационная стойка. Джером наклонился вперед, уперев руки в бедра, лицо у него хмурое и решительное.

– Если Холли едет...

– С нами другая история, – прерывает его Холли. – Ты должен это понимать, Джером. Я с матерью не дружу. Совсем. Вижу ее раз или два в год, не больше. Мне всегда хочется уехать из ее дома, и я уверена, что ей не терпится меня выпроводить. Что касается Билла... ты знаешь, он будет бороться со своей болячкой, но нам обоим известно, каковы его шансы. У тебя все иначе...

– Он опасен, – говорит Ходжес, – и мы не можем рассчитывать на элемент внезапности. Если он не знает, что я приеду за ним, то он глуп. А глупым он никогда не был.

– В Минго нас было трое, – напоминает Джером. – И когда вы выбыли из строя, мы с Холли пошли дальше. И у нас все получилось.

– В прошлый раз все было иначе, – говорит Холли. – В прошлый раз он не мог контролировать других людей.

– Я все равно хочу поехать.

Ходжес кивает:

– Понимаю, но я все еще главный, и я говорю «нет».

– Но...

– Есть и другая причина, – перебивает его Холли. – Более серьезная. Ретранслятор отключен и сайт закрыт, но остаются почти двести пятьдесят работающих «Заппитов». Один человек уже покончил с собой, и мы не можем рассказать полиции обо всем, что происходит. Изабель Джейнс думает, что Билл сует нос не в свои дела, а все остальные подумают, что мы рехнулись. Если с нами что-то случится, вся надежда только на тебя. Или ты этого не понимаешь?

– Я понимаю, что вы меня вышвыриваете, – говорит Джером. И сразу становится долговязым, худым подростком, которого Ходжес нанимал много лет назад, чтобы выкосить лужайку.

– Более того, – продолжает Ходжес. – Возможно, мне придется его убить. Собственно, я думаю, это наиболее вероятный исход.

– Господи, Билл, я это знаю.

– Но для копов и для всего мира человек, которого я убью, будет уважаемым нейрохирургом Феликсом Бэбино. Открыв агентство «Найдем и сохраним», я иной раз срезал кое-какие юридические углы, но это будет совсем другая история. Ты хочешь, чтобы тебе предъявили обвинения в пособничестве непредумышленному убийству, которое в этом штате определяется как противоправное лишение человека жизни в силу преступной халатности? Может даже, умышленному убийству?

Джером ежится.

– Однако вы готовы подвергнуть Холли такому риску.

– Это у тебя большая часть жизни еще впереди, – отвечает Холли.

Ходжес наклоняется вперед, хотя ему и больно, обхватывает ладонью крепкую шею Джерома.

– Я знаю, тебе это не нравится. Другого я и не ожидал. Но это правильно, и по веским причинам.

Джером задумывается, вздыхает.

– Я понимаю, о чем вы.

Ходжес и Холли ждут, оба знают, что этого недостаточно.

– Ладно. Мне это противно, но ладно.

Ходжес встает, прижимает руку к боку, чтобы сдержать боль.

– Тогда отправляемся за внедорожником. Буря надвигается, и мне хочется проехать как можно больше до встречи с ней.

24

Джером стоит, привалившись к капоту «рэнглера», когда Холли и Ходжес выходят из пункта проката с ключами от полноприводного «форда-экспедишн». Он обнимает Холли, шепчет на ухо:

– Последний шанс. Возьмите меня с собой.

Холли качает головой, прижатой к его груди.

Джером отпускает ее и поворачивается к Ходжесу, на голове которого старая шляпа с мягкими полями, уже побелевшая от снега. Ходжес протягивает руку:

– При других обстоятельствах я бы обнялся, но сейчас мне больно обниматься.

Джером ограничивается крепким рукопожатием. В его глазах – слезы.

– Будьте осторожны. Оставайтесь на связи. И привезите назад Холлиберри.

– Так и сделаю, – обещает Ходжес.

Джером наблюдает, как они садятся в «экспедишн». Билл – за руль, явно страдая от боли. Джером знает, что они правы: из всех троих он, пожалуй, единственный, кто не может себе позволить смертельный риск. Конечно, ему это не нравится, и он ощущает себя маленьким мальчиком, которого отправили к мамочке. Он бы поехал за ними, если бы не слова Холли, сказанные в вестибюле: *Если с нами что-то случится, вся надежда только на тебя.*

Джером садится в джип и едет домой. Когда он выезжает на Центральную магистраль, у него вдруг возникает дурное предчувствие: он никогда больше не увидит своих друзей. Джером пытается убедить себя, что это суеверная муть, но получается не очень.

25

К тому времени как Ходжес и Холли съезжают с Центральной магистрали на автостраду номер 47, держа путь на север, снег уже валит вовсю. Ходжесу вдруг вспоминается научно-фантастический фильм,

который он видел с Холли: момент, когда космический корабль «Энтерпрайз» переходит на гипердрайв, или как там это называлось. Мигают предупреждающие знаки: «СИЛЬНЫЙ СНЕГ» и «40 МИЛЬ В ЧАС», – но Ходжес разгоняется до шестидесяти и намерен проехать с такой скоростью как можно больше. Миль тридцать. Хотя бы двадцать. Водители редких попуток сигналижат, рекомендуя сбросить скорость, а обгоняя большущие фуры, Ходжес попадает в полосу слепящего снежного тумана, в котором замирает сердце.

Проходит полчаса, прежде чем Холли нарушает молчание:

– Ты ведь взял с собой оружие? Оно в мешке на завязках?

– Да.

Холли отстегивает ремень безопасности, заставляя Ходжеса занервничать, и выуживает мешок с заднего сиденья.

– Они заряжены?

– «Глок» – да. Тридцать восьмой тебе придется зарядить самой. Он для тебя.

– Я не знаю как.

Однажды Ходжес предлагал Холли пойти в тир, сделать первый шаг к получению разрешения на скрытое ношение оружия, но она категорически отказалась. Других попыток он не предпринимал, решив, что ей никогда не придется носить оружие. Что он никогда не поставит ее в такое положение.

– Разберешься. Это несложно.

Холли оглядывает «Виктори», держа пальцы подальше от спускового крючка, а ствол – от лица. Через несколько секунд ей удастся откинуть барабан.

– Отлично, теперь патроны.

В мешке две коробки патронов «Винчестер» тридцать восьмого калибра: пуля весом 130 гран^[53], в металлической оболочке. Холли открывает одну коробку, смотрит на патроны, торчащие, как миниатюрные боеголовки, и морщится.

– Фу-у-у.

– Ты справишься?

Они обгоняют очередную фуру, «экспедишн» исчезает в снежном тумане. Если на правой полосе, по которой едет фура, еще есть участки асфальта, то левая покрыта снегом полностью, и обгон длится целую вечность.

– Ты не про то, смогу ли я зарядить его, – сердито говорит Холли. – Я вижу, как это делается. Ребенок справится.

Иногда они справляются, думает Ходжес.

- Ты спрашивал, смогу ли я выстрелить в него.
- Думаю, до этого не дойдет, но если придется, сможешь?
- Да, – отвечает Холли и вставляет шесть патронов в гнезда барабана «Виктори». Возвращает барабан на место. Ее губы сжаты, глаза прищурены, словно она боится, что револьвер взорвется у нее в руке. – А где рычажок предохранителя?
- Его нет. На револьверах его вообще нет. Если курок не взведен, револьвер совершенно безопасен. Положи его в сумку. Вместе с патронами. Холли выполняет его указания, потом ставит сумку между ногами.
- И перестань кусать губы, не то потечет кровь.
- Я попытаюсь, но ситуация стрессовая, Билл.
- Знаю. – Они вновь на правой полосе. Отмеряющие мили столбы проплывают мимо с раздражающей неспешностью, а боль в боку напоминает раскаленную медузу, длинные щупальца которой, похоже, добрались до всего, даже до шеи. Однажды двадцать лет назад его ранил в ногу вор, которого загнали в угол на пустыре. Боль была похожей, но со временем она ушла. Ходжес не думает, что эта когда-нибудь уйдет. Таблетки смогут заглушить ее, но вряд ли надолго.
- А если мы найдем то место, а его там не будет, Билл? Ты об этом подумал? Или нет?
- Он подумал, но понятия не имеет, что им делать при таком раскладе.
- Давай не будем тревожиться раньше времени.
- Звонит мобильник. Он лежит в кармане пальто, Ходжес достает его и протягивает Холли, не отрываясь от дороги.
- Алло, это Холли. – Она слушает, потом одними губами говорит Ходжесу: «Мисс Красотка Сероглазка». – Ох... да... Конечно, я понимаю... нет, он не может, руки заняты, но я передам. – Вновь слушает, потом говорит: – Я могу сказать, Иззи, но ты мне не поверишь. – Она сует мобильник обратно в карман Ходжеса.
- Самоубийства? – спрашивает Ходжес.
- Уже три, считая мальчика, который застрелился на глазах отца.
- «Заппиты»?
- В двух местах из трех. В третьем посмотреть не успели. Попытались спасти подростка, но опоздали. Он повесился. Судя по голосу, Иззи на грани нервного срыва. Она хотела знать все.
- Если с нами что-то случится, Джером все расскажет Питу, а Пит – ей. Я думаю, она почти готова слушать.
- Мы должны его остановить, пока он не убил кого-то еще.
- Наверное, он занят этим прямо сейчас, думает Ходжес.

– Мы его остановим.

Они оставляют позади милю за милей. Ходжесу приходится снизить скорость до пятидесяти, а потом и до сорока пяти, когда он чувствует, что «экспедишн» начинает сносить с дороги при обгоне здоровенной фуры с прицепом и логотипом «Уол-марта» на бортах. Уже четвертый час, и свет снежного дня начинает меркнуть, когда Холли вновь нарушает тишину:

– Спасибо.

Ходжес на мгновение поворачивает голову, в его глазах – вопрос.

– За то, что не заставил слезно умолять взять меня с собой.

– Я делаю только то, что одобрил бы твой психоаналитик, – говорит Ходжес. – Обеспечиваю тебе шанс довести все до конца.

– Это шутка? Я никогда не знаю, когда ты шутишь, Билл. У тебя очень своеобразное чувство юмора.

– Никаких шуток. Это наше дело, Холли. И никого больше.

Из густой белизны выплывает зеленый щит-указатель.

– Семьдесят девятое шоссе, – говорит Холли. – Наш съезд.

– Слава Богу, – отвечает Ходжес. – Ненавижу ездить по автострадам, даже при ярком солнце.

Согласно айпаду Холли, «Гараж Терстона» находится в пятнадцати милях к востоку от автострады, но требуется полчаса, чтобы преодолеть их. «Экспедишн» легко справляется с засыпанной снегом дорогой, однако поднялся ветер – к восьми вечера, если верить прогнозу, он достигнет силы урагана – и при порывах стеной гонит снег. Всякий раз Ходжесу приходится снижать скорость до пятнадцати миль в час, пока не восстановится видимость.

Когда он сворачивает у большого желтого щита «ШЕЛЛ», звонит мобильник Холли.

– Ты поговори. – Ходжес открывает дверцу. – Я быстро.

Он вылезает из кабины, натягивает шляпу посильнее, чтобы не сдуло. Ветер молотит воротником по шее, пока Ходжес пробирается по снегу к конторке. Живот пульсирует болью. Он словно наглотался раскаленных углей. На заправке и в примыкающей парковочной зоне – только «экспедишн» с работающим на холостом ходу двигателем. Снегоочистительные машины давно разъехали: водители проведут долгую ночь, отработывая деньги в первую в этом году сильную снежную

бурю.

Поначалу у Ходжеса возникает дикая мысль, что за стойкой – Библиотечный Эл: те же мешковатые зеленые штаны, те же седые выющиеся волосы, торчащие из-под бейсболки «Джон Дир».

– Что принесло вас сюда в такой жуткий день? – спрашивает старик, потом смотрит за спину Ходжеса. – Или уже ночь?

– Что-то среднее, – отвечает Ходжес. На болтовню времени нет – в городе подростки выпрыгивают из окон и глотают таблетки, – но по-другому не получится. – Вы мистер Терстон?

– Он самый. Поскольку вы не подъехали к заправке, я уж подумал, что вы собрались ограбить меня, но для грабителя вид у вас больно преуспевающий. Из города?

– Да, – кивает Ходжес, – и если честно, тороплюсь.

– У городских по-другому и не бывает. – Терстон откладывает экземпляр «В поле и на реке»^[54]. – Так что вам нужно? Желаете спросить, как куда-то проехать? Друг, надеюсь, это место недалеко, потому что погода к дальним поездкам не располагает.

– Думаю, недалеко. Охотничий домик «Рога и шкуры». О чем-то говорит?

– Да, конечно, – кивает Терстон. – Докторское гнездо, неподалеку от «Медвежьего лагеря Большого Боба». Эти парни обычно заправляют здесь «ягуары» и «порше», по пути туда или обратно. – «Порше» в его исполнении вызывает ассоциации с просиженным креслом, с каких старики наблюдают за заходом солнца. – Впрочем, сейчас там никого нет. Охотничий сезон заканчивается девятого декабря, и я говорю об охоте с луком. Для огнестрельного оружия конец сезона – последний день ноября, а доктора пользуются карабинами. Большого калибра. Думаю, им нравится представлять, будто они в Африке.

– Здесь сегодня никто не останавливался? На старом автомобиле с пятнами грунтовки?

– Нет.

– Я видел этот автомобиль, дедушка, – вдруг говорит молодой парень, который выходит из гаража, вытирая руки тряпкой. – Древний «шевроле». Я стоял на площадке и разговаривал со Спайдером Уиллисом, когда он проехал мимо. – Парень поворачивается к Ходжесу. – Обратил внимание только потому, что в той стороне почти ничего нет, а автомобиль был не для езды по снегу, в отличие от вашего.

– Расскажите, как туда проехать?

– Проще простого, – отвечает Терстон. – Во всяком случае, при

хорошей погоде. По шоссе... – Он смотрит на молодого парня. – Как по-
твоему, Дуэйн, три мили?

– Скорее четыре, – отвечает тот.

– Что ж, поделим разницу и получим три с половиной, – продолжает
Терстон. – Вам нужны два красных столба по левую руку. Высокие, футов
по шесть, но снегоочистительные машины проехали по шоссе уже дважды,
поэтому смотреть вам надо внимательно, над сугробом будут видны только
верхушки. А сквозь сугроб придется пробиваться. Если только вы не
захватили лопаты.

– Я думаю, мой автомобиль с сугробом справится, – говорит Ходжес.

– Да, скорее всего даже бампер не помнете, потому что снег еще не
успел слежаться. Дальше проедете милю или две и попадете на развилку.
Одна дорога ведет в «Медвежий лагерь», вторая – в «Рога и шкуры». Какая
куда, точно не помню, но раньше там были стрелки-указатели.

– Они и сейчас есть, – вставляет Дуэйн. – «Медвежий лагерь» –
направо, «Рога и шкуры» – налево. Я знаю, потому что в прошлом октябре
ремонтников крышу «Медвежьего лагеря». Должно быть, дело у вас очень
важное, мистер, раз вы собрались туда в такой буря.

– Как думаете, мой автомобиль проедет по той дороге?

– Конечно, – отвечает Дуэйн. – Кроны задержат большую часть снега,
а дорога спускается к озеру. Однако выбраться будет сложнее.

Ходжес достает бумажник из заднего кармана – Господи, даже это
причиняет боль, – вынимает удостоверение полицейского детектива со
штампом «НА ПЕНСИИ» и одну из визиток агентства «Найдем и
сохраним». Кладет на стойку.

– Господа, вы умеете хранить секреты?

Оба кивают, на их лицах загорается любопытство.

– Понимаете, мне нужно вручить повестку. Это гражданское дело, и
речь идет о семизначной сумме. Мужчина, который проехал на
загрунтованном «шеви», – это врач по фамилии Бэбино.

– Вижу его каждый ноябрь, – говорит старший Терстон. – Он, знаете
ли, такой, – смотрит на других свысока. Но он ездит на «бумере».

– Сегодня он ездит на том, что попало под руку, – говорит Ходжес, –
и если я не вручу ему повестку в суд до полуночи, дело закроют, а одна не
слишком обеспеченная старушка останется без денег.

– Неправильное лечение? – спрашивает Дуэйн.

– Не хочу этого говорить, но другого не остается.

Это вы запомните, думает Ходжес. Это и фамилию Бэбино.

– У меня есть пара снегоходов, – говорит старик. – Могу дать вам

один, у «Арктик-кэт» высокое лобовое стекло. Поездка будет холодной, зато вы точно оттуда выберетесь.

Ходжес тронут – все-таки они с Терстоном впервые видят друг друга, – но качает головой. Снегоходы шумные, а он не сомневается, что человек, который сейчас находится в «Рогах и шкурах» – Брейди, или Бэбино, или некий симбиоз их обоих, – знает, что к нему скоро приедут. Но, надеется Ходжес, не знает другого: когда именно.

– Для меня и моей напарницы главное – попасть туда. О том, как выбираться, подумаем позже.

– Без лишнего шума. – Дуэйн подносит палец к губам и улыбается.

– Именно так. Кому я могу позвонить, если застряну на обратном пути?

– Звоните сюда. – Терстон протягивает визитку, взяв с пластмассового подноса у кассового аппарата. – Я пришлю Дуэйна или Спайдера Уиллиса. Возможно, они доберутся до вас только поздно вечером, и вам это будет стоить сорок долларов, но если на кону миллионы, думаю, вы можете себе это позволить.

– Мобильники там работают?

– Отличная связь в любую непогоду, – отвечает Дуэйн. – Сотовая вышка стоит на южном берегу озера.

– Приятно слышать. Спасибо. Спасибо вам обоим.

Он поворачивается, чтобы уйти, и старик говорит:

– Головной убор у вас не по погоде. Возьмите вот это. – Он протягивает Ходжесу вязаную шапочку с большим оранжевым помпоном. – Насчет ботинок, увы, ничем помочь не могу.

Ходжес благодарит, берет шапочку, снимает шляпу и кладет на прилавок. Чувствует, что это не к добру. Чувствует, что так и нужно.

– Залог, – говорит он.

Старик и внук улыбаются, причем внук демонстрирует при этом намного больше зубов.

– Пойдет, – кивает старик, – но вы на сто процентов уверены, что хотите добраться до озера, мистер... – смотрит на визитку, – мистер Ходжес? Потому что вид у вас больной.

– Это бронхит, – отвечает Ходжес. – Такое случается со мной каждую зиму. Еще раз благодарю вас обоих. И если доктор Бэбино вдруг позвонит...

– Я даже не скажу ему, который час, – продолжает старый Терстон. – Он из заносчивых.

Ходжес идет к двери, и тут его прознает боль, какой он еще не

испытывал. Внезапная огненная стрела проносится от живота до самой челюсти. Ходжес пошатывается.

– Эй, с вами все в порядке? – Старик выходит из-за прилавка.

– Да, все хорошо. – И как это далеко от правды. – Ногу свело. От долгой езды. Я вернусь за шляпой.

Если повезет, добавляет Ходжес мысленно.

– Ты пробыл там долго, – говорит Холли. – Надеюсь, рассказал им очень хорошую историю.

– Повестка. – Объяснять нет необходимости. Эту легенду они использовали неоднократно. Все готовы помочь, если в суд хотят вызвать кого-то другого. – Кто звонил? – Он думает, что Джером, – узнать, как они там.

– Иззи Джейнс. Они получили еще два сообщения о самоубийствах. Одно – попытка, второе – увы, успешное. Девушка, пытавшаяся покончить с собой, выпрыгнула из окна второго этажа. Приземлилась в сугроб и сломала несколько костей. А мальчишка повесился в стенном шкафу. Оставил на подушке записку. Имя «Бет» и разбитое сердце.

Колеса прокручиваются, когда Ходжес включает передачу и выезжает на шоссе. Ехать приходится с ближним светом. Дальний превращает падающий снег в сверкающую белую стену.

– Мы должны сделать все сами, – говорит Холли. – Если это Брейди, никто нам не поверит. Он прикинется Бэбино и придумает историю о том, как испугался и убежал.

– И не позвонил в полицию после того, как Библиотечный Эл убил его жену? – спрашивает Ходжес. – Не уверен, что это прокатит.

– Может, и нет, но вдруг он сумеет перебраться в кого-то еще? Мы должны сделать все сами, даже если это будет означать, что нас арестуют за убийство. Ты думаешь, такое может случиться, Билл? Если мы сделаем то, что должны?

– Об этом волноваться будем позже.

– Я не уверена, что выстрелю в человека. Даже в Брейди Хартсфилда, если он выглядит как кто-то еще.

– Об этом волноваться будем позже, – повторяет он.

– Отлично. И где ты взял эту шапку?

– Обменял на шляпу.

– Помпон выглядит глупо, но она, похоже, теплая.
– Отдать тебе?
– Нет. Но... Билл!
– Господи, Холли, что еще?
– Выглядишь ты ужасно.
– Лесть тебе не поможет.
– А тебе – сарказм. Ладно. Сколько нам ехать?
– Стороны пришли к согласию, что три с половиной мили по этому шоссе, а потом порядка двух по лесной дороге к охотничьему домику.

Пять минут они молчат, пробираясь сквозь валящий снег. А ведь снежная буря еще не достигла пика, напоминает себе Ходжес.

– Билл?
– Что?
– У тебя нет сапог, а у меня кончились «Никоретте».
– Закури косячок, почему нет? Но поглядывай при этом влево, чтобы не пропустить пару красных столбов. Они должны вот-вот показаться.

Холли не закуривает, но наклоняется вперед и смотрит влево. Когда «экспедишн» вновь заносит и задние колеса сначала скользят влево, а потом вправо, Холли этого словно не замечает. Через минуту говорит:

– Это они?

Они. Снегоуборочные машины завалили столбы, над сугробом торчит не больше восемнадцати дюймов, но они ярко-красные, и пропустить их или с чем-то спутать невозможно. Ходжес осторожно тормозит, останавливает «экспедишн», потом разворачивает к сугробу.

– Держись за свои вставные зубы, – говорит он Холли, как в далеком прошлом иногда говорил своей дочери на аттракционе «Дикие чашки» в парке развлечений «Лейквуд».

– У меня их нет, – отвечает Холли, которая все воспринимает буквально, но упирается рукой в приборный щиток.

Ходжес мягко нажимает педаль газа и едет в сугроб. Удара, которого он ожидает, нет. Терстон прав: снег не успел слежаться и теперь разлетается в обе стороны, засыпает ветровое стекло, на мгновение ослепляя Ходжеса. Ходжес переводит дворники в сверхбыстрый режим, и когда стекло очищается, «экспедишн» смотрит на уходящую в лес однополосную дорогу, покрытую снегом. Хлопья падают с переплетенных ветвей. Ходжес не видит следов автомобильных шин, но это ничего не значит. Конечно же, их замело.

Он выключает фары и продвигается с черепашьей скоростью. Белой полосы между деревьями достаточно для надежного ориентира. Дорога

кажется бесконечной. Полого уходит вниз, поворачивает, снова уходит вниз, но в конце концов выводит к развилке. Ходжесу не требуется поднимать голову и смотреть на указатели. Впереди слева, сквозь снег и темноту, виднеется слабое свечение. Это «Рога и шкуры», и там кто-то есть. Ходжес поворачивает руль, и «экспедишн» медленно едет по правой дороге.

Ни Ходжес, ни Холли не смотрят вверх и не замечают камеру видеонаблюдения, но камера их видит.

К тому времени когда Ходжес и Холли пробивают сугроб, оставленный снегоочистительными машинами, Брейди уже сидит перед телевизором. В зимнем пальто и сапогах Бэбино. Перчатки он снял на случай если придется пустить в ход «SCAR», а на ногу лежит черная балаклава. В нужный момент он намерен надеть ее, чтобы скрыть лицо и седые волосы Бэбино. Его глаза не отрываются от экрана, пальцы нервно крутят ручки и карандаши, которые торчат из керамического черепа. Смотреть нужно внимательно. Ходжес подъедет с выключенными фарами.

Взял ли он с собой ниггера-газонокосильщика? – гадают Брейди. Хорошо, если взял! Двое по цене...

А вот и он.

Брейди боялся, что детпен прошмыгнет мимо видеокамеры под снежной завесой, но совершенно напрасно. Внедорожник – большой черный прямоугольник, скользящий сквозь снег. Брейди наклоняется вперед, щурится, но не может разглядеть, сколько человек в кабине, один, два или полдюжины. У него есть «SCAR», с помощью этой винтовки он при необходимости сумеет выкосить целый взвод, но стрельба только испортит потеху. Ходжес ему нужен живым.

Во всяком случае, поначалу.

И еще один вопрос пока остается без ответа: повернет он налево, к охотничьему домику, или направо. Брейди ставит на то, что К. Уильям Ходжес выберет дорогу, которая ведет к «Медвежьему лагерю Большого Боба», и не ошибается. Как только внедорожник скрывается из виду, напоследок сверкнув тормозными огнями, Брейди ставит керамический череп с карандашами и ручками рядом с пультом дистанционного управления и берет штукину, которая дожидалась его на журнальном столике. Вещь, разрешенная законом при правильном использовании... вот

только Бэбино и ему подобные использовали ее иначе. Добрые доктора в лесу превращались в плохих парней. Штуковину эту Брейди надевает через голову, и она висит у него на груди, удерживаемая эластичной лентой. Потом он натягивает балаклаву, берет винтовку и выходит из дома. Сердце бьется быстро и гулко, артритные боли – во всяком случае, сейчас – не докучают его пальцам.

Мсть сладка, и час расплаты близок.

Холли не спрашивает Ходжеса, почему тот свернул направо. Она невротичка, но не дура. «Экспедишн» движется со скоростью пешехода. Ходжес постоянно смотрит налево, на огни. Поравнявшись с ними, останавливает внедорожник и глушит двигатель. Уже полностью стемнело, и когда Ходжес поворачивается к Холли, на мгновение ей кажется, что видит она не его лицо, а череп.

– Останешься здесь, – тихо говорит Ходжес. – Отправь эсэмэску Джерому, пусть знает, что мы на месте. Я пройду через лес и возьму его.

– Надеюсь, не живым?

– Нет, если увижу его с «Заппитом».

«Наверное, если не увижу – тоже нет, – думает Ходжес. – Рисковать мы не можем».

– Значит, ты веришь, что это он? Брейди?

– Даже если это Бэбино, он тоже вляпался. По уши. – Но да, в какой-то момент Ходжес перестал сомневаться, что разум Брейди Хартсфилда теперь в теле Бэбино. Интуитивная убежденность в этом крепла и крепла, пока не превратилась в факт.

Помоги мне Господь, если я убью его и окажусь не прав, думает он. Только как узнать наверняка? Никак.

Он ожидает протестов Холли, требований взять ее с собой, но она говорит:

– Не думаю, что смогу выбраться отсюда на этой громадине, если с тобой что-то случится, Билл.

Он протягивает ей визитку Терстона:

– Если я не вернусь через десять минут... нет, через пятнадцать, позвони этому парню.

– А если услышу выстрелы?

– Если стрелял я и у меня все в порядке, я посигналю из автомобиля

Библиотечного Эла. Дам два коротких гудка. Если не услышишь гудков, поезжай дальше, к Большому Бобу. Спрячься где-нибудь и звони Терстону.

Ходжес наклоняется через центральную консоль и впервые за все время их знакомства целует Холли в губы. Она слишком потрясена, чтобы ответить на поцелуй, но не отстраняется. Когда отстраняется он, она в замешательстве смотрит вниз и говорит первое, что приходит в голову:

– Билл, ты же в *туфлях*! Ты *замерзнешь*!

– Под деревьями снега не много, всего пара дюймов. – Да и вообще, замерзшие ноги – последнее, что его тревожит.

Он выключает в кабине свет. Когда вылезает из внедорожника, охнув от сдерживаемой боли, Холли слышит шум ветра в кронах хвойных деревьев, похожий на скорбный вой. Потом дверца захлопывается.

Холли сидит, наблюдая, как темная фигура сливается с темнотой между деревьями, и когда больше не может уловить движение в темноте, вылезает из кабины и идет по следам. «Смит-вессон» тридцать восьмого калибра, модель «Виктори», с которым отец Ходжеса выходил на патрулирование в пятидесятых годах, когда на месте Шугар-Хайтс рос лес, лежит в кармане ее пальто.

Ходжес медленно продвигается к свету «Рогов и шкур». Снег бьет в лицо, залепляет глаза. Огненная стрела вернулась, горит внутри. Поджаривает. По лицу течет пот.

Хотя бы ногам не жарко, думает он – и вдруг спотыкается о засыпанное снегом бревно и падает. Приземляется на левый бок и закусывает рукав пальто, чтобы не закричать. Горячая жидкость выплескивается в промежность. Обдулся. Обдулся, как младенец.

Когда боль чуть утихает, он поджимает ноги и пытается встать. Не может. Влага становится холодной. Он буквально чувствует, как его член сжимается, чтобы отдалиться от нее. Ходжес хватается за свисающую к земле ветку и вновь пытается встать. Ветка отламывается. Он тупо смотрит на нее, ощущая себя мультяшным персонажем – может, Хитрым Койотом, – и отбрасывает ветку в сторону. В этот момент чья-то рука подхватывает его.

Удивление Ходжеса столь велико, что он едва не вскрикивает. Холли шепчет ему в ухо:

– Оп-ля, Билл. Поднимайся.

С ее помощью ему это удастся. Свет уже близко, в каких-то сорока

ярдах за деревьями. Ходжес видит снег на волосах Холли и румянец на щеках. Почему-то вспоминает кабинет букиниста Эндрю Холлидея. Они с Холли и Джеромом нашли Холлидея мертвым на полу. Он велел им держаться подальше, но...

– Холли! Если я скажу тебе вернуться, ты это сделаешь?

– Нет. – Она говорит шепотом. Он тоже. – Тебе, вероятно, придется его застрелить – и без моей помощи ты туда не дойдешь.

– Ты должна быть моим резервом. Моей страховкой. – Пот льется с Ходжеса градом. Слава Богу, что пальто длинное. Он не хочет, чтобы Холли узнала, что он обмочился.

– Твоя страховка – Джером, – отвечает она. – Я – твоя напарница. Поэтому ты взял меня сюда, осознаешь ты это или нет. И я этого хочу. Всегда хотела. А теперь пошли. Обопрись на меня. Давай с этим покончим.

Они медленно продвигаются между деревьями. Ходжес не представляет, как Холли тащит его на себе. Они останавливаются на краю поляны у дома. Окна горят в двух комнатах. В одной свет более тусклый. Ходжес думает, что это кухня. Там всего одна лампа, вероятно, над плитой. В другом окне свет мерцает, возможно, из-за разожженного камина.

– Это наша цель. – Ходжес указывает на окно гостиной. – И теперь мы – солдаты в ночном дозоре. Это означает, что дальше мы ползем.

– А ты сможешь?

– Да. – Не исключено, что ползти будет легче, чем идти. – Видишь люстру?

– Да. По-моему из костей. Бр-р-р.

– Это гостиная, и он, вероятно, там. Если нет, подождем, пока он появится. Если у него будет «Заппит», я его застрелю. Никаких «руки вверх» или «лечь на землю, руки за голову». Возражения есть?

– Нет.

Они опускаются на четвереньки. Ходжес оставляет «глок» в кармане, чтобы уберечь от снега.

– Билл. – Шепот такой тихий, что он едва различает его в шуме ветра.

Ходжес поворачивается. Холли протягивает одну перчатку.

– Слишком маленькая, – говорит он и вспоминает слова Джонни Кокрана: «Раз перчатка не подходит, его надо оправдать»^[55]. Какие только мысли не приходят человеку в такие моменты! Но был ли в его жизни подобный момент?

– Натяни ее, – шепчет Холли. – Правая рука не должна замерзнуть.

Она права, и ему удастся натянуть перчатку. Она слишком маленькая, чтобы хватило на всю кисть, но пальцы защищены, а это главное.

Они ползут, Ходжес – немного впереди. Боль попрежнему сильная, но теперь, когда он на четвереньках, стрела во внутренностях тлеет, а не горит.

Надо собраться с силами, думает он. Накопить хоть немного.

От опушки до окна, за которым горит люстра, – сорок или пятьдесят футов, и рука без перчатки теряет чувствительность уже на полпути. Ходжес не может поверить, что притащил самого близкого ему человека в это место и в это время, и вдвоем они ползут по снегу, словно дети, играющие в войну, а до помощи – мили и мили. У него были на то причины, и они представлялись логичными в вестибюле отеля «Хилтон». Теперь эта логика утратила убедительность.

Он смотрит влево, на замерший, покрытый снегом «малибу» Библиотечного Эла. Смотрит вправо и видит заснеженную поленницу. Поворачивает голову к окну гостиной, затем вновь смотрит на поленницу, в голове раздаются тревожные звоночки, но чуть позже, чем следовало.

Следы на снегу. Он не мог увидеть их с опушки, а теперь видит отчетливо. Они ведут из-за дома к поленнице. Брейди вышел через кухонную дверь, думает Ходжес. Поэтому на кухне горит свет. «Мне следовало догадаться. Я бы догадался, если бы не боль».

Ходжес лезет за «глоком», но слишком маленькая перчатка замедляет движение, а когда он все-таки хватается за рукоятку и пытается вытащить пистолет, он застревает в кармане. Тем временем темная фигура возникает над поленницей и преодолевает разделяющие их пятнадцать футов в четыре огромных прыжка. Лицо – как у инопланетянина из фильма ужасов, лишенное черт, не считая круглых выпученных глаз.

– Холли, берегись!

Она поднимает голову навстречу прикладу винтовки. Раздается жуткий хруст, и она падает лицом в снег, руки разлетаются в стороны, словно у куклы-марионетки с обрезанными ниточками. Ходжес достает «глок» в тот самый момент, когда приклад опускается снова. Слышит и чувствует, как трещат кости запястья. Видит, как «глок» падает в снег и тонет в нем.

Стоя на коленях, Ходжес поднимает голову и смотрит на высокого мужчину – гораздо выше Брейди Хартсфилда, – стоящего перед распростертой, неподвижной Холли. На голове у мужчины – балаклава и очки ночного видения.

«Он увидел нас, как только мы вышли из-под деревьев, – с тоской думает Ходжес. – Возможно, прямо под деревьями, когда я натягивал перчатку Холли».

– Привет, детектив Ходжес.

Ходжес не отвечает. Гадает, жива ли Холли, а если жива, оправится ли от такого удара. Но разумеется, это глупые мысли. Брейди все равно не даст ей ни малейшего шанса.

– Ты идешь со мной в дом, – говорит Брейди. – Вопрос в том, берем ли мы с собой ее или оставляем здесь превращаться в сосульку. – И добавляет, словно читая мысли Ходжеса (насколько Ходжесу известно, он это может): – Она жива, во всяком случае, пока. Я вижу, как поднимается и опускается спина. Хотя после такого удара и лицом в снег, как знать, сколько еще она протянет.

– Я ее отнесу, – говорит Ходжес, и он отнесет. Чего бы это ему ни стоило.

– Хорошо. – Брейди отвечает без запинки, и Ходжес знает: именно этого он и добивался. Он на один шаг впереди. Как и прежде. И чья в этом вина?

«Моя. Исключительно моя. Я расплачиваюсь за то, что вновь решил изобразить Одинокого Рейнджера... но что еще мне оставалось? Кто бы мне поверил?»

– Поднимай ее, – приказывает Брейди. – Посмотрим, получится ли у тебя. Как я вижу, ты и сам едва стоишь на ногах.

Ходжес подсовывает руки под Холли. В лесу он не мог подняться после того, как упал. А тут собирает все силы и четко выполняет толчок: встает с обмякшим телом на руках. Его качает, он едва не падает, но ему удается устоять. Огненная стрела исчезла, положив начало лесному пожару, который теперь полыхает в животе. Но Ходжес крепко прижимает Холли к груди.

– Здорово. – В голосе Брейди слышится искреннее восхищение. – Теперь поглядим, донесешь ли ты ее до дома.

Каким-то чудом Ходжес справляется.

Дрова в камине пылают, в гостиной царит дурманящее тепло. Ходжес жадно хватается ртом воздух. Снег на одолженной вязаной шапке тает и струйками стекает по лицу. Ходжес добирается до середины комнаты, опускается на колени. Шея Холли у него на сгибе локтя, потому что его запястье сломано и раздувается, как сосиска. Но стараниями Ходжеса Холли не ударяется затылком о деревянный пол, и это хорошо. Ее голове в этот вечер и так досталось.

Брейди снимает пальто, очки ночного видения, балаклаву. Лицо Бэбино, волосы Бэбино (взлохмаченные) – но это Брейди Хартсфилд, будьте уверены. Последние сомнения Ходжеса исчезли.

– У нее есть оружие?

– Нет.

Человек, который выглядит Феликсом Бэбино, усмехается:

– Вот что я сделаю, Билл. Я обыщу ее карманы, и если найду оружие, всажу очередь в ее тощий зад. Как тебе такой расклад?

– У нее может быть револьвер тридцать восьмого калибра, – отвечает Ходжес. – Она правша, и если взяла револьвер с собой, он в правом кармане пальто.

Брейди наклоняется – винтовка нацелена на Ходжеса, палец на спусковом крючке, приклад упирается в грудь, – находит револьвер, быстро осматривает его, потом засовывает сзади под ремень. Несмотря на боль и отчаяние, Ходжесу смешно: Брейди, наверное, сотни раз видел, как плохие парни проделывали это в телевизионных детективах и боевиках, но на самом деле такое срабатывает только с плоскими автоматическими пистолетами.

Из груди лежащей на ковре Холли вырывается хрип. Одна нога дергается, вновь замирает.

– Что насчет тебя? – спрашивает Брейди. – Есть другое оружие? Скажем, пистолет, закрепленный на лодыжке?

Ходжес качает головой.

– Чтобы обойтись без ненужного риска, давай проверим. Подтяни штанины.

Ходжес подтягивает, показывая мокрые туфли, мокрые носки и ничего больше.

– Прекрасно. А теперьними пальто и брось на диван.

Ходжес расстегивает пальто, ему удается не издать ни звука, пока он неловко его снимает, но когда бросает, бычий рог пронзает внутренности от промежности до сердца, и Ходжес стонет.

Глаза Бэбино широко раскрываются.

– Действительно больно или притворяешься? Живой звук или «Меморекс»?^[56] Судя по тому, как ты похудел, я склонен думать, что не притворяешься. В чем дело, детектив Ходжес? Что у тебя за болячка?

– Рак. Поджелудочной железы.

– Боже, это плохо. Даже Супермену с ним не справиться. Но есть и светлая сторона. Возможно, я укорочу твои страдания.

– Со мной делай что хочешь, – говорит Ходжес. – Только ее оставь в

покое.

Брейди с интересом смотрит на лежащую на полу женщину.

– Послушай, а не она ли разнесла мою бывшую голову? – Фраза кажется ему забавной, и он смеется.

– Нет. – Мир то сужается, то расширяется в такт ударам сердца, ритм которому задает кардиостимулятор, словно Ходжес смотрит в видоискатель фотоаппарата с зум-объективом. – Тебя вырубила Холли Гибни. Она уехала к родителям в Огайо. Это Кара Уинстон, моя помощница. – Он сам не знает, откуда берется это имя, но произносит его без запинки.

– Помощница, которая решила отправиться на смертельно опасную миссию? Верится с трудом.

– Я пообещал ей премию. Ей нужны деньги.

– А где твой ниггер-газонокосильщик?

Ходжес задается вопросом, не сказать ли Брейди правду: Джером в городе, знает, что Брейди отправился в этот охотничий домик, и скоро сообщит об этом в полицию, если уже не сообщил. Но остановит ли это Брейди? Естественно, нет.

– Джером в Аризоне, строит дома. «Среда обитания для человечества».

– Какая сознательность. Я надеялся, что он приедет с тобой. Его сестре сильно досталось?

– Сломанная нога. Кость быстро срастет и будет как новенькая.

– Жаль.

– Ты на ней экспериментировал, так?

– Да, она получила один из первых «Заппитов». Их было двенадцать. Можно сказать, двенадцать апостолов, которые отправились в мир нести Слово. Сядь на кресло перед телевизором, детектив Ходжес.

– Может, без меня? Все мои любимые шоу показывают по понедельникам.

Брейди вежливо улыбается.

– Сядь.

Ходжес садится, опираясь здоровой рукой о стол рядом с креслом. Пока садился, боль едва не убивает его, потом становится чуть легче. Телевизор выключен, но Ходжес смотрит на экран.

– Где камера?

– На развилке. Над указателями. Не огорчайся из-за того, что не заметил ее. Камеру покрывал снег, виден был один объектив, а вы ехали с потушенными фарами.

– Внутри тебя осталось что-то от Бэбино?

Брейди пожимает плечами:

– Какие-то крохи. Время от времени раздается жалобный крик ошметка, который думает, что еще жив. Скоро это прекратится.

– Господи, – бормочет Ходжес.

Брейди опускается на одно колено, держа ствол винтовки на бедре и целясь в Ходжеса. Оттягивает воротник пальто Холли, всматривается в ярлычок.

– «Х. Гибни». Написано несмываемыми чернилами. Предусмотрительно. Никуда не денется после химчистки. Люблю людей, которые думают о мелочах.

Ходжес закрывает глаза. Боль очень сильна, и он отдал бы все, что у него есть, чтобы избавиться от нее, чтобы не видеть того, что сейчас произойдет. Отдал бы все, чтобы просто заснуть и спать, спать, спать. Но он открывает глаза и заставляет себя смотреть на Брейди, ведь играть нужно до конца. Так уж заведено: до самого конца.

– У меня полно дел в ближайшие сорок восемь или семьдесят два часа, детектив Ходжес, но я собираюсь отложить их, чтобы заняться тобой. Чувствуешь себя особенным? Должен чувствовать. Потому что за тобой должок, и немаленький.

– Не забывай, что это *ты* пришел ко *мне*, – говорит Ходжес. – Ты написал это глупое, хвастливое письмо. Не я.

Лицо Бэбино – грубоватое лицо немолодого характерного актера – темнеет.

– Полагаю, в этом ты прав, но посмотри, кто сейчас на коне. Посмотри, кто *выигрывает*, детектив Ходжес.

– Если убедить нескольких глупых, сбитых с толку подростков покончить с собой для тебя означает выигрыш, тогда да, полагаю, ты победил. По мне, это достижение не из крупных.

– Это *контроль*! Я устанавливаю *контроль*! Ты пытался остановить меня и не смог! Не смог! И она тоже! – Он пинает Холли в бок. Ее тело вяло перекатывается в сторону камина, потом занимает прежнее положение. Лицо посерело, закрытые глаза ввалились. – Если на то пошло, ее стараниями я стал только круче! Круче, чем был!

– Ради Бога, перестань ее пинать! – кричит Ходжес.

От злости и возбуждения Брейди лицо Бэбино наливается кровью. Его руки сжимают винтовку. Он делает глубокий вдох, еще один. Потом улыбается.

– Питаешь нежные чувства к мисс Гибни, да? – Он пинает ее снова, на этот раз в бедро. – Трахаешь ее? Верно? Внешность у нее так себе, но,

полагаю, в твоём возрасте не до капризов. Знаешь, как мы раньше говорили? Прикрой флагом лицо и трахай в его честь.

Брейди ещё раз пинает Холли, и его зубы обнажаются в оскале. Скорее всего это улыбка.

– Ты спрашивал, трахал ли я свою мать, помнишь? Приходя в мою палату, всегда спрашивал, трахал ли я единственного человека, который заботился обо мне. Говорил о том, какой пылкой она выглядела, о том, что она очень походила на шлюху. Ты спрашивал, не симулирую ли я. Говорил, очень надеешься, что я страдаю. А мне приходилось сидеть и выслушивать тебя.

Он поднимает ногу, чтобы снова пнуть Холли. Ходжес пытается его отвлечь.

– Там работала медсестра, Сейди Макдоналд. Ты убедил её покончить с собой? Ты, правильно? Она стала первой.

Брейди это нравится, он вновь демонстрирует дорогие зубы Бэбино.

– Это было легко. Это всегда легко, как только проникнешь в разум и переключишь рычаги управления на себя.

– Как ты это делаешь, Брейди? Как тебе удастся проникнуть в разум другого человека? Как ты сумел заполучить все эти «Заппиты» у «Санрайз солюннс» и модифицировать их? А сайт? Что ты с ним сделал?

Брейди смеется.

– Ты прочитал слишком много историй, в которых умный частный детектив убеждает безумного убийцу заливатья соловьем, пока не прибудет подмога. Или пока безумный убийца не потеряет бдительность и частный детектив не сможет схватиться с ним и обезоружить его. Я не думаю, что предвидится подмога, и, полагаю, сил у тебя не хватит даже на то, чтобы схватиться с карасем. А кроме того, большую часть ты уже знаешь. Иначе тебя бы здесь не было. Фредди все выболтала и – как говорил Снайдели Уиплэш^[57] – поплатится за это. В своё время.

– Она утверждает, что не создавала сайт.

– Для этого она мне и не требовалась. Я сделал это сам, в кабинете Бэбино, на его ноутбуке. Во время одной из отлучек из палаты двести семнадцать.

– Как насчет...

– Заткнись. Видишь стол рядом с собой, детектив Ходжес?

Стол вишневого дерева, как и буфет, выглядит дорогим, но на поверхности – множество выцветших кругов от стаканов, которые опускали на нее без подставок. Доктора, которым принадлежит этот охотничий домик, возможно, дотошны до мелочей в операционной, однако

здесь – просто неряхи. На столе – пульт дистанционного управления и керамический череп для карандашей и ручек.

– Открой ящик.

Ходжес открывает. Видит розовый «Заппит командер», который лежит на старом «ТВ-гиде» с Хью Лори на обложке.

– Достань и включи.

– Нет.

– Как скажешь. Тогда я сразу разберусь с мисс Гибни. – Брейди опускает винтовку и целится в шею Холли. – При стрельбе в автоматическом режиме голову ей просто оторвет. Залетит ли она в камин? Давай это выясним.

– Хорошо, – говорит Ходжес. – Хорошо-хорошо-хорошо.

Достает «Заппит» и находит наверху кнопку включения. Дисплей вспыхивает. Его пересекает красная диагональ буквы «зет». Ходжесу предлагают провести пальцем по экрану и получить доступ к играм. Он это делает без напоминания Брейди. Капли пота катятся по лицу. Никогда ему не было так жарко. Сломанное запястье пульсирует болью.

– Видишь иконку «Рыбалки»?

– Да.

Открывать «Рыбалку» ему хочется меньше всего на свете, но что делать, если альтернатива – сидеть со сломанным и распухшим запястьем и болью в животе, наблюдая, как свинцовый вихрь отрывает голову Холли от ее хрупкого тела? Выбора просто нет. А потом, он где-то читал, что человека нельзя загипнотизировать против его воли. Правда, игровая приставка Дайны Скотт едва не ввела его в транс, но тогда он не понимал, что происходит. Теперь Ходжес в курсе. И если Брейди подумает, что он в трансе, а на самом деле все будет иначе, тогда, возможно... только возможно...

– Я уверен, ты знаешь, что нужно делать. – Глаза Брейди сверкают – это глаза мальчишки, который вот-вот подпалит паутину, чтобы посмотреть, как поведет себя паук. Будет бегать по ней, пытаясь спастись, или просто сгорит. – Коснись пальцем иконки. Рыбы начнут плавать, зазвучит музыка. Стучи по розовой рыбе и складывай числа. Чтобы выиграть, нужно набрать сто двадцать очков за сто двадцать секунд. Если у тебя получится, я сохраню жизнь мисс Гибни. Если нет – посмотрим, на что способна эта штурмовая винтовка. Бэбино однажды видел, как из нее разнесли стену из бетонных блоков, поэтому можно представить, что она проделает с плотью.

– Ты не оставишь ее в живых, даже если я наберу тысячу, – отвечает

Ходжес. – Никогда в это не поверю.

Синие глаза Бэбино раскрываются в притворном изумлении.

– Но ты должен! Тем, какой я сейчас, я целиком и полностью обязан этой суке, которая лежит передо мной. Так что сохранить ей жизнь – самое малое, что я могу для нее сделать. При условии, что у нее нет мозгового кровотечения и она уже не умирает. А теперь перестань тянуть время. Играй. У тебя сто двадцать секунд с того момента, как твой палец коснется иконки.

Все пути отрезаны. Ходжес касается иконки. Экран темнеет. Следует синяя вспышка, такая яркая, что Ходжес прищуривается, а потом на экране начинают плавать рыбы, вправо и влево, вверх, вниз и поперек, оставляя серебристые шлейфы пузырьков. Звучит мелодия песни «У моря, у моря, прекрасного моря...»

Только это не *просто* музыка. В нее подмешаны слова. И в синих вспышках – тоже слова.

– Прошло десять секунд, – сообщает Брейди. – Тик-так, тик-так.

Ходжес стучит пальцем по розовой рыбе и промахивается. Он правша, и каждое прикосновение пальца к экрану усиливает пульсирующую боль в распухшем запястье, но боль эта – ничто по сравнению с болью, которая сейчас поджаривает его нутро, от паха до шеи. С третьей попытки он попадает по розушке (так он про них думает – розушки), и она превращается в цифру пять. Ходжес сообщает об этом вслух.

– Только пять очков за двадцать секунд? – Брейди качает головой. – Тебе надо прибавлять, детектив.

Ходжес увеличивает темп, его взгляд мечется вправо-влево, вверх-вниз. Он уже не щурится при вспышках, потому что привык к ним. Ловить рыб все легче. Они вроде бы становятся больше и не такими быстрыми. И музыка меняется, она словно окутывает его. *Со мною, со мною, ты рядом со мною*. Голос Брейди? Он поет под музыку, или это игра воображения? Живой звук или «Меморекс»? Думать об этом нет времени. Его все меньше.

Семь очков, потом четыре, наконец – удача! – двенадцать.

– У меня уже двадцать семь очков, – говорит Ходжес. Но двадцать семь ли? Он сбился со счета.

Брейди его не поправляет, только говорит:

– Осталось восемьдесят секунд. – Его голос – словно эхо, которое доносится с дальнего конца длинного коридора. А еще происходит чудо: боль в животе начинает уходить.

Ух ты, думает Ходжес. Надо обязательно поставить в известность

Американскую медицинскую ассоциацию.

Он ловит еще одну розушку. Она превращается в цифру два. Негусто, но рыб еще много. Более чем достаточно.

Тут у Ходжеса возникает ощущение, будто чьи-то пальцы осторожно шевелятся в его голове, и это не воображение. В его разум проникают. *Это было легко*, сказал Брейди о медсестре Макдоналд. *Это всегда легко, как только проникнешь в разум и переключишь рычаги управления на себя.*

И когда Брейди добрался до его рычагов?

«Он залезет в меня, как запрыгнул в Бэбино, – думает Ходжес... хотя осознание этого теперь схоже с голосом и музыкой, доносящимися с конца длинного коридора. В конце этого коридора – дверь в палату 217, и она открыта. – Почему он хочет это сделать? Почему хочет попасть в тело, которое превратилось в фабрику раковых клеток? Потому что хочет, чтобы я убил Холли. Не из оружия, его он мне никогда не доверит. Он использует мои руки, чтобы задушить ее, пусть у меня и сломано запястье. А потом оставит меня с тем, что я натворил».

– У тебя все идет отлично, детектив Ходжес, и в твоём распоряжении еще минута. Просто расслабься и продолжай ловить рыб. Когда ты расслаблен, получается лучше.

Голос доносится уже не с конца длинного коридора. Брейди стоит перед ним, но голос долетает из далекой-далекой галактики. Брейди наклоняется и с нетерпением всматривается в лицо Ходжеса. Только теперь рыбы плавают между ними. Розушки, и синюшки, и краснушки. Потому что Ходжес уже внутри игры. Он в аквариуме, и он – рыба. Скоро его съедят. Съедят заживо.

– Давай, Билли, стукни по розовой рыбе!

«Я не могу позволить ему войти в мой разум, – думает Ходжес, – но не могу и помешать».

Он стучит по розовой рыбе, она превращается в цифру девять, и он ощущает уже не чьи-то осторожные пальцы, а чужой разум, который начинает вливаться в него. Словно чернильное пятно, растекающееся в воде. Ходжес пытается бороться и знает, что проигрывает. Потому что вторгающийся разум обладает невероятной силой.

«Мне предстоит утонуть. Утонуть в игре, утонуть в Брейди Хартсфилде».

У моря, у моря, прекрасного моря...

Звенит разбивающееся стекло. Мальчишки радостно кричат: **«КРУГОВАЯ ПРОБЕЖКА!»**

Этот внезапный звон, эти громкие крики рвут телепатическую связь

между Ходжесом и Брейди. Ходжес дергается, выпрямляется, сидя на кресле. Брейди отшатывается, у него дикие глаза, рот изумленно раскрыт. Револьвер, который удерживал за поясом только короткий ствол – цилиндр под ремень не пролез, – от резкого движения падает на медвежью шкуру.

Ходжес не теряет ни секунды. Бросает «Заппит» в камин.

– *Не делай этого!* – ревет Брейди и поднимает винтовку. – *Не де...*

Ходжес хватается то, что под рукой, не револьвер, а керамический череп. С левым запястьем у него все в порядке, и расстояние невелико. Он бросает череп в украденное Брейди лицо, бросает со всей силы, и попадает точно в цель. Брейди кричит – от боли, но больше от шока, – и из его носа начинает хлестать кровь. Когда он вновь пытается нацелить на Ходжеса винтовку, тот поднимает согнутые в коленях ноги и, не обращая внимания на бычий рог в животе, с силой бьет ими в грудь Брейди. Того отбрасывает назад, он пытается сохранить равновесие, но натывается на пуфик и валится на пол.

Ходжес пробует встать, но только переворачивает стол, на который опирается. Падает на колени, а Брейди уже сидит, поднимая винтовку. Однако выстрел раздается до того, как он успевает нацелить винтовку на Ходжеса, и Брейди снова кричит. На этот раз только от боли. Не веря своим глазам, он смотрит на плечо: из дыры в рубашке льется кровь.

Холли сидит. Над левым глазом – здоровенная шишка, почти в том же месте, что и у Фредди. Сам глаз красный, залит кровью, зато второй блестящий и ясный. Холли двумя руками держит «Виктори» тридцать восьмого калибра.

– *Стреляй, Холли!* – кричит Ходжес. – *Стреляй!*

И когда Брейди поднимается – одна рука прижата к ране в плече, вторая держит винтовку, на лице – полнейшее изумление, – Холли стреляет вновь. Пуля пролетает выше, рикошетит от трубы из плитняка над ревушим огнем.

– Прекрати! – кричит Брейди, пригибаясь. Одновременно пытается поднять винтовку. – Немедленно прекрати, су...

Холли стреляет в третий раз. Рукав рубашки Брейди дергается, и он кричит. Ходжес не уверен, что она попала, но задела – точно.

Он встает и пытается броситься на Брейди, который вновь поднимает штурмовую винтовку, однако ноги с трудом его слушаются.

– Ты на линии огня! – кричит Холли. – *Билл, ты на долбаной линии огня!*

Ходжес падает на колени и наклоняет голову. Брейди поворачивается и бежит. Гремит револьверный выстрел. В футе справа от Брейди пуля расщепляет дверную раму. В следующее мгновение он исчезает. В

распахнутую входную дверь врывается холодный воздух, и языки пламени пускаются в безумный пляс.

– Я промахнулась! – в отчаянии кричит Холли. – Глупая и бесполезная! Глупая и бесполезная! – Она бросает револьвер и бьет себя по лицу.

Ходжес перехватывает ее руку, не позволяя проделать это снова, опускается рядом с ней на колени.

– Нет, один раз ты в него попала, а может, и два. Только благодаря тебе мы до сих пор живы.

Но сколько им осталось жить? Винтовка по-прежнему у Брейди, возможно, с запасной обоймой, а то и двумя, и Ходжес знает, что тот не врал насчет способности «SCAR17S» пробивать бетонные блоки. Видел, как аналогичная штурмовая винтовка, «НК 416», проделывала то же самое на частном стрельбище в округе Виктория. Он ездил туда с Питом, и на обратном пути они шутили, что следует сделать «НК» табельным оружием копов.

– Что дальше? – спрашивает Холли. – Что нам предпринять?

Ходжес берет у нее револьвер, откидывает барабан. Два патрона, и это оружие ближнего боя. У Холли как минимум сотрясение мозга, сам Ходжес практически выведен из строя. Горькая правда такова: у них был шанс, но Брейди ушел.

Ходжес обнимает Холли.

– Я не знаю.

– Может, нам спрятаться?

– Не думаю, что получится, – отвечает он, но не уточняет причину и рад, что она не задает больше вопросов. Дело в том, что в какой-то степени Брейди по-прежнему в его разуме. Возможно, ненадолго, но пока он там, и Ходжес подозревает, что это – маяк в ночи.

Брейди плетется по снегу – он доходит уже до середины голени – и все еще не верит в случившееся. Шестидесятитрехлетнее сердце Бэбино бухает в груди. На языке металлический привкус, плечо горит, а в голове бьется одна и та же мысль: *Эта сука, эта сука, эта мерзкая, пронирливая сука, почему я не убил ее, когда у меня был шанс?*

И «Заппита» больше нет. Старого доброго «Заппита-зеро», а запасного он с собой не привез. И теперь он лишен возможности проникнуть в разум

тех, кто активировал свои приставки. Тяжело дыша, Брейди стоит перед охотничьим домиком, без пальто, под сильным ветром и снегом. Ключи от автомобиля Зет-боя у него в кармане, вместе с запасной обоймой для винтовки, но какой прок от этих ключей? Колымага не одолеет и первый подъем.

Я должен их убить, думает он, и не только потому, что за ними должок. Внедорожник, на котором они приехали, – его единственное спасение, а ключ наверняка или у Ходжеса, или у этой суки. Возможно, они оставили ключ в замке зажигания, но идти туда и проверять – недопустимый риск.

Кроме того, он не собирается оставлять их в живых.

Он знает, что должен сделать, и переводит винтовку в режим автоматической стрельбы. Упирает приклад в здоровое плечо и начинает стрелять, ведет ствол слева направо, уделяя особое внимание гостиной.

Дульные вспышки освещают ночь, словно фотографируя падающий снег. Грохот оглушает. Окна взрываются внутрь, обшивка фасада взмывает в воздух, будто стая летучих мышей. Парадная дверь, оставшаяся приоткрытой после бегства Брейди, распахивается полностью, ударяется о стену и снова захлопывается. Лицо Бэбино перекошено ненавистью Хартсфилда, и он не слышит ни урчания приближающегося двигателя, ни лязга стальных гусениц.

– Ложись! – кричит Ходжес. – Холли, ложись!

Не ждет, послушает она его или нет, просто валит ее на пол и прикрывает своим телом. Над ними летают щепки, осколки стекла, куски камня. Голова лося падает со стены и приземляется на плиту перед камином. Один стеклянный глаз выбит пулей, и кажется, что лось подмигивает. Холли кричит. Полдюжину бутылок на буфете разбиваются, по гостиной расползаются запахи бурбона и джина. Пуля попадает в горящее бревно в камине, разваливая его надвое и выбивая фонтан искр.

«Пожалуйста, пусть у него будет только эта обойма, – думает Ходжес. – И если он сместит прицел ниже, пусть попадет в меня, а не в Холли».

Вот только «винчестер» триста восьмого калибра прошьет насквозь их обоих, и Ходжес это знает.

Грохот прекращается. Брейди перезаряжает винтовку – или у него

закончились патроны? Живой звук или «Меморекс»?

– Билл, встань с меня. Я не могу дышать.

– Лучше не надо, – отвечает он. – Я...

– Это что? Что это за звук? – спрашивает Холли и тут же отвечает на свой вопрос: – Сюда кто-то едет.

Теперь Ходжес тоже слышит. Поначалу думает, что это внук Терстона на одном из снегоходов, о которых упоминал старик, и через минуту-другую его изрешетят пулями за попытку изобразить доброго самаритянина. А может, и нет. Судя по звуку, двигатель слишком мощный для снегохода.

Яркий желто-белый свет вливается в разбитые окна, словно от прожекторов полицейского вертолета. Только это не вертолет.

34

Брейди вставляет в гнездо запасную обойму, когда наконец слышит рев и скрежет. Поворачивается – при этом раненое плечо дергает, как больной зуб – и видит на дороге огромный силуэт. Яркие фары ослепляют. Тень Брейди прыгает по сверкающему снегу, а тот, кто приехал, направляется к расстрелянному дому, и снег летит из-под металлических гусениц. А потом Брейди вдруг осознает, что водитель не просто едет к дому. Он хочет раздавить его, Брейди.

Брейди нажимает спусковой крючок, и винтовка принимается грохотать. Теперь Брейди видит ярко-оранжевую кабину, высоко поднятую над гусеницами. Ветровое стекло разлетается, и кто-то, спасаясь от пуль, выпрыгивает через боковую дверцу.

Но чудовище продолжает движение. Брейди пытается убежать, однако поскальзывается на снегу. Взмахивает руками, глядя на приближающиеся фары, падает на спину. Незванный оранжевый гость нависает над ним. Брейди видит вращающуюся стальную гусеницу. Пытается оттолкнуть ее, как иногда отталкивал вещи в палате – жалюзи, простыни, дверь в ванную, – но с тем же успехом можно пытаться отбиться зубной щеткой от льва. Брейди поднимает руку и набирает полную грудь воздуха, чтобы закричать. Но тут гусеница снегомобиля «такер-сноукэт» прокатывается по животу, превращая его в кровавое месиво.

35

У Холли нет ни малейших сомнений относительно их спасителя, так что она не ждет ни секунды. Выбегает через входную дверь, выкрикивая его имя. Поднявшийся Джером выглядит так, будто его засыпало сахаром. Холли и рыдает, и смеется, когда бросается ему в объятия.

– Как ты понял? Как ты понял, что надо приехать?

– Это не я, – отвечает он. – Барбара. Когда я позвонил сказать, что еду домой, она велела мне ехать за вами, иначе Брейди вас убьет... только она называла его Голосом. Не находила себе места от страха.

Ходжес, с трудом передвигая ноги, медленно направляется к ним, но он достаточно близко, чтобы услышать последние слова. Он вспоминает, как Барбара сказала Холли, что в какой-то степени Голос, побуждавший ее к самоубийству, по-прежнему в ней. Как маленький склизкий след. Ходжес знает, о чем она говорила, потому что и у него ощущение, будто в голове остается какая-то мерзкая мысль-слизняк. Может, Барбаре хватило этой связи, чтобы узнать про засаду Брейди.

Черт, а может, дело лишь в женской интуиции. Ходжес действительно в нее верит. Представитель старой школы.

– Джером, – говорит он. Точнее, хрипит. – Мой мальчик. – Его колени подгибаются. Он оседает в снег.

Джером высвобождается из железных объятий Холли и в самый последний момент успевает подхватить Ходжеса.

– Вы в порядке? Я знаю, что нет, но вас не подстрелили?

– Нет. – Здоровой рукой Ходжес обнимает Холли. – И мне следовало знать, что ты придешь. Что вам ни говори, все сделаете наоборот.

– Мы же не можем подвести команду перед заключительным концертом, верно? – Джером улыбается. – А теперь давайте...

Слева от них раздается звериный, хриплый стон, словно кто-то хочет произнести что-то, но не может.

Ходжес измотан до потери сознания, однако идет на звук. Потому что...

Что ж, потому что.

Он говорил об этом Холли, когда они ехали сюда, верно? Это их дело, и они должны завершить его.

Украденное тело Брейди вскрыто до позвоночника. Внутренности лежат вокруг, как крылья красного дракона. Дымящаяся кровь впитывается в снег. Но глаза открыты, Брейди в сознании, и Ходжес тут же чувствует проникающие в разум пальцы. Только теперь они не крадутся. Они мечутся, пытаясь за что-то ухватиться. Ходжес отшвыривает их с той же легкостью, что и санитар, протиравший пол в палате 217.

Выплевывает разум Брейди, как арбузную косточку.

– Помогите мне, – шепчет Брейди. – Вы должны мне помочь.

– Думаю, тебе уже не поможешь, – отвечает Ходжес. – Тебя переехало, Брейди. Тебя переехала очень тяжелая машина. И теперь ты знаешь, какие при этом ощущения, правда?

– Больно, – шепчет Брейди.

– Да, – кивает Ходжес. – Могу представить.

– Если вы не можете мне помочь, пристрелите меня.

Ходжес протягивает руку, и Холли кладет в нее револьвер тридцать восьмого калибра, как медсестра, передающая хирургу скальпель. Ходжес откидывает барабан, вынимает один из двух оставшихся патронов. Потом возвращает барабан на место. И хотя это больно, чертовски больно, Ходжес опускается на колени и вкладывает отцовский револьвер в руку Брейди.

– Сделай это сам, – говорит он. – Ты всегда этого хотел.

Джером стоит рядом наготове, на случай если Брейди захочет всадить последнюю пулю в Ходжеса. Но Брейди не хочет, он пытается приставить револьвер к своей голове. Не получается. Рука дергается, но не поднимается. Он снова стонет. Кровь льется по нижней губе, вытекая из рта Феликса Бэбино. Его впору и пожалеть, думает Ходжес, если не знать, что он натворил у Городского центра, что пытался натворить в аудитории Минго, какой маховик самоубийств раскрутил сегодня. Этот маховик замедлит скорость и остановится, потому что приводной ремень обрезан, но число жертв увеличится, Ходжес в этом не сомневается. Самоубийства не всегда безболезненны, но точно заразительны.

Его бы и пожалеть, но он монстр, думает Ходжес.

Холли опускается на колени, сгибает руку Брейди, поднося дуло к виску.

– Давайте, мистер Хартсфилд, – говорит она. – Остальное вы должны сделать сами. И пусть Господь пожалеет вашу душу.

– Надеюсь, что не пожалеет, – чеканит Джером. В свете фар «сноукэта» кажется, что его лицо высечено из камня.

Долгое время слышно только урчание мощного двигателя снегомобиля да завывание снежной бури.

Холли говорит:

– Господи, его палец даже не на спусковом крючке. Кто-то должен мне помочь. Не думаю, что я...

Гремит выстрел.

– Последний фокус Брейди, – резюмирует Джером. – Господи Иисусе!

Дойти до автомобиля Ходжес, конечно, не может, но Джерому удается поднять его в кабину «сноукэта». Холли устраивается рядом с ним у пассажирской дверцы. Джером поднимается в кабину с другой стороны и садится за руль. Включает передачу. И хотя поначалу едет задним ходом, по широкой дуге объезжая останки Брейди, просит Холли не открывать глаза, пока они не преодолеют первый подъем.

– Мы оставляем кровавые следы.

– Бр-р-р.

– Правильно, – кивает Джером. – Бр-р-р.

– Терстон сказал мне, что у него снегоходы, – говорит Ходжес. – И не упомянул этот танк.

– Это «такер-сноукэт», и ты не предложил в залог свою кредитную карточку. Не говоря уж о прекрасном джипе «рэнглере», на котором я без проблем доехал до «Гаража Терстона».

– Он действительно мертв? – спрашивает Холли. Ее бледное лицо повернуто к Ходжесу, гигантская шишка на лбу словно пульсирует. – Окончательно и навсегда?

– Ты видела, как он пустил себе пулю в висок.

– Да, но он умер? Окончательно и навсегда?

Ходжес утаивает ответ: нет, еще не окончательно. Должна уйти слизь, которую Брейди оставил в разуме одному богу известно скольких людей, ее должно смыть удивительной способностью мозга к самовосстановлению. Но через неделю, максимум через месяц, от Брейди в этом мире не останется и следа.

– Да, – говорит Ходжес. – Кстати, Холли. Спасибо тебе за рингтон для эсэмэски. Насчет круговой пробежки.

Холли улыбается.

– Кто прислал? Я про эсэмэску.

Ходжес, морщась от боли, достает мобильник из кармана пальто, открывает полученную эсэмэску.

– Будь я проклят! – Начинает смеяться. – Я совершенно забыл!

– Что? Покажи мне, покажи мне, покажи!

Он поворачивает мобильник так, чтобы она смогла прочитать сообщение, отправленное его дочерью Элисон из Калифорнии, где, без сомнения, светит солнце:

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ПАПУЛЯ!
70 ЛЕТ, А ТЫ СИЛЬНЫЙ И БОДРЫЙ!
СПЕШУ В МАГАЗИН, ПОЗВОНЮ ПОЗЖЕ. ХХХ ЭЛЛИ

Впервые после возвращения Джерома из Аризоны дает о себе знать Тайрон Филгуд Делайт:

– Семьдесят годов, масса Ходжес? Шутка, да? Тебе никак не дашь больше шестидесяти пяти!

– Прекрати, Джером, – возмущается Холли. – Я знаю, тебя это забавляет, но звучит неграмотно и глупо.

Ходжес смеется. От смеха внутри все болит, но он ничего не может с собой поделать. До самого «Гаража Терстона» ему удастся оставаться в сознании. Он даже несколько раз затягивается косячком, который раскуривает Холли. Потом в глазах начинает темнеть.

Может, это и есть смерть, думает он.

С днем рождения, думает он.

Дальше – темнота.

Позже

Четыре дня спустя

Питер Хантли куда хуже знаком с топографией Мемориальной больницы Кайнера, чем его давний напарник, который часто приходил сюда, чтобы навестить одного постоянного пациента, уже покинувшего этот мир. Чтобы добраться до нужного места, Питу приходится сделать две остановки: у главной регистрационной стойки и в онкологическом отделении. Но в палате Ходжеса нет. Связка воздушных шаров с надписью «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ПАПУЛЯ» привязана к одному из оградительных поручней кровати и плавает под потолком.

В палату заглядывает медсестра, видит Пита, уставившегося на пустую кровать, и улыбается:

– Вам в солярий в конце коридора. Они там празднуют. Думаю, вы как раз вовремя.

Питер идет в указанном направлении. В солярии световой люк и много растений. То ли чтобы подбодрить пациентов, то ли чтобы добавить им кислорода, а может, и для того, и для другого. У одной стены четыре человека играют в карты. Двое лысые, один – с капельницей. Ходжес сидит под световым люком и нарезает куски торта своим гостям: Холли, Джерому и Барбаре. Кермит, похоже, решил отрастить бороду, и она снежно-белая. Пит вдруг вспоминает, как ходил в торговый центр с детьми, чтобы показать им Санта-Клауса.

– Пит! – Ходжес широко улыбается. Начинает вставать, но Пит в знак протеста машет ему рукой. – Присядь, съешь кусок торта. Элли принесла его из «Пекарни Батула». Ее любимая кондитерская. Всегда ходила туда, пока не выросла.

– Где она? – спрашивает Пит, пододвигая стул и садясь рядом с Холли. У нее повязка на голове, а у Барбары гипс на ноге. Только Джером цел и невредим, но Пит знает, что его едва не изрешетило пулями около того охотничьего домика.

– Этим утром улетела обратно в Калифорнию. Сумела вырваться только на два дня. В марте у нее трехнедельный отпуск, и она говорит, что вернется. Если потребуется.

– А как ты?

– Неплохо. – Его взгляд смещается вверх и влево, но только на

секунду. – Мной занимаются три врача-онколога, и первые результаты анализов обнадеживают.

– Это прекрасно. – Пит берет отрезанный Ходжесом кусок. – Слишком большой.

– Будь мужчиной! Кто сказал, что будет легко? – отвечает Ходжес. – Послушай, насчет тебя и Иззи...

– Мы поладили, – отвечает Пит, пробует торт. – Вкусно. Что может быть лучше морковного торта с глазурью из сливочного сыра для сахара в крови?

– А твоя прощальная вечеринка...

– Состоится. Официально ее никто не отменял. Я по-прежнему рассчитываю, что ты произнесешь первый тост. И не забудь...

– Да-да, там будет твоя бывшая жена и нынешняя подружка, поэтому ничего скабрезного. Помню, помню.

– Я рад, что в этом вопросе у нас полное взаимопонимание.

Слишком большой кусок торта стремительно уменьшается. Барбара как зачарованная наблюдает за процессом.

– У нас неприятности? – спрашивает Холли. – Да, Пит?

– Нет, – отвечает Пит. – Никаких обвинений против вас не выдвинут. Собственно, я и пришел, чтобы сказать вам об этом.

Холли с облегчением откидывается на спинку стула, отбрасывает со лба прядь седеющих волос.

– Готов спорить, все повесили на Бэбино, – говорит Джером.

Пит нацеливает на него пластмассовую вилку.

– Истину глаголешь ты, юный воин-джедай.

– Вам, возможно, интересно узнать, что Йоду озвучивал знаменитый кукольник Фрэнк Оз. – Холли оглядывает собравшихся. – Я нахожу это интересным.

– А я нахожу интересным торт, – говорит Пит. – Можно еще маленький кусочек? Тоненький ломтик?

Барбара выполняет его просьбу, и это вовсе не тоненький ломтик, но Пит не возражает. Откусывает и спрашивает, как ее дела.

– Хорошо, – отвечает за сестру Джером. – У нее теперь бойфренд. Его зовут Дирус Невилл. Звезда школьного баскетбола.

– Замолчи, Джером. Он не мой бойфренд.

– А приходит часто, как бойфренд. – Джером улыбается. – Каждый день с тех пор, как ты сломала ногу.

– Нам надо о многом поговорить, – с оскорбленным видом заявляет Барбара.

– Возвращаясь к Бэбино, – говорит Пит, – хочу отметить, что видеокamеры службы безопасности больницы зафиксировали его приход в больницу в ночь убийства жены. Он переоделся уборщиком. В служебной раздевалке. Ушел, вернулся минут через пятнадцать – двадцать, переоделся в обычную одежду и покинул больницу.

– Больше никаких записей? – спрашивает Ходжес. – Скажем, в Ведре?

– Да, запись есть, но лица не видно, потому что он натянул бейсболку «Сурков», и нельзя утверждать, что именно он входит в палату Хартсфилда. Адвокат защиты мог бы этим воспользоваться, но раз Бэбино не предстанет перед судом...

– Всем на это плевать с высокой башни, – заканчивает Ходжес.

– Именно. И город, и штат с превеликой радостью свалили все на него. Иззи счастлива, и я тоже. Я бы мог вас спросить – строго конфиденциально, – действительно ли Бэбино умер на поляне у охотничьего домика, но на самом деле не хочу этого знать.

– А как в этот расклад вписывается Библиотечный Эл? – спрашивает Ходжес.

– Никак. – Пит отставляет бумажную тарелку. – Прошлой ночью Элвин Брукс покончил с собой.

– Господи! – выдыхает Ходжес. – В тюрьме?

– Да.

– За ним не организовали круглосуточного наблюдения? После всего, что произошло?

– Организовали, и никому из заключенных не полагалось иметь при себе ничего режущего или колющего, но Брукс как-то раздобыл шариковую ручку. Может, дал охранник или кто-то из сокамерников. Разрисовал буквой «зет» всю камеру, койку и себя. Потом достал металлический стержень и...

– Хватит! – останавливает его Барбара. В зимнем свете ее лицо кажется сероватым. – Мы поняли.

– То есть по общему мнению... он был кем? Сообщником Бэбино?

– Находился под его влиянием, – отвечает Пит. – Или они оба находились под чьим-то влиянием, но давай в это не углубляться, хорошо? Остановимся на том, что к вам троим вопросов нет. Правда, на этот раз ни наград, ни городских льгот...

– Это нормально, – говорит ему Джером. – Мы с Холли еще четыре года можем бесплатно ездить на автобусах.

– Но ты не ездишь, потому что в городе тебя не бывает, – напоминает ему Барбара. – Мог бы отдать проездной мне.

– Его нельзя передавать кому-то, – самодовольно заявляет Джером. –

Пусть лучше будет у меня. Не хочу, чтобы у тебя возникали проблемы с законом. А кроме того, скоро ты будешь повсюду ездить с Дирисом. Только не заезжай слишком далеко, если ты понимаешь, о чем я.

– Ты ведешь себя как ребенок. – Барбара поворачивается к Питу. – И сколько было самоубийств?

Пит вздыхает.

– Четырнадцать за последние пять дней. У девяти оказались «Запиты», которые тоже вырубались. Старшему было двадцать четыре, младшему – тринадцать. Один – мальчишка, семья которого, по словам соседей, помешалась на религии. Рядом с ними христиане-фундаменталисты выглядели либералами. Он прихватил с собой родителей и младшего брата. Пустил в ход дробовик.

Все пятеро какое-то время молчат. За столиком слева картежники громко смеются над чем-то.

Молчание нарушает Пит:

– А всего было больше сорока попыток.

Джером удивленно присвистывает.

– Да, я знаю. Этого нет в газетах, и телеканалы придержали информацию, даже «Убийство и хаос». – Так в полиции называли независимый кабельный канал Даблью-кей-эм-эм, чьим девизом было «Кровавые новости самые интересные». – Однако, разумеется, часть этих попыток, а может, и большинство, широко обсуждается в социальных сетях, и это приводит к новым. Ненавижу сети. Но все успокоится. Со вспышками самоубийств так бывает всегда.

– Со временем, – соглашается Ходжес. – Но с социальными сетями или без них, с Брейди или без него, самоубийства – часть жизни.

Произнося эти слова, он смотрит на картежников, особенно на двух лысых. Один выглядит неплохо (в том же смысле, в каком Ходжес неплохо себя чувствует), второй – мертвенно-бледный, с запавшими глазами. «Одной ногой в могиле, второй – на банановой кожуре» – как сказал бы отец Ходжеса. Новая мысль, которая приходит к нему, слишком сложна – слишком переполнена злостью и печалью, – чтобы озвучивать ее. Она о людях, которые беззаботно транжирят то, за что другие продали бы душу: здоровье. И почему? Потому что слепы, слишком расстроены или зациклены на себе, чтобы вспомнить, что ночь неминуемо ведет к рассвету. Который обязательно наступит, если человек продолжит дышать.

– Еще торта? – спрашивает Барбара.

– Нет. Должен бежать. Но я распишусь на твоём гипсе, если будет дозволено.

– Пожалуйста, – улыбается Барбара. – Напишите что-нибудь остроумное.

– Ты требуешь от него невозможного, – говорит Ходжес.

– Придержи язык, Кермит. – Пит опускается на колено, словно намереваясь предложить руку и сердце, что-то осторожно пишет на гипсе Барбары. Закончив, встает и смотрит на Ходжеса: – А теперь скажи мне правду о своем самочувствии.

– Оно чертовски хорошее. Мне выдали пластырь, который нейтрализует боль гораздо лучше, чем таблетки, и завтра меня выписывают. С нетерпением жду встречи с собственной постелью. – Он замолкает, потом добавляет: – Я справлюсь с этим.

* * *

Пит ждет лифта, когда его догоняет Холли.

– Для Билла это очень важно. И то, что ты пришел к нему, и то, что хочешь, чтобы он произнес первый тост.

– Дела у него не очень?

– Да. – Пит пытается обнять Холли, но она отступает на шаг. Правда, позволяет ему быстро пожать ей руку. – Не очень.

– Дерьмо.

– Да, дерьмо. Дерьмо – правильное слово. Он этого не заслуживает, но раз так случилось, ему нужны друзья, которые его поддержат. Ты поддержишь, правда?

– Конечно. И не списывай его в тираж, Холли. Пока есть жизнь, есть надежда. Я знаю, это штамп, но... – Он пожимает плечами.

– Я и *надеюсь*. Кто-кто, а Холли надеяться умеет.

Не скажешь, что она совсем не в себе, думает Пит, но, конечно, она странноватая. Надо отметить, ему это нравится.

– Проследи, чтобы в своем тосте он обошелся без скабрзностей.

– Обязательно.

– И кстати, он пережил Хартсфилда. Что бы теперь ни случилось, он это сделал.

– У нас всегда будет Париж, детка, – говорит Холли голосом Богарта.

Да, все-таки она странноватая. Точнее, особенная.

– Послушай, Гибни, ты тоже должна заботиться о своем здоровье. Что бы ни случилось. Он сильно огорчится, если ты этого не сделаешь.

– Я знаю, – отвечает Холли и возвращается в солярий, чтобы вместе с

Джеромом убрать после празднования дня рождения. Она говорит себе, что это не обязательно последний день рождения, пытается убедить себя в этом. Полностью не удастся, но она надеется, а это Холли умеет.

Восемь месяцев спустя

Когда Джером появляется на кладбище Светлый луг, через два дня после похорон, ровно в десять, Холли уже там, на коленях в изголовье могилы. Она не молится – сажает хризантему. Не поднимает голову, когда на нее падает тень. Она и так знает, кто пришел. Об этой встрече они договорились после того, как она сказала, что не уверена, сможет ли продержаться до конца похорон. «Я попытаюсь, но у меня плохо получается. Возможно, мне придется уйти».

– Их сажают осенью, – говорит она теперь. – Я мало что знаю о растениях, поэтому купила руководство. Написано так себе, зато легко следовать указаниям.

– Это хорошо. – Джером садится в противоположной стороне, где начинается травяной газон.

Холли осторожно разглаживает землю руками, по-прежнему не глядя на Джерома.

– Я сказала тебе, что могу уйти. Все тарацились на меня, когда я уходила, но я просто не могла остаться. Если бы осталась, они захотели бы, чтобы я встала у гроба и говорила о Билле, а я бы не смогла. Слишком много людей. Готова спорить, его дочь до сих пор в бешенстве.

– Может, и нет, – отвечает Джером.

– Я ненавижу похороны. В первый раз я приехала в этот город на похороны, ты это знал?

Джером знал, но молчит, давая ей закончить.

– Умерла моя тетя. Мать Оливии Трелони. Там я и встретила Билла, на похоронах. Я сбежала и оттуда. Сидела за похоронным бюро, курила, чувствовала себя ужасно, и там он меня нашел. Ты понимаешь? – Наконец она смотрит на него. – Он меня *нашел*.

– Да, Холли. Я понимаю.

– Он открыл мне дверь. Дверь в большой мир. Помог прижиться в нем.

– Со мной та же история.

Она сердито вытирает глаза.

– Это просто долбаное дерьмо.

– Ты все говоришь правильно, но он бы не хотел, чтобы ты дала задний ход. Совершенно бы не хотел.

– Я и не собираюсь, – говорит она. – Знаешь, компанию он оставил мне. Деньги по страховке и все остальное пошло Элли, но компания моя. Одной мне не справиться, поэтому я спросила Пита, не хочет ли он работать со мной. Хотя бы на условиях частичной занятости.

– И он?..

– Он согласился, потому что пенсионная скука уже достала его. У нас все получится. Я буду отыскивать по компьютеру мошенников и авантюристов, а он будет их ловить. Или вручать им повестки в суд, если потребуется. Но все будет по-другому. Работать для Билла... работать с Биллом... это были самые счастливые дни моей жизни. Наверное, только эти дни моей жизни и были счастливыми. Я чувствовала... я не знаю...

– Что тебя ценят? – подсказывает Джером.

– Да! Что меня ценят.

– И правильно, – кивает Джером, – потому что ты была очень ценной помощницей. И остаешься.

Она придирчиво оглядывает посаженное растение, отряхивает землю с рук и колен, садится рядом с Джеромом.

– Он держался хорошо, правда? В самом конце.

– Да, – соглашается Джером.

– Ага. – Она слабо улыбается. – Так сказал бы Билл: не «да», а «ага».

– Ага, – соглашается Джером.

– Джером? Ты меня обнимешь?

Он обнимает.

– Когда мы впервые встретились – когда нашли программу, загруженную Брейди в компьютер моей кухни Оливии, – я тебя боялась.

– Я знаю.

– Но не потому, что ты черный...

– От черного хорошего не жди. – Джером улыбается. – Думаю, мы с этим разобрались еще в самом начале.

– Просто ты был незнакомцем. Человеком *со стороны*. Я боялась и незнакомых людей, и незнакомых вещей. До сих пор боюсь, но не так, как раньше.

– Знаю.

– Я любила его. – Холли смотрит на хризантему – яркий оранжево-красный шар на фоне серого могильного камня, на котором выбито: «КЕРМИТ УИЛЬЯМ ХОДЖЕС». И под датами: «ПОСТ СДАЛ». – Я так сильно любила его.

– Да, – кивает Джером. – Я тоже.

Она смотрит на него, на ее лице – испуг и надежда, и под седеющими

пряжками оно кажется детским.

– Ты всегда будешь моим другом, правда?

– Всегда. – Он сжимает ее плечо, пугающе хрупкое. За последние два месяца болезни Ходжеса она похудела на десять футов, хотя не могла себе этого позволить. Джером знает, что мать и Барбара поставили перед собой цель подкормить ее. – Всегда, Холли.

– Я знаю.

– Тогда почему спрашивала?

– Потому что так приятно услышать это от тебя.

Пост сдал, думает Джером. Тяжело это видеть, но все правильно. Правильно. И лучше, чем похороны. Быть здесь с Холли, в это солнечное утро конца лета, гораздо лучше.

– Джером! Я не курю.

– Хорошо.

Какое-то время они сидят, глядя на хризантему, пылающую у надгробного камня.

– Джером?

– Что, Холли?

– Ты хотел бы пойти со мной в кино?

– Да, – отвечает он и тут же поправляется: – Ага.

– Кресло между нами оставим пустым. Поставим на него наш попкорн.

– Хорошо.

– Потому что я терпеть не могу ставить его на пол, где бегают тараканы, а может, и крысы.

– Я тоже это терпеть не могу. Что ты хочешь посмотреть?

– Что-нибудь такое, что заставит нас смеяться, смеяться и смеяться.

– Мне подходит.

Джером улыбается ей. Холли улыбается ему. Они покидают Светлый луг и вместе выходят в большой мир.

30 августа 2015 г.

От автора

Спасибо Нэн Грэм, которая редактировала эту книгу, и всем моим друзьям в «Скрибнере», включая – но не ограничиваясь – Каролин Райди, Сюзан Молдоу, Роз Липпел и Кэти Монагэн. Спасибо Чаку Верриллу, моему давнему агенту (это важно) и моему давнему другу (еще более важно). Спасибо Крису Лоттсу, который продает зарубежные права на мои книги. Спасибо Марку Ливенфусу, который приглядывает за моими коммерческими делами и не упускает из виду «Хейвен фаундейшн», что помогает внештатным актерам ловить удачу, и «Кинг фаундейшн», что помогает школам, библиотекам и пожарным депо маленьких городов. Спасибо Марше Дифилиппо, моему компетентному личному помощнику, и Джули Югли, которая делает все, не сделанное Маршей. Без них я бы погиб. Спасибо моему сыну Оуэну Кингу, который прочитал рукопись и дал важные рекомендации. Спасибо моей жене Табите, которая тоже дала ценные ответы... в том числе предложила правильное название.

Особая благодарность – Рассу Дорру, который бросил карьеру фельдшера, чтобы стать моим гуру в подборе необходимых материалов. В этой книге он сделал больше, чем всегда, терпеливо объясняя мне, как пишутся компьютерные программы, как их можно переписывать и распространять. Без Рассы роман «Пост сдал» получился бы намного скучнее. Должен добавить, что в некоторых случаях я сознательно изменял некоторые компьютерные протоколы, чтобы они соответствовали моему тексту. Технически грамотные индивидуумы это заметят. Просто не вините Рассу.

И вот что еще. «Пост сдал» – вымысел, но высокий процент самоубийств, как в Соединенных Штатах, так и в других странах, где читают мои книги, – реальность. Номер горячей линии Национальной службы предотвращения самоубийств – настоящий. Это 1-800-273-TALK. Если у вас дерьмовое настроение (как сказала бы Холли Гибни), позвоните туда. Потому что жизнь может стать лучше, и если вы даете ей шанс, так обычно и происходит.

Стивен Кинг

От переводчика

Пользуясь случаем, переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего Ольге Бугровой из Москвы, Александру Викторову из Москвы, Дмитрию Витеру из Москвы, Антону Галаю из Харькова, Антону Егорову из Тулы, Ольге Исаковой из Екатеринбурга, Петру Кадину из Северодвинска, Эрику М. Кауфману из Санкт-Петербурга, Николаю Козлову из Ногинска, Егору Куликову из Томска, Сергею Ларину из Рязани, Валерию Ледовскому из Ставрополя, Андрею Лукичеву из Люберец, Андрею Михалицыну из Москвы, Лизе Пинаевой из Бендер, Анастасии Садовой из Саратова, Валентине Сидоровой из Москвы, Надежде Симкиной из Химок), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру – Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Сергея Тихоненко и Екатерины Лян, усилиями которых эту работу удалось провести.

notes

Примечания

Перевод Эрика М. Кауфмана.

Американская группа, исполнявшая преимущественно кантри-рок (1994–2010). Ее создали Грейди Кросс, Коди Кэнада и Рэнди Рэгсдейл. Их имена и составили ее название. – *Примеч. ред.*

То есть анорексичка. Впервые это выражение использовано Томом Вулфом в романе «Костры амбиций». – *Здесь и далее примеч. пер.*

Шокджей – радиоведущий, шокирующий слушателей высказываниями на грани (или за гранью) фола, чтобы поднять популярность программы.

«Фрейтлайнер» – крупнейший американский производитель грузовиков и тягачей. Выпускает также автомобили «скорой помощи».

РВП – расчетное время прибытия.

«Инсайд вью» – популярный таблоид во вселенной Стивена Кинга. Специализация – кровавые и страшные истории, в том числе о похищениях людей инопланетянами.

«Пи-джи типс» – чай компании «Брук бонд».

Такой песни скорее всего нет, зато есть песня известного исполнителя кантри Робби (Роберта) Фулкса (р. 1963) «Она выпила слишком много таблеток и умерла».

ДЕФКОН (DEFense readiness CONdition – готовность обороны (англ.)) – шкала готовности вооруженных сил Соединенных Штатов Америки. ДЕФКОН-1 – максимальная боеготовность.

«Головное ведро» – защитный шлем.

Медсестра Гнусен – персонаж романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом» (1962).

«Young Rascals» («Молодые мошенники») – американская рок-группа, выступавшая под таким названием в 1964–1972 гг.

Имеется в виду популярный медицинский сайт, на котором можно найти описание болезней, симптомов и обследований, а также контактную информацию врачей.

«Повод для смеха» – американская юмористическая программа, выходившая в эфир в 1967–1973 гг. на канале Эн-би-си.

«У прекрасного моря» – популярная песня, написанная в 1914 г. Музыка Гарри Кэрролла (1892–1962), слова Гарольда Р. Эттриджа (1886–1938).

Имеется в виду сайт «Bad-medicine.com».

«Улиточная почта» – шутливое название обычной почты в сравнении с электронной.

Хайди – девочка-сирота, которую воспитывал дед. Героиня одноименной повести швейцарской писательницы Йоханны Спири (1827–1901).

Так называют вращающийся поднос для приправ.

Отсылка к одноименному американскому фильму (1969) и песне Фредди Меркьюри (1988).

Так же называется книга американского писателя Б. П. Райтера.

«Среда обитания для человечества» – международная благотворительная организация, занимающаяся строительством недорогих и удобных для проживания домов. Основана в 1976 г.

«Черноватый» – комедийный сериал о жизни чернокожей семьи, почти утратившей свои корни.

«Последнее дело Трента» – роман английского писателя Эдмунда Бентли (1875–1956).

Безделица, безделушка, стук, скрежет (*англ.*).

Отсылка к популярному в свое время в Сети видео «*Honey Badger – He don't give a shit*».

Строка из стихотворения Роберта Фроста.

Отсылка к фразе Бенджамина Франклина: «Мы все рождаемся глупыми, но оставаться глупым – это выбор».

Атлас, Чарлз (наст. имя – Анджело Сицилиано, 1892–1972) – создатель бодибилдинга и связанной с ним программы физических упражнений.

Эрп, Уайетт (1848–1929) – американский слуга закона и картежник времен освоения американского Запада. Получил широкую известность благодаря книгам и кинофильмам в жанре вестерн.

Сайт badconcert.com («Плохой-концерт точка ком») на момент перевода этой книги поисковик находил, но доступа не было. Зарегистрирован 16 июня 2015 г. Стивеном Кингом.

«Конец буквы «зет» точка ком».

34

По Фаренгейту. Примерно 26,7 °C.

Способ действия (*лат.*).

Более подробно о корпорации «Шарп сириэлс» – в романе Стивена Кинга «Куджо».

Отсылка к фильму Квентина Тарантино «Убить Билла – 1».

«Фойт корпорейшн» – известная американская корпорация по производству спортивных товаров.

Фраза из английской детской песенки «На рынок, на рынок».

Маршон Линч (р. 1986) – игрок Национальной футбольной лиги, нападающий.

Реймонд Кац – главный герой мультипликационного комедийного сериала «Доктор Кац, профессиональный психоаналитик» (1995–1999 гг.).

Me2 / me too – я тоже, CU L8er / see you later – увидимся позже (*англ.*).

«Не бойся Жнеца» – песня американской рок-группы «Blue Öyster Cult».

Руткит – набор программных средств, скрывающих последствия взлома.

Паттер – короткая клюшка для гольфа.

46

По Фаренгейту; примерно – 6,7 °C.

Руни, Энди (1919–2011) – автор и ведущий популярной рубрики «Несколько минут с Энди Руни» в информационной программе «60 минут».

Номер один, самый важный человек (*исп.*).

«Буги-вуги-горнист» – *главный хит музыкального трио «The Andrews Sisters»* и культовая песня времен Второй мировой войны. Впервые исполнена в 1941 г.

«Элвис покинул здание» – фраза, которую Аль Дворин, постоянный ведущий концертов Элвиса Пресли, часто произносил по окончании выступления, чтобы убедить зрителей разойтись.

Строки из стихотворения Т. С. Элиота «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока» (1915).

Джон Шафт – чернокожий детектив, герой книг и фильмов.

Примерно 8,4 г.

«В поле и на реке» – американский журнал об охоте, рыбалке и прочих видах активного отдыха.

«Раз перчатка не подходит, его надо оправдать» – один из аргументов знаменитого американского адвоката Джонни Кокрана, приведших к оправдательному приговору футболисту О. Дж. Симпсону.

«Живой звук или “Меморекс”?» – в 1970–1980 гг. слоган американской компании «Меморекс», который впервые появился в рекламе аудиокассет.

Снайдели Уиплэш – один из антигероев мультипликационного сериала «Приключения Рокки и Буллвинкля» (1959–1964).